ISSN 2304-0076

Семинар имени академика В. В. Седова

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Институт археологии РАН
Археологический центр Псковской области
Псковский археологический центр
Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова

Выпуск 40

Материалы 70-го заседания
(22–24 апреля 2025 г.)

ИА РАН

Москва • Псков
2025

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Ответственный редактор ***Н. В. Лопатин***, к. и. н. (Москва)
Ответственный секретарь ***Е. В. Салмина***, к. и. н. (Псков)

Редакционная коллегия

П. Г. Гайдуков, чл.-корр. РАН, д. и. н. (Москва), ***Т. Ю. Закурина***, к. и. н. (Псков), ***И. В. Исланова***, д. и. н. (Москва), ***Э. В. Королёва***, к. и. н. (Псков), ***Л. Я. Костючук***, д. ф. н., профессор (Псков), ***М. И. Кулакова***, к. и. н. (Псков), ***И. К. Лабутина***, к. и. н., профессор (Псков), ***Е. Р. Михайлова***, к. и. н. (Санкт-Петербург), ***Вл. В. Седов***, чл.-корр. РАН, д. иск. (Москва), ***А. А. Селин***, д. и. н., профессор (Санкт-Петербург), ***Е. В. Торопова***, к. и. н. (Великий Новгород), ***Н. В. Хвощинская***, д. и. н. (Санкт-Петербург), ***Е. А. Яковлева*** (Псков)

Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Выпуск 40. Материалы 70-го заседания (2025 г.). М., Псков: ИА РАН, 2025. 320 с.: ил.

Ежегодник издается по материалам регулярного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли», основанного в 1980 г. выдающимся ученым Валентином Васильевичем Седовым и ныне носящего его имя. В ежегоднике публикуются результаты исследований по археологии, истории, палеоантропологии и архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры Северо-Запада России и соседних территорий.

Archaeology and History of Pskov and Pskov Land: Annual of the Academician V. V. Sedov Seminar. Issue 39. Proceedings of the Session 70 (2025)

The annual is based on the papers from the regular seminar “Archaeology and History of Pskov and Pskov Land”, founded in 1980 by the outstanding scholar Valentin V. Sedov and now bearing his name. The yearbook contains research materials on archaeology, history, paleoanthropology and architecture of Pskov and Pskov land, as well as a variety of cultural history issues concerning the North-Western Russia and neighbouring territories.

Издано при финансовой поддержке Правительства Псковской области,
за счет средств подпрограммы «Наследие» государственной программы «Культура,
сохранение культурного наследия и развитие туризма на территории области»

ISSN 2304-0076
ISBN 978-5-94375-517-0
DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2025
© ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», 2025
© АНО «Псковский археологический центр», 2025
© ГБУК «Псковский государственный объединенный историко-
архитектурный и художественный музей-заповедник», 2025
© Авторы статей, 2025

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Кулакова М. И. Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2024 г. 7
Романовский А. Б., Аракчеева И. С., Васильев М. А., Журавлева Ю. И., Подгорная Р. Г., Салмин С. А., Салмина Е. В. Предварительные результаты археологического изучения участка Петровского посада на Плехановском VI раскопе в г. Пскове в 2024 г. 19
Кононович Е. Ю., Бажин М. И. Предварительные результаты археологических исследований на ул. Кузнецкой в г. Пскове в 2024 г. 39
Михайлов А. В. Археологические исследования у ц. Николы со Усохи в 2023–2024 гг. 51
Колпакова Ю. В., Фисенко А. В. Резные наперсные кресты из района Завеличье г. Пскова (Климентовский-13 раскоп 2024 г.) 66
Журавлева Ю. И. Селище в д. Брод Печорского района Псковской области. Итоги обследования в 2024 г. 79
Калинина Е. М. Результаты археологической разведки в восточной округе Изборска в 2022 году 92
Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Находка узколезвийного топора у д. Городище Плюсского района Псковской области 102
Калинина Е. М. Детали костюма жителей Прибалтики и Северной Европы XVI–XIX вв. в материалах раскопок 2022–2024 гг. в г. Печоры Псковской области 110

ИСТОРИЯ ПСКОВЩИНЫ: ГОРОД, ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Седов Вл. В. Ранние стены Псковского Крома по исследованиям С. А. Тараканової 120
Салмина Е. В., Салмин С. А. Новые данные о фортификационных сооружениях псковского Крома: археологические исследования 2016 г. 138
Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. Рельефные изображения крестов в Изборске. Размышления у крепостной стены 153
Колпакова Ю. В. Каменные кресты в стенах четверика Никольского собора в Старом Изборске 165
Романовский А. Б., Пежемский Д. В. Западный склеп у храма Косьмы и Дамиана с Гремячей горы в Пскове: данные истории и палеоантропологии 180
Постников А. Б. Новое о псковских палатах Елагина XVII в., перестроенных в дом Н. А. Беклешова 194
Попов М. Е. Производство и клеймение кирпича в Пскове и окрестностях в XIX – начале XX в. 218
Егоров А. А. Довмонтов город в переписке В. Д. и С. В. Белецких с Л. А. Твороговым 231

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОСЕДИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

Александровский А. Л., Кренке Н. А. Археологические признаки средневековых полей и огородов по материалам раскопок в Смоленске, Старой Ладоге, Великом Новгороде и Москве 243
Колосницына Е. Е., Колосницын П. П. Археологические предметы из войлока (находки из Старой Руссы) 252
Гофман Г. С., Яковлева Е. А. Порховская крепость. Первый строительный период 266
Сорокин П. Е., Андреева О. В., Матвеев В. Н. Стекло из раскопок г. Ниена и крепости Ниеншанц 282
Лопатин Н. В. Из истории производства игрушек на ленинградском заводе «Красный треугольник» 300

Список сокращений 320

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Contents

ARCHAEOLOGY OF PSKOV AND PSKOV LAND

Kulakova M. I. Archaeological Research in Pskov and Pskov Region in 2024 7
Romanovsky A. B., Arakcheeva I. S., Vasiliev M. A., Yu. I. Zhuravleva, Podgornaya R. G., Salmin S. A., Salmina E. V. Results of an Archaeological Study of the Petrovskiy Posad Site at the Plekhanovsky VI Excavation Site in Pskov in 2024 19
Kononovich E. Yu., Bazhin M. I. Results of Archaeological Research in Kuznetskaya Street in Pskov in 2024 39
Mikhailov A. V. Archaeological research at the Church of St. Nicholas from the Usokha in 2023–2024 51
Kolpakova Yu. V., Fisenko A. V. Carved Pectoral Crosses from the District of Zavelichye in Pskov (Klimentovsky-13 Excavation, 2024) 66
Zhuravleva Yu. I. Settlement in the village of Brod, Pechory District, Pskov Region. 2024 Survey Results 79
Kalinina E. M. Results of the Archaeological Survey in the Eastern District of Izborsk in 2022 92
Mikhailova E. R., Sobolev V. Yu. Discovery of a Narrow-bladed Axe near the Village of Gorodishche, Plyussky District, Pskov Region 102
Kalinina E. M. Details of the Costume of the Inhabitants of the Baltic and Northern Europe in the 16th–19th Centuries in the Materials of the 2022–2024 Excavations in Pechory, Pskov Region 110

HISTORY OF PSKOV LAND: THE CITY, THE LAND AND PEOPLE

Sedov V. V. Early Walls of the Pskov Krom according to the Research of S. A. Tarakanova 120
Salmina E. V., Salmin S. A. New Data on the Fortifications of the Pskov Krom: Archaeological Investigations of 2016 138
Potravnov A. L., Khmelnik T. Yu. Relief Crosses in Izborsk. Reflections at the Fortress Wall 153
Kolpakova Yu. V. Stone Crosses in the Narthex of St. Nicholas Cathedral in Old Izborsk 165
Romanovsky A. B., Pezhemsky D. V. The Western Crypt at the Church of Cosmas and Damian from Gremyachaya Hill in Pskov: Historical and Paleoanthropological Data 180
Postnikov A. B. New Information about the 17th-Century Elagin Chambers in Pskov, Rebuilt into Bekleshov N. A.'s House 194
Popov M. E. Brick Production and Stamping in Pskov and its Neighborhood in the 19th – early 20th Centuries 218
Egorov A. A. Dovmont's Town in Correspondence of V. D. and S. V. Beletsky with L. A. Tvorogov 231

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

NEIGHBOURS OF PSKOV LAND IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

Alexandrovskiy A. L., Krenke N. A. Archaeological Attributes of Medieval Fields and Vegetable Gardens Based on Excavation Materials in Smolensk, Staraya Ladoga, Veliky Novgorod and Moscow 243
Kolosnitsyna E. E., Kolosnitsyn P. P. Archaeological Objects Made of Felt (Finds from Staraya Russa) 252
Gofman G. S., Yakovleva E. A. Porkhov Fortress. First Construction Period 266
Sorokin P. E., Andreeva O. V., Matveev V. N. Glass from the Excavations of the City of Nien and the Nienschanz Fortress 282
Lopatin N. V. From the History of Toy Production at the Leningrad "Red Triangle" Plant 300

Abbreviations 320

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

АРХЕОЛОГИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

М. И. Кулакова

Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2024 г.

Резюме. В статье приведен обзор основных археологических работ (раскопки, разведки), проведенных сотрудниками государственного бюджетного учреждения культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области», Автономной некоммерческой организации «Псковский археологический центр» и ООО «Псковская областная археологическая экспедиция» в 2024 г. на территории г. Пскова и Псковской области.

Ключевые слова: Псков, Псковская область, спасательные раскопки, археологические разведки, определение границ территорий памятников археологии.

M. I. Kulakova. Archaeological Research in Pskov and Pskov Region in 2024

Abstract. The article provides an overview of the main archaeological works (excavations, explorations) conducted by the staff of the Pskov Region State Budgetary Cultural Institution "Archaeological Center of the Pskov Region"; the Autonomous Non-Profit Organization "Pskov Archaeological Center"; and the LLC "Pskov Regional Archaeological Expedition" in 2024 in the city of Pskov and the Pskov Region.

Keywords: Pskov, Pskov region, rescue excavations, archaeological explorations, determination of the boundaries of the territories of archaeological sites.

В настоящей статье приведены краткие сведения о работах, которые проводились ГБУК ПО АЦПО, АНО «Псковский археологический центр» и ООО «Псковская областная археологическая экспедиция» в 2024 г. на территории Пскова и области. Общая площадь раскопов – 2607 кв. м, количество индивидуальных находок – чуть более 3000 единиц. Работы проведены на 4 площадках в городе и на трех памятниках археологии в области.

Раскопки на территории г. Пскова

В границах памятника археологии «Культурный слой древнего Пскова» в 2024 г. раскопками изучено чуть менее 2072 кв. м (рис. 1: *1, 2, 3, 4*).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.7-18

Рис. 1. Схема расположения раскопов 2024 г. на территории Пскова: *1* – раскопы у ц. Николы со Усохи (г. Псков, ул. Советская, д. 19); *2* – Климентовский-13 раскоп (г. Псков, ул. Красноармейская наб., д. 19); *3* – Плехановские-6–10 раскопы (г. Псков, ул. Кузнецкая, д. 33); *4* – Плехановский-11 раскоп (г. Псков, ул. Плехановский посад, д. 9)

Раскоп у церкви Николы со Усохи (рис. 1: *1*) (г. Псков, ул. Советская, 19, общая площадь исследований – 704 кв. м (4 раскопа), руководитель работ – А. В. Михайлов)[1].

Климентовский-13 раскоп (рис. 1: *2*) (г. Псков, ул. Красноармейская набережная, 19 А, площадь исследований – 245 кв. м, руководитель работ – А. В. Фисенко). Располагался на склоне береговой террасы р. Мирожки (приток р. Великой). Перепад высот дневной поверхности с запада на восток достигал 2,5 м, уклон на уровне материка в среднем составил 1,5 м. Мощность антропогенных отложений на раскопе – 0,5–1,5 м (наибольшая мощность фиксировалась в западной части раскопа, в верхней части склона). Мощность культурного слоя в среднем – 0,2–0,4 м. В ходе исследования были выявлены

[1] Результаты работ на раскопах у церкви Николы со Усохи представлены в настоящем сборнике в статье А. В. Михайлова.

Рис. 2. Климентовский-13 раскоп. Общий вид на момент завершения работ. Вид с востока

и изучены 66 материковых ям. Наиболее значимым стало обнаружение трех выдолбленных в известняковом материке подвальных помещений, представляющих собой единый жилой комплекс второй половины XV–XVII вв. Подвальные ямы были заглублены в материк на 1,2–2,3 м (рис. 2). Раскоп на всей площади был доведен до материка, за исключением наиболее глубокого подвального помещения – «Постройка 1а». Работы в нем пришлось остановить из-за подпора грунтовых вод на уровне горизонта ее разрушения (2,3 м от уровня материка).

Раскопки на ул. Кузнецкой, д. 33. В полевом сезоне 2024 г. самыми масштабными работами в городе стали исследования на ул. Кузнецкой, рядом с домом № 33 (рис. 1: *3*). Раскопки проводились на участке, отведенном под строительство здания гостиницы. Общая исследованная площадь в границах строительного котлована составила более 2800 кв. м. В границах котлована было заложено 5 раскопов. Исполнителями работ выступали ГБУК ПО АЦПО (Плехановский-6 раскоп, площадь 990 кв. м) и ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) (Плехановские-7–10 раскопы, общая площадь – более 1800 кв. м)[2].

[2] Результаты исследований на Плехановских-6–10 раскопах представлены в настоящем сборнике в статьях А. Б. Романовского и др. (раскоп Плехановский-6) и Е. Ю. Кононович, М. И. Бажина (раскопы Плехановские-7–10).

Рис. 3. Плехановский-11 раскоп на уровне раскрытия остатков жилого дома XVIII–XX вв. (пласт 3). Вид с запада

Плехановский-11 раскоп (рис. 1: *4*) (г. Псков, ул. Плехановский посад, 9, площадь – 133 кв. м, руководитель работ – А. В. Фисенко). Располагался севернее блока Плехановских-6–10 раскопов и предварял строительство жилого дома.

В ходе раскопок исследованы напластования XIV–XIX вв. Работы на всей площади были доведены до материка, представленного песчаными отложениями. Культурный слой исследован в полном объеме, в том числе ямы хозяйственного и производственного назначения. В ходе исследования были выявлены и изучены остатки жилого дома конца XVIII – первой половины XX вв. (рис. 3). Была собрана коллекция вещей, отражающая духовную (нательные крестики[3]) и игровую (фишки для игры в шашки из плотного рога и костей животных, фишки для домино из кости и керамики, стеклянные шарики ручной работы для игры в марблс) культуры. Также пополнилась коллекции клейменых кирпичей, статуэток из фарфора, нумизматическая коллекция и многое другое. К хорошо выраженным наиболее древним следам человеческой деятельности на рассматриваемом участке относятся производственные ямы, маркирующие бронзоли-

[3] Некоторые из этих находок рассматриваются в статье Ю. В. Колпаковой, А. В. Фисенко в настоящем сборнике.

тейное и железоделательное производства. При исследовании данных объектов собранно большое количество выплесков и лома цветного металла, корольков, шлаков и криц черного металла. Производственные комплексы по предварительным датировкам относятся к концу XV–XVII вв.

Исследования на территории Псковской области

На территории Псковской области работы проводились по следующим направлениям: раскопки (рис. 4: *1–3*); разведки с целью выявления объектов археологического наследия на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению (рис. 4: *4–6*); разведки с целью определения границ территорий памятников археологии (рис. 4: *7–8*).

Раскопки проводились на поселении X–XI вв. у д. Горожане (Новосокольнический р-н), в г. Печоры[4] и на селище Выбуты (Псковский р-н).

Раскопки на поселении Горожане (Новосокольнический район) (рис. 4: *3*) (площадь – 122 кв. м, руководители работ – А. Б. Романовский, А. В. Михайлов).

Раскоп 2024 г. примыкает с юга к раскопам 2020–2022 гг. и с запада – к раскопу 2023 г. Был заложен таким образом, чтобы полностью открыть участок, примыкающий к южному краю мыса (крутому берегу р. Илеменки). Одной из главных задач было полное изучение основания кургана, выявленного в ходе исследований 2022–2023 гг., а также поиск сохранившихся следов других курганных насыпей, которые могли быть расположены вдоль берега р. Илеменки, образуя тем самым некрополь поселения Горожане X в. (рис. 5).

Большая часть культурных отложений в центральной и западной частях раскопа разрушены многолетней тракторной распашкой практически до самого материка. Мощность культурных отложений на участке исследования составляет 0,3–0,5 м. Значительного времени потребовал перенос отвалов, сформировавшихся за несколько лет предыдущих исследований. До уровня материка и пятен ям доведен участок раскопа в его северо-западной части. Прослежены пятна двух значительных по размерам подвальных ям, изучение которых было перенесено на следующий полевой сезон.

Коллекция индивидуальных находок насчитывает свыше 560 предметов. Обращают внимание многочисленные стеклянные бусы и бисер. Помимо стеклянных, встречены бусы из сердолика и горного хрусталя. Нумизматическая часть коллекции представлена 20 монетами – дирхемами IX – первой половины X в., включая подражание дирхему. Значимой и редкой находкой является коромысло складных весов и центральная вилка складных весов для взвешивания монетного серебра. К торговому инвентарю относятся четырнадцатигранные гирьки. Найдены три наконечника стрел. К предметам, связанным со снаряжением

[4] Раскопки в г. Печоры являлись продолжением работ 2023 г., информация о них опубликована в 69 выпуске сборника «Археология и история Пскова и Псковской земли» (Аракчеева И. С., Калинина Е. М., Косовец К. С., Кулакова М. И., Подгорная Р. Г., Романовский А. Б., 2024. С. 95–108).

Рис. 4. Схема работ в Псковской области в 2024 г.
Раскопки: *1* – г. Печоры; *2* – селище на погосте Выбуты (Псковский район); *3* – поселение «Горожане» (Новосокольнический район); разведки с целью выявления объектов археологического наследия на участках, подлежащих хозяйственному освоению: *4* – Плюсский район; *5* – Опочецкий район; *6* – Бежаницкий район; разведки с целью определения границ территорий объектов археологического наследия: *7* – городище у д. Сысоево (Локнянский район, в 0,1 км к юго-западу от д. Сысоево); *8* – Селище, XI–XIII вв. (Печорский район, городское поселение Печоры, д. Брод, на левом берегу реки Сходницы)

Рис. 5. Раскоп 4 2024 г. на поселении Горожане (Новосокольнический район) на уровне 48 пласта. Вид с севера

всадника и коня„ относится фрагмент удил. К бытовым предметам, помимо ножей, среди которых несколько целых экземпляров, следует отнести целую коллекцию пряслиц. Впервые на этом памятнике найдено пряслице из розового овручского шифера. Из ювелирных украшений встречено несколько ременных накладок, фрагментов проволочных височных колец, подковообразные застежки. Следует отметить находку фрагмента равноплечной фибулы из оловянистой бронзы в виде головы животного (рис. 6). О развитии ювелирного ремесла свидетельствуют многочисленные находки фрагментов тиглей и литейных форм (в том числе, впервые найденная каменная литейная форма), выплесков цветного металла.

Археологические раскопки на селище в Выбутах (Псковский р-н) были связаны со строительством памятного монумента (Раскоп 9) и расширением мемориального кладбища (Раскоп 10) (рис. 7). Общая площадь исследований – 274 кв. м, руководитель работ – К. С. Косовец[5].

Рис. 6. Навершие равноплечной фибулы. Раскоп 4 на поселении Горожане

Мощность культурных отложений на раскопе Выбуты-9 соста-

[5] Финансирование работ проводилось из резервного фонда губернатора Псковской области М. Ю. Ведерникова.

Рис. 7. План расположения раскопов Выбуты-9–10 относительно других раскопов на памятнике

Рис. 8. Раскоп Выбуты-9. Вид на яму «подполья» с севера

вила 10–50 см, с учетом материковых ям – более 70 см. Самые ранние отложения на раскопе относятся к концу эпохи бронзы (конец II – первая половина I тыс. до н. э.). Следующий этап освоения участка следует отнести к последней четверти I тыс. н. э. – это следы жилой постройки, состоящие из остатков печки-каменки и ямы подполья (рис. 8) в южной части раскопа, а также комплекс столбовых ям по всей площади раскопа, маркирующих древнюю планировку поселения. К находкам этого периода относятся развал лепного сосуда (рис. 9), фрагмент пряслица, глиняные бусы. Вероятно, к тому же времени можно отнести фрагмент перстня «салтовского типа» из цветного металла с выпавшей жуковиной, относящийся к 1-му типу салтовских перстней по классификации С. А. Плетнёвой (рис. 10) (*Плетнёва*, 1989. С. 115). В раскопе было зафиксировано несколько построек древнерусского времени. Часть из них интерпретируется как жилые на основании обнаруженных развалов печек-каменок, сложенных насухую. По-видимому, с этим временем связан расцвет поселения: появляются стеклянные бусы и бисер, детали одежды балтских и финно-угорских племен (рис. 11), элементы снаряжения всадника и верхового коня, а также наибольшее количество предметов одежды и украшений.

Мощность культурных отложений на раскопе Выбуты-10 составила 20–50 см, с учетом материковых ям – более 60 см. На раскопе присутствуют отложения X–XVII вв. в виде немногочисленных ям и слоя серой супеси. Установлено, что интенсивность жизни на этом участке исследования была ниже, нежели в прибрежной части (раскоп Выбуты-9).

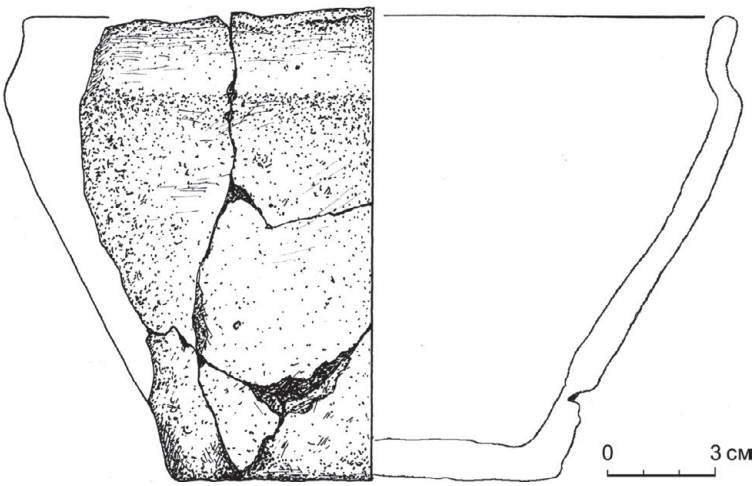

Рис. 9. Развал лепного сосуда из комплекса ям последней четверти I тыс. н. э.
Раскоп Выбуты-9

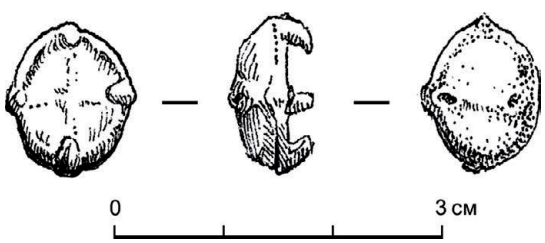

Рис. 10. Фрагмент перстня «салтовского типа» из цветного металла
с выпавшей жуковиной. Раскоп Выбуты-9

Рис. 11. Миниатюрные спиральки из слоя и ям XII–XIII вв.
Раскоп Выбуты-9

Рис. 12. Общий вид на городище у д. Сысоево (Псковская область, Локнянский район, в 0,1 км к юго-западу от д. Сысоево). Вид с северо-запада

Разведки с целью определения границ территорий памятников археологии

В 2024 г. в рамках плановой работы проведены разведки, целью которых являлось определение границ территорий следующих памятников археологии:

– ОКН ФЗ «Городище», 1 половина, I тыс. н. э. (Псковская обл., Локнянский р-н, в 0,1 км к юго-западу от д. Сысоево) (рис. 4: *7*);

– ОКН ФЗ «Селище», XI–XIII вв. (Псковская обл., Печорский р-н, городское поселение «Печоры», д. Брод, на левом берегу р. Сходницы) (рис. 4: *8*).

Одной из основных задач проведения разведочных работ на городище у д. Сысоево (руководитель работ – А. В. Фисенко), помимо подготовки документации для органов охраны памятников, стало уточнение культурно-хронологической принадлежности памятника и определение его места в кругу средневековых древностей округи поселения Горожане, расположенного всего в 11 км к юго-западу от городища. Результаты разведочных работ на городище у д. Сысоево показали, что относить его к числу городищ-убежищ вряд ли возможно: мощность слоя на площадке убедительно показывает, что люди на городище жили постоянно длительное время (рис. 12).

Сравнение керамических комплексов городища у д. Сысоево и поселения Горожане (ближайшего археологически изученного памятника) показывает их типологическое сходство. Принимая во внимание, что поселение

Горожане в настоящее время датируется X–XI вв., а на городище Сысоево отсутствуют находки раннегончарной керамики (в отличие от Горожаней, где процент гончарной керамики составляет от 8 до 12% от общего числа всех найденных керамических фрагментов), предложенная уточненная датировка городища у д. Сысоево – VIII–X вв. – представляется вполне обоснованной. Важным результатом проведенных исследований является то, что информация о существовании посада у подножия городища (на правом берегу ручья) не подтвердилась.

Работы по определению границ территории ОКН ФЗ «Селище», XI–XIII вв.[6] (руководитель работ – Ю. И. Журавлева) являлись началом работ по определению границ территорий всех археологических объектов, расположенных в границах «Достопримечательного места Изборск, связанного с зарождением российской государственности». Основные работы были запланированы на следующие полевые сезоны.

Археологические разведки земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению

В 2024 г. обследованы земельные участки в Опочецком, Плюсском, Бежаницком районах (рис. 4: *4–6*). В ходе работ новые памятники археологии не выявлены.

Литература

Аракчеева И. С., Калинина Е. М., Косовец К. С., Кулакова М. И., Подгорная Р. Г., Романовский А. Б., 2024. Археологические раскопки в г. Печоры на ул. Псковской, Рабочей и Соборной площади в 2019–2023 гг. // АИППЗ: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 39. Мат-лы 69-го заседания. С. 95–108.

Плетнёва С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука. 288 с.

* * *

Кулакова Марина Ильинична, *кандидат ист. наук, г. Псков, директор ГБУК ПО АЦПО, e-mail: marinakul@yandex.ru*

[6] Результаты работ археологической разведки, в ходе которой были определены границы территории Селища у д. Брод представлены в настоящем сборнике в статье Ю. И. Журавлевой.

А. Б. Романовский, И. С. Аракчеева, М. А. Васильев, Ю. И. Журавлева, Р. Г. Подгорная, С. А. Салмин, Е. В. Салмина

Предварительные результаты археологического изучения участка Петровского посада на Плехановском VI раскопе в г. Пскове в 2024 г.

Резюме. В статье представлены предварительные результаты исследований на раскопе Плехановский VI 2024 г. в Пскове. Несмотря на слабую стратифицированность аэробных культурных напластований, на основе анализа распространения датированного керамического материала и индивидуальных находок удалось сделать определенные выводы по истории освоения и развития территории. Наиболее информативным оказался период XVI–XVII вв., когда на исследованном участке функционировал производственный комплекс, связанный с обработкой железа.

Ключевые слова: Псков, культурный слой Пскова, улица Кузнецкая, Петровский посад, процессы почвообразования, железоделательный комплекс XVI–XVII вв., «кричные» горны.

A. B. Romanovsky, I. S. Arakcheeva, M. A. Vasiliev, Yu. I. Zhuravleva, R. G. Podgornaya, S. A. Salmin, E. V. Salmina. **Results of an Archaeological Study of the Petrovskiy Posad Site at the Plekhanovsky VI Excavation Site in Pskov in 2024**

Abstract. This article presents preliminary results of archaeological research at the Plekhanovsky VI excavation site in Pskov in 2024. Despite weak stratification of aerobic cultural layers, analysis of distribution of dated ceramic material and individual finds allowed us to draw certain conclusions about the history of the territory development. The most informative period appeared to be the 16th–17th centuries, when an iron-processing production complex operated at the site.

Keywords: Pskov, cultural layer of Pskov, Kuznetskaya street, Petrovsky posad, soil formation processes, ironworks complex of the 16th–17th centuries, “bloomery” furnaces.

В полевом сезоне 2024 г. самыми масштабными работами в Пскове стали исследования на ул. Кузнецкой рядом с домом № 33 на месте бывшего яблоневого сада (рис. 1). Раскопки проводились на участке, отведенном под

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.19-38

Рис. 1. Местоположение раскопа Плехановский VI 2024 г.
на карте распространения культурного слоя г. Пскова

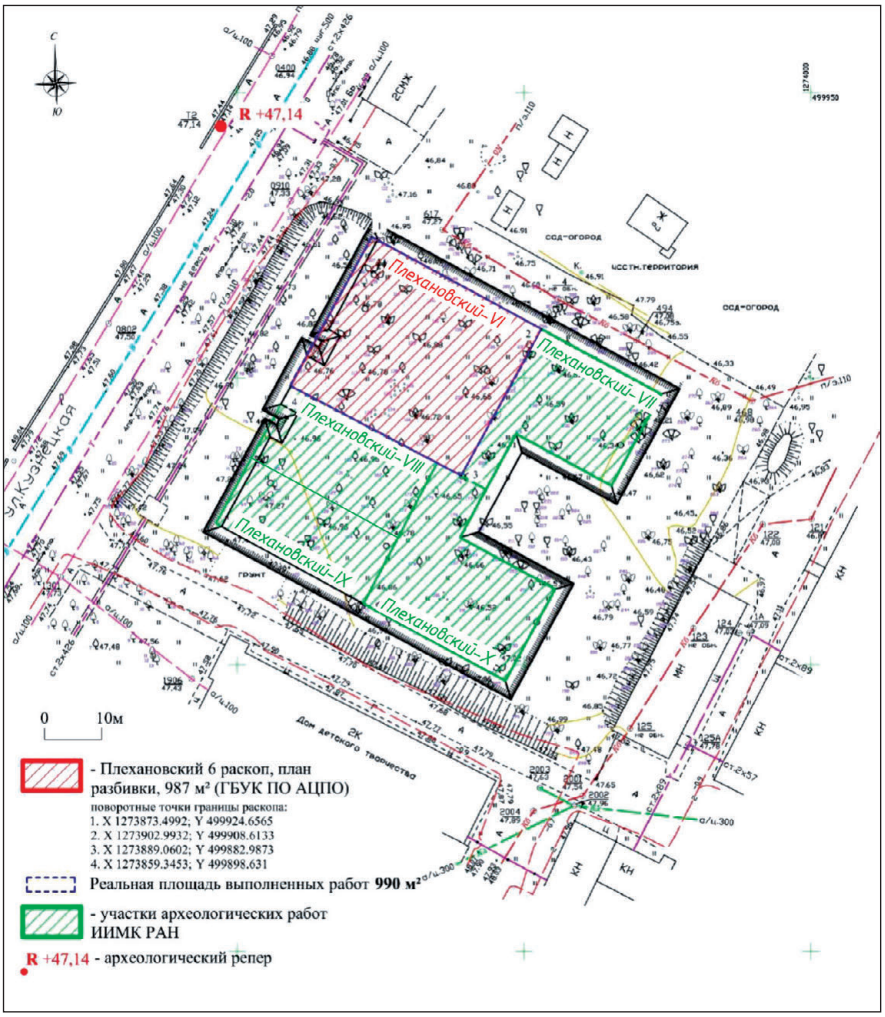

Рис. 2. Схема спасательных археологических работ по адресу: г. Псков, ул. Кузнецкая, 33. Плехановский VI раскоп (ГБУК ПО «АЦПО»)

строительство гостиницы, главным исполнителем выступал ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург). В рамках этих работ сотрудники ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области» выполнили исследования на раскопе Плехановский VI площадью 990 кв. м (рис. 2) Раскоп продолжил нумерацию раскопов, проводившихся на территории Плехановского посада ранее. Общая исследованная площадь в границах строительного котлована составила более 2800 кв. м (см. также статью Е. Ю. Кононович и М. И. Бажина в этом сборнике).

Название «Плехановский посад» возникло только в 1923 г. (*Краснопевцев*, 1994. С. 131). Историческое название этой улицы и этого района города – Петровский посад, получивший название от Петровского конца средневекового

Пскова, основная улица которого (Петровская) начиналась недалеко от ц. Петра и Павла и выходила из города через Петровские ворота (*Лабутина*, 2011. С. 163). За пределами крепостных стен Пскова на Петровском посаде улица имела продолжение в виде дороги, во многом дублирующей Старо-Новгородскую (*Ушаков*, 1901; 1901а), и Петровский посад формировался как окологородское поселение, расположенное напротив Петровских ворот Окольного города Пскова на трассе одной из основных дорожных магистралей, отмечающей новгородское направление.

Впервые обследование территории, прилегающей к внешней части стен Окольного города Пскова, проводилось в 1990 г. (руководители работ А. А. Александров, Б. Н. Харлашов). Был зафиксирован участок сохранившихся отложений посада «за Петровскими воротами», границы которого определены по распространению керамики XV–XVII вв. Несколько восточнее, на пересечении современных улиц Плехановский посад и Кузнецкая зафиксировано средневековое селище (селище «6»), где также собран подъемный материал (фрагменты средневековой керамики), датированный в рамках XV–XIX вв. (*Александров, Харлашов,* 1991. С. 12; Кадастр..., 1997. С. 60, №№ 281, 282).

В результате раскопок прошлых лет на участке старой новгородской дороги в 1995 г. (руководитель А. В. Яковлев) и на Петровском посаде 2015 г. (раскопы Плехановские I–V, руководитель С. В. Степанов) были сделаны первые выводы об истории освоения и развития этой части города начиная с XV в. Как этап максимальной интенсивности использования территории выделен период второй половины XV – первой половины XVI в., специализация проживавшего здесь населения связана с первичной обработкой железа. Одновременно с этим вещевые коллекции Плехановских раскопов 2015 г. позволяли говорить о следах более раннего освоения территории (*Кулакова*, 2017. С. 9–12; *Степанов*, 2016; *Яковлев*, 1995; *Яковлев*, *Степанов*, 1996. С. 127–128).

Культурный слой Плехановского VI раскопа 2024 г. невелик по мощности – не более 0,4 м (без учета ям, заглубленных в материк). Его можно охарактеризовать как аэробный, сухой, содержащий в основном материалы периода средневековья и нового времени. Однако, несмотря на аморфность исследованных культурных напластований, история освоения и развития территории Плехановского VI раскопа может быть прослежена на основе анализа распространения датированного массового керамического материала и индивидуальных находок.

Небольшая мощность отложений на этом участке связана в первую очередь с его топографическим положением. Он расположен на верхней части песчаной возвышенности, разделяющей три водотока[1], и в процессе любой

[1] Река Пскова, а также два водотока, ныне скрытых под антропогенными напластованиями: с западной стороны от возвышенности располагается русло безымянной речки, послужившее основой для сооружения крепостного рва Окольного города и Земляной крепости Пскова; с восточной стороны – русло безымянного ручья, ныне полностью исчезнувшего (вероятно, часть русла этого ручья, на котором была устроена мельница «по полой воде», была зафиксирована на Введенском-I раскопе 2023 г. (*Кулакова*, 2025. С. 2–3)).

нивелировки дневной поверхности антропогенные отложения уничтожались, перемещались, «смывались». Кроме того, исследуемый участок достаточно поздно стал селитебной и селитебно-производственной зоной, и свита отложений сама по себе не была мощной. Возможным оказалось выделить всего два основных горизонта: 1) верхний, составленный серым или серо-коричневым аморфным мешаным грунтом и 2) нижележащий, представляющий собой буро-желтый сильно гумусированный песчаный грунт.

Материковые отложения на раскопе сформированы крупнозернистым желтым песком с включением незначительного количества тонких суглинистых линз. На уровне материка следов древней раскорчевки леса и распашки не выявлено, только в северо-восточном углу раскопа присутствуют следы, характерные для ручного вскапывания, традиционно связываемого с возделыванием почвы под огороды. Однако разреженность этих отпечатков и неглубокое проникновение их в материк могут быть связаны с заготовкой дерна.

Лежащий на материке буро-желтый гумусированный песок сходен с известными в Новгороде, Ростове, Москве почвенными горизонтами, связанными с возникновением вторичных лугов (*Александровский и др.,* 2013. С. 93, 98–99). О существовании вокруг Пскова пояса вторичных лугов, использовавшихся для выпаса скота, свидетельствуют и нарративные источники[2]. Высокая гумусированность вторичных лугов (относительно первичных) связана с использованием этих территорий в качестве зон долговременного выпаса скота[3].

Вероятно, с выпасом скота, приводящим к повышению гумусации почвы, связано и возникновение линз и прослоек «белого» песка, известных и на других раскопах Пскова. Зафиксированные на площади раскопа Плехановский VI пятна белого песка располагаются хаотично, заполняя естественные заглубления. Наибольшая концентрация этих пятен приходится на северо-западную часть раскопа, где наблюдается понижение в направлении ко рву Окольного города. В восточной части характеризуемого раскопа и на соседнем раскопе Плехановский VII белый дегумусированный песок образует мощный массив на склоне оврага, уходящем к востоку к руслу ручья (в настоящее время скрытого под грунтовыми отложениями). Известно, что на скорость обеления гумусированных почв оказывают влияние как взаимодействие гумусовых частиц (образованных гуминовой и фульвовой кислотами) с растворяющими их щелочами, так и активность водотока, способствующего вымыванию мелкодисперсных частиц и растворов солей гуминовых кислот из грунта (*Рагимов и др.*, 2000. С. 96, 222, 231). На участке исследований мы наблюдаем и увеличенное поступление в почву гуминовой и фульвовой кислот и урины выпасаемого скота, дающей необходимый щелочной компонент, и усиленный естественный

---

[2] «Того же въ 8 день пришол вор подо Псков и всякой скотъ псковской отогнал ото Пскова, а пришед на осад» (ПСРЛ, 2000. С. 276); «... в полмили от города тянутся частые холмы, покрытые можжевельником» (Дневник последнего похода..., 2005. С. 323).

[3] Привлекательность этого места для выпаса скота обуславливалась и открытостью местности, что в некоторой степени спасало от гнуса, и наличием удобных водопоев и естественных границ «участка», облегчающих надзор за скотом.

водоотвод с территории песчаной возвышенности, расположенной над двумя водотоками[4].

Подчеркнем, что пятна «белого» песка, фиксируемые в предматериковых отложениях на городских раскопах, не являются a priori остатками подзола, а нередко представляют собой вторичное почвенное образование, вызванное дегумусацией предматериковых слоев из-за вымывания гумусовых частиц и глинистых включений, приводящего к увеличению процентного состава окиси кремния (SiO_2) в составе почвы. Слой «белого песка» в городских отложениях может иметь и довольно большую мощность и содержать в себе довольно представительные антропогенные комплексы[5]. Безусловно, представляется необходимым исследование обнаруживаемых участков выбеленного песка археологическими методами.

Древнейшие находки Плехановского VI раскопа относятся к периоду неолита (каменный топор – рис. 3: *1*, фрагмент кремневого орудия – рис. 3: *3*) были обнаружены в перемещенном состоянии. По мнению А. Н. Мазуркевича, каменный топорик, изготовленный из песчаника, происходящий из верхних слоев, по форме может быть датирован III–II тыс. до н. э., а по дополнению Е. С. Ткач относится к культуре ямочно-гребенчатой керамики[6]. На Плехановском IV раскопе 2015 г. так же было найдено каменное тесло (рис. 3: 2), отнесенное автором раскопа С. В. Степановым к эпохе неолита. К сожалению, эти находки не связаны стратиграфически с предматериковыми отложениями. Отдельные артефакты периода неолита и бронзового века в перемещенном состоянии известны во многих других раскопах Пскова.

Наиболее ранний керамический материал, собранный на раскопе, представлен небольшим числом высоких, почти прямых, венчиков конца XII – начала XIII в. (*Кильдюшевский*, 2002. С. 10–11, рис. 11). Керамика этого времени встречается в основном в северной части раскопа. Отметим, что керамического материала этого периода на Плехановском VI раскопе существенно больше, чем на всей площади (2500 кв. м) Плехановских I–VI раскопов 2015 г., судя по отчетной документации (*Степанов*, 2016). Индивидуальные находки этого времени на раскопе представлены единичными бусами (рис. 3: *4, 5*), пломбой дрогичинского типа (рис. 3: *6*) и железным кольчужным кольцом. Основной массив керамики XII–XIII вв. происходит именно из слоя светло-коричневой супеси, зафиксированного на большей части раскопа (только

---

[4] Охарактеризованные выше скрытые в толще антропогенных отложений безымянная речка, послужившая основой для сооружения крепостного рва Окольного города и Земляной крепости Пскова, и безымянный ручей – см. примечание 1.

[5] «Выбеливание» гумусированного песка некрополя XI–XII вв. зафиксировано на Богоявленских раскопах, где в массиве «белого» песка были выявлены два погребения, выполненные по обряду трупоположения, с практически полностью деструктурированными костями и хорошо сохранившимися украшениями из цветных металлов (*Салмина*, 2004. С. 98–102, рис. 5, 6).

[6] Выражаем благодарность за консультации Андрею Николаевичу Мазуркевичу (Государственный Эрмитаж) и Евгении Сергеевне Ткач (ИИМК РАН).

Рис. 3. Индивидуальные находки Плехановского VI раскопа: *1* – топор (П-24-Плех-VI, № 53); *2* – тесло (ПМЗ КП 37182/16; П-15-Плех-IV); *3* – орудие (П-24-Плех-VI, № 1); *4, 5* – бусины (П-24-Плех-VI, № 68; № 21); *6* – пломба «дрогичинского типа» (П-24-Плех VI, № 248); *7* – топор (П-24-Плех-VI, № 388); *8* – болт арбалетный (П-24-Плех-VI, № 13); *9* – форма литейная (П-24-Плех-VI, № 330); *10* – пинцет ювелирный (П-24-Плех-VI, № 530); *11* – губки курка ружейного замка (П-24-Плех-VI, № 287); *12* – вток фуркета (П-24-Плех-VI, № 247). *1, 2, 9* – камень; *4, 5* – стекло; *6, 10* – цветной металл; *7, 8, 11, 12* – железо

в юго-восточной части раскопа этот слой на небольшой площади оказался утрачен в результате хозяйственной деятельности XVI–XVII вв.). Мощность этого горизонта в среднем не превышала 0,15–0,2 м. В нем отчетливо читались многочисленные пятна ям, прорезавших его до материка. Массив содержал достаточно разновременный материал по индивидуальным находкам и особенно по керамическому материалу (рис. 4). На настоящем этапе исследования горизонт светло-коричневого супесчаного грунта может рассматриваться как горизонт первоначального использования периферийной окологородской территории (формирование которого началось в XV в. с селитебного освоения), впоследствии вобравший в себя и более поздний материал.

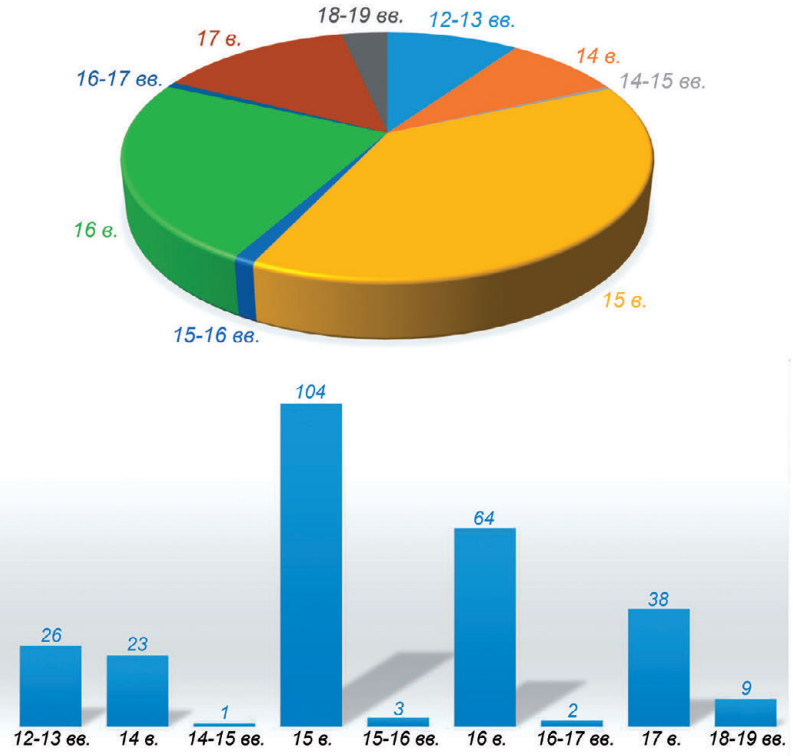

Рис. 4. Распределение хронологических групп керамики в составе массива светло-коричневого супесчаного грунта (автор – Т. В. Романовская)

Керамические материалы XIV–XV вв. фиксируются на всей исследованной площади раскопа. Это подтверждает наблюдения исследований прошлых лет о планомерном заселении территории к XV в. Среди индивидуальных находок этого времени выделим железный арбалетный болт (рис. 3: *8*), железный черешковый топорик «степного облика» (*Шевкунов,* 2014. С. 103) (рис. 3: *7*).

Хронологию развития территории на Плехановском VI раскопе иллюстрирует также серия нумизматических находок, уточняющая датировки культурного слоя[7]. К охарактеризованному периоду относится старшая в составе коллекции монета – серебряная денга Новгородской республики, принадлежащая к группе так называемых «малоформатных» или «архаичных» монет. Время чеканки и период обращения «малоформатной» новгородской денги, вероятно, маркирует время с 20-х гг. по середину XV в.

Керамический материал XVI–XVII вв. широко представлен на всей площади раскопа, в составе серого (серо-коричневого) грунта в количественном выражении его несколько больше по сравнению с предыдущим периодом. Ин-

[7] Приносим благодарность Константину Вячеславовичу Горлову (ИИМК РАН) за консультации и нумизматическое определение монетной коллекции раскопа.

дивидуальные находки также более многочисленны и разнообразны, из их состава можно выделить следующие: находки фрагментов керамических зелено-поливных фляг, сосудов-водолеев, изразцов и других изделий; литейную форму (рис. 3: *9*), ювелирный пинцет (рис. 3: *10*); губки курка ружейного замка (рис. 3: *11*), вток фуркета (рис. 3: *12*). В составе коллекции характеризуемого периода стоит отметить большое количество фрагментов привозного из центрально-русского региона кремня, чернолощеной и белоглиняной керамики – эти находки дают некоторую информацию о связи Пскова с другими регионами. Объяснением присутствия значительного количества дешевых привозных предметов быта может быть близкое расположение Кузнецкой и Ямской слобод, известных по псковским летописям.

Рис. 5. Миниатюрная икона Спаса на престоле, кость, резьба (П-24-Плех-VI, № 572)

К этому же периоду относится наиболее многочисленная группа монет, представленная пулами, полушкой и денгой Ивана Васильевича IV. Сравнение типов пул, обнаруженных на Плехановском VI раскопе с материалами других раскопов Пскова позволяет заключить, что данная серия монет выпадала из оборота во второй половине XVI в. По времени обращения к данной серии монет примыкают серебряные монеты Ивана IV и полушка Федора Ивановича. Верхней датой бытования данной серии монет следует считать начало XVII в., когда из-за высокой инфляции из системы русского денежного обращения исчезают монеты разменных номиналов. Хронологический разрыв первой половины XVII в. прерывает копейка Алексея Михайловича, обращавшаяся с 1655 по 1663/1664 гг.

С отложениями характеризуемого периода связана самая яркая из находок Плехановского VI раскопа – резная костяная миниатюрная икона с сюжетом Спаса на Престоле (рис. 5). Оформленные подобным образом изображения могли помещаться в средокрестие тыльной стороны «выносного креста» или же украшать обод хороса. По стилистическим характеристикам икона может быть датирована XVI в.[8]. На территории Петровского посада близ

[8] В настоящее время ведутся консультации по поводу данной находки. Высказаны мнения как о сходстве этого артефакта с произведениями новгородской резьбы по дереву, так и о влиянии московской иконописной традиции (предлагаемая аналогия, например, «Спас в Силах» из собрания П. И. Севастьянова: Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия. Инв. № 22124 (Христианство в искусстве [Электронный ресурс] URL: https://www.icon-art.info/masterpiece.php? mst_id=138 (дата обращения 15.12.2025).

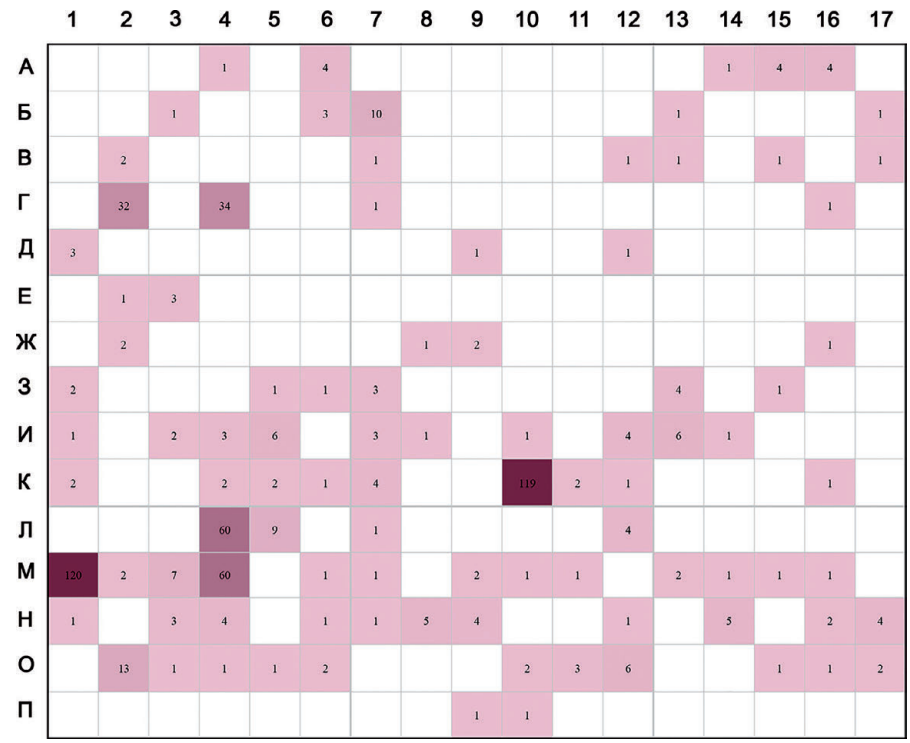

Рис. 6. Места концентрации находок железных шлаков на площади раскопа (автор – Т. В. Романовская)

Петровских ворот в это время находились Введенский и Сергиевский мужские и Варваринский женский монастыри (*Постников*, 2005. С. 84–85). Ближайшей к местонахождению предмета церковью, расположенной на Петровском посаде, являлась Варваринская (девичьего монастыря св. Варвары). Впервые этот монастырь упоминается в 1561 г. в связи с большим пожаром (ПСРЛ, 2003. С. 241). В 1581 г. вместе с двумя соседними монастырями (Введенским и Сергиевским) эвакуирован в пределы Окольного города, затем продолжил свое существование на прежнем месте. Дошедшая до наших дней деревянная церковь возведена в 1618 г. В 1786 г. Варваринская церковь стала приписной к ц. Покрова с Торга (*Гордин*, 2000. С. 61; *Евгений (Болховитинов)*, 1831. С. 124, 143; *Окулич-Казарин*, 2001. С. 224–225). Исходя из этих данных, можно предполагать, что деталь выносного креста или хороса может быть связана с Варваринской церковью или, с несколько меньшей вероятностью, с Введенским или Сергиевским монастырями. Предполагается, что данному артефакту будет посвящена отдельная публикация.

Период XVI–XVII вв. в материалах Плехановского VI раскопа на основе количества массового материала может считаться временем наиболее интенсивного использования территории, в том числе и как производственная зона.

Рис. 7. Индивидуальные находки, связанные с печами: *1* – реконструкция печной дуги (участок Ж, ямы Ж242, 258, № по описи – 576, 577, 578, 587, 590); *2* – сопло горна (П-24-Плех-VI, № 589); *3* – реконструкция печной дуги (участок Е, яма Е158, № по описи – 435, 436, 437, 438, 439)

По всей площади раскопа в слое присутствуют включения железного и керамического шлака с увеличением плотности и количества в отдельных квадратах южной части раскопа (рис. 6). К этой части раскопа тяготеют: места обнаружения скоплений дуговых кирпичей; точки концентрации железных шлаков; располагающиеся рядом находки крупных глиняных горшков, закопанных в материк; находка фрагмента керамического сопла горна (рис. 7: *2*).

Рис. 8. Места обнаружения массивных глиняных горшков-корчаг (горшок 1 – П-24-Плех-VI, № 461; горшок 2 – П-24-Плех-VI, № 477; горшок 3 – П-24-Плех-VI, № 385; горшок 4 – П-24-Плех-VI, № 480)

Находки дуговых кирпичей не единичны, в трех комплексах некоторое количество фрагментов складывается в определенную часть или край печной дуги (рис. 7: *1, 3*). Орнаментация лицевых пластин выполнена разными типами оттисков, что может говорить о нахождении остатков нескольких печей в этих местах[9]. Хронологический диапазон находок дуговых кирпичей по морфологическим признакам определяется как конец XV – начало XVII в. (*Прибурова*, 2019. С. 59–81). Вероятно, эти объекты могли функционировать не синхронно.

Среди находок, связанных с производственной зоной, следует выделить места обнаружения четырех больших глиняных горшков-корчаг (рис. 8: *1–4*). Массивные сосуды были вкопаны в землю под самый венчик, у одного имелась крышка. Два сосуда сохранились полностью, один фрагментирован (до верха плечика), еще один в настоящее время склеен реставраторами до полной формы[10]. Высота сосудов составляет 35–38 см, диаметр горла 18–19 см, диаметр

[9] Выражаем благодарность Татьяне Филипповне Прибуровой (ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник») за типологическое определение орнаментов дуговых кирпичей и конструкции печных дуг.

[10] Выражаем благодарность художникам-реставраторам отдела научной реставрации и консервации музейных фондов Псковского музея-заповедника Татьяне Константиновне Федоренко и Анне Николаевне Ельпантифоровой.

Рис. 9. Каркасно-столбовая постройка с остатками деревянной бочки, предположительно связанная с «кричным» горном

по тулову в самой широкой части 43 см, диаметр дна 16–20 см. Тесто – красножгущаяся глина с примесью песка и дресвы. Обжиг визуально разный. Объем сосуда немногим меньше 25 л. Оформление верхних частей сосудов (венчиков): в первом случае – невысокий, утолщенный венчик, край которого отогнут внутрь и косо срезан; во втором – шейка венчика вытянута вертикально, срез горизонтальный с продольным углублением в центре, снаружи имеется оттяжка. Время бытования подобных сосудов-корчаг по материалам раскопок в г. Пскове – вторая половина XIV–XV вв., они относятся к типам I и II по В. И. Кильдюшевскому (*Кильдюшевский*, 2002. С. 21–22, рис. 11). Сосуды были заполнены песком, на стенках изнутри зафиксированы следы золы. Стационарно вкопанные в грунт сосуды служили для сбора высокотемпературных продуктов горения, в частности, при железоделательных процессах. Одна из материковых ям интерпретируется как остатки горна и соседствует с горшком-зольником.

В северо-западной части раскопа изучены остатки крупного деревянного сооружения, заглубленного в материк (рис. 9). Яма прямоугольная в плане, максимальные промеры 5×3 м, состояла из двух частей. Входная часть – более узкая с подрезанными под ступени краями ямы и широкий основной объем. В придонной части ямы зафиксированы 12 заглубленных в материк столбов, между которыми фиксируются следы плохо сохранившейся деревянной опалубки. Следов деревянного пола не выявлено. В северо-западном углу

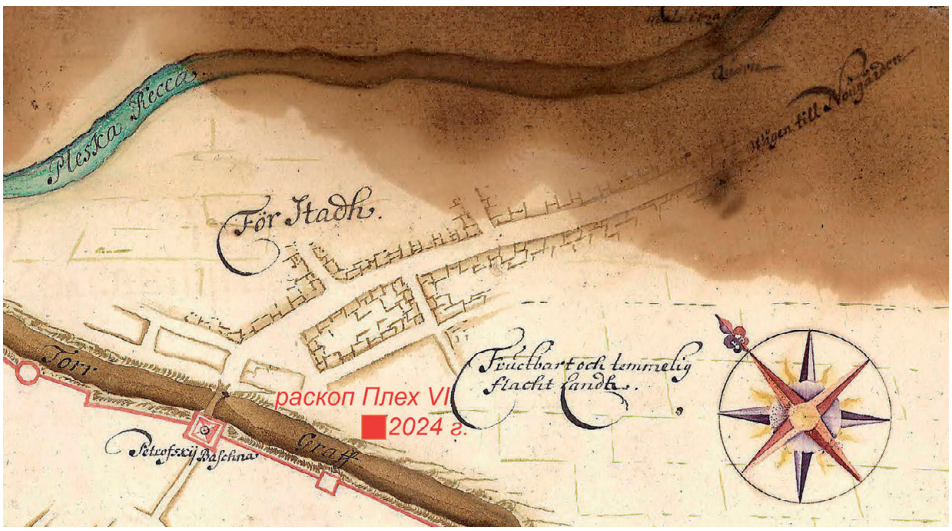

Рис. 10. Участок исследований 2024 г. на фрагменте плана Пскова Эрика Пальмквиста 1674 г.

основного помещения сохранилась вкопанная в материковый грунт деревянная бочка. Наличие подобной бочки свидетельствует о том, что сооружение связано с крупным горном, расположенным в непосредственном соседстве с сооружением и в значительной мере его перекрывавшим. Горны подобного устройства (с вспомогательным помещением и резервуаром для воды) относятся к категории «кричных» горнов, ориентированных на получение сырцовой стали путем обезуглероживания заготовок (о производстве стали в товарных объемах на территории Псковской земли см. *Завьялов* и др., 2006. С. 289).

Обнаруженные в раскопе остатки производственной зоны XVI–XVIII вв. определяют финальный этап ее существования на этом месте, когда при постепенной смене хозяйственного назначения участка производственные объекты не разбирались и не нивелировались, а постепенно засыпались, ветшали и «археологизировались».

Важную информацию о функционировании в XVI–XVIII вв. загородного участка, на котором находились раскопы 2024 г., содержат исторические планы Пскова. Самый ранний из дошедших до нас – план Эрика Пальмквиста 1674 г. (Заметки..., 2012. С. 42) – отражает планировку за пределами стен Окольного города Пскова у Петровских ворот (рис. 10). На плане довольно отчетливо показаны две параллельные друг другу улицы (дороги), идущие за пределами города в направлении Новгорода: продолжение Петровской улицы и участок Старо-Новгородской дороги. Застройка Старо-Новгородской дороги-улицы односторонняя, представлена на плане одним рядом построек. Зафиксирован небольшой отрезок улицы, начинающийся у Петровских ворот и ведущий в направлении р. Псковы (вероятно, формирующейся Кузнецкой улицы). Хорошо также видно, что трассу складывающейся улицы на данном участке

Рис. 11. Участок исследований 2024 г. на фрагменте плана К. Ф. Жданова 1800–1802 г.

определяет система наружных валов и рвов крепостной стены Окольного города, на этой улице отмечены периметры прямоугольных участков, вероятно, частновладельческих. Последующий план Пскова середины XVIII в. («Планъ города Пскова въ существующемъ видѣ 1740 г. » (*Годовиков*, 1866. Лист VI)) констатирует здесь только наличие оформленной улицы (дороги), идущей вдоль левого берега р. Псковы по направлению на Новгород.

Информация о производственном характере этого участка города присутствует на планах Пскова с конца XVIII – начала XIX в. На плане К. Ф. Жданова 1800–1802 гг. (Псковская губерния. План гор. Пскова 1778 г.[11]) обращает на себя внимание группа однотипных построек по обе стороны Старо-Новгородской дороги, обозначенных литерой «К»: в «легенде» к плану сообщается, что это кузницы. Петровский посад обозначен здесь как Петровская слобода. Слобода показана имеющей уже некоторую внутреннюю структуру (проулки, ведущие к р. Пскове, в том числе переулок у ц. Варвары) (рис. 11). Интересно, что на плане Пскова 1781–1796 гг. (*Лабутина,* 2011. С. 13, 14–15) литерой «К», которой ранее отмечались кузницы, обозначена вся Петровская слобода.

«Производственная зона», связанная с железообрабатывающим ремеслом, размещенная на Петровском посаде за пределами крепостных стен Пскова XV–XVII вв. (в непосредственной близости от них) при относительно хорошей сохранности археологических материалов убедительно зафиксирована в 2024 г. впервые.

[11] Данный план ошибочно обозначен в каталоге как «план 1778 г. ». Уточнение интерпретации и датировки см. Васильев, 2017. С. 15–17. Рис. 18.

Изучение топографии железоделательного и железообрабатывающего ремесла в Пскове имеет довольно большую историю. Эволюция железообрабатывающих производственных комплексов в Среднем городе Пскова и история формирования и функционирования Кузнецкой улицы в Пскове на Полонище[12] отражены в работах Т. Ю. Закуриной (*Закурина,* 1983. С. 81–104), И. О. Колосовой (*Колосова*, 2004. С. 55–56), И. К. Лабутиной (*Лабутина,* 2011. С. 175). Следы железоделательного производства в непосредственной близости от этой трассы зафиксированы при раскопках 1978–1979 гг. (*Сергина*, 1983. С. 81–104). В настоящее время следов трассы этой улицы не сохранилось, она исчезла еще в конце XVIII в. в ходе масштабной перепланировки города. Археологические раскопки в Пскове неоднократно фиксировали факты перманентного удаления огнеопасных производственных комплексов от жилых кварталов: так, в 2016–2019 гг. исследован металлургический квартал XIII–XVI вв. на границе Среднего и Окольного города Пскова (*Салмина, Салмин*, 2020. С. 381–388); значительные следы железоделательного и железообрабатывающего производства XV–XVI вв. были зафиксированы при раскопках в 1985 г. в западной части Полонища в районе Покровского угла (*Харлашов,* 1986. С. 75–78; *Харлашов*, 1992. С. 134–137).

Сформировавшаяся за пределами городских стен «вторая» Кузнецкая улица, почти перпендикулярная Петровской улице, идущая практически параллельно стене Окольного города от р. Великой до р. Псковы (и в современности продолжающаяся далее за р. Псковой), в XVIII–XIX вв. играет немаловажную роль в планировке Пскова. Так, она соединяет Петровскую слободу на берегу р. Псковы с Выползовой слободой на берегу р. Великой – две наиболее рано оформившиеся загородные слободы. На планах конца XIX – начала XX в. градостроительная ситуация на рассматриваемом участке сохраняется, но уже на плане 1821 г. кузницы показаны на существенном удалении от него (План города Пскова с поселенными при нем слободами гравирован при Военнотопографическом депо 1821 года). На плане середины XIX в. (план Годовикова 1857 г.) на участке археологических работ в это время, согласно легенде карты, размещаются сады и огороды, что свидетельствует о сельскохозяйственной переориентации территории (*Годовиков*, 1880). Материалы из верхних отложений соответствуют этой информации[13].

Материалы XVIII–XIX вв. представлены на раскопе в меньшей степени и не на всей площади. Помимо аграрной переориентации участка в XIX в. это связано еще и с формированием верхнего техногенного слоя в XX в., когда горизонт XIX в. оказался снивелирован и частично разрушен, что заставило разбирать эти отложения механизмами вместе с техногенным массивом. Инди-

[12] «Полонище» – территория между стеной 1374/75 и стеной 1465 г. (*Лабутина,* 2011. С. 140).

[13] Интересно, что на плане 1857 г. на всем протяжении ул. Кузнецкой показана только одна кузница – в значительном отдалении от рассматриваемого участка, между Свинузским и Покровским бастионами. Тем не менее, за улицей сохраняется название Кузнецкая.

видуальные находки этого периода многочисленны: медные монеты, свинцовые пломбы, форменные пуговицы, фрагменты бутылок сельтерской воды.

Присутствие денги Петра Алексеевича говорит о возможном существовании здесь ныне разрушенного слоя первой трети XVIII в. В составе коллекции присутствуют и более поздние монеты, начиная с 30-х гг. XVIII в., монеты XIX в. отсутствуют. Монеты XX в. представляют хронологический диапазон с 1913 по 1954 гг.[14].

Застройка XX в. на месте проведения работ показана только на аэрофотосъемке времен Великой Отечественной войны. На участке присутствуют однотипные прямоугольные постройки, назначение которых неизвестно. На кадрах аэрофотосъемки, сделанных после освобождения Пскова, они практически не видны, и в материалах Плехановского VI раскопа следов этих строений не зафиксировано. Вместе с этим, в раскопе выявлена траншея сложной формы (глубиной в среднем 1,3 м от уровня дневной поверхности), конструктивно напоминающая немецкие «щелевые» убежища периода войны[15]. Северный конец сооружения практически утыкается в бровку, разделяющую южную и северную линию участков раскопа, и образует пологий спуск; южный продолжается за пределы южного борта раскопа. В южной части траншеи выявлена подпрямоугольная яма, возможно, являющаяся котлованом землянки.

* * *

Как и предполагалось при начале работ, аэробные отложения на окраинах средневекового Пскова оказались способны предоставлять значительные объемы информации. В результате мы можем достаточно уверенно утверждать, что городской квартал на углу современных улиц Плехановский посад и Кузнецкая представлял собой активно использовавшийся в эпоху Средневековья и Нового времени пригородный район. Археологические материалы показали, как менялось его назначение: до второй половины XV в. – зона выпасов, со второй половины XV до XVIII в. – территория размещения огнеопасных производств, в XIX в. участок был переориентирован под садоводство и огородничество.

Литература

Александров А. А., Харлашов Б. Н., 1992. Археологические памятники на территории современного Пскова (за пределами стены 1465 г.) // АИППЗ. Мат-лы научного семинара 1992 г. Псков. С. 11–15.

Александровский А. Л., Кренке Н. А., Александровская Е. И., Долгих А. В., 2013. Ранняя история почв и ландшафтов древнейших русских городов // Известия РАН. Серия географическая. № 2. Природопользование и геоэкология. М. С. 91–103.

[14] В настоящей статье информация о найденных монетах приведена только обзорно, однако авторы выражают надежду на продолжение совместной работы и общую публикацию всей нумизматической коллекции из Плехановских раскопов 2024 г.

[15] Выражаем благодарность за консультацию Дмитрию Сергеевичу Артамонову (военный историк, независимый исследователь).

Болховитинов Е. А., митр., 1831. История княжества Псковского. С присовокуплением плана города Пскова. Ч. 3 [Содержащая историю псковской церковной иерархии]. Киев: Типография Киево-Печерской лавры. 172 с.

Васильев В. И., 2017. Краткий обзор планов Пскова, составленных в XIX в. (Историко-градостроительные очерки. Ч. I) // Научно-реставрационный вестник / Институт «Псковгражданпроект». Вып. 2. Псков. 55 с.

Годовиков И. Ф., 1866. Атлас рисунков древностей Пскова // Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище, фонд И. Ф. Годовикова, № 508. Лист VI.

Годовиков И. Ф., 1880. Описание и изображение древностей Псковской губернии: посмертное издание сочинения инженера-полковника И. Ф. Годовикова, пожалованнаго Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергеем Александровичем Псковскому Археологическому Обществу. Вып. 1. Издание Псковской Археологической Комиссии. Псков: Типография Губернского Правления. 132 с.

Гордин Ал. М., 2000. О создании музея в церкви Варвары в Петровском посаде // АИППЗ. Мат-лы научного семинара 1996–1999. Псков. С. 59–65.

Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Осада Пскова глазами иностранцев. Псков. 2005. С. 243–449.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2006. Железо как предмет торговли в Московском государстве // АИППЗ. Мат-лы LI научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков. С. 284–293.

Закурина Т. Ю., 1983. Топография следов железоделательного и железообрабатывающего ремесла в Пскове // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. С. 114–121.

Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М.: Ломоносовъ. 2012. 344 с.

Кадастр: Достопримечательные, природные и историко-культурные объекты Псковской области: Псковский гос. педагог. ин-т им. С. М. Кирова. Ком. по культуре и туризму администрации Псковской области. Методика, сост. и общ. редактирование Н. К. Вецель. Ред. коллегия: В. Н. Лещиков и др. 1997. Псков. 731 с.: ил.

Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 5–33.

Колосова И. О., 2004. Улицы Полонища: XV–XVIII вв. // АИППЗ. Мат-лы 50 научного семинара / Отв. ред. В. В. Седов. Псков. С. 39–60.

Краснопевцев В. П., 1994. Улицы Пскова. Псков: «Курсив». 195 с.

Кулакова М. И., 2017. Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2015 г. // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова: Мат-лы 62-го заседания. Вып. 32. М.; Псков: ИА РАН. С. 7–26.

Кулакова М. И., 2025. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой древнего Пскова» в зоне строительства частного жилого дома по ул. Плехановский посад, д. 24, д. 26 в г. Пскове Псковской области в 2023 году. Псков. Рукопись.

Лабутина И. К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.: Наука. 342 с.

Окулич-Казарин Н. Ф., 2001. Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). 2001. Изд. третье. Псков: Светоносец. 368 с.

План города Пскова с поселенными при нем слободами гравирован при Военнотопографическом депо 1821 года [Электронный ресурс] // Российская Национальная Библиотека. URL: https://kp.rusneb.ru/item/reader/plan-goroda-pskova-s-poselennymi-pri-nem-slobodami (дата обращения 01.12.2025).

ПСРЛ, 2000 – Полное собрание русских летописей. Т. 5, вып 2. М. 2000.

ПСРЛ, 2003 – Полное собрание русских летописей. Т. 5, вып. 1. М. 2003.

Постников А. Б., 2005. Исчезнувшие псковские монастыри // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. журн. № 23 / Гл. ред. В. Н. Лещиков. Псков. С. 69–87.

Прибурова Т. Ф., 2019. Типология оттисков штампов на псковских дуговых кирпичах // АИППЗ: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 34. Мат-лы 64-го заседания (2018 г.). С. 55–81.

Псковская губерния. План гор. Пскова 1778 г. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/item/677610 (дата обращения 15.12.2025).

Рагимов А. О., Мазиров М. А., Гафурова Л. А., Джалилова Г. Т., 2020. Почвоведение: учеб. пособие [Электронное издание]. Владимир: Изд-во Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (ВлГУ). 251 с.

Салмина Е. В., 2004. Первоначальный этап освоения прибрежной территории Запсковья: открытие могильника догородского периода // АИППЗ. Мат-лы 50 научного семинара / Отв. ред. В. В. Седов. С. 94–102.

Салмина Е. В., Салмин С. А., 2020. Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016–2019 гг.) // На одно крыло – серебряная, на другое – золотая... Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Сер. «Библиотека «Stratum» / Под редакцией Р. А. Рабиновича, Н. П. Тельнова. Кишинев. С. 381–388.

Сергина Т. В., 1983. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука. С. 81–104.

Степанов С. В., 2016. Отчет об археологических раскопках 2015 г. в пятне застройки на ул. Плехановский посад, д 6 г. Пскова (Плехановский I–V раскопы). Том I; Отчет об археологических раскопках 2015 г. в пятне застройки на ул. Плехановский посад, д 6 г. Пскова (Плехановский IV–V раскопы.) Том II. Псков. Рукопись.

Ушаков Ф. А., 1901. Исторический план центральной части Пскова составил на основании летописи, актов и старинных чертежей и планов 1581, 1694, 1740, 1778, 1821, 1859 и 1896 гг. действительный член Псковского археологического общества Фёдор Алексеевич Ушаков в 1901 году. Отпечатан в типо-литографии Н. И. Евстифеева.

Ушаков Ф. А., 1901а. Описание к Сборному плану г. Пскова, составленному по летописям, актам и по планам и чертежам 1581, 1694, 1740, 1787, 1821 и 1859 гг. Псков: Типография Товарищества Труд и Знание.

Харлашов Б. Н., 1986. Раскопки на ул. Калинина // АИППЗ. Тезисы докладов научно-практической конференции [Заседания 16, 17] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков. С. 76–78.

Харлашов Б. Н., 1992. О производственных комплексах близ Покровских ворот Пскова (по материалам раскопок 1985 года) // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков. С. 134–137.

Христианство в искусстве [Электронный ресурс] URL: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=138 (дата обращения 15.12.2025).

Шевкунов В. Э. 2014. К вопросу о боевых топорах монголо-татар // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Материалы конференции. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 102–109.

Яковлев А. В., 1996. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Плехановский посад в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 19468.

Яковлев А. В., Степанов С. В., 1996. Шурфы на К. Маркса, Кузнецкая, Плехановский посад в г. Пскове // АИППЗ. 1995. Мат-лы семинара [Заседания 40, 41] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков. С. 127–128.

* * *

Романовский Антон Борисович, *г. Псков, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, e-mail: rantonpsk2010@mail.ru*

Аракчеева Ирина Сергеевна, *г. Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: is.bykova07@yandex.ru*

Васильев Михаил Анатольевич, *г. Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: pampagraf@gmail.com*

Журавлева Юлия Игоревна, *г. Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: gadziga@yandex.ru*

Подгорная Розалия Геннадиевна, *г. Псков, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, e-mail: roza_podgornaya@mail.ru*

Салмин Сергей Анатольевич, *г. Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: solvarg@ rambler.ru*

Салмина Елена Вячеславовна, *кандидат ист. наук, г. Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: muntrik102@yandex.ru*

Е. Ю. Кононович, М. И. Бажин

Предварительные результаты археологических исследований на ул. Кузнецкой в г. Пскове в 2024 г.

Резюме. В статье изложены краткие предварительные результаты спасательных раскопок на территории Плехановского посада Пскова. В ходе работ был исследован культурный слой XV–XVII вв., две позднесредневековые постройки и окружающая их территория. Во второй части статьи приводится описание основных категорий находок.

Ключевые слова: Псков, Плехановский посад, спасательные раскопки, Позднее Средневековье.

E. Yu. Kononovich, M. I. Bazhin. Results of Archaeological Research in Kuznetskaya Street in Pskov in 2024

Abstract. The paper presents brief preliminary results of the rescue archaeological excavations on the territory of the Plekhanov Posad in Pskov. The investigations uncovered a cultural layer dating from the XV to the XVII centuries, two late medieval buildings, and associated features of the site's spatial layout. In the second part of the paper, there is a review of main categories of archaeological finds.

Keywords: Pskov, Plekhanovsky Posad, rescue archaeological excavations, Late Middle Ages.

В 2024 г. экспедицией ИИМК РАН были проведены спасательные раскопки на территории Плехановского (Петровского) посада Пскова, по адресу ул. Кузнецкая 33А (территория бывшего яблоневого сада). Участок расположен за стеной Окольного города, в 150 м к юго-востоку от Петровских ворот, в квартале между ул. Льва Толстого и ул. Плехановский посад (рис. 1). Раскопки предшествовали строительству и охватили всю территорию сада. Исследованная ИИМК РАН площадь составила 1890 кв. м, была разделена на четыре смежных раскопа, по сложившейся в Пскове практике нумерации исследуемых объектов, получивших обозначения *Плехановские 7–10*. На соседнем участке, площадью 990 кв. м, раскопки проводились специалистами ГБУК «Псковский археологический центр» (раскоп *Плехановский 6*).

Мощность антропогенных отложений на исследованной территории колеблется от 0,7 до 1,6 м (без учета заглубленных в материк объектов). Верхняя часть культурного слоя на всей площади участка переотложена в результате

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.39-50

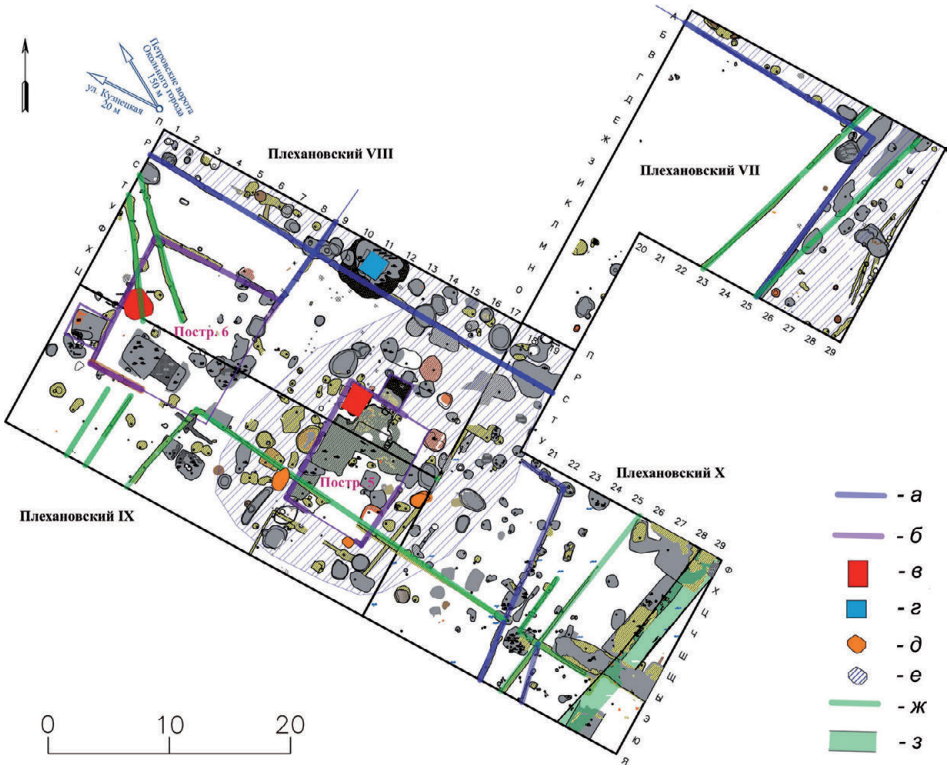

Рис. 1. Сводный план позднесредневековых археологических комплексов (*а* – планировка конца XV – XVI в.; *б* – реконструируемые контуры внешних стен построек конца XV – XVI в.; *в* – отопительные конструкции в постройках; *г* – колодец конца X – XVI в.; *д* – ямы, заполненные металлургическим шлаком; *е* – зоны концентрации хозяйственных ям; *ж* – планировка XVII – начала XVIII в.; *з* – улица XVII – начала XVIII в.)

позднейшей хозяйственной деятельности и местами перемешана со строительным мусором. Мощность непотревоженного культурного слоя составляет от 0,1 до 1,0 м и увеличивается в юго-восточном направлении, по мере понижения естественного рельефа в сторону русла р. Псковы. Нижняя часть культурных отложений в юго-восточной части исследованной площади на Плехановском 10 раскопе представляет собой мокрый слой, содержащий деревянные конструкции и предметы из органических материалов, однако на остальной площади раскопов культурный слой характеризуется как «сухой» слабо гумусированный со значительной долей костей животных.

Историю освоения и застройки исследованного в ходе раскопок участка можно разделить на три хронологических этапа (рис. 1). Наиболее ранние слои и объекты датируются концом XV–XVI в. К этому периоду относятся две крупные наземные постройки с отопительными конструкциями и подполами, частокольные траншеи, колодец и масса хозяйственных ям. Количественно археологические комплексы и находки конца XV–XVI в. преобладают над более поздними.

Следующий этап освоения территории можно ограничить серединой XVII – началом XVIII в. Данный период представлен относительно слабо, с ним связаны остатки деревянного настила, исследованные в юго-восточной части Плехановского 10 раскопа и некоторые частокольные канавки, имеющие небольшое смещение относительно планировки XVI в., а также некоторые хозяйственные ямы, сконцентрированные в основном в восточной части исследованной территории.

Археологические комплексы и находки XVIII–XIX вв. на исследованной территории, за очень редким исключением, отсутствуют. С периодом конца XIX – XX в. связаны четыре крупные столбовые постройки, занимавшие весь участок, два колодца и серия крупных ям, существенно повредивших культурный слой предшествующего времени.

Центральным элементом планировки исследованного участка в конце XV – XVI в. являются две крупные наземные постройки срубной конструкции (рис. 1). **Постройка 5** расположена по центру исследованной территории, с ней связаны печь на каменном основании и подпол с оформленным входом. Постройка расположена на участке раскопа, где дерево не сохранилось, поэтому определить внешние габариты сооружения достаточно затруднительно. Тем не менее к юго-западу от входа в подземную часть, в материке, зафиксирована канавка с двумя прямыми углами, которую можно интерпретировать как след от просевшего на эту сторону нижнего венца сруба. Исходя из длины канавки и расстояния от нее до печи, расположенной в углу сооружения, реконструируемые размеры постройки составляют 11×7,5 м.

Подпол *постройки 5* имеет составную Г-образную форму. Вход был оформлен с юго-западной сторон в виде трех вырезанных в материке ступеней. В противоположной северо-восточной части помещения в дно подпола была вкопана деревянная дренажная бочка или колода. Все заполнение подпола представляет собой однородную серо-коричневую супесь, содержащую незначительное количество находок.

Печь располагалась в северном углу постройки. От конструкции сохранилось прямоугольное каменное основание, сложенное из известняковых плит со следами плохо сохранившегося раствора, уложенных в два-три ряда. Размеры основания 2,2×1,5 м. К югу от основания печи была зафиксирована линза черного горелого слоя, содержащая в большом количестве шлак, металлические выплески, прямоугольные и дуговые кирпичи и многочисленные сильнообожженные фрагменты глиняных сопел (рис. 2).

Наличие шлака и сопел для нагнетания температуры достаточно однозначно указывают на производственный характер *постройки 5*. Вокруг постройки прослеживается повышенная концентрация хозяйственных ям. Три крупные ямы были полностью заполнены железным шлаком общей массой более 150 кг. Косвенно о нежилом назначении *постройки 5* свидетельствует и малое количество бытовых предметов, в первую очередь фрагментов керамики в заполнении подпола. Ранее, при раскопках на соседнем земельном участке (здание областной Прокуратуры), в слоях второй половины XV – первой половины XVI в. уже фиксировалась следы первичной обработки железа *(Кулакова*, 2017. С. 9).

Рис. 2. Постройка 5. *1* – каменное основание печи и линза слоя со шлаком и соплами; *2–3* – фрагменты сопел; *4* – дуговой кирпич

Еще одна постройка (**постройка 6**) была расположена западнее, ближе к ул. Кузнецкой и ориентирована вдоль нее. К постройке также относятся подпол, печь, канавки от просевших венцов сруба вокруг них и небольшая столбовая пристройка. Внешние габариты сооружения, как и вышеописанном случае, восстанавливаются лишь приблизительно и составляют 12×7 м.

Подпол *постройки 6* имеет иную конструкцию и заполнение, чем вышеописанный. Он представляет собой крупную подпрямоугольную яму размерами 5,5×3,5 м, расположенную вдоль юго-западной стены постройки. Специально оформленный вход не прослеживается, в углах на дне зафиксированы столбовые ямы. Заполнение комплекса стратифицировано, из него происходит более 1000 фрагментов керамики, две половинки игральной «шашки», три свинцовые торговые пломбы, весовая гирька и литая серьга (рис. 3). Достаточно узкую датировку комплекса дают серебряная денга (1523–1525 гг.) и два пула тверской чеканки (1535 – конца 1550-х гг.)[1]. На дне подпола расчищен развал сероглиняного горшка.

Остатки печи в *постройке 6* также расположены в северном углу сооружения. Они представляют собой округлый развал обломков обожженной глины,

[1] Определение нумизматического материала выполнено сотрудником Института истории материальной культуры РАН К. В. Горловым

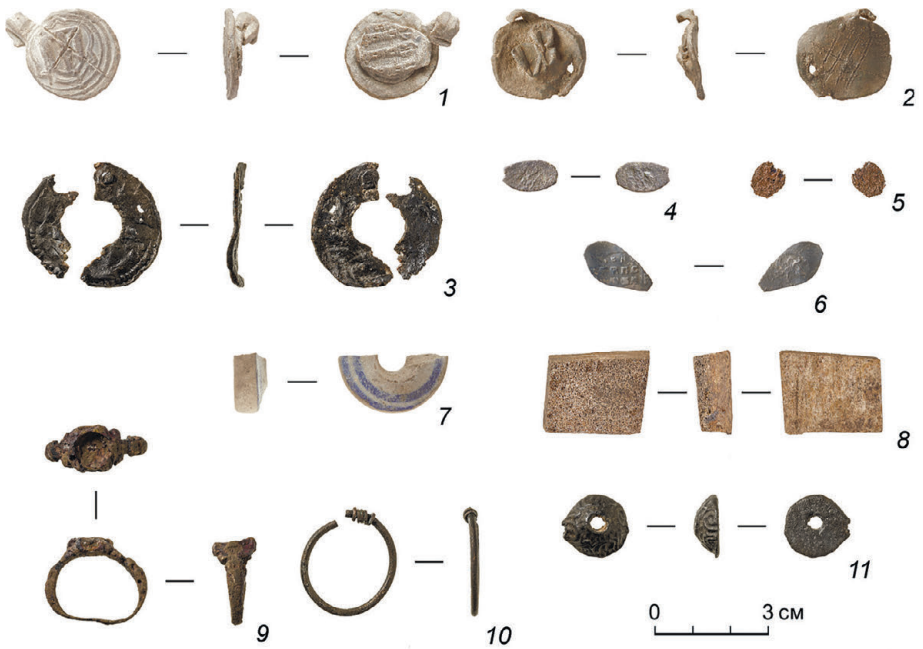

Рис. 3. Постройка 6. Находки из заполнения подпола. *1–3* – торговые пломбы; *4–6* – монеты; *7* – «игральная фишка»; *8* – костяная заготовка; *9* – перстень; *10* – серьга; *11* – пуговка-гирька

включающий фрагменты прямоугольных и дуговых кирпичей. Каменное основание, подобное тому, что зафиксировано в *постройке 5*, отсутствует.

Вплотную к северо-западной стене *постройки 6* примыкало еще одно небольшое, заглубленное сооружение со столбовыми ямами по углам котлована. В заполнении зафиксированы остатки сгоревшего пола и очага по центру (рис. 4). На уровне пола была найдена серебряная денга Псковской республики 1480–1490-х гг., являющаяся наиболее ранней монетой, обнаруженной при раскопках на этом участке.

Обе постройки включены в систему частокольных канавок, прослеженных по всему раскопу и отражающих дробление территории на земельные участки (рис. 1). Данная застройка существует примерно до последней четверти XVI в. Несколько комплексов этого периода «прорезаны» частокольными канавками, имеющими иное направление, которые можно предварительно отнести к середине XVII – началу XVIII в. Ко второму этапу планировки территории относится и деревянный настил в южной части Плехановского 10 раскопа, на котором найдена монета периода правления Петра I.

Описание основных категорий находок

Коллекция артефактов, собранная в результате исследований, насчитывает 48 тыс. единиц, из которых около 88% составляют массовые керамические изделия. В целом вся коллекция может быть отнесена к XV–XX вв. Находки,

Рис. 4. Столбовая постройка с очагом

связанные с изученным культурным слоем и закрытыми комплексами, датируются XV–XVII вв. с преобладанием предметов XVI в.

Массовый материал представлен в основном керамической посудой и архитектурно-строительными деталями. К посуде относятся сероглиняные, красноглиняные, поливные и лощеные сосуды. Кухонная посуда представлена однотипными приземистыми сильно профилированными горшками, кувшинами и крышками (рис. 5: *1–5*). К поливным сосудам относятся фляги, водолеи и кубышки (рис. 5: *8–10*).

Архитектурно-строительная керамика включает дуговые красноглиняные орнаментированные кирпичи, простые прямоугольные кирпичи, киоты, колончатые изразцы-перемычки и фрагменты поливных изразцов (рис. 5: *6–7, 11*). Дуговые кирпичи количественно преобладают над всеми прочими изделиями в этой категории, всего при раскопках обнаружено 939 фрагментов. Абсолютное большинство найденных дуговых кирпичей украшены треугольным штампом с орнаментом из концентрических треугольников типов А-I (2) А-I (в-2), по Т. Ф. Прибуровой (*Прибурова*, 2019. С. 64). Другие варианты типов орнамента представлены единичными мелкими фрагментами.

Железные изделия включают домашний и хозяйственный инвентарь, а также различную фурнитуру. Наиболее распространенными категориями являются кованые гвозди и прочие скобяные изделия. Коллекция ножей насчитывает 58 определимых экземпляров. Домашняя утварь состоит из серии замков и ключей, осветительных приборов, а также инструментов (рис. 6: *1–4*). Вооружение и снаряжение всадника и коня представлены единичными экземплярами: арбалетный болт, свинцовые пули, ружейный кремень, удила, шпоры и детали конской упряжи (рис. 6: *6–8*). Обнаружено значительное количество

Рис. 5. Изделия из керамики. *1–3* – крышки; *4–5* – горшки; *6* – изразец; *7* – киот; *8–10* – поливные сосуды; *11* – дуговой кирпич

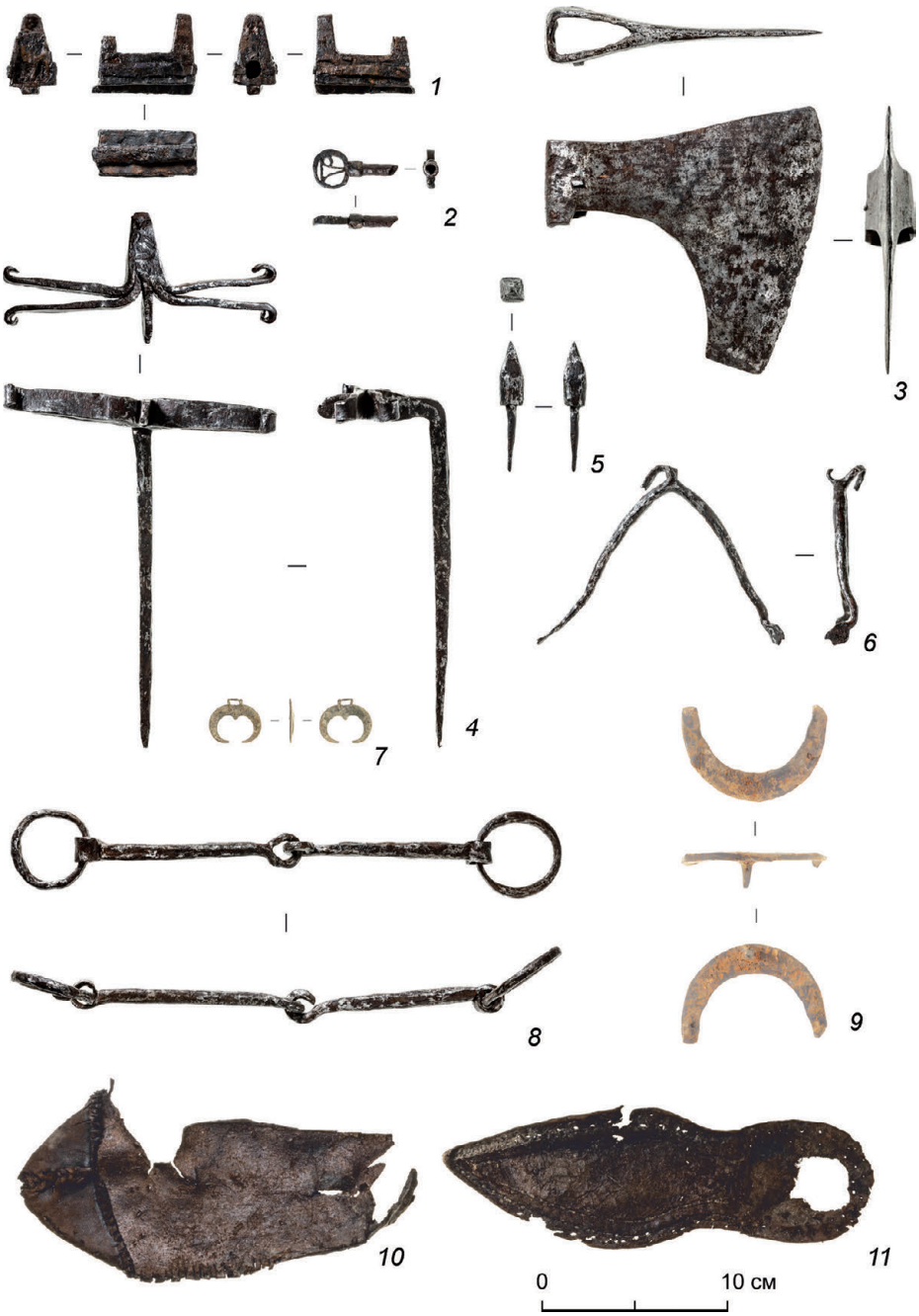

Рис. 6. Изделия из металла (*1–9*) и кожи (*10–11*). *1* – замок; *2* – ключ; *3* – топор; *4* – светец; *5* – арбалетный болт; *6* – шпора; *7* – луновидная струйная привеска; *8* – удила; *9* – обувная подковка; *10–11* – обувь

обувных подковок (рис. 6: *9*) и гвоздиков. Помимо изделий из металла, связанных с обувью, в заполнении комплекса 74 с мокрым слоем была обнаружена серия кожаных изделий (рис. 6: *10–11*), которая может быть датирована первой половиной XVI в.[2]

Находки из цветных металлов характеризуются монетами, украшениями, пуговками-грузиками, товарными пломбами, накладками, инструментами и предметами личного благочестия, фурнитурой кожаных изделий.

Нумизматическая коллекция насчитывает 83 монеты от XV до XX в., более половины из которых относятся к периоду правления Ивана Грозного.

Среди индивидуальных находок можно выделить вислую печать архиепископа Геннадия Гонзова (рис. 7: *1*), занимавшего Софийскую кафедру с 1484 по 1504 г. *(Белецкий С., Белецкий В.*, 2022. С. 266). Редкой находкой является дорница для просфор или печать для всенощного хлеба (рис. 7: *2*). Близкие предметы были найдены в Пскове при раскопках в Окольном городе (*Колпакова*, 2014. С. 83–84). Среди предметов личного благочестия присутствует круглая подвеска – иконка с поясным изображением двух святых (рис. 7: *3*). Под изображением святых рельефная полоса, отделяющая образы от подписи «МИКИТ», которая позволяет предположить, что на иконке изображены святые Никита и Николай (?). Аналогичные иконки со следами местного производства (остатки литника и брака) хранятся в Новгородском музее (№ ГК 24258599 и 5038487) и датируются XII–XIV вв. Еще одна нательная иконка с поясным изображением двух святых, бронзовая, со следами производственного брака обнаружена в заполнении хозяйственной ямы XV в. на Досланьском I раскопе в Великом Новгороде в 2011 г. (*Олейников,* 2014. С. 233, рис. 7, 4; ГК[3] 6559350). В составе коллекции отмечены свинцовые товарные пломбы, среди которых особенно выделяются три образца с надписью «Forder Gorlitz», происходящие из города Гёрлиц в Саксонии и датирующиеся XVI в. (рис. 7: *4*) (*Турова*, 2021. С. 132–138). Украшения в большинстве своем представлены перстнями-печатками (рис. 7: *9*), пуговками (рис. 7: *14*), в том числе выразительна серия свинцовых пуговок-гирек и литейная формочка, предназначенная для их отливки (рис. 7: *6–7*). Отдельную категорию образуют металлические украшения и фурнитура для кожаных изделий, выполненные из цветных металлов (рис. 7: *11, 13*), а также личные принадлежности, среди которых копоушка, игольница и небольшой кинжаловидный подвешиваемый нож (рис. 7: *5, 10*). Стоит отметить серию оконной слюды геометрических форм с перфорацией по краю (рис. 7: *16*).

К находкам, характерным для более раннего периода, можно отнести фрагмент креста-тельника из медного сплава так называемого «скандинавского типа»[4] (рис. 7: *8*), шиферное пряслице и подковообразную фибулу

---

[2] Определение изделий из кожи выполнено сотрудником Института истории материальной культуры РАН И А. В. Курбатовым.

[3] ГК – Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации.

[4] По типологии А. Ю. Кононович данный экземпляр относится к типу III.4 и может быть датирован XII–XIII вв. (*Чуракова*, 2017. С. 159–168)

Рис. 7. Разные находки. *6*, *12* – изделия из камня; *15* – кость; *16* – слюда; остальные цветной металл.

с закрученными концами (рис. 7: *12, 17*), однако не исключено бытование этих предметов и в более поздний период. Еще одна, очевидно, более ранняя находка – блоковидное кварцитовое огниво (рис. 8). Такие огнива были распространены в Балтийском регионе в I–VII вв. н. э., хотя верхняя дата остается спорной. Огниво происходит из хозяйственной ямы, в остальном содержавшей материал, характерный для XVI в., возможно, предмет был найден и использован вторично. В Пскове известны случаи находок огнив в слоях IX–XI вв. Кварцитовые огнива, обнаруженные в позднесредневековом контексте, происходят из Новгорода, Таллина и ряда селищ в нижнем течении р. Луги (*Михайлова*, 2011. С. 180).

Рис. 8. Блоковидное каменное огниво

В результате проведенных на ул. Кузнецкой исследований установлено, что начало интенсивного освоения и застройки территории относится к рубежу XV–XVI вв., а наибольшая интенсивность накопления культурного слоя приходится на вторую – третью четверти XVI в. В этот период на исследованном участке расположены две крупные постройки, а территория разделена на прямоугольные земельные владения. Одну из построек можно уверенно связать с металлургическим производством, что отражает род занятия населения и коррелирует с итогами предыдущих изысканий, а также городской топонимикой (*Кулакова*, 2017. С. 9). Коллекция демонстрирует характерную для позднего средневековья картину. В последней четверти XVI в. «выпадение» находок резко прекращается, что, вероятно, связано с осадой Пскова Стефаном Баторием и последующими событиями Смутного времени. Примерно в середине XVII в. территория осваивается повторно, но планируется уже иначе, используется менее интенсивно и не застраивается вплоть до XX в.

Литература

Белецкий В. Д., Белецкий С. В., 2022. «Архив» актовых печатей из раскопок в Довмонтовом городе Пскова. СПб.: ГЭ. 470 с.

Михайлова Е. В., 2011. Находки кварцитовых огнив на территории Северо-Запада Восточной Европы // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы 57-го заседания. С. 175–182.

Колпакова Ю. В., 2014. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы 59-го заседания. Вып. 29. С. 82–94.

Кулакова М. И., 2017. Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2015 г. // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы 62-го заседания. Вып. 32. М.: ИА РАН. С. 7–26.

Олейников О. М., 2014. Археологические исследования в северной части Неревского конца Великого Новгорода (раскоп Досланьский) // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы 59-го заседания. Вып. 29. С. 225–234.

Прибурова Т. В., 2019. Типология оттисков штампов на псковских дуговых кирпичах // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы 64-го заседания. Вып. 34. С. 55–82.

Турова Е. А., 2021. Свинцовая текстильная пломба начала XVI века из раскопок на территории Царицына двора Александровской слободы // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 132–161.

Чуракова А. Ю., 2017. Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI–XII вв. // Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Бранко. С. 159–177.

* * *

Кононович Екатерина Юрьевна, *Санкт-Петербург, ИИМК РАН, e-mail: kononovichekaterina@gmail.com*

Бажин Максим Игоревич, *Санкт-Петербург, ИИМК РАН, e-mail: bazhinmaxim7@gmail.com*

А. В. Михайлов

Археологические исследования у ц. Николы со Усохи в 2023–2024 гг.

Резюме. В 2023–2024 гг. проводились спасательные археологические работы у ц. Николы со Усохи в г. Пскове. Были исследованы участки церковного кладбища XV–XVII вв., обнаружен могильник древнерусского времени – XI–XII вв., установлено местоположение первоначального каменного Никольского храма конца XIV в., ц. Варвары со Усохи XV в., изучен участок городской застройки (улица и усадьбы) XV–XVI вв., получены новые данные об архитектурных особенностях храма Николы XVI в.

Ключевые слова: Псков, ц. Николы со Усохи, ц. Варвары со Усохи, церковное кладбище XV–XVII вв., могильник XI–XII вв., клад XVI в.

A. V. Mikhailov. Archaeological research at the Church of St. Nicholas from the Usokha in 2023–2024

Abstract. From 2023–2024, rescue archaeological works were conducted at the Church of St. Nicholas on the Usokha in Pskov. Sections of the church cemetery dated to the 15th–17th centuries were explored, a burial ground dated back to the Old Russian period (11th–12th centuries) was discovered, the location of the original stone Church of St. Nicholas of the late 14th century and the Church of St. Barbara on the Usokha of the 15th century were established, a section of urban development (street and estates) of the 15th–16th centuries was studied, and new data on the architectural features of the 16th-century Church of St. Nicholas were obtained.

Keywords: Pskov, Church of St. Nicholas on the Usokha, Church of St. Varvara on the Usokha, church cemetery of the 15th–17th centuries, burial ground of the 11th–12th centuries, hoard of the 16th century.

В период с сентября 2023 по сентябрь 2024 г. ООО «Псковская областная экспедиция» проводила спасательные археологические исследования в г. Пскове у ц. Николы со Усохи. Работы были связаны с реставрацией церкви и благоустройством прилегающей территории. Всего было заложено 4 раскопа общей площадью 704 кв. м (рис. 1). Мощность культурных отложений, включая отложения XX в., достигает 4,5 м.

Церковь Николы на Усохе – бывший кончанский храм древнего Опоцкого конца в Пскове. По свидетельству летописей, этот храм впервые был построен в 1371 г. Вторая Псковская летопись под 1371 г. сообщает: «Поставлена

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.51-65

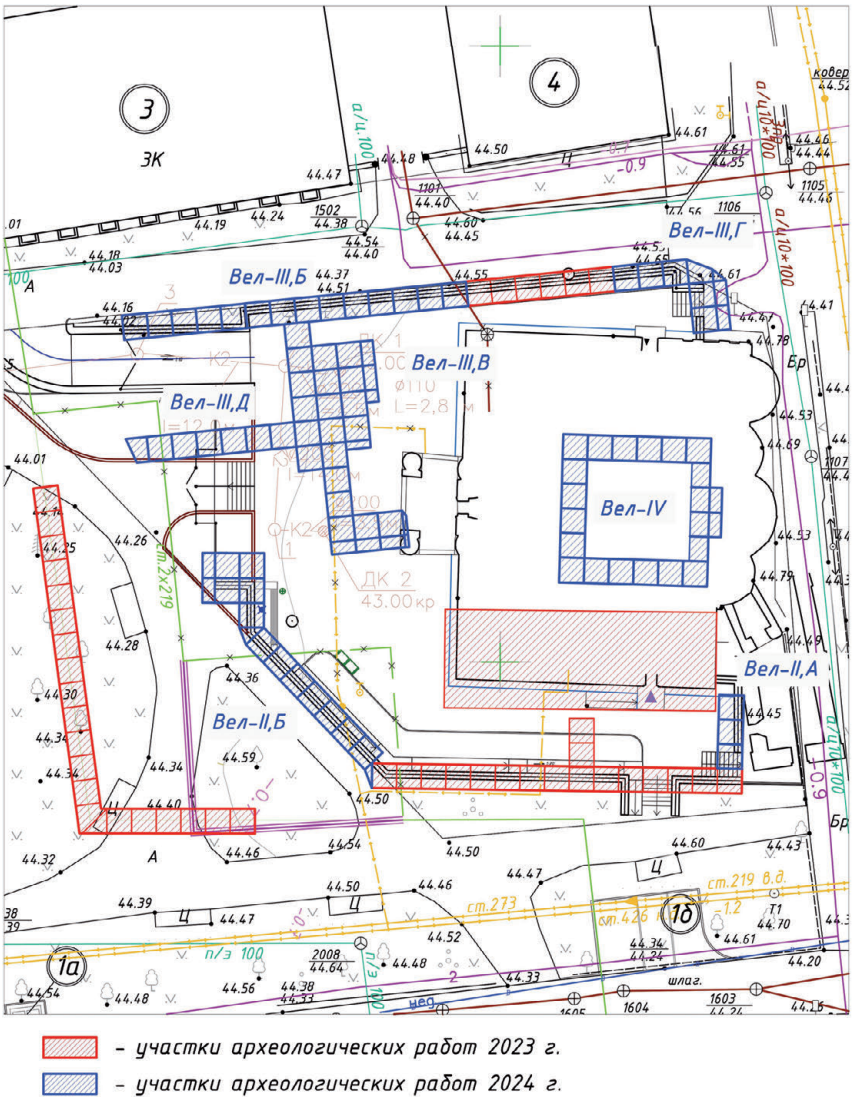

Рис. 1. Схема расположения раскопов у ц. Николы со Усохи

бысть церковь камена святого Николы на Всосе» (ПЛ, 1955. С. 28). В Псковской третьей летописи под этим же годом сказано: «Свершена бысть церковь святого Николы у Вопоки, камена» (ПЛ, 1955. С. 105). Место, где находился храм, в XV в. не раз выгорало: в 1406 г., когда «весь Псков погорел» (ПЛ, 1955. С. 112), в 1451 г., когда «погоре весь град Псков» (ПЛ, 1955. С. 139), в 1466 г., когда пожар начался на Усохе (ПЛ, 1955. С. 162). Под 1473 г. летопись сообщает: «Тоя же весне около буя святого Николе, у Вопочском конци, каменем оделав и врата каменыя изрядив, и садом яблонями насадили» (ПЛ, 1955. С. 193).

Рис. 2. Придел Иоанна Богослова XIX в. Вид с востока

Под 1536 г. в летописи вновь говорится, что «свершена бысть церковь святый Никола на Усохи» (ПЛ, 1955. С. 228). Новая церковь, вероятно, пострадала от пожара в 1550 г. Большой пожар в 1562 г. миновал ее, что видно из описания пожара, но в 1609 г., когда сгорел весь Псков, она, видимо, вновь была повреждена (*Спегальский,* 2009. С. 52–53).

В сентябре 2023 г. проводилось археологическое сопровождение земляных работ в районе уничтоженного в годы Великой Отечественной войны придела Иоанна Богослова. Придел был построен в 60–70-х гг. XIX в., достаточно сильно пострадал от бомбежек (в частности, была полностью уничтожена южная стена придела). Остатки конструкций придела были разобраны в ходе реставрации ц. Николы со Усохи в 60-е годы XX в.

На глубине 0,6–0,8 м от уровня современной дневной поверхности к югу от существующего здания ц. Николы со Усохи были выявлены остатки восточной, южной и западной стен придела Иоанна Богослова. Придельная церковь представляла подпрямоугольный в плане объем, примыкающий с юга к ц. Николы со Усохи. На южной стене придела отчетливо фиксируются гнезда под поперечные лаги деревянного пола. Также на основании южной стены прослежена нижняя часть дверного проема (рис. 2). К периоду существования придела относится и квадратное основание престола, которое было выявлено в восточной части объема.

При выборке грунта внутри объема придела XIX в. и дальнейших работ по зачистке основания уровня понижения грунта была обнаружена южная стена более ранней южной галереи храма. Южная стена галереи проходит параллельно южной стене придела XIX в., в 1,0–1,2 м от нее. Проведенные расчистки

и разведочный шурф в юго-западном углу придела показали, что кладка южной стены придела (его юго-восточного и юго-западного углов) приложена к восточной и западной стенам более ранней галереи. Южная стена галереи была разобрана в XIX в. до уровня нижних отметок лаг пола таким образом, чтобы они опирались на основание ранней кладки.

В западной части объема было зафиксировано основание поперечной стенки, которая разделяла пространство галереи на два помещения: большее восточное и меньшее западное. Остатки отопительного устройства (печи), зафиксированные внутри галереи, у южной стены четверика, по всей видимости, связаны с приделом XIX в.

В восточное помещении галереи снаружи вел вход, расположенный напротив южных ворот церкви: при зачистке южной стены галереи было выявлено основание дверного проема.

Внутри более ранней галереи, вдоль южной стены церкви, к востоку от южных ворот храма были встречены остатки минимум двух кирпичных саркофагов. Саркофаги расположены один за другим вдоль южной стены церкви. Они имели вверху полукруглые кирпичные своды, обрушившиеся со временем. Своды опирались на кирпичные стенки. Внутреннее пространство саркофагов не исследовалось.

Великоулицкий-II раскоп. В ходе проведения работ на Великоулицком-II раскопе впервые были получены данные о первоначальной каменной ц. Николы со Усохи (1371 г.). В кв. 5, 6 с уровня -238/-241 см у северной стенки траншеи зафиксирована часть достаточно крупного каменного сооружения, большая часть которого оказалась скрыта северным профилем раскопа. Зафиксированные размеры в пределах раскопа составляют 2,2×1,0 м (рис. 3). Конструкция прямоугольная в плане, сложена из крупных известняковых плит на известковом растворе. В ходе дальнейших исследований объект был раскрыт до уровня фундамента, который представляет собой ряд крупных гранитных валунов, пролитых раствором. В качестве гипотезы можно говорить о том, что этот объект может быть связан с основанием каменной звонницы первоначального каменного храма Николы со Усохи.

В кв. 7а, 7б, 7в у западного профиля раскопа с уровня -260/-275 см расчищены плиты пола ц. Николы со Усохи 1371 г. Они представлены двумя крупными известняковыми плитами, уходящими в западный профиль. Зафиксированные размеры плит 1,0×1,2–1,3 м. С юга к плитам пола примыкает скопление хаотично лежащих известняковых плит. Плиты пола перекрывает слой строительного мусора, в котором встречено около пятидесяти мелких фрагментов штукатурки со следами фресковой росписи.

Исходя из наблюдений за стратиграфией культурных отложений в пределах раскопа и анализируя комплекс находок, можно предположить, что выявленный на уч. А слой строительного мусора связан с полной разборкой здания первоначального каменного храма Николы со Усохи. Разборка церкви, очевидно, предшествовала строительству ныне существующего здания в 1536 г. Судя по всему, более ранний храм имел меньшие размеры, внутри был расписан фресками и располагался южнее здания существующей церкви.

Рис. 3. Каменные конструкции первоначального каменного храма Николы со Усохи (1371 г.). Вид с востока

В раскопе обнаружена и зафиксирована стена каменной церковной ограды 1473 г. В кв. 1–7 с уровня -264/-311 см вдоль южной границы раскопа под слоем строительного мусора было выявлено основание каменной церковной ограды, возведение которой, согласно сообщениям псковских летописей, относится к 1473 г. Основание ограды прослежено в раскопе на протяжении 12,6 м, зафиксированная ширина – от 0,2 до 1,8 м. Остатки ограды представляют собой валунное основание, верхняя часть которого покрыта отдельными известняковыми плитами на растворе. Нижняя часть кладки сохранилась на 2–3 ряда, сложена из известняковых плит на известковом растворе (рис. 4). На основании стратиграфических наблюдений можно говорить, что каменная стена 1473 г. была разобрана одновременно с ранним каменным храмом перед строительством церкви 1536 г. В первой половине XVI в. на основании старой стены возводится новая каменная стена церковной ограды, которая, в свою очередь, была частично разобрана в XVIII в., когда была сооружена новая стена, просуществовавшая до Великой Отечественной войны.

Все описанные стены практически не меняли своих трасс и стоят одна на одной. Принимая во внимание, что в восточной части раскопа не выявлено ни одного захоронения, можно предположить, что на этом месте располагалось некое общественное пространство, скорее всего яблоневый сад, упомянутый в летописном сообщении 1473 г.

В траншее к западу от входа в церковь впервые обнаружены и исследованы архитектурные элементы каменных ворот церковной ограды. В северной части

Рис. 4. Кладки каменной ограды XV–XVIII вв. (раскоп II, уч. А). Вид с севера

участка полностью раскрыта в плане и до основания фундамента конструкция южного пилона каменных ворот церковной ограды Нового времени. Южный пилон ворот представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию, сложенную из известняковой плиты на известковом растворе. Судя по характеристикам заполнения внутреннего пространства указанной конструкции, оно длительное время использовалось как подвал. Подтверждением тому служат каменные основания ступеней деревянной лестницы, зафиксированные на внутреннем фасаде западной стены пилона.

Ниже основания южного пилона ворот сохранился участок непотревоженного средневекового культурного слоя, в котором прослежены следы пожара 1550 г. Из этого слоя происходит монетный клад середины XVI в. из 17 серебряных монет. По мнению сотрудника ИИМК РАН К. В. Горлова, клад отличается интересным и необычным составом. В нем есть целых две четверетцы Псковской республики, которые в составах кладов почти не известны, денги независимого Пскова, монеты правления Василия Темного, Ивана III, Василия III. Время чеканки младших монет указывает, что накопление капитала и его последующее сокрытие произошли около 1515–1520 гг.[1]

[1] Благодарим К. В. Горлова за атрибуцию монетного материала и предложенную датировку клада.

Рис. 5. Плиты пола ц. Варвары со Усохи XV в. (раскоп III, уч. Б). Вид с востока

Великоулицкий-III раскоп. Результаты исследований на Великоулицком-III раскопе позволили существенно уточнить строительную историю церкви 1536 г., включая периоды ее ремонтов и перестроек. Работы на раскопе позволили впервые достоверно определить местоположение каменной церкви Варвары Великомученицы со Усохи, построенной в 1421 г. В западной части уч. Б были выявлены каменные конструкции, связанные с существовавшей здесь в XV–XIX вв. ц. Варвары Великомученицы со Усохи. Каменная церковь была построена в 1421 г. и просуществовала до первой половины XIX в., когда была разобрана на плиту (*Лабутина,* 2011. С. 286). До проведения археологических исследований точное местоположение церкви не было известно. В западной части участка раскрыт участок плитнякового пола храма, а также обнаружена кладка основания южной апсиды церкви (рис. 5). На поверхности пола собрано около 200 фрагментов керамического зеленополивного лемеха, украшавшего главку Варваринской церкви.

В северной части уч. В было обнаружено каменное основание деревянной постройки хозяйственного назначения. Через центральную часть постройки проложена теплотрасса 70–80-х гг. XX в., которая участками уничтожила кладку до самого основания. Постройка была возведена вплотную к церковной ограде, на территории церковного кладбища (ниже уровня пола прослежено несколько ярусов средневековых погребений). Основание постройки

Рис. 6. Каменное основание постройки XVI в. (раскоп III, уч. В). Вид с запада

практически квадратное в плане, ее размеры составляют 4×4 м. Каменное основание сложено из известняковых плит на глиняном растворе. Зафиксированная ширина стен – 0,5–0,7 м (рис. 6). Кладка стены покоится на валунном основании (прослежен один ряд валунов). Внутри постройки прослежены участки сгоревшего пола из толстых досок. Поскольку в каменных стенах не обнаружено следов дверного проема, следует предположить, что на уч. В вскрыт каменный подклет деревянной постройки. По всей видимости, выявленный объект был построен одновременно со строительством существующего храма и перестройкой стены церковной ограды. Постройка погибла в пожаре середины XVI в. и больше не восстанавливалась. Позднее на участке, которая она занимала, было совершено несколько погребений.

Внутри описанной постройки, ниже уровня пола было изучено несколько ярусов средневековых погребений. Всего исследовано 24 погребения, располагавшихся в четырех ярусах. Из-за гидрологических особенностей участка (высокий уровень стояния грунтовых вод) здесь хорошо сохраняется органика. Зафиксированы особенности конструкций деревянных гробов, изготовленных из толстых досок, как с применением железного крепежа (гвозди), так и без него. Не исключено, что в нескольких случаях гроб собирался непосредственно в могильной яме. В погребениях нижних ярусов прослежены каменные «подушки» под головами погребенных (про семантику каменных «подушек»

Рис. 7. Находки из погребений XV–XVI вв.: *1–2* – пуговицы-«грузики» орнаментированные, 3 – браслет пластинчатый орнаментированный спиралеконечный, *4–7* перстни щитковые литые

в средневековых погребениях см.: *Беляев*, 2005. С. 171–175). В трех случаях в погребениях встречена кожаная обувь: в двух погребениях – специальная погребальная обувь, в одном детском погребении – кожаные сапоги.

Подавляющее большинство погребений безынвентарны. В двух женских погребениях встречены перстни-печатки из свинцово-оловянистого сплава, а также трубочка-«косник» из спирально закрученной медной проволоки (рис. 7).

Вещевой материал, особенности погребальных конструкций позволяют датировать изученный участок кладбища XV – началом XVI в. и отнести его к первоначальному храму, построенному в конце XIV в.

К западу от крыльца церкви изучен еще один участок церковного кладбища XIV–XVI вв., относящийся к первоначальному храму Николы конца XIV в. (было раскрыто несколько ярусов погребений церковного кладбища; всего исследовано 28 погребений, располагавшихся в четырех ярусах).

Погребения совершены в дощатых гробах, подавляющее большинство из них безынвентарны. В нескольких погребениях прослежены каменные «подушки» под головой. В нижних ярусах кладбища, связанных, очевидно, с первоначальной Никольской церковью, зафиксирован оригинальный обряд погребения, когда гроб помещался в своеобразный каменный ящик, сложенный из известняковых плит (рис. 8). Плитами, поставленными на ребро, облицовывались стенки могильной ямы, а сверху гроб перекрывался большими плоскими плитами. Возможно, в этом случае, мы имеем дело с переосмыслением моды на белокаменные саркофаги, получившие широкое распространение на территории Московской Руси в XV в. (*Панова,* 2004. С. 76–94).

В нижнем ярусе погребений, в перемычке между двумя погребениями церковного кладбища, сохранилось захоронение древнерусского времени, связанное с более ранним могильником, который существовал на этом месте до церковного строительства. Захоронение совершено в деревянной конструкции,

Рис. 8. Погребение в каменном ящике (раскоп III, уч. В). Вид с юга

скрепленной по углам длинными гвоздями. На висках погребенной женщины зафиксированы серебряные трехбусинные кольца, которые крепились к головному венчику через отдельные колечки-рясна. В области груди были расчищены остатки ожерелья, в которое входили семь золотостеклянных бусин византийского производства, полая серебряная бусина, цилиндрическая бусина, сформированная из крупных шариков серебряной зерни, а также подвеска из арабского дирхема (рис. 9). По определению археолога и нумизмата В. С. Кулешова монета, послужившая основой для подвески, была отчеканена в первые годы XI в. на территории Караханидского государства в городе Узгенд (территория современной Киргизии)[2]. Такие монеты, связанные с самым последним периодом обращения восточного серебра, встречаются на территории Северо-Западной Руси достаточно редко. Обнаруженное женское погребение, по всей видимости, относится ко второй половине XI – XII в.

Только в южной части уч. В Великоулицкого-III раскопа был зафиксирован материк – плотный желтоватый супесчаный слой с включениями суглинка и отдельных гранитных валунчиков. Поверхность материка имеет следы подтоплений и участки аллювиальных отложений. Уровень материка зафиксирован на отметке -450 см.

[2] Благодарим В. С. Кулешова за атрибуцию монетной находки из погребения.

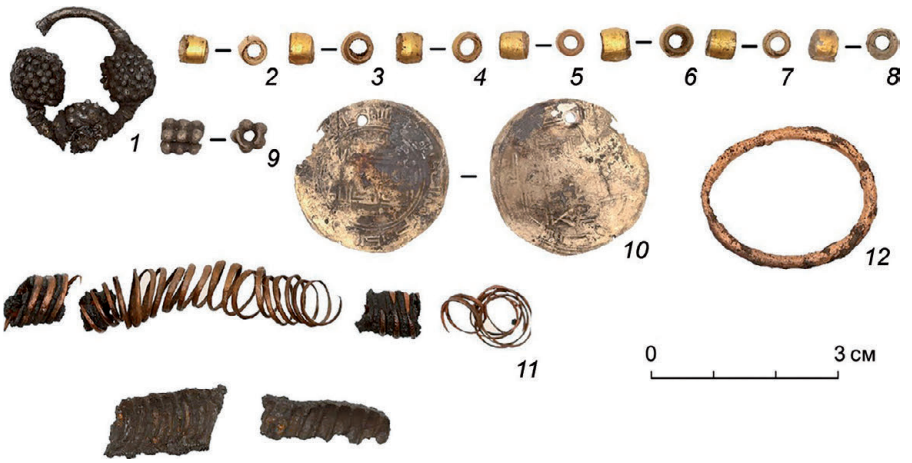

Рис. 9. Находки из погребения древнерусского времени: *1* – кольцо височное трехбусинное, *2, 3, 5–8* – бусины цилиндрические золотостеклянные, *4* – бусина бочонковидная золотостеклянная, *9* – бусина цилиндрическая зерненая, *10* – монета: дирхем, Караханиды, *11* – трубочка-косник, *12* – кольцо

За пределами церковной ограды, к западу от церкви (уч. Д) залегает однородный плотный темно-коричневый слой со щепой, что разительно отличается от картины, которая фиксировалась на всех остальных участках раскопа III.

В темно-коричневом слое раскрыты три горизонта деревянного замощения средневековой улицы. Улица шла вдоль внешней стороны церковной ограды, уличное замощение практически примыкает к кладке стены. Ширина уличного замощения составляет около 5 м, его протяженность в пределах раскопа – 4 м. Следует отметить, что минимум два яруса уличного настила были зафиксированы в северной части уч. В, к западу от церковной ограды. Верхний ярус со следами обожженности имеет наилучшую сохранность (рис. 10). Он представлен поперечными деревянными плахами, которые положены на продольные бревенчатые лаги (всего прослежено три такие лаги).

Второй ярус замощения представлен бревенчатыми лагами и остатками плах, которые сохранились преимущественно в районе лаг. Третий, нижний, ярус сохранил только бревенчатые лаги и отдельные деревянные и каменные подкладки под плахи настила. Очевидно, что плахи были сняты перед строительством второго яруса замощения.

В западной части участка на уровне уличного замощения прослежены остатки частокола жилого двора, к которому вел еще один небольшой деревянный настил. Частокол ограничивал пространство двора от улицы. К западу от описанного частокола был зафиксирован еще один, расположенный перпендикулярно трассе улицы и разделявший два жилых участка (северный и южный). На южном участке прослежено два яруса сгоревшего дворового настила, стенка колодезного сруба (сруб колодца сохранился на три венца) и разобранная печь, остатки которой были ссыпаны к частоколу.

Рис. 10. Верхний ярус уличного замощения (раскоп III, уч. Д.) Вид с запада

В ходе раскопок было установлено, что частокол между дворами поновлялся минимум два раза. Ранний состоял из крупных бревен диаметром ок. 0,25 м. Более поздний был сооружен из кольев диаметром до 0,1 м. Проложенная через толщу средневековых культурных отложений пластиковая труба ливневой канализации частично повредила несколько ярусов замощения и линию частоколов, что затруднило атрибуцию обнаруженных объектов. До получения дендродат выявленные ярусы деревянной застройки датируются в пределах XV – первая половина XVI в.

Великоулицкий-IV раскоп. По результатам работ внутри основного объема ц. Николы со Усохи (Великоулицкий-IV раскоп) было установлено местоположение первоначального престола, выявлена и зафиксирована недостроенная каменная палатка для хранения церковного имущества, расположенная в северо-западном углу четверика. Изученные напластования сформировались в процессе строительства церкви в 1536 г., значительных ремонтных работ в конце XVII в., реставрационных работ 50–60-х гг. XX в. Работы на раскопе Великоулицкий-IV были остановлены на уровне проектной отметки -340 см. Именно с этого уровня повсеместно фиксируется непотревоженный средневековый культурный слой, который сформировался до периода строительства каменного храма 1536 г.

В восточной части раскопа, в районе алтаря, выявлено каменное основание первоначального престола, представленное квадратной в плане вымосткой из крупных валунов общими размерами 1×1 м (рис. 11).

Рис. 11. Основание престола ц. Николы со Усохи 1536 г. Вид с запада

В северо-западном углу раскопа между северной, западной стеной и основанием северо-западного столба выявлена заглубленная в грунт каменная постройка. Обнаруженная постройка двухкамерная: в северной части фиксируется небольшой «коридор» с шестью каменными ступенями, которые спускаются к дверному проему, ведущему в основной объем постройки. Основной объем имеет размеры 2×2 м, зафиксированная высота стен составляет ок. 1,5 м (рис. 12). В основании основного объема прослежена вымостка из крупных валунов. Наблюдения за стратиграфической ситуацией, характеристиками слоя заполнения постройки позволяют предположить, что ее строительство не было завершено. Оно было прервано в финальной стадии, после чего объем был засыпан грунтом, взятым из фундаментных траншей существующего храма. Строительство обнаруженного объекта велось одновременно со строительством каменной церкви 1536 г. По всей видимости, выявленная постройка предназначалась для хранения церковного имущества. Подобная каменная «палатка» известна в основном объеме ц. Успения с Пароменья, построенной в 1521 г.[3] Вероятной причиной отказа от завершения строительства этого хранилища может быть высокий уровень стояния грунтовых вод, не позволивший использовать объект по его назначению.

[3] Благодарим А. Б. Постникова за предоставленную информацию о палатке Успенской церкви.

Рис. 12. Каменная палатка в северо-западной части ц. Николы со Усохи. Вид с юга

Из Великоулицкого-IV раскопа происходит более 50 индивидуальных находок. Наибольший интерес представляют находки древнерусского времени: височные кольца, фрагменты браслетов и привесок. В культурном слое встречено около десятка тисненых бляшек из тонкого серебряного листа, иногда покрытого позолотой. Такие бляшки известны на обширной территории в могильниках средневекового русского населения XII–XIV вв. В Пскове находки таких предметов единичны, таким образом, коллекция этих предметов с раскопа IV является наиболее представительной.

Коллекция индивидуальных находок со всех раскопов у ц. Николы со Усохи насчитывает более 450 предметов, которые отражают особенности материальной культуры псковичей XII–XVIII вв. Интерес имеет и представительная коллекция нумизматических находок (включая найденный на раскопе Великоулицкий-II клад), среди которых есть ранние псковские монеты XV в., чеканенные с использованием неизвестного до настоящего времени набора штемпелей. Особое значение имеет достаточно представительная коллекция предметов древнерусского времени, что является подтверждением существования в районе ц. Николы со Усохи культурных напластований XII–XIV вв.

Литература

Беляев Л.А., 2005. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // РА. № 4. С. 171–175.

Лабутина И.К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука. 344 с.

Панова Т.Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница. 195 с.

ПЛ – Псковские летописи. 1955 / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. М.: Изд. АН СССР.

Спегальский Ю.П., 2009. Реконструкция церкви Николы на Усохе в Пскове // Ю.П. Спегальский. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. Псков. С. 52–67.

* * *

Михайлов Александр Валерьевич, *Псков, директор ООО «Псковская областная археологическая экспедиция», e-mail: navigarch@gmail.com*

Ю. В. Колпакова, А. В. Фисенко

Резные наперсные кресты из района Завеличье г. Пскова (Климентовский-13 раскоп 2024 г.)

Резюме. В 2024 г. при проведении раскопок на территории между Мирожским монастырем и церковью Климента Папы Римского в г. Пскове (раскоп Климентовский-13) были обнаружены два нательных креста из костяного сырья. Подобные изделия редки. Кресты происходят из засыпки подвальных частей двух построек на Завеличье, разрушенных пожарами; предлагаемая датировка артефактов – XVI–XVII вв. Аналогичные предметы найдены в Пскове, Старой Ладоге, Ивангороде, Переяславле Рязанском и в других российских регионах. Сходство и различие в деталях позволяет внимательнее изучить публикуемые находки. В статье дается подробное описание артефактов, расшифровка и палеографический анализ надписи, имеющейся на одном из крестов. Кроме того, публикация включает тафономическую и сырьевую характеристику изделий, а также реконструкцию технологических этапов их изготовления.

Ключевые слова: Псков, Завеличье, XVI–XVII вв., наперсные кресты, реликварии, археологический контекст, вещеведческий анализ, реконструкция производственных этапов, метаподия крупного рогатого скота

Yu. V. Kolpakova, A. V. Fisenko. Carved Pectoral Crosses from the District of Zavelichye in Pskov (Klimentovsky-13 Excavation, 2024)

Abstract. In 2024, during the excavations between the Mirozhsky Monastery and the Church of St. Clement the Pope in Pskov (Klimentovsky-13 Excavation), two pectoral crosses made of bone were discovered. Such items are rare. The crosses originate from the basement fill of two buildings in Zavelichye, destroyed by fires; the proposed dating of the artifacts is the 16th–17th centuries. Similar objects have been found in Pskov, Staraya Ladoga, Ivangorod, Pereyaslavl-Ryazansky, and other Russian regions. Similarities and differences in details allow us to make a more detailed examination of the published finds. The article provides a detailed description of the artifacts, as well as a decipherment and paleographic analysis of the inscription on one of the crosses. Furthermore, the publication includes taphonomic and raw material characteristics of the items, as well as a reconstruction of the technological stages of their manufacturing.

Keywords: Pskov, Zavelichye, 16th–17th centuries, pectoral crosses, reliquaries, archaeological context, artifact analysis, reconstruction of production stages, cattle metapodium.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.66-78

Климентовский-13 раскоп 2024 г. носил охранный характер и предварял строительство дома по адресу г. Псков, ул. Красноармейская набережная, 19А (рис. 1).

На площади раскопа исследовался участок исторического района Завеличье на склоне береговых террас р. Мирожи и Великой между Мирожским монастырем и ц. Климента Папы Римского. На данный момент это самая южная часть Завеличья, изученная археологически. Площадь раскопа составила 245 кв. м. В ходе работ исследованы напластования XIV–XIX вв.

В процессе раскопок были раскрыты подвальные ямы трех построек, выдолбленные в известняковом материке. Выявленные сооружения образовывали единый жилой комплекс. Среди ярких находок с изученной площади следует назвать два нательных креста из костяного сырья, которые являются предметом данной публикации. Такие артефакты являются редкими, на сегодняшний день с территории г. Пскова происходит порядка 10 единиц.

Археологический контекст крестов из костяного сырья Климентовского-13 раскопа (рис. 2)

Крест вытянутых пропорций, с заглубленным крестовидным корытцем выявлен на уровне пласта 12 (-223) в верхней части внутреннего заполнения подвального помещения постройки 1, в развале мелких валунов в северной части постройки. Размеры подвальной ямы: по оси север – юг – 2,7–2,8 м,

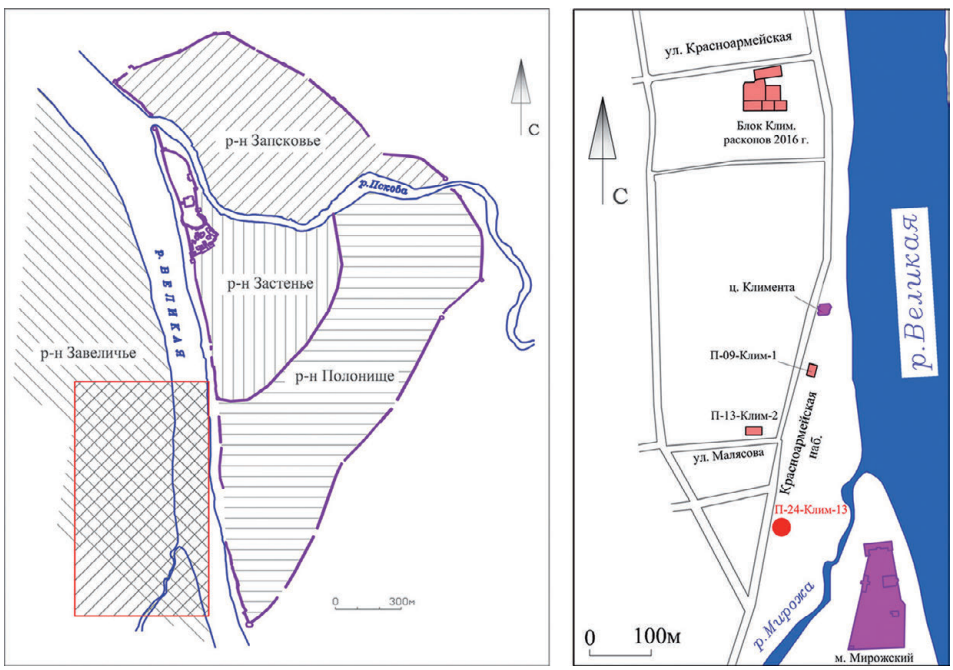

Рис. 1. Расположение Климентовского-13 раскопа 2024 г. на современной карте г. Пскова

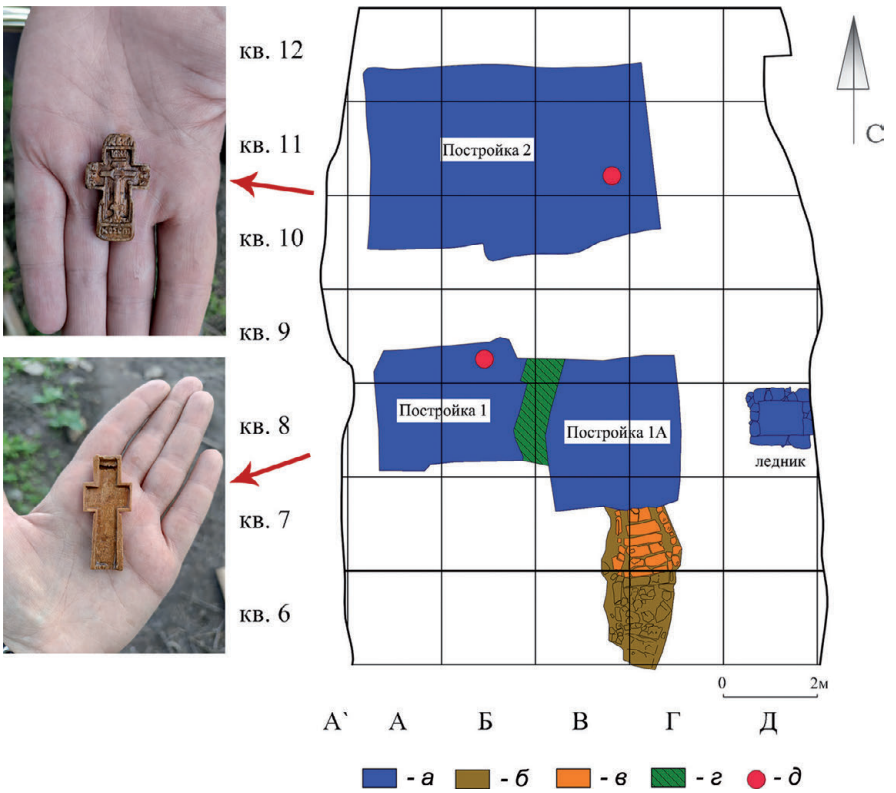

Рис. 2. Реконструкция застройки изученного участка и места обнаружения «костяных» крестов (*а* – постройки/сооружения; *б* – лестница; *в* – элементы на глиняном растворе; *г* – стенка, сложенная на сухую; *д* – места обнаружения находок)

по оси запад – восток – 3,2–3,3 м, глубина подвального помещения от материка – 1,5–1,9 м. Заполнение: темно-серый однородный грунт с керамикой XIV–XVII вв. На разных уровнях выявлены отдельные и в скоплениях средние и крупные валуны. В нижней части над полом выявлен горизонт грунта, насыщенного углем – горизонт пожара. После прекращения функционирования в результате пожара объем был засыпан грунтом с прилегающей территории с целью нивелировки углубления. Наиболее вероятно, что крест выпал в культурный слой в ходе финального этапа целенаправленной засыпки внутреннего заполнения подвального помещения. Основной массив керамических форм укладывается в хронологический диапазон XV–XVI вв. Помимо этого в составе заполнения было выявлено две серебряные четверетцы Псковской республики, даты чеканки которых относятся к 1435–1510 и 1480–1510 гг.[1] Таким образом, время прекращения функционирования сооружения можно

[1] Определение монет: К. В. Горлов (ИИМК РАН).

связать с периодом рубежа XV–XVI вв. Причинами разрушения могут быть два пожара, известные по письменным источникам: 1480 либо 1502 г. (*Кулакова,* 1994. С. 188).

Резной наперсный крест с образом Голгофы и надписями выявлен также на уровне пласта 12 (-235) в верхней части внутреннего заполнения подвального помещения постройки 2. Размеры постройки: по оси север – юг – 3,9 м, по оси запад – восток – 5,8–6 м, глубина подвального помещения от материка достигает 1,2–1,7 м. По наполнению она резко контрастирует с постройкой 1. Основное ее заполнение составлено средними и крупными тесаными известняковыми плитами с редкими включениями темно-серого грунта и интенсивными включениями щебня и разложившегося известняка. В юго-восточном углу выявлено основание отопительной печи (по глубине залегания ниже креста из костяного сырья), которое было сложено из тесаных известняковых плит на глиняном растворе. По вещевому материалу и составу керамических форм предварительная датировка сооружения соотносится с XV–XVII вв. В нижней части над полом, так же, как и в постройке 1, выявлен горизонт грунта, насыщенного углем (слой пожара, ставшего причиной прекращения функционирования сооружения). Керамический материал из горизонта пожара в основной своей массе относится к XVI–XVII вв. Следует отметить, что в заполнении постройки 2 нет нумизматического материала, а категории выявленных индивидуальных находок не информативны с точки зрения уточнения датировок. Если ориентироваться на датировки по керамическому материалу, то причиной прекращения функционирования постройки 2 следует считать пожар 1609 г. (*Кулакова,* 1994. С. 188). Основное заполнение подвальной ямы относится к следам разборки наземных конструкций после прекращения функционирования сооружения. Найденный крест, так же как и первый, археологизировался в ходе финального этапа целенаправленной засыпки внутреннего заполнения подвального помещения, но уже постройки 2.

Суммируя все вышесказанное, общие датировки попадания в культурный слой двух крестов из костяного сырья Климентовского-13 раскопа соотносятся с хронологическим периодом XVI–XVII вв., тяготея к XVII в., а время их изготовления и бытования относится к XVI в.

Вещеведческий анализ и аналогии крестов из костяного сырья Климентовского-13 раскопа (рис. 3)

Крест вытянутых пропорций, с заглубленным крестовидным корытцем на большей части площади изделия и с гладким бортиком по периметру. Длина – 51,21 мм, ширина – 12,87×21,68×14,44 мм, толщина – 5,95–4,43 мм. Канал сверленого ушка открыт в сторону углубления. Обратная сторона гладкая.

Вероятно, крест служил ковчегом-ставротекой для утраченной ныне святыни, которая могла быть закреплена внутри корытца с помощью воскомастичной смеси. Со временем воскомастичная масса утрачивает вязкость, становится хрупкой и может выкрашиваться, что, по-видимому, произошло и в данном случае.

Рис. 3. «Костяные» кресты г. Пскова (*А* – «костяные» кресты Климентовского-13 раскопа (Фото: Е. М. Калинина); *Б* – «костяные» кресты, выявленные на территории г. Пскова: *1* – П-08-Петр-6 №П/О 119; *2* – П-98-Тр-1 №П/О 750; *3* – П-04-Вас-3 №П/О 384; *4* – П-11-НТ-10 №П/О 186)

Пример заполнения подобного углубления пластичной массой известен по предмету, хранящемуся в Музее Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Госкаталог, 56240216. МННГУАКП 38/95). Следов для крепления крышки или слюдяной пластины на псковском кресте нет, хотя они могли присоединяться с помощью той же воскомастики. Допустим также и вероятность того, что найденный предмет мог быть «рамкой» от выполненного по размерам ковчежца металлического креста с изображениями.

Относительными аналогами изделия могут служить вышеупомянутый крест, хранящийся в ННГУ, с грубым врезным изображением фигуры святого в рост – святителя в монашеских одеждах на лицевой стороне – из раскопок в Переяславле Рязанском, имеющий углубление с внутренней стороны, «предназначавшееся, по-видимому, для хранения мощей» (*Завьялов,* 2017), а также крест с фронтальным изображением трех святых (одного в рост, двух погрудно, Сергий (?), Никола, Никон) из музея-заповедника «Коломенский кремль» (Госкаталог, 48354209. ККМ ОФ 3540/357). Прямыми аналогиями также служат две находки из раскопов Петровский-6, 2008 г. (П-08-Петр-6, № 119) и Трупеховский-1, 1998 г. (П-98-Тр-1, № 750) в г. Пскове. Ранее не слишком известные среди христианских древностей эти изделия с полостями явно составляют отдельную категорию портативных реликвариев.

Резной наперсный крест с образом Голгофы и надписями. Длина – 34,35 мм, ширина – 10,65×20,32×9,80×12,18 мм, толщина – 6,67–4,92 мм. Крест с односторонним декором, с широкими лопастями и с выступающим бортиком по периметру. Нижняя лопасть костяного креста имеет небольшое прямоугольное расширение, имитирующее нижнюю поперечную перекладину, как

на металлических нательных крестах с образом Голгофы и с килевидным завершением нижней лопасти.

На кресте из Климентовского-13 раскопа в технике обронной резьбы представлен семиконечный крест на Голгофе с терновым венцом в средокрестии. Голгофа показана реалистично, в виде пологой каменистой горки. Крест на Голгофе вырезан с художественной небрежностью. Нижняя и верхняя перекладины неровные по толщине, нижняя «косая» перекладина почти не наклонена. Срезы горизонтальных перекладин скошенные. Центральная и нижняя перекладины имеют намек на продольное углубление в центре, которое присутствует и на вертикальной мачте, но смещено вправо. Возможно, тем самым художник хотел показать балки креста в перспективе. О том, что это не случайная деталь, говорит ее повтор на аналогичном костяном кресте из фондов Староладожского музея-заповедника (Госкаталог, 9742490. СЛМ КП-99178/79; *Удалова*, 2021. С. 5–61), а также на еще более упрощенном по иконографии миниатюрном кресте из Ивангородского музея (Госкаталог, 14823847. ИИХМ КП-5206). В соединении тернового венца и средокрестия сделана попытка показать переплетение – верхняя часть венца заходит за вертикальную мачту. По бокам от креста условно показаны Орудия Страстей, изображения которых резчик сместил к бортику изделия. Справа в виде кружочка показан верх Трости с губкой, слева в виде суженной кверху полосы – Копие. В пространстве нижней лопасти по бокам от мачты Голгофского креста четкими врезными линиями на фоне показаны два крестика. По мнению Г. В. Попова и А. В. Рындиной, так реализовано изображение стены Иерусалима, «декорированной горизонтальными полосами, прямоугольными зубцами и резаными вглубь крестами» (*Попов, Рындина,* 1979. С. 587).

Из раскопок в Пскове, помимо новой находки, происходит пять преимущественно более массивных резных наперсных крестов подобной иконографии: из раскопок в Мирожском монастыре (П-10-Мир-8 № П/О 10, погребение 1), из Петровского конца (П-00-Петр-4 № П/О 91), из района Нового Торга (П-11-НТ-10 № П/О 186), из района Лубянского всхода (П-03-Луб-3 № П/О 140), из Васильевского 3 раскопа (П-04-Вас-3 № П/О 384). Также аналогичный крест неизвестного происхождения хранится в Пскове в музее Храма св. благоверного Великого князя Александра Невского.

Наибольшее сходство в композиции и в деталях данное произведение имеет с крестом из Васильевского III раскопа. Аналогичным образом на нем показана Голгофа, есть продольные желобки на поперечных перекладинах креста и смещенный вправо желобок на вертикальной мачте, мачта «продета» сквозь Венец. Похожими приемами на фоне изделия вырезаны маленькие крестики, Копие и Трость оттеснены почти к самому краю изображения, а по бокам от Голгофского креста размещены две надписи, оформленные каждая по две буквы в трех строках.

Двухбуквенные фрагменты надписей в окончаниях горизонтальных лопастей креста из Климентовского-13 раскопа сложны для расшифровки. Один из фрагментов в середине левой лопасти: «ГИ» («Господи» (?), внизу правой лопасти: «КА» (окончание НИКА?). Надписи на аналогичных

участках креста из Васильевского III раскопа расшифровывается иначе: как «ИК|ОП|ЬЕ» и «ТР|СО|ТЬ» (где «ТЬ» – лигатура).

На аналогах из Мирожского монастыря и Петровского IV раскопа, судя по фрагменту «ЬЕ», тоже была надпись «КОПЬЕ». Написание «Е» в слове «копье» на кресте из Васильевского III раскопа идентично написанию в слове «крест» на кресте из Климентовского-13 раскопа. Надписи на тех же участках еще одного аналогичного (но деревянного) креста из раскопок у церкви Иоанна Златоуста Медведева монастыря (П-92-Мас) относятся предположительно к Тропарю Праздника Воздвижения: КР – ЕСТ | ҰТ – ВО | ЕМ... – ...П... (*Колпакова,* 2019). На одном из схожих по иконографии резных крестов из Староладожского музея по бокам от Голгофского креста есть читаемые фрагменты, но они однобуквенные: «С», «Х», «И», «К» (Госкаталог, 37001716, СЛМ КП-99111/239).

Таким образом, расшифровать боковые надписи, исходя из аналогов, также не удается. Известны и аналоги креста с совершенно нечитаемыми надписями или вообще с буквами, изображенными в виде палочек и прямоугольников – таковы два миниатюрных креста с образом Голгофы из раскопок А. Ф. Дубынина в г. Суздале в 1930–1940-х гг. (Госкаталог, 29044319, 27417735. ИИХМ ИГОИРМ 77240/72, 77233/453).

В прямоугольной рамке над Голгофским крестом на изделии из Климентовского-13 раскопа хорошо читается надпись «ІСХС». Эта деталь встречается на всех аналогичных крестах. Высота букв в этой надписи незначительно превышает их ширину, декоративные элементы проследить не удается. В букве «Х» передано перекрытие одной перекладины буквы другой, концы буквы «С» практически смыкаются друг с другом. Работа миниатюрная, чем обусловлены некоторые огрехи эпиграфики: например, буква «І» почти сливается с рамкой.

В окончаниях верхней и нижней лопастей выделены бортиками подпрямоугольные углубления, в которых вырезаны обронные надписи. Снизу уверенно читается слово «КРЕСТ». На конце слова нет буквы «Ъ», буква «Р» напоминает «О». В данном случае слово не должно быть принято за номинативное обозначение предмета, оно является началом одной из строф Светилена праздника Воздвижения («Кресту Твоему покланяемся, Владыко...»), скорее всего, начиная со второй: «Крест хранитель всей Вселенныя», «Крест красота Церкве» и др. Верхняя надпись читается неуверенно. Первая ее буква может быть прочитана как «К», «Х» или лигатура с буквой «Р», вторая как «Ь», Ѣ («*ять*») или «Ъ», третья – «С», четвертая – «Л», «И» или начало буквы «Т» трехпалочной.

Опираясь на знания об аналогичных изображениях, можно предположить, что на кресте была задумана надпись ЧРЬСЛ (Царь Славы), состоящая из лигатуры «ЧР», «Ь», «С», «Л». Сходно с этим содержание надписей на похожем кресте из Васильевского III раскопа в Пскове: сверху – «ЧРЬ СЛВ» под титлами, снизу – «КРЕСТҰ|М(Т?)ПОКТЬ» и кресте из некрополя Мирожского монастыря. На одном из крестов из Староладожского музея надпись также сокращена до: «КРЕСІ». В целом иконография наперсного креста сходна как с нательными крестами из металла XV–XVIII вв., так и с церковными крестами.

Тафономическая и технолого-сырьевая характеристика артефактов

Степень тафономической сохранности нательных крестов из костяного сырья определялась по разработанной Е. Е. Антипиной пятибалльной шкале и соответствует наивысшей степени сохранности в 5 баллов – целая кость или крупный фрагмент с сохраненным поверхностным слоем компакты, не демонстрирующая признаков естественного разрушения, вызванного деятельностью почвенных организмов. На таких находках хорошо различимы все следы антропогенного воздействия (*Антипина,* 2004. С. 13).

Отличная тафономическая сохранность изделий позволила определить сырье, из которого были изготовлены предметы и сделать ряд технолого-производственных наблюдений, основываясь на визуальном осмотре артефактов. В силу активной эксплуатации изделий, что выражается в глянце и стертости поверхностей, приведенная ниже производственная цепочка носит генерализованный характер.

Оба креста с площади Климентовского-13 раскопа изготовлены из стенки диафиза метаподия крупного рогатого скота (КРС). Метаподии КРС – пястные и плюсневые кости, относятся к нижней части скелета свободного отдела передней и задней конечностей. Кость состоит из верхнего и нижнего эпифизов и серединной части – диафиза. Диафиз – трубчатая часть кости, практически полностью состоит из плотного вещества – костяной компакты (рис. 4), что делает диафиз ценным сырьем для косторезного производства.

На первом этапе изготовления креста из метаподия КРС мастеру надо было удалить эпифизы, чтобы остался цилиндр диафиза (рис. 5). Удаление эпифизов могло производиться разными способами, но основными являлись пиление и рубка (*Фисенко,* 2023а). После удаления эпифизов трубка диафиза либо раскалывалась продольно, либо распиливалась. Таким образом, у мастера получалась костяная пластина полукруглая в сечении.

Впоследствии две противоположные стороны (в месте спила/скола и оборотная) дорабатывались по всей длине посредством строгания и шлифовки до получения более прямоугольной формы в сечении. Следует отметить, что исследованные кресты и их псковские аналоги показывают единую форму в сечении – плоские в середине с округленными боками. Данная форма является отражением естественной округлой формы исходного сырья. В конечную форму крестов частично вписывалась естественная форма метаподия. Это связано как с ограничениями по площади костяной заготовки, так и с экономией трудозатрат на обработку.

На следующем производственном этапе полученная костяная пластина отпиливалась до нужной длины изделия. Форма креста достигалась продольным и поперечным пропиливанием по углам прямоугольной костяной пластины. Об этом свидетельствуют неглубокие запилы в углах лопастей крестов. Оставшиеся на законченных формах изделий запилы позволяют установить ширину использовавшихся инструментов – 0,87 и 0,99 мм. Аналогичные следы также

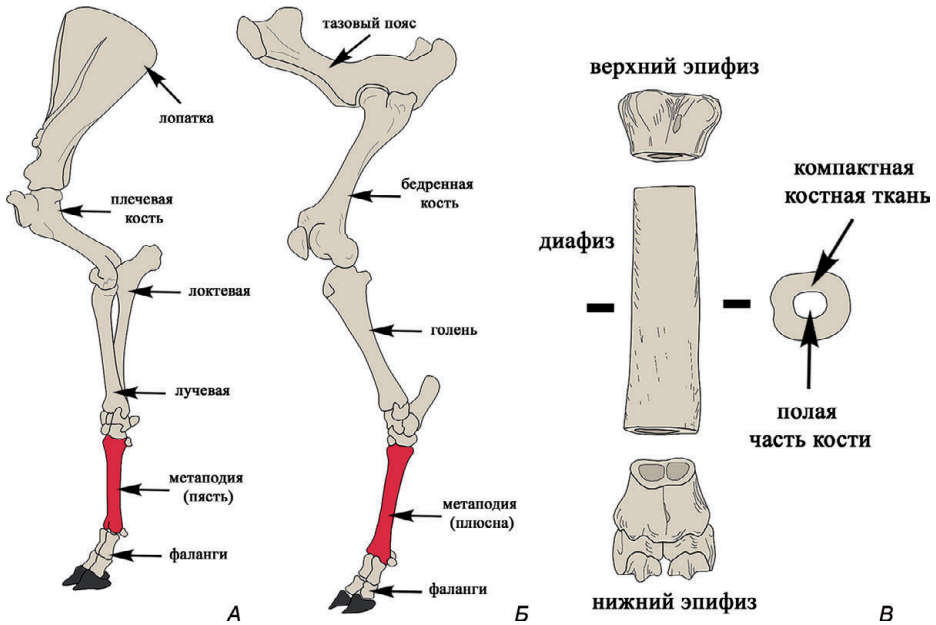

Рис. 4. Скелет свободного отдела конечностей крупного рогатого скота (*А* – грудная конечность; *Б* – тазовая конечность; *В* – строение метаподия крупного рогатого скота)

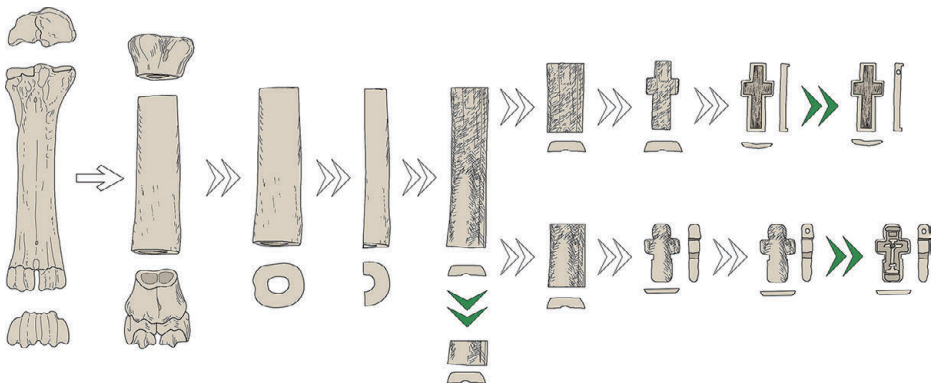

Рис. 5. Генеральная технолого-производственная цепочка изготовления нательных крестов из диафиза метаподия крупного рогатого скота (по материалам г. Пскова)

были зафиксированы на находке из Петровского-6 раскопа 2008 г.: в верхней части лопастей креста два запила, ширина – 1,38 и 0,80 мм.

Исходя из небольшой ширины пилящих инструментов, мы можем говорить, что для этой операции использовались пилы с неразведенными зубцами. Нам кажется это оправданным и с точки зрения того, что разведенные зубцы пилы оставляли бы микротрещины и сколы при пилении достаточно колкого сырья – кости скелета животного.

Установить последовательность производственных операций: сначала выборка «корытца», а потом изготовление сквозного отверстия для подвешивания или наоборот, не представляется возможным. Но хочется отметить, что на находке с площади Климентовского-13 раскопа «корытце» сломано в месте проходящего канала сквозного отверстия. Аналогичный «дефект» наблюдается на кресте из Трупеховского-1 раскопа и не наблюдается на артефакте из Петровского-6 раскопа.

Отметим, что крест из Петровского раскопа по ряду характеристик отличается от описанных. По внешнему виду он может быть определен как «более качественно и аккуратно» выполненное изделие. При анализе крестов с Климентовского-13 и Трупеховского-1 раскопов складывается впечатление, что поломка в месте проходящего отверстия для подвешивания не воспринималась владельцами как «дефект» и являлась технологической особенностью производства. В связи с данным замечанием отметим, что если первой технологической операцией было просверливание отверстия, то при выборке «корытца» в месте проходившего канала наблюдались бы «зацепы» от режущего инструмента, чего не выявлено на двух исследованных артефактах. Следовательно, можно предположить, что последовательность производственных операций была следующей: сначала выбиралось «корытце» (более трудоемкий этап), потом просверливалось отверстие для подвешивания. «Корытце» выбиралось либо миниатюрным острым ножом, либо специализированной косой стамеской.

Изготовление сквозных отверстий для подвешивания представляется следующим образом. (Подчеркнем, что в силу сработанности поверхностей отверстий в ходе эксплуатации изделий определить использовавшийся инструмент не представляется возможным). Это можно было сделать специализированным миниатюрным сверлом, но более вероятно, что для этой технологической операции использовалось шило. Размеры сквозных отверстий для подвешивания крестов: d 2,57 и 2,60 мм. У дополнительно исследованных крестов из раскопов г. Пскова: d – 2,41 мм (П-08-Петр-6 № 119), 2,28 мм (П-98-Тр-1 № 750), 2,79 мм (П-18-Мст-4 № 141) и 2,33 мм (П-11-НТ-10 № 186).

Все вышеописанные производственные операции актуальны и для резных наперсных крестов с образом Голгофы и надписями. В отношении данного типа крестов отметим, что они выполнены очень аккуратно в технике позитивной резьбы. В этой связи охарактеризуем физические и механические свойства исходного сырья – кости скелета животных отличаются плотностью и колкостью по отношению к плотному рогу, который отличается своеобразной эластичностью и вязкостью.

Для выполнения тонких работ по позитивной резьбе на диафизе кости КРС мастера должны были ее размягчать, иначе был бы большой процент производственного брака. Данная операция в обработке костяного сырья хорошо описана в специализированной литературе. Она могла производиться как способом длительного вываривания кости в кипящей воде, так и вариванием с добавлением щелока (золы) или кисломолочных продуктов (молочной сыворотки) (*Изюмова,* 1949; *Kaván,* 1980. P. 294–297; *Сергєєва,* 2018. С. 183; *Манојловић-Николић,* 2012. С. 53). При этом современные

эксперименты показывают, что вываривание со щелоком (золой) более эффективно. Кости, которые вывариваются в таком растворе на протяжении 1–1,5 часов, оказываются более пластичными и податливыми в обработке, чем материал, который был обезжирен и размягчен с помощью кисломолочных продуктов (*Шмырина,* 2020. С. 27).

Говоря о выявленных на Климентовском-13 раскопе крестах, сложно утверждать их местное производство, т. к. на сегодняшний день у нас нет сведений о производственных комплексах, связанных с изготовлением нательных крестов из костей скелета животных или плотного рога в черте г. Пскова. Но нам хочется отметить, что даже при редкости обнаружения таких находок они все же показывают стандартизацию форм и исходного сырья.

Это указывает на серийное производство и устоявшуюся модель изготовления. Производственные характеристики изделий (форма и использовавшееся сырье) укладываются в третью, последнюю стадию в развитии средневекового городского косторезного ремесла по Акселю Кристоферсену (*Christophersen,* 1980. P. 203–213), для которой характерна деятельность профессиональных мастеров, ориентированных на массового анонимного потребителя. Также для этого этапа характерна значительная концентрация отходов, накапливавшихся в течение длительного периода, наличие специально оборудованных производственных площадок и специализация на выпуске массовой продукции ограниченного ассортимента.

При этом маркеры косторезного производства, как правило, должны быть вблизи от городского рынка. Таким образом, потенциально возможным местом производства для г. Пскова XVI–XVII вв. является исторический район Полонище. На территории данного района были выявлены массовые следы обработки метаподиев КРС (*Фисенко,* 2021; *Фисенко,* 2022; *Фисенко,* 2023а; *Фисенко,* 2023б; *Фисенко,* 2024), после событий 1510 г. на его территории располагался Новый Торг. Подобная мастерская могла носить светский характер, но скорее должна быть связана с хозяйством какого-либо монастыря или монастырского подворья. Нельзя исключать и возможность привозного характера резных крестов, которые могли массово производиться в паломнических центрах наподобие Троице-Сергиева или Кирилло-Белозерского монастыря и попадать в Псков в результате поездок священства и светских лиц.

Несомненно, уровень мастерства псковских резчиков по кости позволял им выполнить изделия подобного уровня сложности. Однако найденные в Пскове изделия не носят индивидуального характера, они имеют определенное сходство с предметами, найденными в других городах. Общее небольшое количество резных крестов, найденных на территории Руси, не позволяет говорить, что спрос на эти изделия требовал наличия мастерской в каждом городе. Более того, схожесть форм изделий говорит о том, что они происходят из незначительного количества мастерских, имеющих между собой тесные связи.

Производство крестов с ковчежцами должно было тяготеть к какому-то центру паломничества, где была как возможность множить частицы реликвий, так и необходимость изготавливать для них реликварии. Вместе с тем, учитывая скромное количество находок подобных крестов (по сравнению, например,

с изделиями из Троице-Сергиевой лавры), можно предположить, что это был центр паломничества не первой величины.

Что касается второго резного креста с изображением Голгофы, то его происхождение хорошо укладывается в рамки прежде высказанной гипотезы о том, что способность местных монастырских мастеров повсеместно создавать новые произведения на базе и по мотивам привозных образцов формировала корпус произведений общерусского христианского искусства[2].

Литература

Антипина Е. Е., 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры. С. 7–34.

Госкаталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29209107; id=27556020; id=9862438; id=37208593; id=14951386; id=48581520; id=56490622 (дата обращения: 11.03.2025).

Завьялов В. И., 2017. Костяные кресты-тельники из кремля Переяславля Рязанского // РА. № 2. С. 162–167.

Изюмова С. А., 1949. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 30. М., Л.: АН СССР. С. 15–25.

Колпакова Ю. В., 2019. Наперсные резные кресты в археологических и музейных коллекциях Пскова: к вопросу о культурных связях Пскова в позднем Средневековье // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы 64-го заседания. Вып. 34. С. 83–96.

Кулакова М. И., 1994. Пожары в Пскове XIII–XVIII вв. // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2 / Отв. ред. В. В. Седов. Псков. С. 171–188.

Попов Г. В., Рындина А. В., 1979. Живопись и прикладное искусство Твери. XIV–XVI века. М.: Наука. 640 с.

Удалова Ю. В., 2021. Основа будущего в прошлом // Староладожский сборник. № 12. К 50-летию музея-заповедника «Старая Ладога». Старая Ладога. С. 5–61.

Фисенко А. В., 2021. Остатки косторезного производства по материалам Васильевского III раскопа в Пскове: датировка, пространственное распределение, интерпретация // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конференции молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 149–151.

Фисенко А. В., 2022. О некоторых приемах в технологии изготовления заготовок костяных изделий (по материалам Мстиславского-4 раскопа в средневековом Пскове) // КСИА. Вып. 268. М.: ИА РАН. С. 273–280.

Фисенко А. В., 2023а. Реконструкция производственных этапов изготовления рукоятей ножей из диафиза метаподиев крупного рогатого скота (по материалам археологических коллекций г. Пскова) // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Мат-лы 68-го заседания. Вып. 38. С. 50–62.

---

[2] Структурно-сырьевой и технолого-сырьевой анализ костяных изделий из раскопок г. Пскова выполнен А. В. Фисенко при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта №26-18-00173 «Роль ремесла в производственной культуре древнерусского города (технологический аспект)».

Фисенко А. В., 2023б. Косторезное ремесло XV в. в Пскове по материалам Васильевского-1 раскопа 1990 г.: коллекция, застройка, организация производства // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII конференции молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 128–130.

Фисенко А. В., 2024. Косторезное ремесло XV в. г. Пскова по материалам Васильевского-1 раскопа 1990 г. (топографический контекст и интерпретация) // ННЗ. Вып. 37. С. 169–180.

Шмырина М. Е., 2020. Технология подготовки костного материала для его последующей обработки и изготовления изделий: экспериментальные данные // Археология евразийских степей. №. 5. Казань: АН Республики Татарстан. С. 25–28.

Christophersen A., 1980. Håndverket i Foranding. Studier I Horn- og Beinhåndverkets Utvikling i Lund CA 1000–1350. Acta Archaeologica Lundensia, 4. Lund: Studentlitt. 236 s.

Kaván J., 1980. Technologie zpracování parohové a kostěné suroviny // Archeologické rozhledy. T. XXXII. No. 3. Praha: Československá akademie věd. S. 280–304.

Манојловић-Николић В. Р., 2012. О употреби животињских костију и рогова у средњем веку (9–13. век) // Истраживања. №. 23. Нови Сад: Филозофски факултет у Новом Саду. С. 51–61.

Сергєєва М. С., 2018. Косторізне та деревообробні ремесла на території Південної Русі. Докт. дис. Київ. 387 с.

* * *

Колпакова Юлия Вячеславовна, *Псков, кандидат ист.наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет», e-mail: pskov-sova@mail.ru*

Фисенко Алексей Владимирович, *Псков, ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: F1son@yandex.ru*

Ю. И. Журавлева

Селище в д. Брод Печорского района Псковской области. Итоги обследования в 2024 г.

Резюме. В статье представлены итоги работы по уточнению границ территории селища в д. Брод, расположенного на правом берегу р. Сходницы, близ Изборска. Помимо непосредственной задачи, в рамках разведки с локальными земляными работами были получены новые материалы, позволившие расширить датировку памятника и выделить древнерусское ядро поселения. Для обработки керамического материала был использован тип-лист круговой керамики Изборска, разработанный и опубликованный в 2015 году Н. В. Лопатиным.

Ключевые слова: Печорский район, Изборск, деревня Брод, река Сходница, археологическая разведка, границы территории, селище, тип-лист изборской керамики.

Yu. I. Zhuravleva. Settlement in the Village of Brod, Pechory District, Pskov Region. 2024 Survey Results

Abstract. The article presents results of clarifying the boundaries of the settlement area in the village of Brod, located on the right bank of the Skhodnitsa River, near Izborsk. Beyond the main objective, the archaeological survey involving local earthworks new materials were obtained. These allowed researchers to refine the site's chronology and identify the ancient Russian settlement core dating to the 11th–13th centuries. For the analysis of the ceramic material, the type-list of wheel-made pottery from Izborsk, developed and published by N. V. Lopatin in 2015, was used.

Keywords: Pechory District, Izborsk, Brod village, Skhodnitsa River, archaeological survey, territorial boundaries, settlement, Izborsk ceramics type- list.

Д. Брод расположена на территории Изборско-Мальской долины, на ее восточном склоне, противоположном Труворову городищу и крепости на Жеравьей горе, в 1,2 км к северу от Изборска.

Особенности рельефа Изборско-Мальской долины и история археологического изучения восточного берега Городищенского озера представлены в статье Е. М. Калининой «Результаты археологической разведки в восточной округе Изборска в 2022 году» – соавтора доклада «Обследование округи деревни Брод Печорского района Псковской области в 2022–2024 гг.»,

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.79-91

прочитанного на 70-м заседании семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли».

В отношении д. Брод стоит дополнить, что она находится на правом берегу р. Сходницы, на первой надпойменной террасе. Ее расположение связано с единственным удобным местом для переправы, от которого по дну Мельничной балки проходил путь к дороге на Юрьев. Здесь же, возможно, проходил один из сухопутных путей к Изборску во время функционирования Труворова городища.

Археологическое изучение д. Брод начинается в 1970-е гг. XX в., когда в Изборске начинает работать экспедиция Института археологии Академии наук СССР под руководством В. В. Седова.

Так, во время разведки 1978 г. Л. Е. Грушина (Сергеева) зафиксировала в центре д. Брод каменный крест традиционного для округи изборского типа – в часовне Анастасии Римляныни (*Сергеева*, 1978. С. 14–15). Крест расположен у переправы и, по мнению исследователя, являлся подорожным. Такие кресты традиционно датируются XIV–XVII вв.

В 1981 г. А. Е. Мануйлов заложил шурф на территории д. Брод, в котором зафиксировал культурный слой мощностью до 0,75 м (*Мануйлов*, 1983. С. 26). Верхний горизонт (до 0,30–0,35 м) был перепахан, нижний представлял собой темно-серую супесь, насыщенную угольками, обломками пережженных камней и мелкими фрагментами древнерусской посуды. К сожалению, отчетный материал об этих работах не был предоставлен, поэтому установить местоположение этого шурфа не представляется возможным.

В 1991 г. в рамках обследования деревень Изборско-Мальской долины Б. Н. Харлашов описал, сфотографировал и зафиксировал на плане (рис. 1) селище в д. Брод. Он выделил его по распространению слоя *черного* цвета на ровной площадке размером 190×50 м (*Харлашов*, 1991. С. 21). Подъемный материал, представленный фрагментами гончарной керамики (в том числе орнаментированной), позволил установить датировку памятника XI–XIII вв.

В 2014 г. с территории частного землевладения, расположенного за пределами первоначальных границ памятника, был получен керамический материал (*Лопатин, Харлашов*, 2015. С. 52), что окончательно подтвердило необходимость дополнительного обследования селища. Находки происходили из слоя заполнения погреба одного из домохозяйств в центральной части деревни. Анализом этой керамической коллекции занимался Н. В. Лопатин. Он отметил наличие в ней всех основных групп керамики X–XIII вв., в том числе лепной, и присутствие керамики XII в., которая крайне малочисленна на городище.

В 2022 г. под руководством Е. М. Калининой была проведена разведка на восточном склоне Изборско-Мальской долины, у д. Брод и Вастцы (*Калинина*, 2022). В результате были выявлены и поставлены на охрану каменный идол и курганная группа к юго-востоку от д. Брод.

Потребность в уточнении границ территории селища в д. Брод нарастала в связи с активной хозяйственной деятельностью человека на этом участке Изборско-Мальской долины и постоянно поступающими сведениями об обнаружении археологических находок за пределами границ, определенных Б. Н. Харлашовым в 1991 г.

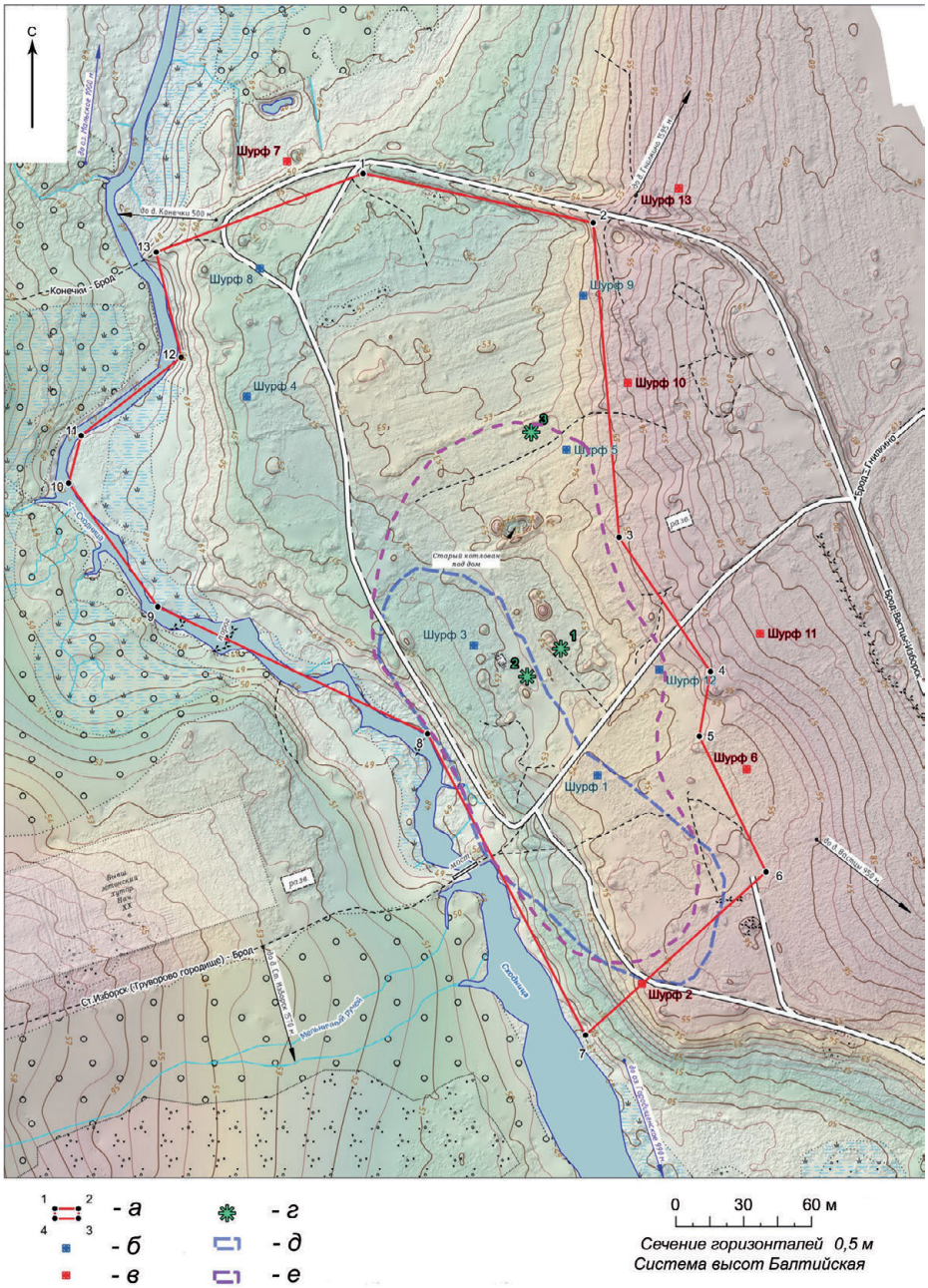

Рис. 1. Топографический план селища в д. Брод. Съемка Ю. И. Журавлевой и М. А. Васильева, 2024 г.: *а* – граница ОКН ФЗ «Селище», XI–XIII вв., д. Брод; *б* – шурфы с культурным слоем; *в* – шурфы пустые; *г* – места сбора подъемного материала; *д* – территория селища в дер. Брод по Б. Н. Харлашову; е –древнерусское ядро поселения

В 2024 г. автором статьи была проведена разведка с шурфовкой в д. Брод в рамках Государственного задания ГБУК ПО АЦПО («Археологический центр Псковской области»). Основными целями разведки, помимо вышеуказанной, являлись уточнение датировки древнего поселения и изучение характеристик культурного слоя, что позволило бы выделить наиболее перспективные для дальнейшего изучения зоны.

Для уточнения границ территории селища было заложено 13 шурфов метровой площади каждый (рис. 1). Основным итогом работ стало увеличение территории селища с 0,95 га до 5,90 га.

Поселение тяготеет к р. Сходнице, вытянуто вдоль берега с северо-запада на юго-восток. По результатам исследований стало возможным утверждать, что на формирование границ поселения повлияли особенности рельефа Изборско-Мальской долины: ступени долины заключили селище в своеобразную чашу с юга, востока и частично с севера. В шурфах эти границы фиксируются по высокому залеганию относительно уровня дневной поверхности материковой известняковой плиты. Западная граница территории прошла по урезу воды р. Сходницы вдоль правого берега.

Культурный слой по своим характеристикам неоднороден. Общими особенностями можно назвать, во-первых, нарушенность верхнего слоя (0,3–0,4 м) на всей территории памятника, связанную с интенсивной хозяйственной деятельностью человека; во-вторых, повсеместную примесь известнякового щебня и ближе к материку песка. Цвет слоя варьируется от серого и серо-коричневого до темно-серого. Материк представлен либо песком, либо известняковой плитой, иногда с примесью глины.

Наиболее интересная конструкция была встречена в шурфе № 1, заложенном к востоку от часовни Анастасии, на свободной от застройки территории (рис. 2). Эта конструкция представляет собой известняковый камень овальной формы размерами 55,0×30,0 см – часть материковой плиты, раскрытой в основании второго пласта. В северной части камня имеется рукотворное лункообразное углубление размерами 7,0×10,0 см и глубиной 9,0 см.

В ходе атрибуции объекта прозвучало немало версий, однако наиболее близкой к реальности видится предположение Л. Е. Грушиной о хозяйственном назначении отверстия – например, в качестве подпоры для столба или деревянного креста. Окончательно снять этот вопрос смогут только исследования большой площадью на данном участке.

Мощность культурного слоя селища, как правило, не превышала 0,60 м. Стратиграфия культурных напластований в большинстве случаев нарушена. К северо-востоку от шурфа № 1 вплотную к грунтовой дороге был заложен самый глубокий шурф разведки – № 12. В нем материк был выявлен на отметке -1,15 м от уровня дневной поверхности. До уровня отметки –0,50 м слой был представлен светло-коричневым сухим плотным грунтом, мешаным с современным бытовым строительным мусором, который затем плавно сменился однородным серым слоем. Венчиков в шурфе обнаружено не было, однако орнаментация стенок сосудов и их толщина позволяют предположить, что нижний серый слой относится к XI–XIII вв., а верхний

Рис. 2. Шурф 1, материк

светло-коричневый слой является подсыпкой для выравнивания дневной поверхности.

Таким образом, слой поселения XI–XIII вв. можно охарактеризовать как серый или темно-серый, мощностью до 0,60 м. Основная его площадь увеличилась относительно пятна культурного слоя, определенного Б. Н. Харлашовым в 1991 г., и доходит до линии шурфа № 5 (рис. 1), за пределами которой начинаются напластования более позднего периода.

Примером таких напластований может служить шурф № 4 (рис. 1), заложенный максимально близко к р. Сходнице. До середины третьего пласта слой – серый, рыхлый, мешаный, с включением гранитной дресвы и содержит современный бытовой мусор. На уровне примерно 0,50 м от уровня дневной поверхности было выявлено пятно пластичной красной глины и скопление прокаленных валунных камней, содержащее кости домашних животных (свиньи). Ниже пятна глины залегает опесчаненный светло-серый влажный слой, под которым на отметке –0,60 м раскрывается материк, представленный светлым мелкозернистым песком. Весь керамический материал, полученный из этого шурфа, датируется не ранее XVII в. (за исключением единственного ошлакованного фрагмента лепной керамики из переотложенного слоя).

Переходя к анализу находок, необходимо отметить, что помимо материалов из шурфов был получен обширный подъемный материал. Обстоятельства его сбора стоит раскрыть подробнее.

В д. Брод на протяжении нескольких лет проживал внештатный сотрудник Археологического центра, который периодически помогал местным жителям в огородных работах. В ходе этих работ он методично собирал весь обнаруженный подъемный материал, который впоследствии передал автору статьи. Точки сбора подъемного материала хорошо локализуются в пределах кадастровых участков – все они расположены в границах древнерусского ядра поселения (рис. 1). Из подъемного материала получена основная масса керамической коллекции (почти вдвое больше, чем из шурфов), в том числе лепной керамики[1].

Коллекция лепной керамики невелика: в ее составе 3 стенки и 1 венчик (рис. 3). В составе теста встречается дресва крупной и средней фракции (4,0×2,0 мм и 2,0×2,0 мм). Внешняя поверхность фрагментов неровная, часто имеет следы заглаживания травой и п***а***льцевые вдавления. Все экземпляры хорошо обожжены, не крошатся.

Фрагменты из красножгущейся глины (рис. 3, *1, 2, 4*) имеют толщину от 0,80 до 1,0 см, стенка из беложгущейся глины (рис. 3, *3*) – 0,60 см. Эта характеристика сохраняется и для круговой керамики.

Венчик (рис. 3, *1*), скорее всего, является частью того же сосуда, что и фрагмент *2*, так как совпадает с ним по толщине и цвету. У обоих экземпляров имеются похожие следы нагара на внутренней стороне и примесь крупнозернистого песка в составе теста. Из-за мелкофрагментарности венчик трудно отнести к какому-либо конкретному типу лепной керамики Изборска.

В отдельную группу выделены 12 фрагментов стенок керамических сосудов, по основным характеристикам сходных с лепной керамикой. В составе их теста присутствует дресва средней и мелкой фракции, приближающаяся по свойствам к крупнозернистому песку. При этом поверхности стенок – ровные, с отчетливыми следами заглаживания, бросающимися в глаза, что ставит вопрос об использования гончарного круга. Все стенки изготовлены из красножгущейся глины, их цвет варьируется от светлых оттенков к более темным и ярким. Предположительно, перед нами пример примитивно-круговой керамики.

Для анализа круговой керамики (рис. 4) был применен тип-лист, разработанный Н. В. Лопатиным преимущественно на основе материалов Труворова городища (*Лопатин*, 2015). В основу типологии лег принцип оформления края или верхней части венчика. Тип-лист также учитывает морфологию остальных элементов частей сосуда и характер декора. Всего лист насчитывает 5 типов круговой керамики. Иерархия типологии имеет два уровня: тип (обозначается буквой) и вариант (обозначается цифрой). Тип-лист охватывает категории круговой посуды с конца X до XVI–XVII вв. (керамика времени Никольского монастыря на Городище) (*Лопатин*, *Воронкова*, 2010. С. 14).

Количественное распределение керамического материала с селища в д. Брод по типам представлено в Таблице 1. В нее вошли только целые экземпляры, венчики, имевшие сколы или иные повреждения, были исключены из анализа.

---

[1] Выражаю благодарность И. С. Аракчеевой (ГБУК ПО АЦПО) за помощь в анализе керамической коллекции.

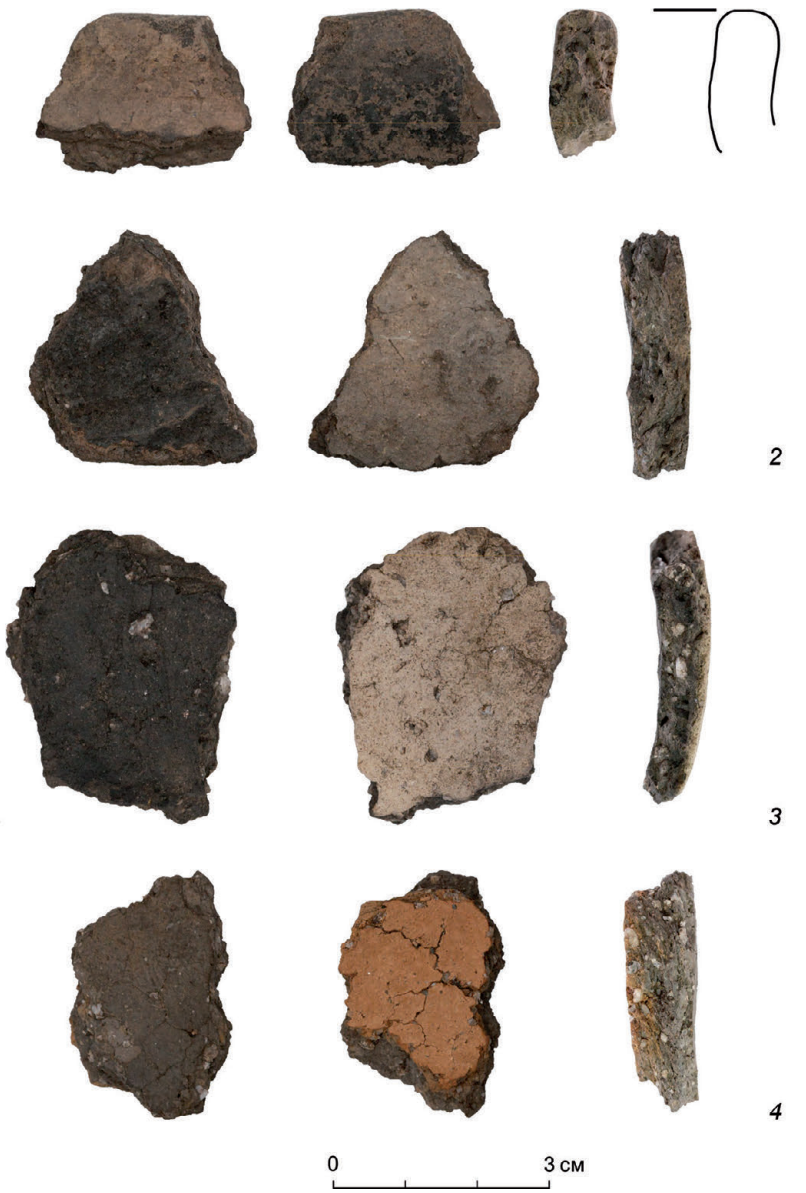

Рис. 3. Лепная керамика с селища в д. Брод

Основная масса керамического материала была достаточно легко распределена по типам, однако с соотнесением по вариантам иногда возникали трудности. Основная проблема состояла в мелкофрагментарности анализируемых экземпляров. Варианты, в которых различие заключалось в наличии дополнительного плеча, орнамента и т. д., приходилось объединять в один.

Таблица 1

Количественное распределение типов керамики на селище в д. Брод, 2024 г.

Леп.	Тип А = 10					Тип Б = 20				Тип В = 2	Тип Г = 2	Тип Д = 7		XVII-XIX вв.
	1	2	3	5	6	1–2	3	4	5	4	1–2	1–2	4	
1	1	3	2	2	2	1	8	0	1	2	2	4	3	7

Таблица наглядно демонстрирует преобладание керамики типа Б на территории селища, что позволяет назвать XII в. периодом расцвета поселения. Проблема малочисленности такой керамики, относимой к XII в. (с раструбовидным горлом), на Труворовом городище уже поднималась ранее (*Лопатин*, 2013б. С. 188–191).

Одна из версий ответа на вопрос о причинах этого появилась на основе изучения подъемного материала с близлежащих к Изборску селищ – Усть-Смолка и Брод. Согласно этой версии, Труворово городище вместе с округой составляло единую систему расселения по типу «сообщающихся сосудов», в которой переход населения в близлежащие деревни означал временное затухание городской жизни (*Лопатин*, 2013а. С. 96–97; *Лопатин*, 2013б. С. 189–191).

Благоприятная политическая обстановка, длившаяся до последней четверти XII в., позволила большинству жителей Изборска переселиться в окрестные деревни для занятия сельским хозяйством. Данную теорию подтверждает не только преобладание керамики XII в. в материалах селища в д. Брод, но и встречающиеся там единичные экземпляры XIII–XIV вв. В этот период, вследствие обострения отношений Новгорода и Пскова с западными соседями, происходит обратный отток населения из деревни в город.

Разведка 2024 г. дала новые материалы, полученные со всей территории селища. Это стало дополнительным и весомым аргументом в пользу озвученной выше версии.

Стоит отметить, что похожий процесс по наличию керамического материала фиксировался и на территории Пскова. На всех посадах города в период обострения политической обстановки фиксируется минимальное количество керамики, датируемой второй половиной XIII – XIV в. (*Лабутина*, *Кулакова*, 2003. С. 66–67).

В керамический материал за пределами датировок тип-листа входят венчики второй половины XVII – XVIII в. (рис. 4) – группа 16, характеризующаяся высоким прямым венчиком, верх которого заострен (*Степанов*, 2011. С. 116. Табл. 10). В определении прочих экземпляров возникли затруднения, т. к. такая керамика не встречается в Пскове. Данный тип поздних керамических сосудов локализуется на территории Печорского района и в нашем поле зрения появился сравнительно недавно – при работах в г. Печоры, а потому еще не проанализирован до конца. Это достаточно грубо сделанные сосуды с толстыми стенками, массивными венчиками, нижний край которых оформлен вытянутыми вниз манжетами – либо прижатыми к плечу, либо параллельными ему. Подобные формы посуды широко представлены на раскопах последних лет в г. Печоры (20 км от Изборска) (*Романовский*, 2020. С. 217–229; *Косовец*,

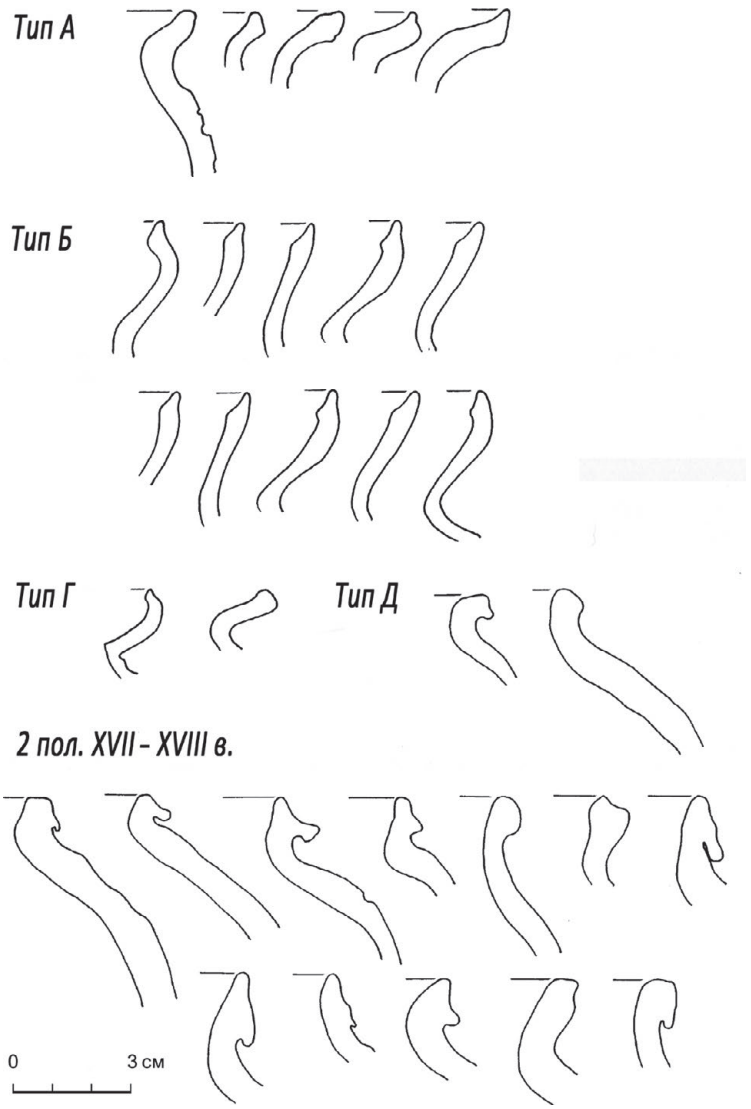

Рис. 4. Круговая керамика с селища в д. Брод

2023. С. 166–181; *Кулакова*, 2023. С. 115–116, 141–143, 214–240) и датируются XVII–XVIII вв.

В декоре керамической коллекции с селища преобладает линейный орнамент, несколько реже встречается однорядная волна. Были встречены единичные фрагменты с тычковым орнаментом в сочетании с линейным либо с многорядной волной в сочетании с линейным (рис. 5, *А*).

Анализируя тесто круговой керамики из тип-листа, следует отметить, что в коллекции с селища в д. Брод имеются фрагменты ранних белоглиняных

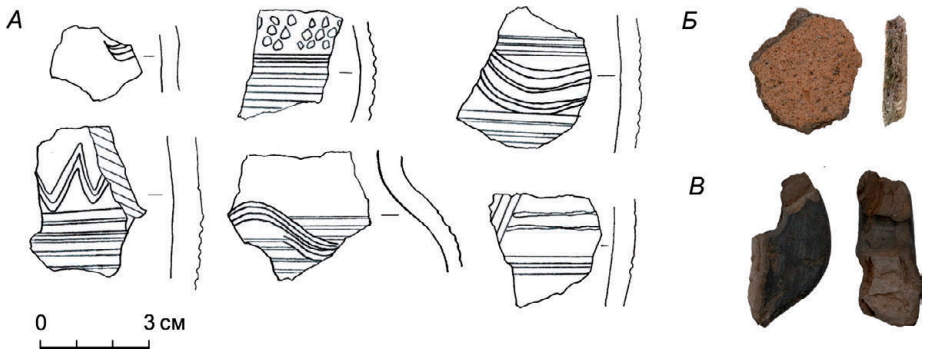

Рис. 5. Орнаментация и тесто круговой керамики с селища в д. Брод.
А – орнаментированные стенки круговой керамики; *Б* – фрагмент стенки сосуда из шурфа № 1; *В* – фрагмент чернолощеной керамики из шурфа № 4

сосудов. При этом основная масса фрагментов из красножгущейся глины имеет более светлый оттенок по сравнению с псковской керамикой. Общая толщина круговой керамики из красножгущейся глины составляет 4,0–6,0 мм, вся белоглиняная керамика тонкостенная – до 3,0 мм. В круговых сосудах всех типов фиксируется примесь дресвы мелкой фракции до 2,0 мм.

Особняком стоит группа фрагментов из четырех экземпляров (рис. 5, *Б*), полученная из шурфа № 1 у Анастасиевской часовни. Они отличаются присутствием в составе теста значительной примеси песка. Поверхность сосудов шероховатая, тесто сильно крошится.

Также в шурфе № 4, расположенном на берегу р. Сходницы, среди керамики XVII–XVIII вв. был встречен фрагмент ручки чернолощеного сосуда из каменной массы (рис. 5, *В*).

Коллекция индивидуальных находок с селища в д. Брод насчитывает 19 единиц, две из которых были обнаружены в шурфах, остальные происходят из подъемного материала. Обе находки из шурфов обнаружены в верхних мешаных слоях, что исключает их точную датировку. Из шурфа № 4 происходит железный брусок размером 7,9×0,1×0,19 см; в шурфе № 12 обнаружена кость конечности крупного рогатого скота со следами обработки (рис. 6, *1*). Согласно заключению А. В. Фисенко (ГБУК ПО АЦПО), метод обработки заготовки костяной пластины датирует находку достаточно широко: не ранее второй половины XIV – XIX в.

На участке сбора подъемного материала № 1 (рис. 1), расположенном напротив шурфа № 12, в 2023 г. были начаты работы по строительству частного жилого дома без согласования с региональным органом охраны памятников. Работы были остановлены на этапе планировки дневной поверхности участка. При разборе грунта, оставшегося после выравнивания участка, было обнаружено шиферное пряслице розового цвета (рис. 6, *2*).

Место сбора подъемного материала № 2 примыкает к участку № 1 с запада и расположено у Анастасиевской часовни (рис. 1). Участок представляет собой старое домовладение с прилегающим садом и активно разрабатываемым ого-

Рис. 6. Селище в д. Брод. Индивидуальные находки. *1* – заготовка костяной пластины; *2* – шиферное пряслице; *3* – флаконовидная бусина; *4* – фрагмент перстня с печаткой; *5* – кольцо ременное с обоймицей; *6* – пуговица-гирька грушевидная; *7* – пряжка лировидная; *8* – пряжка восьмерковидная; *9* – пряжка с орнаментированной рамкой; *10* – пряжка D-образная; *11* – перстень с утраченной вставкой; *12* – пряжка двухчастная; *13* – запонка; *14* – пуговица-гирька ребристая; *15* – фрагмент бубенчика крестопрорезного; *16* – петля (?) декоративная; *17* – пряжка; *18* – бляшка ременная

родом. Коллекция, собранная на указанном участке, насчитывает 16 индивидуальных находок и представлена разнообразными деталями одежды и фрагментами украшений X–XX вв.

Наиболее ранняя находка из подъемного материала – металлическая флаконовидная бусина (рис. 6, *3*), которую можно датировать X–XI вв. Такие бусы считаются характерным женским украшением веси, но отдельные экземпляры встречаются и далеко за пределами ее территории (*Зайцева И. Е.*, 2008. С. 104). Ближайшие к месту проведения разведки аналогии происходят из могильника у д. Залахтовье (Псковская обл., Гдовский р-н) из захоронений под курганными насыпями в грунтовых ямах XI–XII вв. (*Хвощинская*, 2004. С. 68).

Ряд находок имеет широкую датировку: с X–XI вв. до XVII–XVIII вв. К ним относятся фрагмент перстня с печаткой (рис. 6, *4*), ременное кольцо с обоймицей (рис. 6, *5*), фрагмент грушевидной пуговицы-гирьки (рис. 6, *6*) и лировидная пряжка без перемычки для крепления язычка (рис. 6, *7*).

Материал XIV–XVII вв. представлен тремя пряжками: восьмерковидной пряжкой (рис. 6, *8*), пряжкой с орнаментированной пятиугольной рамкой (рис. 6, *9*) и овальной (или D-образной) с фигурным завершением (рис. 6, *10*). Последняя представляет один из наиболее распространенных типов пряжек в Западной Европе (*Сережникова*, 2014. С. 272).

Позднее средневековье и Новое время среди находок представлено одночастной запонкой-пуговицей (рис. 6, *13*), фрагментом ребристой пуговицы-гирьки (рис. 6, *14*), прямоугольной двухчастной пряжкой (рис. 6, *12*) и фрагментом перстня с утраченной вставкой (рис. 6, *11*).

Фрагмент крупного крестопрорезного бубенчика (рис. 6, *15*) датируется концом XIX – началом XX в. В печорском филиале Псковского музея-заповедника экспонируются аналоги такого бубенчика в составе свадебной конской упряжи.

Таким образом, находки цветного металла отражают длительное существование селища на территории деревни, что подтверждается и керамическим материалом. В отличие от аналогичных по датировке и расположению поселений (например, селище Усть-Смолка) интенсивность жизни на селище в д. Брод в период переноса укрепленного поселения с Труворова городища на Жеравью гору снижается, но не прекращается. Эти данные являются дополнительными аргументами в пользу версии о существование единой системы Труворова городища с окрестными поселениями.

На основе распространения находок удалось выделить в культурном слое памятника древнерусское ядро конца X – XIII в. и участки более позднего заселения, что позволит в будущем определять наиболее перспективные участки для исследования.

Тип-лист изборской керамики на практике показал положительный результат при анализе керамического материала на селище в д. Брод. Помимо этого, удалось выделить новый тип поздней круговой посуды, сконцентрированной в западном приграничье Псковской области. Ранее зафиксированный только в слоях городского поселения Печор, в настоящее время он обнаружен и на сельских памятниках округи Изборска. Уточнение датировки и выделение характерных особенностей данного типа керамики возможно при детальном анализе материала из проведенных раскопок последних лет и сопоставлении его с новыми данными.

Вопрос о том, можно ли считать селище в д. Брод и курганную группу к югу от него комплексом, остается открытым. Данный могильник является наиболее близким и удобно расположенным известным погребальным памятником в окрестностях селища. Местоположение могильника соответствует отмеченной в Изборске закономерности расположения более раннего поселенческого памятника у воды, а погребального – выше по склону (как это наблюдается, например, в комплексе Усть-Смолка). Точку в данном вопросе возможно будет поставить только при проведении раскопок на курганах.

Литература

Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Материальная культура и хронология. Том 2 / Отв. ред. С. Д. Захаров. М.: ИА РАН. С. 57–141.

Калинина Е. М., 2022. Отчет об археологической разведке у деревень Брод и Вастцы Печорского района Псковской области в 2022 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 62906.

Косовец К. С., 2023. Отчет об археологических раскопках на территории ОКН ФЗ «Культурный слой монастырской слободы» в зоне прокладки газопровода к д. 6 по ул. Псковская, пом. 1001 в г. Печоры Псковской области в 2022 г. // Архив ИА РАН.

Кулакова М. И., 2023. Отчет об археологических раскопках на территории ОКН ФЗ «Культурный слой монастырской слободы» (г. Печоры Печорского района Псковской области) в 2022 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 62081.

Лабутина И. К., Кулакова М. И., 2003. Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 66–83.

Лопатин Н. В., 2011. Характер развития форм керамики Изборска в XI–XIII вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (20–25 октября 2008 г.) Том IV. Суздаль: ИА РАН. С. 93–97.

Лопатин Н. В., 2013а. Керамическая шкала Изборска и проблемы его периодизации // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Тезисы Международного симпозиума (29–31 октября 2013 г.). М.: ИА РАН. С. 36–37.

Лопатин Н. В., 2013б. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Мат-лы 58-го заседания. Вып. 28. С. 186–192.

Лопатин Н. В., 2015. Тип-лист круговой керамики Изборска // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Мат-лы 60-го заседания. Вып. 30. С. 97–102.

Лопатин Н. В., Воронкова, Е. В., 2010. Керамическая колонка Изборска. Некоторые наблюдения // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город. С. 14–21.

Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н., 2015. Новые данные об округе Изборска в X–XII вв. // КСИА. Вып. 240. С. 44–56, 346–347.

Мануйлов А. Е., 1983. Разведка в бассейне р. Обдех // АО 1981 г. С. 26.

Романовский А. Б., 2020. Отчет об археологических раскопках на территории ОКН ФЗ «Культурный слой монастырской слободы» в зоне строительства газопровода к д. 3 и д. 5 по ул. Псковская в г. Печоры Псковской области в 2019 г. // Архив ИА РАН

Сергеева Л. Е., 1978. Отчет о работах разведывательного отряда Изборской экспедиции в Печорском районе в 1978 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7284.

Сережникова Д. С., 2014. Западноевропейские предметы поясного набора из раскопок Великого Новгорода // ННЗ. Вып. 28: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина, Великий Новгород, 28–30 января 2014 г. С. 272–280.

Степанов С. В., 2011. Керамика Пскова XV–XVIII вв. // Древности Пскова: археология, история, архитектура. Вып. 2: К юбилею Лабутиной Инги Константиновны. Псков: Печатный двор «Стерх». С. 111–140.

Харлашов Б. Н., 1991. Отчет об археологическом обследовании г. Печор, Острова, Порхова, разведках в Псковском, Печорском, Островском, Порховском, Пушкиногорском районах Псковской области, а также об архитектурно-археологических работах в г. Пскове на ул. Ленина и у ц. Петра и Павла с Буя в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7284.

Хвощинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (Труды ИИМК РАН. Т. 6). СПб.: Дмитрий Буланин. 428 с.

* * *

Журавлева Юлия Игоревна, *Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: gadziga@yandex.ru*

Е. М. Калинина

Результаты археологической разведки в восточной округе Изборска в 2022 году[1]

Резюме. Статья посвящена результатам археологической разведки 2022 г. на восточном берегу Городищенского озера и р. Сходницы, на территории между комплексом памятников археологии Усть-Смолка и д. Брод. Результат разведки – уточнение сведений о трех ранее известных памятниках (каменный идол у д. Брод, курганная группа у д. Брод, заготовка каменного креста у д. Изборск) и выявление новой курганной группы у д. Вастцы.

Ключевые слова. Изборск, курганная группа, каменный идол, каменный крест.

E. M. Kalinina. Results of the Archaeological Survey in the Eastern District of Izborsk in 2022

Abstract. This article presents results of the archaeological survey conducted in 2022 on the eastern shore of Gorodishchenskoye lake and the Skhodnitsa river, in the area between the Ust-Smolka archaeological site complex and the village of Brod. The survey resulted in clarification of information on the three previously known sites (a stone idol near Brod, a burial mound group near Brod, and a workpiece of a stone cross near Izborsk) and the discovery of a new burial mound group near Vastsy.

Keywords: Izborsk, burial mound group, stone idol, stone cross.

Географической осью округи Изборска является вытянувшаяся с северо-запада на юго-восток Изборско-Мальская долина. Ее основная особенность – сильный перепад высот между краями и дном долины (до 40–50 м). Относительно плоское дно долины занято остатками древнего водоема – Мальским и Городищенским озерами и р. Обдех, Сходница и Смолка. Рельеф долины от ее дна повышается ступенями, связанными с этапами формирования самой долины, поймой и надпойменными террасами рек. Склоны долины разрезаны балками (Змеиная/Городищенская и Мельничья балки, прорезающие западный склон долины; балка озера Дреб, прорезающая восточный склон).

[1] Доклад обсуждался в рамках XVII Научно-практической конференции «Изборск и его округа» (статья находится в печати) и в рамках 70-го заседания семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» в составе доклада «Обследование округи д. Брод Печорского района Псковской области в 2022–2024 гг.». Статья является расширенной версией статьи, предложенной для публикации в сборник «Изборск и его округа».

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.92-101

Западный берег Городищенского озера и восточный берег Мальского озера, наиболее высокие и крутые склоны долины, в древности были использованы для устройства укрепленных поселений. Наибольшее количество памятников археологии сконцентрировано на западном берегу долины у Городищенского озера, что связано с двумя последовательно существовавшими здесь укрепленными центрами местной округи – Труворовым городищем и Изборской крепостью на Жеравьей горе. Оба памятника представляют собой Изборск на разных этапах его истории, вокруг них концентрируются синхронные им неукрепленные поселенческие и погребальные памятники. Именно эта территория в первую очередь привлекала внимание исследователей Изборска на протяжении XIX–XX вв.

Рельеф восточного берега долины у Городищенского озера более пологий. Вдоль верхнего течения р. Сходницы рельеф повышается с запада на восток ступенями с общим перепадом высот до 25–30 м. На берегу самого Городищенского озера рельеф повышается более плавно.

Восточный склон у Городищенского озера в целом менее привлекал внимание исследователей. Так, к 70-м гг. XX в. здесь была известна только группа погребальных памятников на юго-восточном берегу озера (могильник Усть-Смолка и могильник на Ворониной горе) и каменный крест в часовне Успения Божьей матери у д. Вастцы (на старой псковской дороге). Раскопки на могильниках в 1840 г. провел профессор Дерптского университета Ф. Крузе (*Грушина*, 2016. С. 272–276). Каменный крест был описан и зарисован М. Шмидехельм во время инвентаризации памятников Изборской волости в 1922 г. (*Schmiedehelm*, 1922. С. 178–179).

В 1974 г. по заданию Псковской областной группы по охране памятников Р. С. Минасян и Е. Л. Ленцман провели археологическую разведку в Печорском районе. На основании эстонских материалов 1937–1938 гг. была проверена сохранность известных памятников археологии и найдены новые. На восточном склоне долины были осмотрены и зарисованы каменные кресты в часовне Успения Божьей матери у д. Вастцы и в д. Вастцы (*Минасян*, 1982. С. 113, 184), составлен глазомерный план могильника на Ворониной горе (Могильник «Воронина Гора». Паспорт..., 1974).

Планомерные разведывательные работы в округе Изборска проводились экспедицией ИА АН СССР и Псковского государственного музея-заповедника под руководством В. В. Седова. С 1971 по 1992 г. экспедиция вела раскопки на Труворовом городище, одновременно изучая разведками и рекогносцировочными раскопками округу Изборска. Так в 1977–1982 гг. серию разведок в Печорском районе провела Л. Е. Грушина (Сергеева). В 1976 г. ею и Г. А. Харитоновым было открыто поселение на юго-восточном берегу Городищенского озера – селище Усть-Смолка (*Седов*, 1976. С. 37). Селище было описано в отчетной документации 1978 г. (*Сергеева*, 1978. С. 15–16). Подъемные материалы с селища публиковались и позднее (*Лопатин*, 2002). В отчет 1978 г. вошли и другие результаты разведки на восточном склоне долины этого года, а именно описаны и зафиксированы каменные кресты: в часовне Успения Божьей матери у д. Вастцы, в центре д. Вастцы и в часовне Анастасии Римляныни в д. Брод. В ходе разведки 1979 г.

был полностью зафиксирован комплекс памятников на юго-восточном берегу Городищенского озера: описаны и составлены глазомерные планы погребальных памятников – могильника на Ворониной Горе и могильника Усть-Смолка (*Сергеева*, 1979. С. 5–7). Их общий план впоследствии был уточнен (*Грушина*, 2016. С. 259). В отчете 1979 г. также упоминается каменный крест слева от старой дороги на Псков, как, возможно, перемещенный сюда с ближайшего могильника, а также дается информация о двух заготовках каменных крестов. Один из них находился на могильнике на Ворониной горе, второй – на берегу Городищенского озера. В отчете приводится предположение местного населения о расположенной неподалеку «мастерской по изготовлению каменных крестов».

В 1981 г. восточный берег Изборско-Мальской долины обследовался А. Е. Мануйловым. Им были открыты селища в д. Вастцы и д. Брод, а также 2 курганные насыпи между д. Брод и д. Вастцы. Отчетный материал за этот год автором предоставлен не был.

В 1991 г. Б. Н. Харлашовым было проведено массовое обследование селищ Изборско-Мальской долины. На основе подъемного материала и наблюдений за цветом культурного слоя на распаханных участках на план были нанесены примерные границы посадов города Изборска XI–XIII вв. и XIV–XVII вв. и селищ его округи. Среди обследованных памятников были: селище XI–XIII вв. в д. Брод и два позднесредневековых селища в д. Вастцы и д. Верхний Крупск (*Харлашов*, 1991. С. 20–22).

В 1998 г. А. Е. Королевым и Б. Н. Харлашовым был составлен топографический план восточного берега Городищенского озера и уточнено расположение памятников археологии на нем (*Седов*, 2007. Вкладка. Рис. IV).

С 1999 г. исследования на восточном берегу Городищенского озера сосредоточились на могильнике Усть-Смолка. В этом году под руководством Н. В. Лопатина исследовался один из курганов могильника и прилегающая к нему территория, а в 2008 г. там же под руководством Б. Н. Харлашова – насыпь, оказавшаяся отходами камнерезного ремесла. Постоянные работы на могильнике проводились в 2014–2017 гг. под руководством Б. Н. Харлашова и позволили уточнить время функционирования памятника как промежуток со второй половины V – первой половины VI в. н. э. по XI – начало XII в. В ранний период существования захоронения на нем совершались по обряду трупосожжения, в поздний период – по обряду трупоположения и сопровождались достаточно богатым инвентарем. Хронологический разрыв между двумя периодами составил около 500 лет и позволил предположить, что на этом месте территориально совместились 2 разновременных могильника (*Лопатин, Харлашов*, 2023. С. 95). Работы были продолжены в 2020–2021 гг. В. А. Деркач.

Основные цели археологических работ 2022 г. – уточнение сведений об уже известных памятниках археологии восточной округи Изборска и постановка их на государственную охрану. Разведка проходила на восточном берегу Городищенского озера и в верхнем течении реки Сходницы, на территории, ограниченной на юге группой памятников Усть-Смолка; на севере – окраиной д. Брод; на западе – урезом воды Городищенского озера и вытекающей из него р. Сходницы; на востоке – верхним краем склона Изборско-Мальской долины (рис. 1).

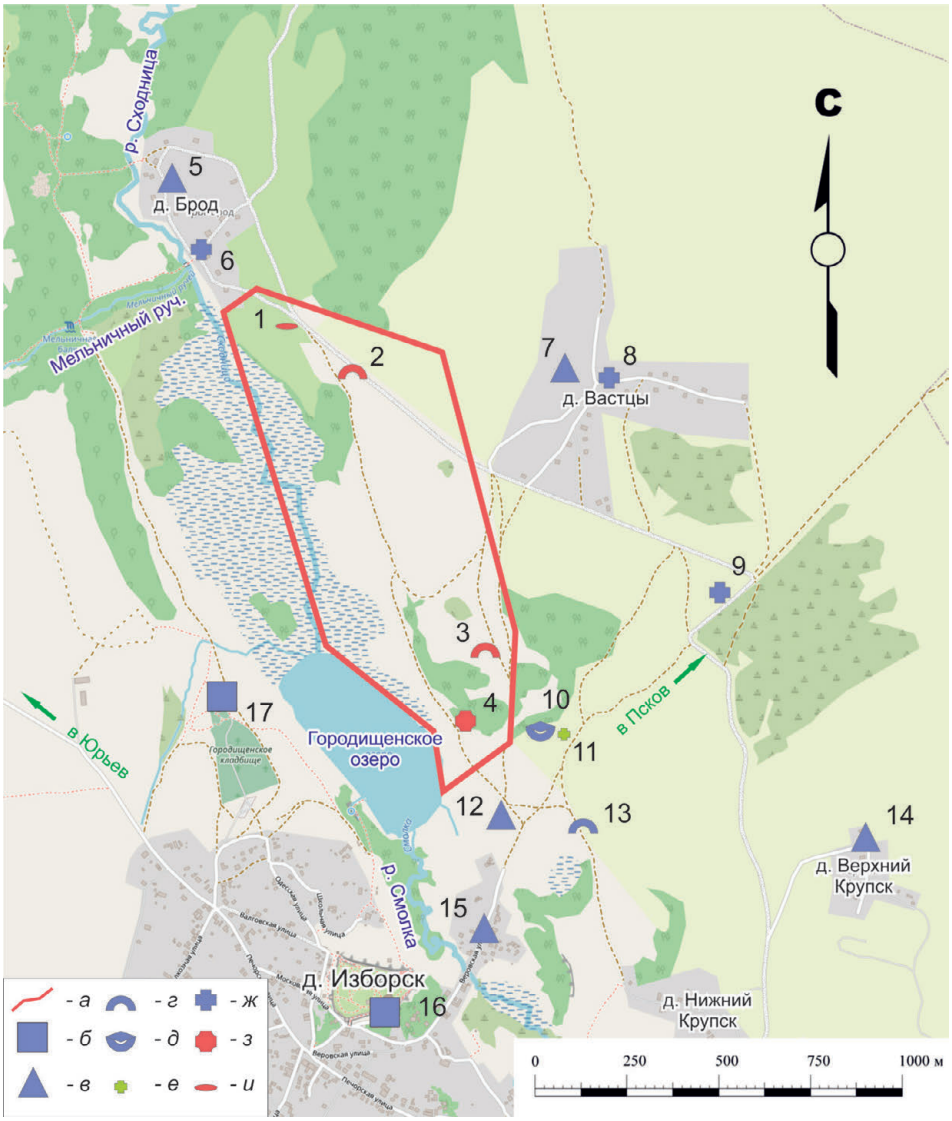

Рис. 1. Схема расположения памятников археологии на восточном склоне у Городищенского озера: *1* – каменный идол у д. Брод; *2* – могильник у д. Брод; *3* – курганный могильник у д. Вастцы; *4* –заготовка каменного креста у д. Изборск; *5* – селище в д. Брод; *6* – каменный крест в д. Брод; *7* – селище в д. Вастцы; *8* – каменные кресты в д. Вастцы; *9* – каменный крест у д. Вастцы; *10* – могильник на Ворониной горе; *11* – «крест у дороги»; *12* – селище Усть-Смолка; *13* – могильник Усть-Смолка; *14* – селище в д. Верхний Крупск; *15* – селище XVII–XVIII вв. на р. Смолка; *16* – Изборская крепость; *17* – Труворово городище

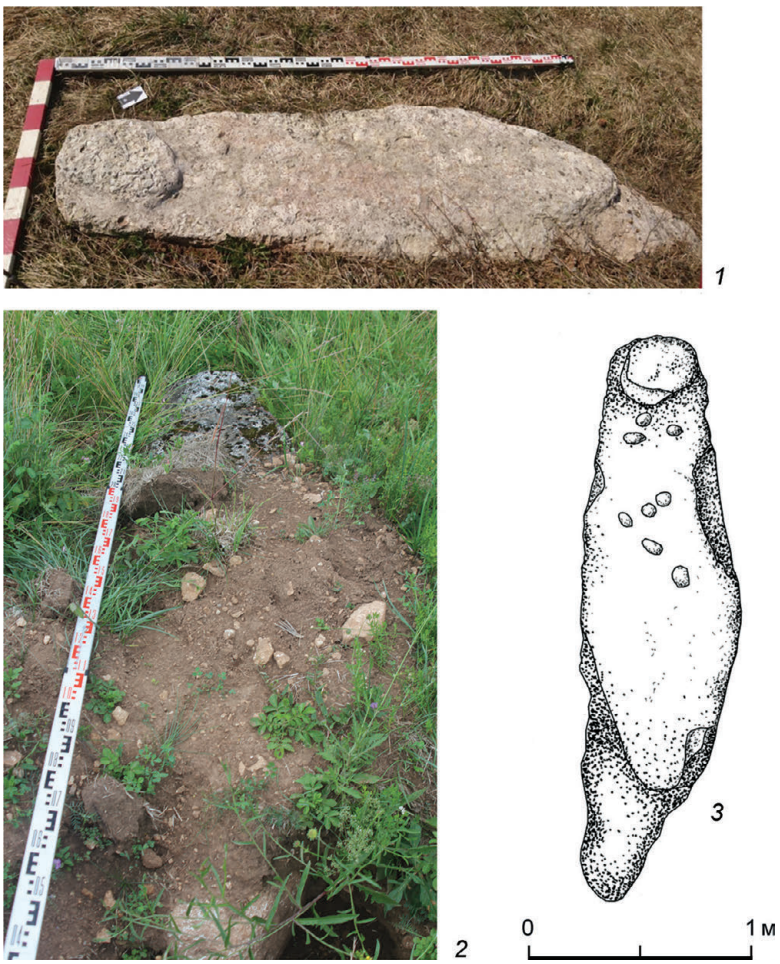

Рис. 2. Каменный идол у д. Брод: *1* – общий вид с юго-востока; *2* – на момент обнаружения в 2012 г. (фото участников клуба «Археологическая культура»); *3* – технический рисунок

В ходе разведки были уточнены сведения о трех ранее известных памятниках и выявлена новая курганная группа у д. Вастцы.

Каменный идол у д. Брод. Идол находится на правом берегу Изборско-Мальской долины, на крутом склоне над первой береговой террасой р. Сходница, к юго-востоку от д. Брод.

Идол был обнаружен в 2012 г. участниками молодежного клуба «Археологическая культура» центра «Кировец» (г. Санкт-Петербург) под руководством В. Г. Пежемского во время совместного с сотрудниками «Археологического центра Псковской области» мониторинга памятников Изборско-Мальской долины. Пользуясь информацией, полученной от жителей д. Брод, участники клуба обнаружили к югу от деревни лежащее каменное изваяние, забросанное свежей землей (рис. 2: *2*). Под изножьем идола была выкопана яма. От мест-

ных жителей была получена информация о «железных (медных) фигурках», якобы поднятых рядом с изваянием. Судя по непотревоженному дерну вокруг идола и мху на камне, идол при всех этих операциях не перемещался и не переворачивался, был откопан и потом забросан землей.

Идол представляет собой плоскую обработанную плиту ракушечника, подвида известняка, одного из традиционных местных материалов (рис. 2: *1, 3*). Длина изваяния – 2,55 м. Оно имеет форму вытянутого в длину усеченного ромба, ширина которого варьируется от 0,3 до 0,6 м. В юго-западной части изваяния имеется округлый выступ, напоминающий лицо (диаметр – 0,33–0,36 м, высота выступа – 0,04–0,06 м). Ниже лица, в широкой центральной части имеются небольшие округлые выступы (диаметр – 0,05–0,06 м, высота выступов – до 0,02 м). Выступы расположены без системы. В центральной части с обоих боков изваяние имеет повреждения (с северо-западной стороны – вылом длиной 0,6 м и шириной до 0,1 м; с юго-восточной – длиной 0,25 м, шириной до 0,05 м). Северо-восточная оконечность изваяния (предположительно его основание) «заострена» и, насколько можно оценить, обработана под округлые грани, из которых видны две. Верхняя часть изваяния (где предположительно располагается лицо) лучше оконтурена, чем более аморфная нижняя. Вероятно, это связано с границей между его видимой, надземной, частью и той частью, которая находилась под землей. Высота предполагаемой видимой части около 1,20 м.

Идол лежит на крутом склоне Изборско-Мальской долины, где нет площадки, подходящей для отправления культа. Расположение идола и отсутствие информации о нем в архивных и литературных источниках позволяют предположить, что он был перемещен, спущен с верхней площадки по склону еще в древности. Информация о «находках» («железных фигурках»), сделанных около изваяния в 2012 г., противоречит предположению о перемещении. Их можно рассматривать как приношения. Но информация о них расплывчата и не подтверждается фактически. Таким образом, обстоятельства находки и расположение каменного идола затрудняют его датировку и культурную атрибуцию.

Курганная группа у д. Брод. Находится в 350 м к юго-востоку от д. Брод, на краю склона, спускающегося на нижнюю береговую террасу р. Сходница. Группа расположена на относительно ровной площадке, в поле. На сегодняшний день поле не пашется, однако на его поверхности прослеживаются следы старой распашки, что подтверждается фотографиями первой половины XX в. На территории курганной группы имеются следы неоднократного переноса трасс полевых дорог.

Группа была обнаружена в 1981 г. отрядом Изборской экспедиции ИА АН СССР под руководством А. Е. Мануйлова. Краткие результаты этой разведки были опубликованы им в ежегоднике «Археологические открытия», но итоговый отчетный материал сдан не был. В результате на курганную группу не была составлена учетная документация, и в 90-е гг. XX в. она не попала в списки на охрану памятников истории и культуры Псковской области. Между тем памятник известен, введен в научный оборот и учитывается в комплексе археологических памятников округи Изборска (*Лопатин, Харлашов,* 2015. С. 345).

Рис. 3. Курган 2 в составе курганной группы у д. Брод: *1* – общий вид с севера; *2* – нарушение в северной поле кургана

Согласно данным А. Е. Мануйлова, курганная группа у д. Брод состоит «из двух насыпей высотой 1–1,7 м с каменными обкладками в основании» (*Мануйлов*, 1983. С. 26). В ходе разведки 2022 г. в составе курганной группы зафиксировано 6 насыпей, которые по расположению и внешним признакам можно разделить на 2 группы. Северная группа состоит из 2 больших округлых в плане курганов (курганы 1 и 2), и южная – из 4 небольших низких насыпей.

Курган 1 представляет собой округлую в плане насыпь диаметром 14,5–16 м, высотой 1,4 м. Насыпь оплыла; участок, на котором она расположена, подрезан с трех сторон старой распашкой и трассой старой полевой дороги. В кургане имеются 2 хорошо задернованных нарушения. Курган 2 (рис. 3: *1*) – округлая насыпь диаметром 6,1 м, высотой 1 м. В ее основании имеются три крупных валуна. Юго-западная пола кургана подрезана полевой дорогой. В северной поле зафиксировано свежее нарушение (рис. 3: *2*). Судя по нарушению, курган сложен из слоя темно-серого цвета с включением известнякового щебня и средних размеров плиток известняка. Часть плиток сконцентрирована в нижней части насыпи, под дерном и, возможно, является плитняковой обкладкой кургана – «каменными обкладками в основании», о которых писал А. Е. Мануйлов.

В южной части могильника фиксируются 4 небольших, низких насыпи: диаметром около 3 м, высотой 0,3–0,5 м, в составе некоторых из них фиксируются крупные валуны. Для курганных могильников округи Изборска характерно сочетание в одной группе достаточно крупных (для региона) курганов диаметром от 5 м с небольшими низкими насыпями диаметром 3–4 м и высотой 0,3–0,4 м, (могильники у д. Малы и д. Конечки; могильники Усть-Смолка и Воронина гора). Таким образом, насыпи в южной части курганной группы у д. Брод могут являться небольшими курганами или разрушенной жальничной частью могильника.

Курганная группа у д. Брод располагается на возвышении, недалеко от исторической дороги, ведущей от Изборска к д. Брод, на территории которой на нижней береговой террасе р. Сходницы находится селище X–XIII вв. По такому же принципу (селище располагается у водоема, могильник – дальше от водоема,

на возвышении) расположены комплексы из погребального и поселенческого памятников в д. Малы и на юго-восточном берегу Городищенского озера (Усть-Смолка). Исходя из этого, можно осторожно предположить, что могильник у д. Брод относится к селищу на территории современной деревни и датировать его X–XIII вв., но для полноценных выводов информации недостаточно.

Курганная группа у д. Вастцы. Расположена к юго-западу от д. Вастцы, слева от действующей полевой дороги д. Изборск – д. Вастцы, между участками березового леса (так называемой «Блиновой рощи»), в поле, на невысокой возвышенности, тянущейся параллельно берегу Городищенского озера. На поле и в роще фиксируются плиты известняка, лежащие отдельно и в скоплениях, которые традиционно связывают с существованием на этом месте «мастерской» по изготовлению крестов.

Группа была обнаружена в ходе археологической разведки 2022 г. Она состоит из 2-х полусферических курганов, занимающих самую верхнюю, плоскую площадку возвышенности. Курган 1 расположен в центральной части возвышенности (диаметр – 5,6 м, высота – 1 м, ровика нет). Курган хорошо задернован, под дерном фиксируются известняковые плитки. Курган 2 расположен в южной части возвышенности, в 20 м к юго-востоку от кургана 1 (его диаметр – 4,4 м, высота – 0,55 м, ровика нет). Курган хорошо задернован, восточная пола повреждена старой полевой дорогой.

Заготовка каменного креста у д. Изборск (в «Блиновой роще»). Заготовка креста расположена в 70 м от уреза воды Городищенского озера, на крутом склоне берега, поросшем березовым лесом с густым подлеском из орешника («Блинова роща»). Перепад высот между нижней площадкой у воды и верхним краем склона составляет около 20 м. В зарослях фиксируются многочисленные выходы материковой скалы, а также отдельно лежащие крупные известняковые плиты.

Местоположение заготовки креста впервые отмечено во время разведки 1979 г. Л. Е. Грушиной. От местных жителей ею была получена информация о расположенной неподалеку «мастерской по изготовлению каменных крестов» (средневековой каменоломни), а также о 2-х заготовках каменных крестов. Одна из заготовок находилась северо-западнее могильника на Ворониной Горе – «в кустах на берегу Городищенского озера» (*Сергеева*, 1979. С. 7). На топографическом плане юго-восточного берега Городищенского озера 1998 г. А. Е. Королева и Б. Н. Харлашова отмечены крупные известняковые плиты в зарослях на восточном склоне берега озера (*Седов*, 2007. Вкладка. Рис. IV).

Заготовка каменного креста в «Блиновой роще» (рис. 4: *1–3*) представляет собой частично обработанную известняковую плиту длиной 1,86 м, шириной 1,17 м, толщиной 0,35–0,4 м. Нижняя часть плиты, по-видимому, представляет собой край плиты до обработки. Верхняя часть обработана в форме креста: справа вытесаны основание, верхняя и боковая лопасти, с левой стороны вытесано основание и намечена верхняя лопасть. Основание заготовки заострено. Судя по форме боковой лопасти, расширяющейся от основания к краю со скошенным боковым краем, заготовка креста относится к группе традиционных для региона «изборских» крестов, которые широко датируются XIV–XVII вв.

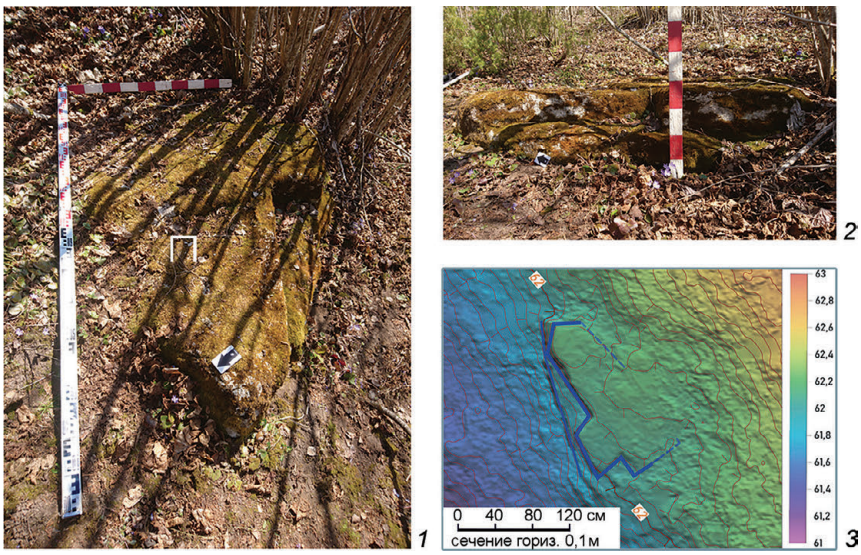

Рис. 4. Заготовка каменного креста у д. Изборск: 1 – общий вид с северо-запада; 2 – вид с юго-запада; 3 – результат 3D сканирования

Разведывательные работы 2022 г. проводились без земляных работ на памятниках археологии, имеющих сохранившиеся и хорошо читаемые в рельефе надземные конструкции. Велика вероятность, что площадная археологическая разведка с земляными работами позволит обнаружить на берегах Городищенского и Мальского озер ранее неизвестные поселенческие памятники, соответствующие известным могильникам, а также выявить производственные комплексы, связанные с «мастерской» по изготовлению каменных крестов.

Литература

Грушина Л. Е., 2016. Исследования памятников археологии Изборска и округи профессором Дерптского университета Фридрихом Крузе в 1840 году // Setumaa Kogumik 7. Tartu; Varska: Tartu Ülikool. С. 253–283.

Лопатин Н. В., 2002. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа (Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции, 6–7 сентября 2001 г.). Псков. С. 48–52.

Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н., 2015. Новые данные об округе Изборска в X–XII вв. // КСИА. Вып. 240. М.: ИА РАН. С. 44–56, 345–347.

Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н., 2023. Два могильника Усть-Смолка // АИППЗ. Вып. 38. Материалы 68-го заседания. М.; Псков: ИА РАН. С. 94–99.

Мануйлов А. Е., 1983. Разведка в бассейне р. Обдех // АО 1981 года. М.: Наука. С. 26.

Минасян Р. С., 1982. Итоги археологической разведки в Печорском районе Псковской области 1974 г. // Древние памятники культуры на территории СССР. Сборник научных трудов. Л.: ГЭ. С. 104–127, 183–191.

Могильник «Воронина Гора». Паспорт памятника истории и культуры СССР. Сост. Р. С. Минасян. 1974 // Внутренняя база данных ГБУК ПО АЦПО.

Седов В. В., 1976. Отчет о полевых работах Изборской экспедиции Института археологии АН СССР в 1976 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6323.

Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука. 413 с., 13 л. вкладок.

Сергеева Л. Е., 1978. Отчет о работах разведывательного отряда Изборской экспедиции в Печорском районе в 1978 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7284.

Сергеева Л. Е., 1979. Отчет о разведке в Печорском и Палкинском р-нах Псковской области в 1979 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7906.

Харлашов Б. Н., 1991. Отчет об археологическом обследовании г. Печор, Острова, Порхова, разведках в Псковском, Печорском, Островском, Порховском, Пушкиногорском районах Псковской области, а также об архитектурно-археологических работах в г. Пскове на ул. Ленина и у ц. Петра и Павла с Буя в 1991 г. // Внутренняя база данных ГБУК ПО АЦПО.

Schmiedehelm M., 1922. Irboska Kihelkond Schmiedehelm // Внутренняя база данных ГБУК ПО АЦПО. 193 с.

* * *

Калинина Елена Михайловна, *г. Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: elenkali@yandex.ru*

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев

Находка узколезвийного топора у д. Городище Плюсского района Псковской области[1]

Резюме. Статья посвящена находке узколезвийного топора так называемого «восточнолитовского» типа (с двумя парами щекавиц), найденного в окрестностях бывшей д. Городище Плюсского р-на Псковской обл. Топоры такого типа в V–XI вв. были распространены в основном на территории Литвы, Латвии и Северо-Запада России. На российском Северо-Западе они характерны в первую очередь для культуры псковских длинных курганов и наиболее ранних древнерусских памятников. По мнению авторов, находка топора непосредственно связана с комплексом культуры длинных курганов (городище и селище), расположенном у северо-западной окраины д. Городище.

Ключевые слова: узколезвийный топор, раннее средневековье, культура длинных курганов, Псковская область.

E. R. Mikhailova, V. Yu. Sobolev. Discovery of a Narrow-bladed Axe near the Village of Gorodishche, Plyussky District, Pskov Region

*Abstract***.** This article examines the discovery of a narrow-bladed axe of the so-called "East Lithuanian" type (with two blades (cheeks) found near the former village of Gorodishche of Plyussky District of Pskov Region. Axes of this type were common in Lithuania, Latvia, and northwestern Russia from the 5th to 11th centuries. In northwestern Russia, they are primarily characteristic for the Pskov Long Barrow culture and the earliest ancient Russian monuments. The authors believe that the discovery of the axe is directly related to the Long Barrow culture complex (hillfort ("gorodishche") and settlement ("selishche") located on the northwestern outskirts of the village of Gorodishche.

Keywords: narrow-bladed axe, early Middle Ages, long barrow culture, Pskov region.

В 2023 г. краевед А. И. Федоров познакомил авторов с попавшим в его руки топором, найденным в окрестностях бывшей д. Городище Плюсского р-на Псковской обл. Топор узколезвийный, с двумя парами щекавиц, с полуразрушенным коррозией обухом и частично выкрошившимся лезвием (рис. 1, 2). Современный вес предмета составляет 660 г, общая длина – 240 мм, высота лезвия – 67 мм, высота обуха – 68 мм. Топор был передан в Струго-Красненский музей.

[1] Работа выполнена в рамках проекта СПбГУ «Культурно-исторические процессы на Северо-Западе Восточной Европы в начале средневековья по археологическим данным» (Pure ID 107271130) (Е. Р. Михайлова).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.102-109

Рис. 1. Узколезвийный топор из окрестностей д. Городище. Фото Е. Р. Михайловой

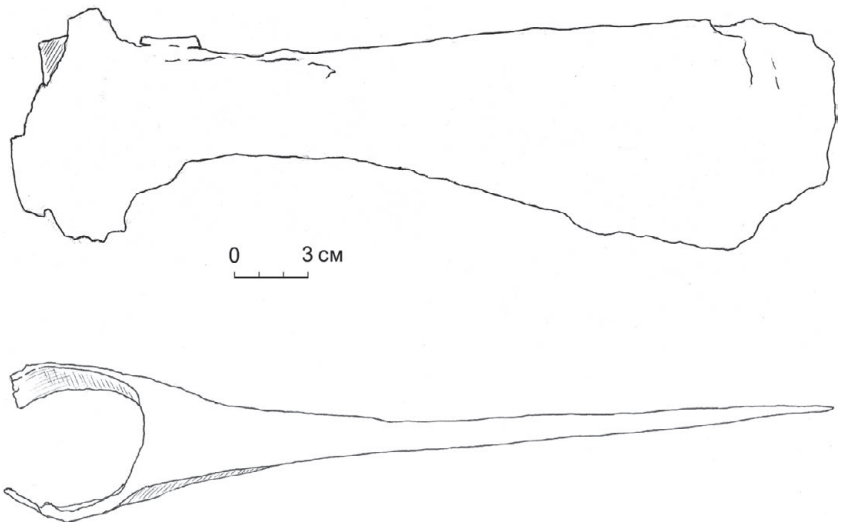

Рис. 2. Узколезвийный топор из окрестностей д. Городище. Рис. Е. Р. Михайловой

Находка относится к хорошо известной разновидности раннесредневековых топоров. Узколезвиные топоры с парными щекавицами бытовали в основном во второй половине I тыс. – начале II тыс. н. э. в нескольких больших культурных областях. Это, в частности, Юго-Восточная Прибалтика (в первую очередь территории Литвы и Латвии), где узколезвийные топоры обычно обозначаются как топоры восточнолитовского типа. В разработанных для этой территории классификациях средневекового оружия топоры с оттянутыми вверх и вниз щекавицами составляют тип 2 узколезвийных топоров согласно М. Атгазису (*Atgāzis,* 2019. Lpp. 111–113. Att. 46, 51, 52) и группу 9 согласно А. Малонайтису (*Malonaitis*, 2002. Lp. 170).

По единодушному мнению исследователей, топоры восточнолитовского типа на территории Юго-Восточной Прибалтики и смежных областей Белоруссии в целом датируются в пределах V–X вв. или даже несколько позднее; наиболее ранние и многочисленные находки представлены в курганах восточнолитовского типа (см., напр.: *Таутавичюс*, 1966; *Казакявичюс*, 1988. С. 74–81; *Malonaitis*, 2002. Lp. 170; *Медведев*, 2009. С. 66–67; *Медведев*, 2010).

Непосредственно соприкасается с Прибалтикой и Северо-Западной Белоруссией территория, занятая культурой псковских длинных курганов. Здесь топоры с парными щекавицами и их фрагменты (обычно выкрошившиеся лезвия или отломанные щекавицы) известны как в погребениях (Плесо III; Лозови), так и на селищах (Заозерье; Городок I) (*Клубова*, 1988. С. 13; *Исланова*, 2006. С. 106; *Михайлова*, 2014. С. 340). В культуре псковских длинных курганов узколезвийные топоры с парными щекавицами составляют ведущий тип топоров, хотя и не получили отдельного обозначения.

Далее к юго-востоку находки подобного типа ограниченно представлены в древностях волжских финнов. Такие топоры с Сарского городища А. Е. Леонтьев определил как «собственно мерянские» и датировал VII–X вв. (*Леонтьев*, 1996. С. 122). С последних веков I тыс. они распространяются в так называемых древностях муромы, мордвы и марийцев (Материальная культура ...С. 11; Финно-угры... Табл. XLIII: 5, LII: 11, 19; *Уткин, Черников*, 1992. С. 19, рис. 5: 5, 8: 13; *Бейлекчи*, 2001. С. 245, 247; *Воронина*, 2007. С. 41–42, рис. 23: 4, 5). Эти топоры, в отличие от западных образцов, часто имеют слабо выгнутую спинку.

Как уже довольно архаичная форма подобные топоры встречаются на ранних древнерусских памятниках. Здесь они составляют тип VIII в классификации древнерусского оружия А. Н. Кирпичникова: узколезвийные топоры, ширина лезвия которых составляет ⅓ высоты, обычно снабженные боковыми щекавицами (*Кирпичников,* 1966. С. 39–40, рис. 6). Топоры типа VIII найдены, в частности, на Супрутском городище, Земляном городище в Старой Ладоге, Городке на Шелони, городище Надбелье, в курганах Юго-Восточного Приладожья, владимирских курганах, в Подболотьевском могильнике (*Спицын*, 1905. С. 126, рис. 390; *Кирпичников*, 1966. С. 39–40; *Давидан*, 1994. Рис. 2: *2*; *Григорьев*, 2005. Рис. 29: *4*; *Плохов, Торопов*, 2013. С. 257, 267, рис. 5м; *Михайлова и др.*, 2024. С. 224).

Кроме публикуемого здесь топора, известно еще несколько случайных находок с территории Северо-Запада – например, на распахиваемом могильнике у д. Никола Синий в Красногородском р-не Псковской обл. (*Яковлева*,

2014. С. 27, рис. 18*а*), близ д. Обинитса (Овинчище) в Юго-Восточной Эстонии (*Aun*, 2009. Lk. 98, joon. 18) и у д. Сковородка Струго-Красненского р-на Псковской обл. (*Михайлова, Соболев*, 2022. С. 177).

В каждом случае находки правомерно рассматривать как связанные с ближайшими археологическими памятниками – для топора из окрестностей д. Городище важно указать на расположение здесь городища и селища культуры псковских длинных курганов. Этот комплекс обследовался А. С. Потресовым и Е. В. Шолоховой в 1960 г. (*Потресов, Шолохова*, 1966. С. 88–89), Л. А. Царьковой в 1971 г. (*Царькова*, 1972. Л. 15–16), С. Л. Кузьминым в 1988 г. (*Кузьмин*, 1988. Л. 9–10, табл. 21, 22), В. Ю. Соболевым в 2019 г.

Городище находится в 200 м к северо-западу от бывшей д. Городище (Плюсский р-н Псковской обл.), на краю левого коренного берега р. Городоньки, в этом месте изрезанного ложбинами (рис. 3). Городищенская площадка занимает почти изолированный овальный в плане холм, ограниченный с востока и запада глубокими ложбинами, выходящими в речную долину. Превышение площадки над поймой составляет около 18 м.

Площадка размером 55×20 м с возвышенной центральной частью и понижениями к краям вытянута в направлении север – юг. С южной напольной стороны площадка защищена рвом шириной 10 м, глубиной около 4 м и оплывшим валом (сохранившаяся высота вала со стороны площадки составляет около 1 м). Л. А. Царькова в 1971 г. и С. Л. Кузьмин в 1988 г. отмечали облицовку камнем внешнего ската вала. Всходы на площадку читаются с западной стороны холма, они защищены эскарпами, переходящими в валы. На северном склоне фиксируются три вала: один – наверху по краю площадки, два, являющиеся продолжением эскарпов, – на склоне. Восточный склон городища также несет следы искусственного эскарпирования. На гребне вала на северном склоне городища заметны остатки стрелковых ячеек периода Великой Отечественной войны, на площадке и в валах – многочисленные следы поиска металлодетектором. Работами 1960 и 1971 гг. культурный слой на городище выявлен не был.

В 1988 г. С. Л. Кузьмин заложил по краю площадки два разведочных шурфа, в которых обнаружил стратифицированные культурные напластования. В шурфе 1 (на северном краю городища) под современным дерном лежал слой желтого песка (около 20 см), под ним – серый гумусированный песок с обожженными камнями (0,16–0,26 м), переходящий в черный гумусированный песок толщиной 0,16–0,17 м. Еще ниже зафиксирован угольный слой мощностью 20–22 см. Материк – чистый моренный песок. В шурфе 2 (на северо-западном краю городища) под современным дерном также лежал слой желтого песка (ок. 14 см), под ним – серый гумусированный песок (20–24 см), под ним – еще один слой желтого песка (40–60 см), перекрывший углистый слой с остатками горелых плах (16–22 см). Ниже углистого слоя был разобран слой темного желто-серого песка (до 30 см), отделенный от материка тонкой (4–6 см) прослойкой черного гумусированного песка. Материк – чистый песок.

Северо-восточнее городища, на дне глубокой естественной ложбины, открытой в сторону реки, выявлено селище, также относящееся к культуре длинных курганов (рис. 3). Пятно культурного слоя прослежено на площади

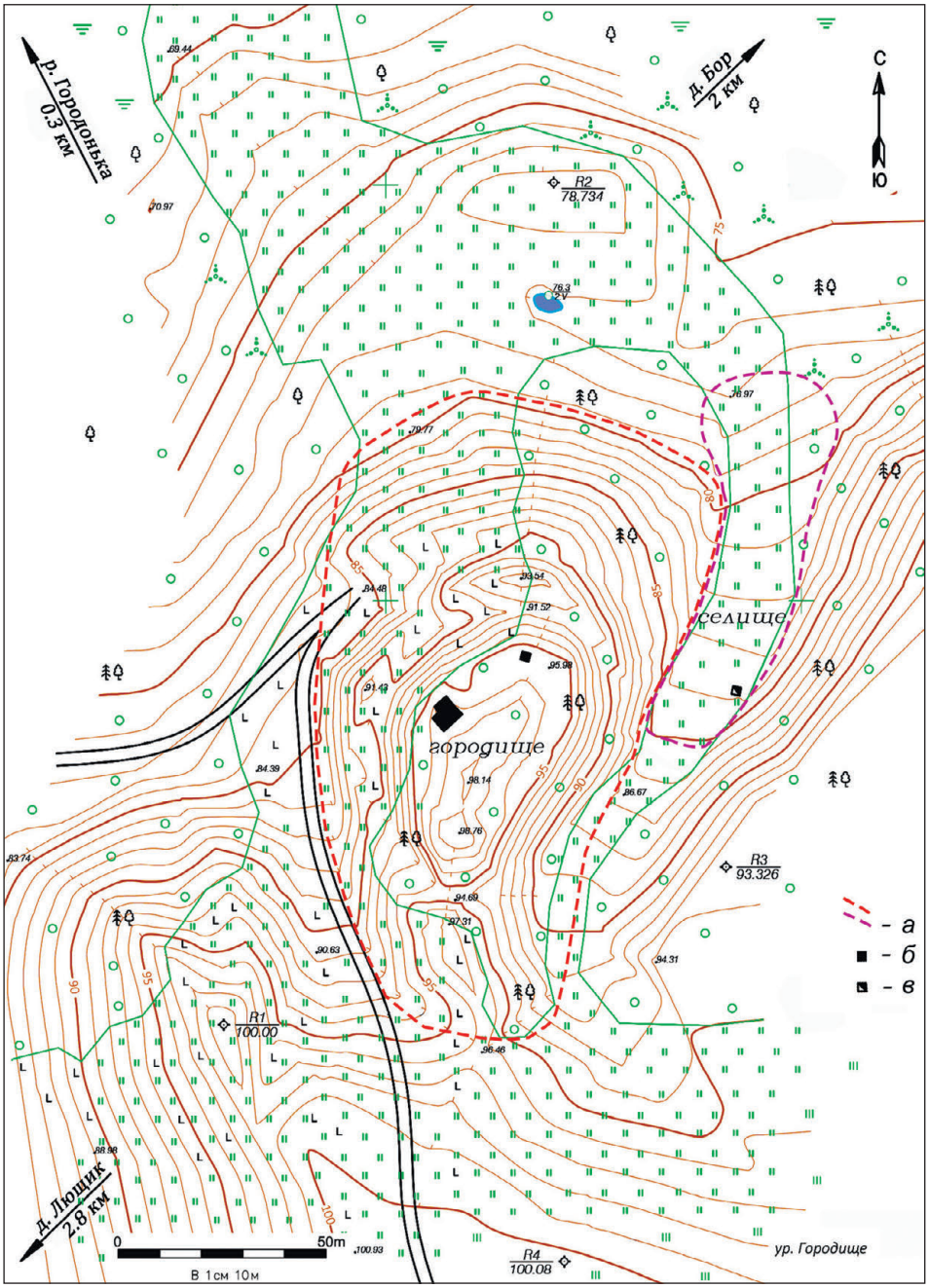

Рис. 3. Городище и селище у д. Городище. Топографический план.
Съемка В. Ю. Соболева и А. В. Бехтера, 2019 г. (*а* – границы памятников;
б – шурфы 1988 г. на городище; *в* – шурф 2019 г. на селище)

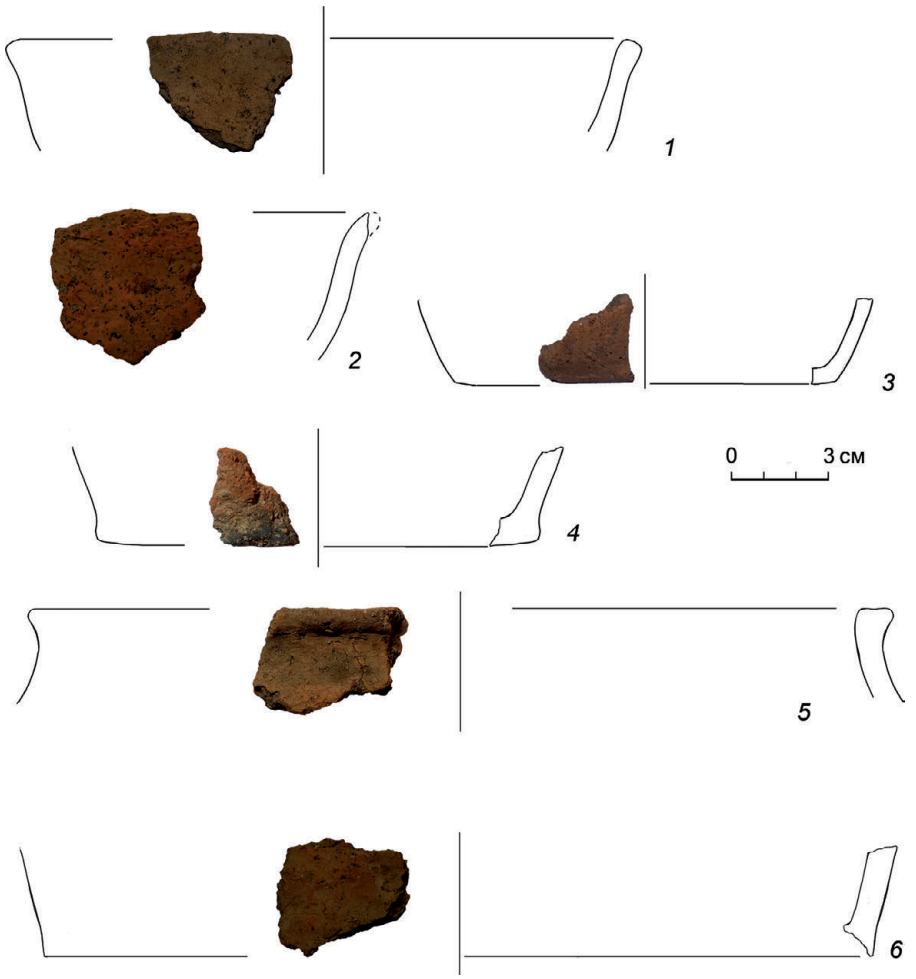

Рис. 4. Селище у д. Городище. Керамика из шурфа 2019 г. Рис. Е. Р. Михайловой

60×20 м. Разведочные шурфы на селище закладывались дважды: в 1988 г. С. Л. Кузьминым и в 2019 г. авторами настоящей статьи. В обоих случаях прослежена сходная стратиграфическая картина.

В шурфе 1988 г. под дерном залегал аморфный серый гумусированный песок (16–18 см), под ним – непотревоженный слой черного гумусированного песка мощностью до 20 см. Ниже был разобран предматериковый слой (темно-желто-серый песок мощностью 10–18 см), плавно переходящий в материк (чистый желтый песок). В этом шурфе было найдено несколько фрагментов лепной гладкостенной керамики с примесью крупной дресвы и железных шлаков.

В шурфе 2019 г. под современным дерном был отмечен аморфный темный гумусированный песок (до 15 см), под ним – непотревоженный темно-коричневый песок (20–25 см), в свою очередь, подстилавшийся аналогичным

темно-коричневым песком, но с выраженной мелкослоистой структурой, с включениями многочисленных пятен и прослоек красно-оранжевого и желтого песка (10–15 см). Ниже прослежен материк – плотный желтый песок с несколькими «утопленными» в него валунами. Все описанные в шурфе слои, кроме материка, не имели четких границ. В заполнении были собраны мелкие фрагменты лепной керамики, залегавшие в мелкослоистом темно-коричневом песке, преимущественно в его нижней части. Вся керамика – темно-коричневая, с заглаженной внешней поверхностью, неорнаментированная. Глиняное тесто – с примесью крупной дресвы, зерна которой выступают на внутренней и внешней поверхности. Черепки – рыхлые, крошащиеся в руках, в изломе трехслойные. Формы сосудов можно реконструировать только примерно – слабопрофилированные, с округлым венчиком и толстым дном. Реконструируемый диаметр устья – 25–30 см, донца – около 12–15 см. Присутствуют также фрагменты очень крупных сосудов – вероятно, баночных (рис. 4).

Таким образом, у д. Городище расположен важный комплекс памятников культуры длинных курганов, а открытые на городище и селище культурные напластования свидетельствуют о достаточно интенсивной жизни. По всей вероятности, находка топора связана именно с этим памятником, так как более поздних средневековых памятников в ближайших окрестностях д. Городище не известно.

Литература

Бейлекчи В. В., 2001. Муромский могильник у села Александровка // Уваровские чтения – III. «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность». Муром: Муромский историко-художественный музей. С. 245–248.

Воронина Р. Ф., 2007. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука. 164 с.

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Куликово поле. 207 с.

Давидан О. И., 1994. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб.: ГЭ. С. 156–166.

Исланова И. В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: б. и. 288 с.

Казакявичюс В., 1988 Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас. 160 с.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. (САИ. Вып. Е1-36). М., Л.: Наука. 147 с.

Клубова О. В., 1988. Изделия из металла из раскопок селища у д. Заозерье в бассейне р. Мсты // ННЗ. Материалы ежегодной научной конференции. С. 11–14.

Кузьмин С. Л., 1988. Отчет о работах Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 2896. 62 л.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 340 с.

Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы). Научная обработка и введение А. Е. Алиховой). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. 176 с.

Медведев А. М., 2009. К вопросу о происхождении и хронологии украшений эпохи великого переселения народов (фибулы типа Вильканцы) // Археалагічныя даследаваннні на Беларусі ў 2007 годзе (Материалы па археалогіі Беларусі). Вып. 17. Мінск: Інстытут гісторыі Беларусі. С. 63–77.

Медведев А. М., 2010. Этнокультурная ситуация в бассейне Вилии во второй четверти I тыс. н. э. (К вопросу о происхождении культуры восточнолитовских курганов) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 19: Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны. Мінск: Беларуская навука. С. 60–70.

Михайлова Е. Р., 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 427 с.

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., 2022. Комплекс памятников у деревни Сковородка. История исследования и современное состояние // АВ. Вып. 35. 167–181.

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., Русаков А. В., Жарких И. А., 2024. Вал Надбельского городища // АВ. Вып. 43. С. 220–235.

Плохов А. В., Торопов С. Е., 2013. Городок на Шелони – «забытый» памятник эпохи раннего средневековья // ННЗ. История и археология. Вып. 27 / Отв. ред. В. Л. Янин. С. 251–277.

Потресов А. С., Шолохова Е. В., 1966. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М., Л.: Наука. С. 65–97.

Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 15. СПб. С. 84–172.

Таутавичюс А., 1966. К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров // Pronksiajast varase feodalismini. Uurimusi Baltimaade ja naaberalade arheoloogiast. (От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий). Таллин: Ээсти раамат. С. 187–191.

Уткин А. В., Черников В. Ф., 1992. Муромский могильник близ села Нижняя Верея на Нижней Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7. Иваново: б. и. С. 12–28.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. 512 с.

Царькова Л. А., 1972. Отчет Псковского археологического разведочного отряда за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4445. 73 л.

Яковлева Е. А., 2014. Археология в Пскове в 2012 г. // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Мат-лы 59-го заседания. Вып. 29. С. 7–30.

Atgāzis M., 2019. Tuvcīņas ieroči Latvijā 10–13. gadsimtā. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 256 lpp.

Aun M., 2009. Ehteleiud Setomaa põlestusmatustega kääbastes // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. Lk. 95–99.

Malonaitis A., 2002. Schmaläxte mit Nacken in Litauen // Archaeologia Baltica. Vol. 5. S. 163–183.

* * *

Михайлова Елена Робертовна, *кандидат ист. наук, Санкт-Петербург, СПбГУ, Институт истории, e-mail: helena.mikhaylova@gmail.com*

Соболев Владислав Юрьевич, *Санкт-Петербург, СПбГУ, Институт истории, e-mail: vlad.sobolev@mail.ru*

Е. М. Калинина

Детали костюма жителей Прибалтики и Северной Европы XVI–XIX вв. в материалах раскопок 2022–2024 гг. в г. Печоры Псковской области

Резюме. В статье рассматривается небольшая группа предметов из раскопов 2022–2024 гг. в г. Печоры Псковской обл., связанных с народным костюмом жителей Прибалтики и Северной Европы. Основной задачей исследования является интерпретация различных вариантов застежек (фибул), используемых для скрепления ворота одежды, верхнего платья и шейных платков. Большая часть предметов происходит с территории, связанной с ул. Псковской, исторического въезда в Печерскую слободу со стороны Пскова.

Ключевые слова: Печоры, монастырская слобода, сердцевидная застежка (фибула), фибула с четырьмя углами, пуговичная воротничковая застежка, Ф-образная пронизка.

E. M. Kalinina. Details of the Costume of the Inhabitants of the Baltic and Northern Europe in the 16th–19th Centuries in the Materials of the 2022–2024 Excavations in Pechory, Pskov Region

Abstract. This article examines a small group of objects, related to the folk costume of the inhabitants of the Baltics and Northern Europe, from the 2022–2024 excavations in Pechory, Pskov Region. The main objective of the study is to interpret various types of fasteners (fibulae, brooches) used to fasten collars, outer garments, and neck scarves. Most of the objects come from the area associated with Pskovskaya Street, the historical entrance to the Pecherskaya Sloboda from the Pskov direction.

Keywords: Pechory, monastery settlement, heart-shaped fastener (brooch), four-cornered brooch, button collar fastener, F-shaped bead (“pronizka”).

Печоры – поселение, возникшее на рубеже XV–XVI вв. на русско-ливонской границе вокруг Псково-Печорского монастыря. Во второй половине XVI – XVII в. укрепленный монастырь и слобода под ним являлись важным стратегическим пунктом и участником всех основных внешнеполитических событий на северо-западной границе. После Северной войны

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.110-119

государственная граница отодвигается, но сохраняется культурная. Пограничное положение Печорского района до сих пор особенно ярко проявляет себя в культуре местной народности сету.

Археологические раскопки в Печорах ведутся с 2019 г. и носят охранный характер. В рамках исследований к 2025 г. изучено 1172 кв. м. Большая их часть (693 кв. м) приходится на раскоп Печоры 3, исследовавший жилую зону монастырской слободы («двОрца») в непосредственной близости от ц. Сорока мучеников Севастийских, у которой находится первый некрополь слободы[1]. Работы на самом некрополе велись в 2023–2024 гг., их площадь составила 110 кв. м[2]. Остальные раскопы проводились по трассам инженерных коммуникаций и по большей части располагались на территории современных улиц – на Соборной площади, ул. Международной, ул. Псковской и параллельной ей ул. Рабочей[3]. Эти исследования подтвердили, что трассы современных улиц в целом совпадают с историческими.

Структура поселения Печор складывается к XVII в. и в общих чертах доживает до настоящего времени. Поселение имеет два центра: Псково-Печорский монастырь с расположенной перед его центральным въездом Соборной площадью и Торговая площадь (современное название – Октябрьская). Площади связаны современной улицей Международной. К Соборной площади тяготеют наиболее старые участки поселения, обжитые с XV–XVI вв. – это монастырь и «двОрец» с первым некрополем слободы у ц. Сорока мучеников. К Торговой площади сходятся современные улицы Псковская, Рижская и Юрьевская, трассы которых, видимо, совпадают с историческими дорогами – на Псков, Нейгаузен, Ригу и Дерпт. Из них улица Псковская, огибающая «двОрец», застраивалась раньше и наиболее активно. Видимо, начало именно этой улицы, уходящей в сторону Пскова, отражено на известном рисунке из альбома Мейерберга 1661–1663 гг. (Альбомъ Мейерберга).

При подготовке данной статьи учтены коллекции индивидуальных находок всех раскопов, проведенных в Печорах до 2025 г., и в целом материальная культура слободы по археологическим материалам выглядит традиционной для русского города XVI–XVIII вв. В то же время наличие связей местных жителей с населением Прибалтики несомненно, эти контакты должны были оставить археологический след.

Его действительно можно проследить, например, в нумизматической коллекции. Так, в коллекции монет XVII в. из Печор с большим отрывом преобладают проволочные монеты-«чешуйки» Михаила Федоровича и Алексея Михайловича[4]. Также в коллекции присутствует небольшое количество шведских

---

[1] Результаты этих исследований опубликованы в 37-м выпуске АИППЗ за 2022 г. (*Степанов, Яковлева, Прибурова*, 2022. С. 214–230).

[2] Результаты этих исследований опубликованы в 39-м выпуске АИППЗ за 2024 г. (*Косовец, Аракчеева*, 2024. С. 109–115).

[3] Результаты этих исследований опубликованы в 39-м выпуске АИППЗ за 2024 г. (*Аракчеева, Калинина, Косовец и др.*, 2024. С. 95–108).

[4] Определение монет – К. В. Горлов (ИИМК РАН).

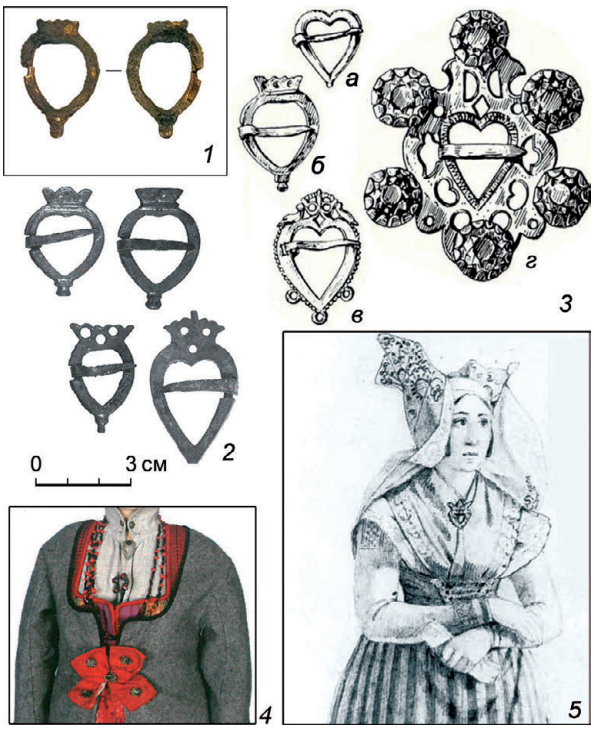

Рис. 1. Сердцевидные застежки (фибулы)
1 – из раскопа Печоры 8, цветной металл; *2* – из Эстонии (Тартумаа, кладбище ц. Камбья, XVII в., по: *Valk*, 1999. Tab. XII); *3* – из Латвии (по: *Apala*, 1974. L. 258); *4* – сердцевидная и воротничковая застежки в эстонском костюме, о. Саарема, д. Ансекюля (Анзекюль), XIX в. (по: *Piiri*, 2007. L. 29); *5* – сердцевидная застежка в шведском костюме на рисунке замужней женщины из Треллеборга, 1830-е гг., автор: O. Wallgren (по: *Søvsø*, 2013. S. 156)

монет рижской чеканки, которые на тот момент ощутимо присутствовали в денежном обращении на территории Прибалтики.

Кроме того, в коллекциях из Печор присутствует ряд предметов, которые в этот период используются по обе стороны границы – это разнообразные пуговицы-гирьки, перстни-печатки, простые кольца и так далее.

Однако основной задачей этой статьи является интерпретация предметов, которые можно связать только с жителями Прибалтики и отчасти Северной Европы. Такие находки в Печорах единичны, практически все они (за одним исключением) происходят с раскопов на ул. Псковской (с раскопов Печоры 4, Печоры 5 и Печоры 8). Один предмет происходит из раскопа Печоры 7, из некрополя у ц. Сорока мучеников. Все они являются деталями народного костюма.

Первая такая находка – *сердцевидная застежка (фибула)* из цветного металла (рис. 1: *1*) – найдена в раскопе Печоры 8, под деревянным мощением второго яруса благоустройства ул. Псковской. Даты порубки плах и бревен мощения: 1680-е – 1753 гг.; даты порубки подкладочных бревен – 50–60-е

годы XVII в.[5] (*Кулакова, Калинина, Аракчеева*, 2025). Широкий диапазон дат, по-видимому, отражает многочисленные ремонты мощения с использованием дерева во вторичном употреблении. Таким образом, слой, связанный с этим ярусом мощения, может быть датирован широко – второй половиной XVII – первой половиной XVIII в.

Сердцевидные застежки представляют собой поздний вид замкнутых фибул, используемых в мужском и женском костюме Северной Европы – стран Скандинавии, Прибалтики и Северной Германии в XVII–XIX вв. Также они встречаются и в странах Центральной Европы (Историко-этнографический атлас Прибалтики..., 1986. С. 89). Варианты таких застежек имеются в музейных коллекциях Чехии, Словакии, Англии, Шотландии. В России находки сердцевидных застежек единичны. Общим для таких застежек является сюжет – сердце, увенчанное короной (рис. 1: *2, 3*), к которому могут добавляться различные декоративные детали: две птицы рядом с короной, привески в виде бусин или металлических пластинок, декор по рамке цветным стеклом или бисером (*Kirme,* 1986. L. 122–123, 125). Застежки в форме сердца были достаточно популярны в Новое время, им посвящено некоторое количество локальных работ археологов, этнографов и искусствоведов, но их распространение в Европе исследовано не до конца.

По этнографическим и изобразительным источникам XIX в. прослеживаются два основных способа использования сердцевидных застежек в одежде: для скрепления ворота или нагрудного разреза рубахи (рис. 1: *4*) и для крепления шейного платка (рис. 1: *5*). В этой связи вполне логичным представляется мнение датских исследователей (*Søvsø*, 2013. S. 157) о том, что первый способ является архаичным, наследующим традиции использования фибул в Средневековье, а второй – соответствующим моде Нового времени, постепенно превращающей застежку в украшение.

В этнографии описаны множество местных традиций ношения и использования сердцевидных застежек: в Эстонии – использование комплекта из трех застежек для крепления нескольких платков, для застегивания мужского пальто, для крепления женского платка под подбородком, для пристегивания рукавов к одежде (*Kindlam,* 1935. P. 317–318); в Дании – при пеленании детей (*Søvsø,* 2013. S. 157). Часто сердцевидные застежки сопровождаются информацией, что являются подарком возлюбленной, подарком на помолвку или на свадьбу (*Kindlam,* 1935. P. 319; *Søvsø,* 2013. S. 156).

Разнообразный материал о ношении, использовании и изготовлении сердцевидных застежек в Эстонии содержится в работе Магнуса Киндлема, опубликованной им в 1935 г. в «Ежегоднике эстонского ученого общества». Им были изучены 94 застежки из археологических и этнографических музейных коллекций Эстонии, кроме того, использована анкета Эстонского национального музея. Согласно анкете, их носили как горожане и крестьяне, так и владельцы поместий. В одних местностях они были частью праздничного

[5] Дендрохронологический анализ – М. И. Кулакова (ГБУК ПО АЦПО).

наряда, в других – повседневного. Их использовали в народной медицине и деревенских ритуалах: застежки защищали от зла и сглаза, колдунов и ведьм; они гарантировали успех в суде, помогали в прядении, защищали от ночных кошмаров; серебро, соскобленное с застежек, добавляли в лекарства и т. д. По этнографическим материалам известно, что сердцевидные застежки изготавливались местными мастерами. В качестве материала использовались серебро и цветной металл (некоторые застежки из цветного металла посеребрены), реже – кость и дерево; упоминаются застежки такого типа, изготовленные из золота (*Kindlam,* 1935. P. 317–319). В Латвии в качестве материала также использовался янтарь (*Apala*, 1974. L. 260).

По археологическим материалам сердцевидные застежки известны в Прибалтике со второй половины XVI – XVII в. Так, в 1974 г. Зигрида Апала классифицировала латвийские сердцевидные застежки (82 предмета с 41 памятника, большая часть из которых могильники), выделив на основе декора четыре основных типа и несколько подтипов – от наиболее простого к сложному. Наиболее ранние экземпляры (рис. 1: *3а*) были датированы ею XVI в. Необходимо отметить, что ранние экземпляры, выделенные Апалой, немногочисленны (четыре предмета) и отличаются от привычной формы: рамка в виде сердца не имеет «короны». Более поздние типы сердцевидных застежек датируются ею на основе нумизматического материала – с XVII в. (*Apala*, 1974. L. 257, 262). Сама традиция ношения сердцевидных застежек археологически прослеживается в Латвии вплоть до XIX в.

Географически наиболее близкие аналогии сердцевидной застежки из Печор происходят из раскопок сельских могильников Юго-Восточной Эстонии (рис. 1: *2*). Хейки Валк, посвятивший этим могильникам монографию, относил сердцевидные застежки к наиболее поздней группе находок (группе С). Им были учтены 102 подобные находки с 45 памятников. По его мнению, такие застежки появляются в Эстонии в 1630-е гг. Чаще всего они встречались в Южной Эстонии в погребениях с монетами XVII в. Самое позднее погребение с сердцевидной застежкой сопровождалось монетой 1768 г. (*Valk,* 1999. S. 46).

По классификации Апалы сердцевидная застежка из Печор относится ко II типу, варианту 3 (рис. 1: *3б*) – сверху рамку украшает волнистая корона, в нижней части имеется небольшой выступ-шарик, а сбоку на рамке – выступ под крепление язычка. Застежки этого типа в Латвии найдены в захоронениях со шведскими монетами 50–60-х гг. XVII в. Этот тип застежек, по мнению Апалы, является одним из наиболее характерных для XVII в., наряду с наиболее простыми по декору вариантами он не находит продолжения в последующие века (*Apala,* 1974. L. 262).

Прибалтийскими исследователями отмечается, что форма сердцевидной застежки не свойственна местному материалу и является результатом контактов с Западной и Северной Европой (Историко-этнографический атлас Прибалтики..., 1986. С. 89; *Apala,* 1974. L. 261; *Kirme,* 1986. L. 122; *Kindlam,* 1935. P. 330), в частности, со Швецией и Северной Германией. Отдельно стоит отметить замечание о том, что ни одна из сердцевидных застежек, с которыми работал М. Киндлем (94 предмета), не происходит с территории Сетомаа, от-

Рис. 2. Круглые застежки (фибулы)
1 – из раскопа Печоры 4, цветной металл; *2* – в одежде фермера, последняя четверть XIX в. Фрагмент фото из коллекции «Estonica», автор: H. Tiidermann (URL: https://www.muis.ee/museaalview/1421869, дата обращения 17.09.2025); *3* – в эстонском костюме, Вильяндимаа, пос. Халлисте, конец XIX в. (по: *Piiri*, 2007. L. 8)

рицательными были и ответы о них респондентов из сету в анкете Эстонского национального музея (*Kindlam,* 1935. P. 321).

Другая поздняя замкнутая *застежка (фибула)* – более простой формы – *маленькая кольцевидная*, из цветного металла (рис. 2: *1*). Она происходит с раскопа на ул. Псковской – Печоры 4 (участок В), в северной части которого на материке были обнаружены остатки улицы или уличного проезда, соединяющего современные улицы Псковскую и Рабочую. Находка происходит из слоя, который по нумизматическому материалу можно датировать второй половиной XVIII – началом XIX в.

Небольшие круглые застежки диаметром 2–3 см с полностью прямоугольным или слегка выпуклым сечением, так же как и сердцевидные застежки, неоднократно встречены на сельских могильниках Юго-Восточной Эстонии, отнесены Х. Валком к поздней группе находок (группа С). Им были учтены 124 такие находки с 38 могильников. В Юго-Восточной Эстонии эти застежки, по его мнению, появились также в 1630-е гг. и просуществовали до XIX в. Их изготавливали из сплавов цветных металлов и серебра. Поверхность их могла быть лишена декора либо иметь орнаментацию в виде перпендикулярных канавок, выступов, рельефных гребней (*Valk,* 1999. S. 47). По этнографическим данным известны и самодельные подвески к таким застежкам (*Kirme,* 1986. L. 148). Использовались они для скрепления ворота или нагрудного разреза рубахи (рис. 2: *2, 3*).

Следующий предмет – *фибула с четырьмя углами* (эст. nurksõled) или пластинчатая кольцевидная фибула с четырьмя выступами на кольце по В. А. Мальм – происходит из некрополя у ц. Сорока мучеников (рис. 3). Фибула найдена рядом с поясничным отделом костяка Погребения 78. В остальном погребение было безынвентарным, его антропологическое определение еще находится в работе.

Общая датировка таких фибул – XIII–XVII вв. Этот тип фибул специфичен для Эстонии и Латвии (*Kirme,* 1986. L. 22), их ранние формы также найдены на территории Ленинградской области (*Мальм,* 1967. С. 189). Для

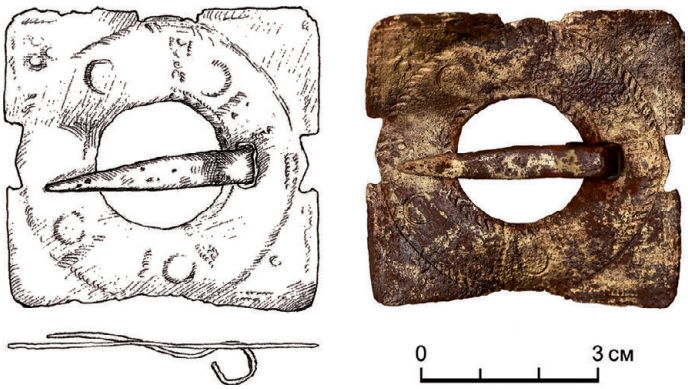

Рис. 3. Фибула с четырьмя углами из раскопа Печоры 7
(некрополь у ц. Сорока мучеников Севастийских), цветной металл

ранних форм XIII–XVI вв. характерен узкий щиток с узкими выступами. В XV–XVII вв. щиток и выступы становятся шире, так что форма фибулы начинает напоминать квадрат (*Valk,* 1999. S. 46). Со временем происходит и смена материала, используемого для изготовления фибул: вместо толстой пластины цветного металла применяется тонкий лист (*Kirme,* 1986. L. 23). По форме и материалу фибула с четырьмя углами из Печор относится к XV–XVII вв.

Следующие находки – две пуговицы цветного металла со вставками из зеленого стекла и маленькими петлями крепления из раскопа Печоры 5 (рис. 4: *1*). Пуговицы происходят из дренажа, сопровождающего верхний ярус благоустройства ул. Псковской, который по коллекции монет датируется концом XVIII – началом XIX в. Пуговицы найдены по отдельности, однако они происходят из одного комплекса, раскрытого на длину около 2 м, и по внешнему виду явно представляют один набор. Такую пару пуговиц можно определить как *пуговичную воротничковую застежку* (рис. 4: *3–6*) с утраченным соединительным крючком.

Воротничковые застежки по своей форме напоминали составные запонки: две скрепленные подвижно пуговицы, вдевавшиеся в петли на вороте рубахи (рис. 4: *2*). В этнографии народов Прибалтики такие застежки были распространены в южной и западной Латвии и на островах Эстонии: Саарема и Хийумаа. Их использование связывают со шведской модой (Историко-этнографический атлас Прибалтики... С. 91).

Еще один предмет, который можно определить как *Ф-образную пронизку* (рис. 5: *1*), происходит из раскопа Печоры 8, из слоя над деревянным мощением ул. Псковской. Пронизка имеет бочонковидную форму и украшена валиками по краям. С одной стороны ее сохранились два небольших ушка, противоположная сторона повреждена.

Находка происходит из слоя, который не может быть датирован ранее середины XVII в., что не вписывается в традиционную для Ф-образных пронизок более раннюю датировку. Кроме того, при сохранении функциональных элементов, печорский предмет отличается от более ранних по внешнему виду.

Рис. 4. Пуговичные воротничковые застежки
1 – пуговицы со вставками из зеленого стекла из раскопа Печоры 5, цветной металл, стекло; *2* – воротничковая застежка в эстонском праздничном костюме, Лифляндская губерния, приход Анзекюль (о. Саарема), вторая половина XIX в. (фрагмент реконструкции Российского этнографического музея, URL: https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/779097, дата обращения: 17.09.2025); *3* – воротничковая застежка, эстонцы, Лифляндская губерния, о. Эзель, середина – вторая половина XIX в., металл, стекло (Российский этнографический музей, РЭМ 881–92, URL: https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/77730?page=2&fund=929296&ethnos=9499&index=59, дата обращения: 16.09.2025); *4* – серебряные пуговицы с камушками из Курземе (Музей истории Латвии, по: Историко-этнографический атлас Прибалтики… С. 91); *5–6* – шейные пуговицы («hals knapp») для мужской рубахи, шведы, о. Рухну (по: *Heikel*, 1909. Taf. XXVII)

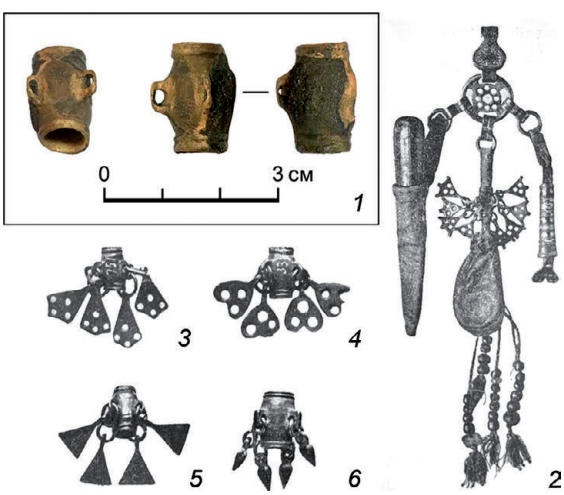

Рис. 5. Пронизки
1 – из раскопа Печоры 8, цветной металл; *2* – женский поясной набор, Пюхяярви, Выборгская губерния (по: *Sirelius*, 1915. S. 151); *3–6* – пронизки с четырьмя ушками, Выборгская губерния (по: *Sirelius*, 1915. S. 155)

В качестве аналогии можно предложить детали подвеса к женскому поясу в финском народном костюме XIX в. (рис. 5: *2–6*), опубликованные У. Т. Сирелиусом в 1915 г. С помощью декоративного плоского крючка и ременного кольца-разделителя к поясу крепился набор бытовых мелочей: кошелек, ножны с ножом, игольница, гребень. Похожая на печорскую Ф-образная пронизка с четырьмя ушками в представленном комплекте используется в подвесе кошелька. Такие варианты поясного набора и Ф-образных пронизок с подвесками происходят из волостей Пюхяярви (Pyhäjärvi) (рис. 5: *3*), и Ряйсяля (Räisälä) (рис. 5: *4–6*) Выборгской губернии (современный Приозерский р-н Ленинградской обл.) (*Sirelius*, 1915. S.151, 154–155).

В сравнении с общим объемом всех коллекцией индивидуальных находок, происходящих из раскопов в Печорах, рассмотренная выше группа предметов крайне небольшая. Все предметы, за исключением фибулы с четырьмя углами, происходят с ул. Псковской, которая согласно результатам раскопок, и изначально складывалась в качестве улицы, начиная с конца XVI – начала XVII в. Являясь основным подъездом к Псково-Печорскому монастырю со стороны Пскова, ул. Псковская также ведет и к Торговой (Октябрьской) площади, что позволяет рассматривать ее в рамках города как часть исторической дороги, соединяющей Псков с городами Прибалтики. Таким образом, предметы, происходящие из раскопок на ул. Псковской, сложно соотнести с какой-то определенной группой населения: они могли принадлежать как местным жителям Печор и округи, так и путешествующими через слободу. Вопрос о принадлежности этих предметов может быть решен при археологическом изучении зоны жилой застройки по улицам Псковская и Рабочая, которая на данный момент раскопками практически не затронута.

Литература

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовые картины Россіи XVII века. Изданіе А. С. Суворина. 1903. [Электронный ресурс] URL: https://www.booksite.ru/enciklopedia/album/meierberg/5.jpg (дата обращения: 13.09.2025).

Аракчеева И. С., Калинина Е. М., Косовец К. С., Кулакова М. И., Подгорная Р. Г., Романовский А. Б., 2024. Археологические раскопки в г. Печоры на ул. Псковской, Рабочей и Соборной площади в 2019–2023 гг. // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 39. Мат-лы 69-го заседания. С. 95–108.

Историко-этнографический атлас Прибалтики: Одежда / Отв. ред Г. С. Маслова. Рига: Зинатне. 1986. 173 с., 40 л. цв. ил., 66 л. карты.

Косовец К. С., Аракчеева И. С., 2024. Позднесредневековый некрополь Монастырской слободы г. Печоры по результатам археологических исследований 2023–2024 гг.: предварительные итоги // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 39. Мат-лы 69-го заседания. С. 109–115.

Кулакова М. И., Калинина Е. М., Аракчеева И. С., 2025. Раскопки в г. Печоры Псковской области в 2023 г. // АО. 2023 год. М.: ИА РАН.

Мальм В. А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки // Очерки по истории русской деревни X–XIII веков. Труды ГИМ. Вып. 43 / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия. С. 149–190.

Степанов С.В., Яковлева Е.А., Прибурова Т.Ф., 2022. Спасательные раскопки на месте строительства странноприимного дома гостиничного комплекса Псково-Печерского монастыря в 2020–2021 гг. // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Вып. 37. Мат-лы 67-го заседания. М., Псков: ИА РАН. С. 214–230.

Apala Z., 1974. Sirdsveida saktas Latvijā // Arheoloģija un etnogrāfija, XI. Pieminekļu valdes izdevums. Riga: Zinātne. Lpp. 257–265.

Heikel A.O., 1909. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. Kansatieteellisiä julkaisuja IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne. 114 s., 31 Taf.

Kindlam M., 1935. Heart-Shaped Brooches // Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat. P. 316–330. [Электронный ресурс] URL: https://dspace.ut.ee/items/2903cdb0-dddd-4805-9e6a-6c9f346d2891/full (дата обращения: 15.09.2025).

Kirme K., 1986. Eesti sojet. Tallinn: «Kunst». 181 leh.

Piiri R., 2007. Eesti talurahva ülerõivas 19. sajandil. Tartu. 56 leh.

Sirelius U.T., 1915. Suomen kansanpukujen historia. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 304 s., 24 kuvasivua.

Søvsø M.H., 2013. Hjerteformede spænder fra nyere tid (Heart-shaped brooches from modern times) // KUML 2013. Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab. Årg. 62 Nr. 62. S. 145–163 [Электронный ресурс] URL: https://tidsskrift.dk/kuml/issue/view/3480 (дата обращения: 15.09.2025).

Valk H., 1999. Rural Cemeteries of Southern Estonia, 1225–1800 AD. Visby–Tartu: Gotland University College Centre for Baltic Studies, University of Tartu, Archaeology Centre. 115 p.

* * *

Калинина Елена Михайловна, *Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: elenkali@yandex.ru*

ИСТОРИЯ ПСКОВЩИНЫ: ГОРОД, ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Вл. В. Седов

Ранние стены Псковского Крома по исследованиям С. А. Тараканової

Резюме. В работе анализируются материалы раскопок псковского Крома С. А. Тараканової в 1948 г., публикуются фотографии из отчета, а также приводятся данные из публикаций. Из этого материала становится ясно, что во время раскопок 1948 г. была открыта ранняя стена псковского мысового городища, Крома, которую можно датировать X–XI вв. Приводятся данные об аналогах подобных стен, сложенных насухо (или на глиняном растворе): они есть всего в трех древнерусских центрах, Пскове, Изборске и Ладоге и датируются тем же временем. Вероятно, мы имеем дело с традицией фортификаций подобного типа, сложившейся на Руси в раннем средневековье. Рассматриваются параллели в архитектуре укреплений Северной Эстонии, а также стенки на городище Любша и Старом Порховском городище и стена оттоновской крепости в Ландсберге.

Ключевые слова: Древняя Русь, археологические раскопки, Псков, Кром, укрепления, каменная стена, кладка насухо, С. А. Тараканова, Изборск, Ладога.

V. V. Sedov. Early Walls of the Pskov Krom according to the Research of S. A. Tarakanova

Abstract. The author analyzes the materials of the excavations of the Pskov Krom by S. A. Tarakanova in 1948, publishes photographs from the report, and provides the data from publications. From this material it becomes clear that during the excavations in 1948, an early wall of the Pskov cape hillfort, Krom which can be dated to the X–XI centuries was discovered. The data on the analogues of similar walls, built dry (or on clay mortar), are presented: they are found in only three ancient Russian centers, Pskov, Izborsk and Ladoga, and date back to the same time. We are probably dealing with the tradition of fortifications of this type that developed in Russia in the early Middle Ages. The article examines parallels in the architecture of the fortifications of Northern Estonia, as well as the walls on the Lyubsha hillfort and the Old Porkhov hillfort and the wall of the Ottonian fortress in Landsberg.

Keywords: Ancient Russia, archaeological excavations, Pskov, Krom, fortifications, stone wall, dry masonry, S. A. Tarakanova, Izborsk, Ladoga.

Изучение укреплений Крома в Пскове до сих пор находится на начальном уровне, поскольку документальных свидетельств об участках стен этой части города очень немного. Большое значение имеют исследования Сусанны Андреевны Тараканової, которая изучала древности Пскова и Псковской земли в 1940-е гг. К сожалению, они плохо документированы. Автор этой статьи

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.120-137

попытался извлечь информацию из публикаций С. А. Тараканової и из ее отчета об археологических раскопках 1948 г., проведенных в западной части Крома.

С. А. Тараканова в нескольких публикациях отразила материалы своих раскопок, имевших, как будет показано ниже, исключительное значение в изучении средневековых и раннесредневековых укреплений Пскова.

В статье «Новые материалы по археологии Пскова» (*Тараканова*, 1950а. С. 61–62) она писала:

При раскопках 1948 г. были изучены также и крепостные стены Псковского кремля. О времени их первоначальной постройки в письменных источниках не сохранилось упоминаний. Первые сведения о псковских крепостных стенах мы находим в псковской летописи под 1309 г., но эта каменная стена проходила вне Псковского кремля. Основываясь на данных летописей и характере крепостных стен в других городах того времени, я в свое время высказала предположение о том, что Псков до 1309 г. имел деревянные стены, в том числе и вокруг Псковского кремля (*Тараканова,* 1946). *Раскопки показали, что это не совсем правильно. В кремле были вскрыты три линии крепостных стен. Одна из них проходила близ края кремлевской площадки и представляла собой вал высотой до 1 м, сложенный из плотной желтой глины. Ширина этого вала достигала 2–2,2 м. По гребню вала проходила деревянная стена или тын. На валу сохранились круглые ямки от столбов. Всего на расстоянии 2 м открыты четыре такие ямки, расположенные в одну линию. Ямки были заполнены темной землей, в которой встречалась рыбья чешуя. В одной из них найдены мелкие кусочки истлевшего дерева. Близ ямок находились две небольшие группы булыжных и плитняковых камней, назначение которых остается невыясненным.*

Поверхность вала покрывала темная плотная земля, характерная для четвертого культурного слоя. При расчистке поверхности вала на территории одного квадрата (73) было найдено 5 фрагментов круговой керамики и 15 фрагментов лепной. Разборка же группы камней на валу, как и самого вала, дала исключительно лепную керамику. Кроме того, на валу были найдены птичья кость с просверлиной и амулет (клык животного). Под валом найдена лепная керамика второй группы.

Все эти данные устанавливают, что древнейшим укреплением вокруг Псковского кремля была деревянная стена на земляном валу. По найденному в ней материалу ее можно датировать VIII в. н. э.

К этой стене с внутренней стороны кремлевской площадки примыкал развал каменной стены, сложенной путем сухой кладки из крупного плитнякового камня. Ширина этого развала составляла свыше 3 м. В раскопках прослежено несколько рядов сравнительно хорошей сохранности кладки этой стены. При расчистке и снятии первого ряда камней стены на площади двух квадратов было найдено 165 фрагментов круговой керамики, славянский нож, два «древолазных шипа» и шиферное пряслице. При расчистке и снятии последующих рядов между ними были обнаружены небольшие пятна красноватой глины и мелкие кусочки истлевшего дерева. Здесь также была найдена круговая керамика первой и второй группы, железное кольцо, лодочная заклепка, железный предмет

в виде узкой пластинки, загнутой на одном конце крючком, и монета фрисландского графа Эгберта II (1068–1090). При окончательной разборке этой стены, как и в земле, непосредственно ее подстилающей, на этих же квадратах найден 31 фрагмент круговой керамики, 41 фрагмент лепной и железная скоба.

Вскрытая стена была первым каменным укреплением Пскова. Она проходила с внутренней стороны кремлевской площадки, превращая прежний земляной вал в укрепление своего основания с внешней стороны. По найденному материалу ее можно датировать X–XIII вв.

В половине XIII в. псковичи построили третью линию крепостных стен вокруг кремля, которая, переделанная почти до основания в более позднее время, сохранилась до наших дней. Эта стена проходит вдоль самого края кремлевской площадки, оставляя внутри нее два ряда прежних укреплений.

Остатки этой стены на участке раскопа начинались от современной поверхности. Стена имела кладку двоякого рода: основание ее представляет сухую кладку из плитнякового камня, с редким включением валунов, высотою около 0,7 м и шириной 2,2 м. На этом основании покоится плитняковая кладка на тощем известковом растворе, без валунных камней. Высота этой сохранившейся части стены составляет 0,8 м, ширина 1,2 м. Стену подстилает слой черной земли. В ней у подножья стены найдено 19 фрагментов круговой керамики и 14 фрагментов лепной. Время постройки этой стены может быть определено только сравнением с первой каменной стеной, т. е. XIII в.

Примерно то же самое было повторено в другой статье того же автора 1950 г. (*Тараканова*, 1950б. С. 28).

Псковский Кром парадоксальным образом не был до сих пор исследован с какой-либо удовлетворительной полнотой, причем ни археологически, ни с точки зрения истории архитектуры. Этот величественный комплекс стен и башен, создающий образ необыкновенной русской твердыни, во многом создан усилиями поколений реставраторов советского времени. Вычленить в нем подлинные черты и формы очень трудно, порой просто невозможно.

Между тем, прояснение хронологии крепостных сооружений Пскова важно не только для истории этого огромного и важного города русского средневековья, но и для истории древнерусских фортификаций X–XIV вв. вообще.

В северной части псковского Крома проводилось довольно много археологических раскопок, но они мало касались краев мысового городища, которым является Кром. На этих краях, обращенных к рекам (западный край выходит на Великую, а восточный – на Псков), археологические исследования почти не велись. Исключение составляет раскоп 5 С. А. Таракановой (1948 г.), расположение которого известно по сводному плану раскопов в северной части Крома, составленному С. В. Белецким (*Белецкий*, 1983. Рис. 2 на с. 48). Мы видим, что этот раскоп в средней части с запада на двух участках коснулся стены и края городища, а в одном из этих случаев, с юга, и «перешагнул» стену (рис. 1).

Графическая документация отчета С. А. Таракановой о раскопках 1948 г., на которую ссылается С. В. Белецкий, нам неизвестна и потому не изучалась, поскольку мы не знаем ее места хранения. В отчете С. А. Таракановой, хранящемся в Институте археологии РАН (*Тараканова*, 1948), текст совпадает

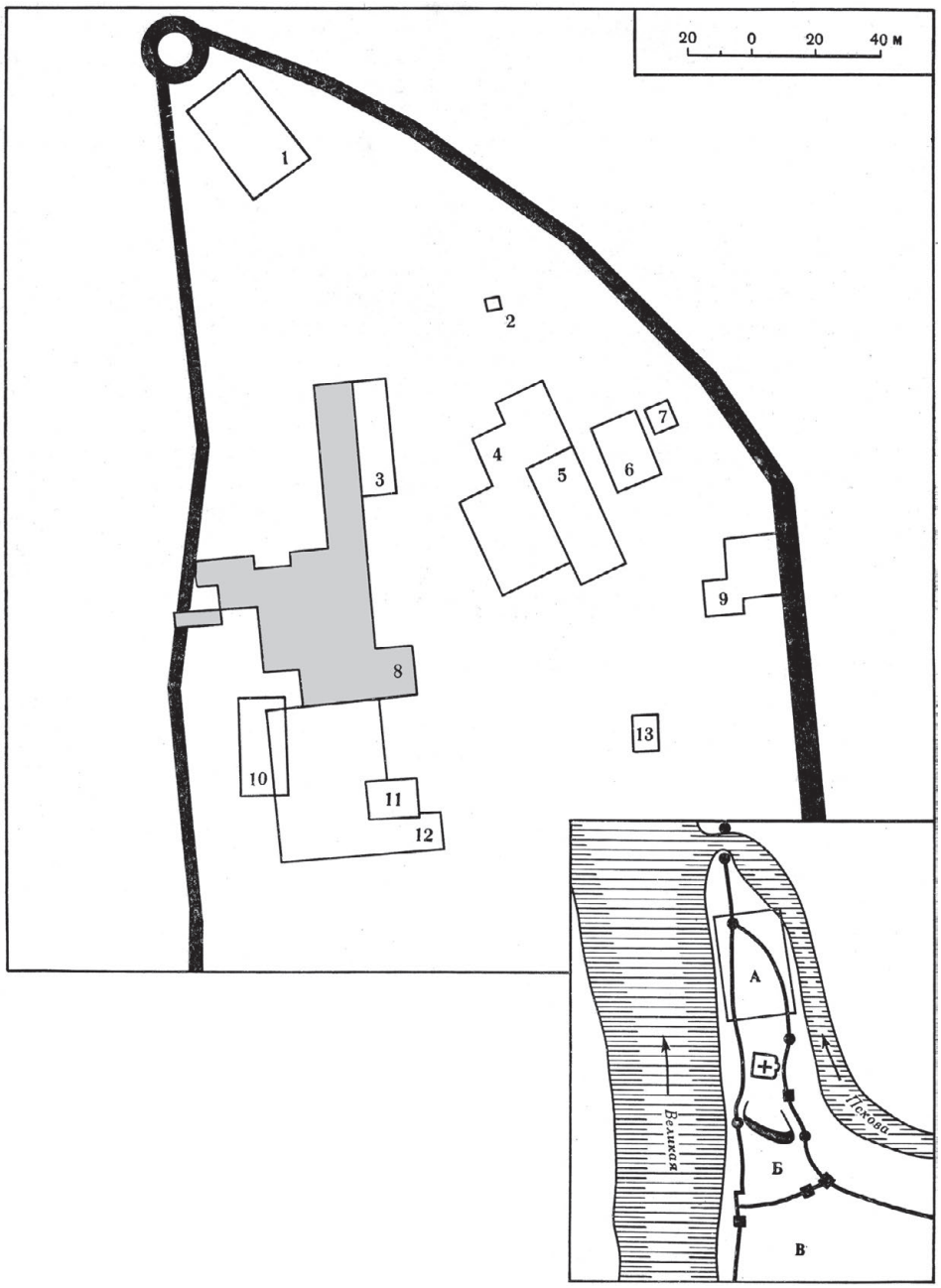

Рис. 1. План Псковского Крома с обозначением раскопа С. А. Таракановой 1948 г. (основа: *Белецкий*, 1983. С. 48). Раскоп С. А. Таракановой залит нами серым тоном, остатки стены были обнаружены в западной узкой части раскопа

с приведенным выше текстом двух публикаций 1950 г. (Там же. № 218. С. 27–28), графических материалов нет в отчете совсем, но есть неизданные фотографии, изучение которых показывает, что по крайней мере два объекта, «стена, сложенная насухо» и «стена на растворе», действительно были обнаружены.

Сомнения же в том, что ранняя стена существовала, были высказаны М. Х. Алешковским в статье 1972 г. Эти возражения, сделанные авторитетным и, как увидим, страстным ученым, как будто закрыли тему: стены псковского Крома после статьи М. Х. Алешковского надолго «помолодели» и теперь датировались XIV столетием, а в основном – XV в.

Приведем соображения М. Х. Алешковского:

Другим основанием для датировки найденной стены XIII веком послужили результаты раскопок якобы предшествующих укреплений Крома. С. А. Тараканова раскопала земляной вал VIII–IX веков и каменную крепостную стену X века.

Что же это за «памятники»? Вал достигал высоты ... 1,5 м. Валов такой высоты на Руси неизвестно (ширина вала в отчете не указана, как нет и разреза этого «вала»). По «валу» шли гнезда сгнивших бревен тына (план гнезд не указан). Конечно, нет ничего невероятного в существовании тына на высокой мысовой площадке крома, но вал для этого тына сооружать было не надо именно в силу естественной защищенности этой площадки. «Каменная крепостная стена X века», «сложенная сухой кладкой из плитняка», найдена, как пишет в своей публикации С. А. Тараканова, с внутренней стороны вала. Во-первых, если это действительно была стена, то она бы стояла или на валу, или перед ним (место перед валом до обрыва имелось). Построить стену внутри существующей линии вала нельзя, так как насыпь вала облегчает штурм стены, и новые линии обороны всегда либо шли по старым линиям, либо выдвигались вперед. Но в своем отчете С. А. Тараканова иначе и более точно пишет о «стене X века», чем в краткой публикации. По словам ее отчета, эта «стена» представляет собой «развал каменной стены, сложенной путем сухой кладки из крупного плитнякового камня. Ширина развала этой стены достигает свыше трех метров. В раскопе прослежено несколько рядов сравнительно хорошо сохранившейся кладки этой стен». Итак, найден развал, а не стена. Внутри развала есть несколько рядов сухой кладки. Ни плана, ни фотографий этой сухой кладки в отчете нет. Сухая кладка по остальным раскопкам древнерусских крепостей неизвестна. Фундамента под трехметровым развалом нет. Кладка обнаружена не в подошве развала, а в самом развале. В отчете показан только развал без кладки с порядовкой. Поэтому есть все основания считать найденный С. А. Таракановой каменный щебень трехметровым развалом каменной стены 1400 года, если не осыпью более поздней кладки XV–XVI веков. Соответственно отпадает утверждение о появлении каменного крома еще в X веке (*Алешковский*, 1972. С. 330–331).

Все эти положения М. Х. Алешковского выглядят сейчас несостоятельно: щебень не мог быть частью развала более поздней стены, поскольку он располагался ниже первой каменной стены, к тому же щебень из развала все же свидетельствует о наличии стены, а не о ее отсутствии; сухая кладка, как мы

Рис. 2. Остатки участка каменной стены в раскопе 1948 г.
Вид с востока (*Тараканова*, 1948. № 218б. Л. 14, вверху)

увидим ниже, в древнерусских крепостях все же была, причем делались такие укрепления без фундамента, почему его и нет под щебнем в псковском Кроме. Соотношение стены и вала действительно дискуссионно, но это соотношение может быть проверено новыми археологическими исследованиями. Так что резкая критика, раздавшаяся в адрес С. А. Тараканової, в данном случае была совсем не обоснованной.

Между тем, изучение иллюстративного приложения к отчету С. А. Тараканової за 1948 г., хранящегося в архиве ИА РАН, дает некоторое представление об открытых конструкциях западной стены Крома, сложенной насухо.

На одной из трех имеющих отношение к делу фотоиллюстраций (*Тараканова*, 1948. № 218б. Л. 14) виден развал кладки без связующего, имеющий, как мы видим из расчетов расстояний между колышками квадратов, ширину около 3 м (рис. 2). Перед нами руинированная конструкция из плитняка, которую правильно считать остатками нижней части разобранной стены раннего времени. Аргументацию по датировке такой стены С. А. Тараканова привела, ее можно датировать X – началом XI в., но можно отнести и к несколько более позднему времени, до конца XI – начала XII в.

На другом фотоснимке, представленном на том же листе отчета (*Тараканова*, 1948. № 218б. Л. 14), видно, что стена представляет собой плотный слой вымороженного камня высотой до полутора метров, внутри массива которого просматриваются отдельные ряды (рис. 3). Перед нами не развал, не руина, но стена, разобранная в верхней части и очень сильно вымороженная.

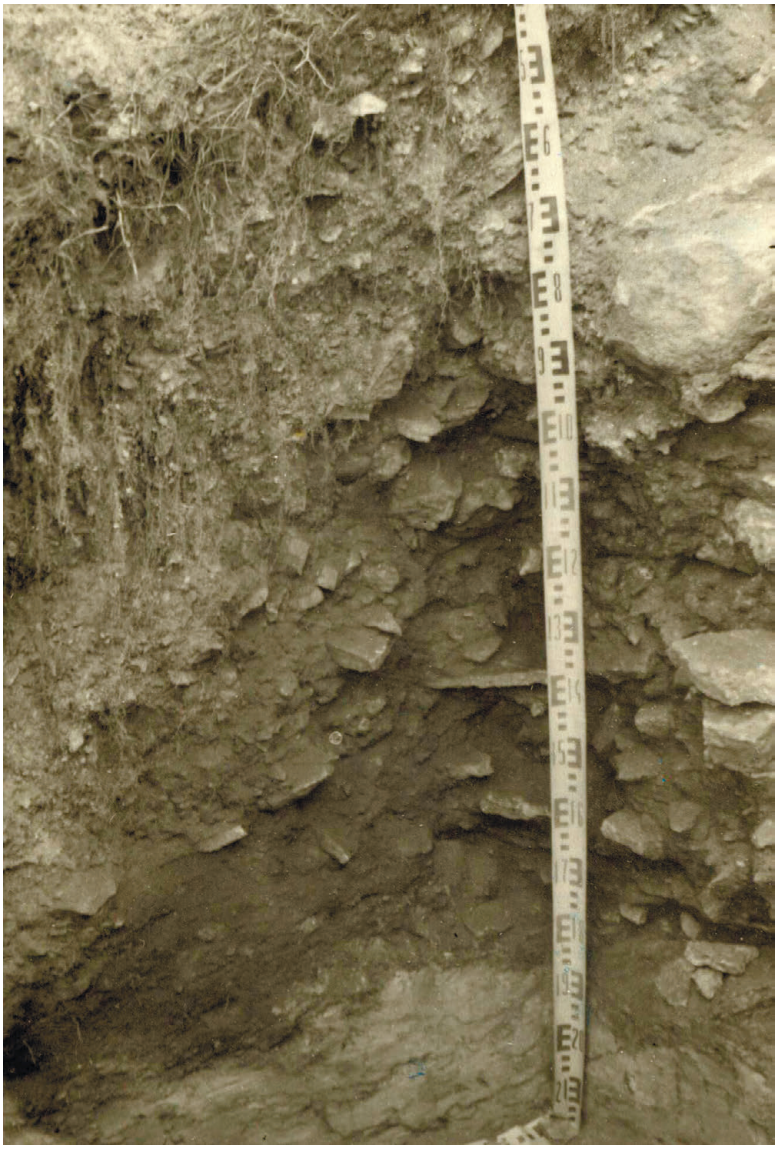

Рис. 3. Остатки участка каменной стены в раскопе 1948 г.
Вид с северо-востока (*Тараканова*, 1948. № 218б. Л. 14, внизу)

Стена из камня на растворе, сооруженная предположительно в XIII в., открытая С. А. Тараканової, отражена на одной фотографии (*Тараканова*, 1948. № 218б. Л. 3). То, что вверху – это собственно стена на растворе, а в нижней части видно то, что С. А. Тараканова приняла за фундамент кладку насухо (рис. 4). М. Х. Алешковский подверг суровой и, кажется, не совсем справедливой критике все соображения исследовательницы. Он писал:

Рис. 4. Участок каменной стены на растворе. Вид с востока. Подпись в альбоме: «Крепостная стена Псковского Крома» (*Тараканова*, 1948. № 218б. Л. 3)

Изучение западной стены, перевязанной с кладкой Кутекромы 1400 г. и построенной, по летописи, в том же году, позволяет осмыслить результаты археологических раскопок 1948 года, проведенных С. А. Таракановой. С. А. Тараканова раскопала эту же самую стену на другом участке и датировала ее XIII веком на двух основаниях. Первое – раскопанная стена очень тонка: ее ширина всего 1,2 м, что, видимо, напомнило исследователю тонкую Ладожскую

стену, датированную неправильно В. А. Богусевичем XII в. Однако данные отчета С. А. Таракановой опровергают ее же мнение: «основание ее (то есть стены XIII века. – М. А.) представляло сухую кладку из плитнякового камня с редким включением валунов... высотой около 0,7 м и шириною 2,2 м. На этом основании покоилась плитняковая кладка на тощем плитняковом растворе без валунных камней. Высота сохранившейся части – 0,8 м, ширина – 1,2 м». Судя по этому описанию, С. А. Тараканова раскопала не фундамент и стену, а только одну стену. Дело в том, что в псковских стенах фундамент состоял либо из одних валунов (что подтверждено и изучением фундаментов этой стены в 1950-х годах А. И. Хамцовым), либо его вообще не было, а кладка стены прямо ставилась на грунт (как стена 1419 года – см. ниже). Не имела фундамент и стена, раскопанная С. А. Таракановой и впоследствии изученная при раскопках ЦНРПМ. Ширина же кладки, принятой С. А. Таракановой за фундамент, точно равна ширине стены 1400 года, перевязанной с Кутекромой, и стены 1419 года, перевязанной с другой кремлевской башней того же года. Ширина кладки, принятой за стену, является результатом разрушения этой стены, к тому же кладки крепостных стен шириною 1,2 м, во-первых, неизвестны ни на одном памятнике, а, во-вторых, невероятно тонки и конструктивно бессмысленны при сооружении сколько-нибудь высокой крепостной стены (*Алешковский*, 1972. С. 329–330).

Однако на фото мы видим стену на растворе, она реальна, ее толщина не видна, но ее можно отнести к какому угодно времени в пределах XIII–XV вв. Думается, что западная стена Крома могла быть сооружена действительно в конце XIII или начале XIV в., но до стены 1309 г. Толщина ее действительно невелика, что сближает ее со стеной крепости Ладоги 1114 г., верно атрибутированной В. А. Богусевичем (так что утверждение М. Х. Алешковского ошибочно) и отнесенной к началу XII в. (*Богусевич*, 1937), затем раскопанной А. Н. Кирпичниковым (*Кирпичников*, 1984. С. 42–67), а также в недавнее время исследовавшейся Н. К. Стеценко, С. В. Лалазаровым и Н. В. Григорьевой (*Стеценко*, 1997; *Лалазаров*, 2003. С. 139–142; он же, 2017а, 2017б; *Григорьева, Лалазаров*, 2022).

То, что мы видим в основании этой стены, это не фундамент, а скорее все же ранняя стена, сложенная насухо. Если это так, то перед нами встает вопрос: а что же собой представляла «внутренняя стена», о которой речь шла выше, если это была «внешняя стена»? Думается, что прямого ответа пока просто нет, но не исключено, что мы имеем дело с двумя линиями стен, одной более ранней (это «внутренняя») и еще одной – более поздней, прошедшей уже по кромке обрыва и послужившей основанием стены на растворе. Но в обоих случаях датировать эти ранние стены (или все же одну стену?) нужно временем не ранее X и не позднее начала XII в. С. В. Белецкий датировал ее рубежом XI–XII вв. (*Белецкий*, 2011. С. 384), но, может быть, это все же слишком поздно.

Нижняя дата (не ранее X в.), на наш взгляд, обусловлена появлением схожей фортификации в Ладоге около этого времени – в X в. Верхняя дата связана опять же с ладожской хронологией: стена 1114 г., сооруженная в Ладоге посадником Павлом по заказу, вероятно, князя Мстислава Владимировича, сложена из известняковых плит, но уже не насухо и не на глине, а на известковом растворе, то есть стадиально и технически принадлежит следующему эта-

Рис. 5. Изборск. Стена северного фронта Труворова городища.
Вид с юга. Раскопки В. В. Седова 1978 г. (*Седов*, 1978. Рис. 37)

пу развития каменной кладки и фортификации. Псковская ранняя каменная стена относится еще к предыдущему этапу. Некоторым основанием для сужения датировки первой каменной стены Пскова служит денарий фрисландского графа Эгберта II (1068–1090), упомянутый С. А. Тараканової и найденный при разборке развала стены.

Каменная стена Пскова, сложенная насухо, реальна, она безусловно существовала, от нее есть материальные остатки. Она является частью фортификаций раннесредневекового Пскова, это стена крепости, образовавшей Кром, то есть некий детинец, вышгород или цитадель Пскова того времени. Его линии, вероятно, следовали вершинам склонов узкого мысового холма, составляющему основу Крома.

В кругу аналогий прежде всего следует указать на крепость Изборска конца X – начала XI в., располагавшуюся на так называемом Труворовом городище в Старом Изборске, в 30 км западнее Пскова (рис. 5).

Стены Изборска, исследованные экспедицией В. В. Седова в 1974–1983 гг., участками доследованные позднее Н. В. Лопатиным, сложены из известняковых плит на глине (глина по большей части была вымыта, поэтому часто пишут о кладке насухо). Стена идет по кромке обрыва городища (*Седов*, 1980; 1984; 2007. С. 140–206; *Лопатин*, 2012а; 2012б; 2012в; 2016; *Яковлев, Лопатин*, 2014;

Рис. 6. Изборск. Стена северного фронта Труворова городища.
Вид с юго-востока. Раскопки В. В. Седова 1978 г. (*Седов*, 1978. Рис. 38)

Седов, 2025. С. 46–61). Принципиально это тот же тип строения и кладки, что и в Пскове, даже толщина (около 3 м) в обоих памятниках близка.

Стены Изборска сохранились лучше псковской стены, но только с внутренней стороны (рис. 6), внешней поверхности или фаса стены мы нигде не наблюдаем. В целом это, повторимся, близкое по характеру кладки и толщине сооружение, дающее представление о более сохранной, но все же почти идентичной ранней псковской технике кладки, об одном видении фортификационных сооружений.

Помимо стен в Изборске сохранилась так называемая башня, крупное объемное (а не линейное) сооружение. Подобное ему сооружение можно было бы предположить на мысу Крома, на месте круглого костра в куту Крома 1400 г., но это остается только предположением.

Кроме Изборска, подобная стена раскрыта в средневековой Ладоге (ныне – Старая Ладога) А. Н. Кирпичниковым, во время раскопок впервые определившим ее и изучившим ее отдельные участки (*Кирпичников*, 1984. С. 23–42). Исследователь датировал ранние стены Ладоги IX в. и предположил, что они были разрушены в 997 г. во время набега на город норвежского ярла Эрика (рис. 7). Известие об этом походе ярла, который «разрушил Альдейгьюборг», подробно разобрано Е. А. Рыдзевской (*Рыдзевская*, 1945. С. 55).

Исследование самой ранней крепости Ладоги, стены которой были сложены насухо, было продолжено последующими исследователями (С. В. Ла-

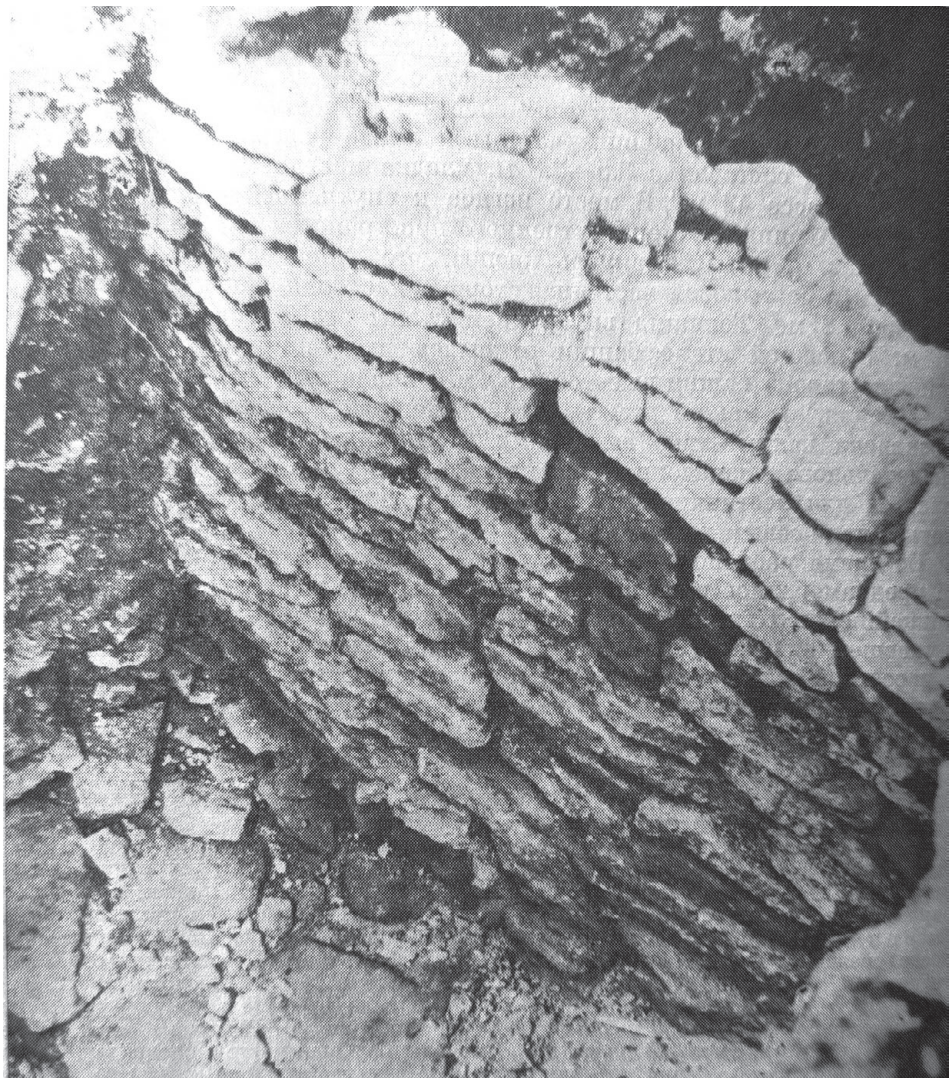

Рис. 7. Ладога. Стена, сложенная насухо (*Кирпичников*, 1984. С. 30)

лазаров, Н. К. Стеценко, Н. В. Григорьева), которые открыли еще несколько участков ее древнейшей стены (*Григорьева, Лалазаров,* 2022. С. 57–62; *Стеценко*, 2022). Теперь мы знаем, что это близкие по форме крепости с похожей техникой плитняковой кладки.

Ранние стены в Ладоге расположены с отступом от обрыва (как стена, обнаруженная С. А. Тараканової в Пскове), а не на кромке. Толщина стен здесь меньше, чем в Пскове и Изборске, от полутора до двух метров. Как и в Пскове, с внешней стороны всего городища мысовой формы в Ладоге, возможно, имелся вал, на месте которого и в теле которого каменная стена в Ладоге пока

не прослежена. Крепость новейшими исследованиями датируется концом X в. (то есть временем после набега 997 г.), но эта новая датировка, кажется, основана на сопоставлении с историческими событиями больше, чем на точном стратиграфическом датировании, а потому может быть несколько расширена, может быть, в XI столетие.

У нас есть возможность сравнить систему кладки в Изборске и Ладоге, это одинаковая техника и, очевидно, одна и та же традиция. И тут, и там используются блоки известняка примерно той же величины, мастера стараются соблюдать ряды, но не всегда у них это получается. У обеих крепостей помимо стен были дополнительные сооружения – что-то, что хочется назвать башнями. Линия стен гнутая, она свободна и не подчиняется геометрическим схемам, в ней нет прямых участков.

Напомним, что нечто подобное Пскову, Изборску и Ладоге имеется на североэстонских городищах XI–XII вв., где это называется исследователями «каменный вал» и сходство с чем недавно подчеркнул эстонский археолог Хейки Валк (*Валк*, 2014). Но все же в этом сравнении можно найти больше различий, чем сходства: эстонские сооружения, кажется, несколько шире древнерусских, это все же скорее действительно валы, чем стены. Кроме того, даже если фортификационные сооружения в Северной Эстонии – это похожие «стены», то они расположены далеко от Изборска, Пскова и тем более Ладоги, так что для прямого сравнения и построения модели взаимоотношений эстонских и древнерусских памятников фортификации нужно было бы как-то связать эти две традиции, объяснив возможное заимствование, но пока это сделать не удается. В соседней с Изборском и Псковом Южной Эстонии таких конструкций, кажется, мы не видим.

Эстонская традиция, как представляется, ближе к каменному (правда валунному, а не плитняковому – из известняка) валу Тиверского городка XIII в., где толщина каменной конструкции, окружающей городок, составляет 4,5 м (*Кирпичников,* 1984. С. 144–149), чем к трем древнерусским крепостям Северо-Западной Руси.

Есть еще два древнерусских памятника, в укреплениях которых зафиксированы подпорные стенки из каменных (известняковых) плит, сложенных насухо. Это городище Любша близ Ладоги, где в основании вала, сооруженного в VIII–IX вв., с внешней стороны зафиксированы остатки такой стенки (*Миляев*, 2018. С. 213–214, 230–231). Кроме того, известны укрепления Порхова XIII–XIV вв. на Старом Порховском городище, где земляной вал XIII в. имел подпорные стенки, сложенные из камня насухо, а досыпанный в XIV в. и выросший в высоту вал увенчивался каменной стеной, сложенной насухо, имевшей высоту в 70 см и толщину 3 с половиной метра (*Кирпичников*, 1984. С. 210–214). Эти разрозненные факты говорят о том, что традиция кладки насухо (или, повторим, на глиняном растворе) возникла на Северо-Западе Руси довольно рано и сохранялась до XIII–XIV вв.

Однако ранних древнерусских крепостей, защищенных не подпорными стенками, а полноценными каменными стенами из известняковой плиты, сложенными насухо или с помощью глины, пока известно всего три: в Изборске, Пскове и Ладо-

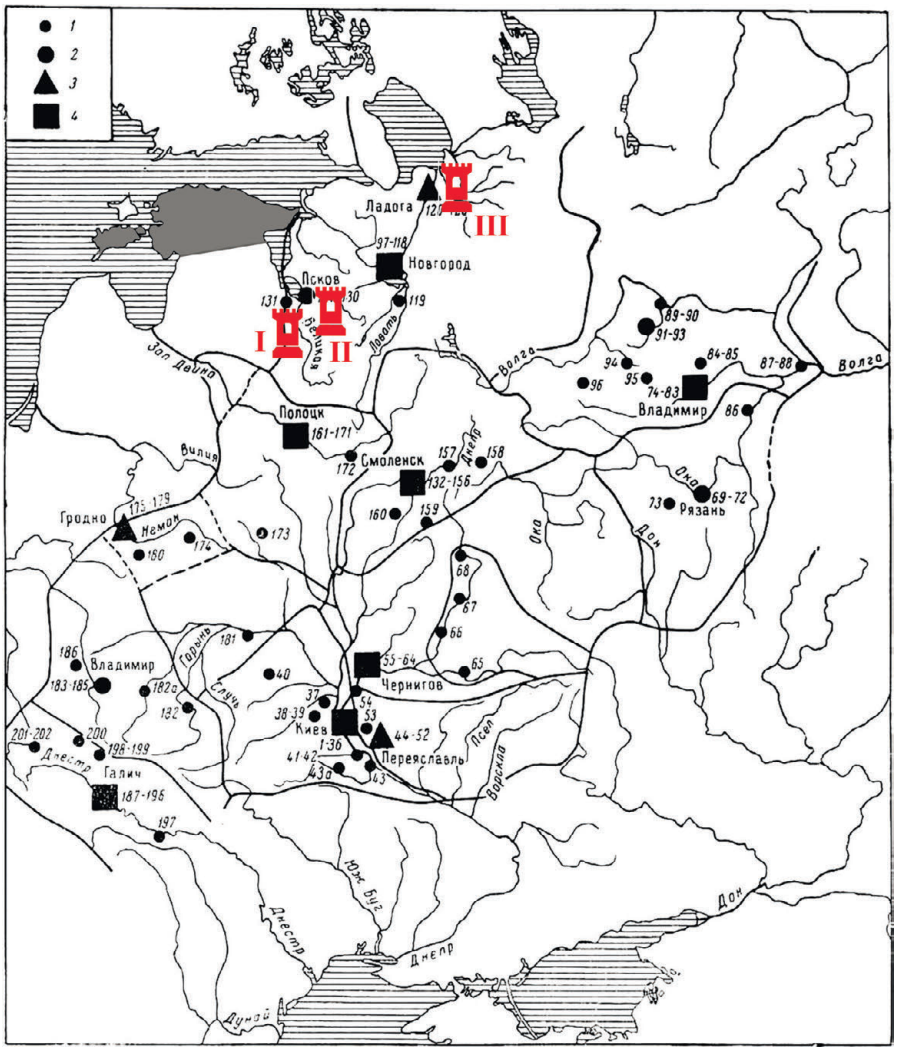

Рис. 8. Карта Древней Руси с обозначением памятников каменной архитектуры (основа: *Раппопорт*, 1982. С. 117). Башнями с зубцами обозначены каменные крепости X–XI вв. со стенами, сложенными насухо. I – Изборск (Старый Изборск); II – Псков; III – Ладога (Старая Ладога). Серым тоном залита область Северной Эстонии, где распространены городища с каменными валами

ге (рис. 8). Все они связаны с Северо-Западной Русью. По всей видимости, нужно видеть здесь рождение некой традиции кладки из камня на глине и сооружения каменных крепостей. Эти крепости сооружались в конце X–XI в., все они принадлежат мысовому типу, но укреплены на боковых сторонах каменными стенами. Возможно, что они имели такие стены и на напольной стороне, на месте вала. Для того, чтобы установить более полную картину этого направления древнерусского

Рис. 9. Ландсберг. Стена Оттоновского укрепления. Вид сверху
(*Grüneberg-Wehner K., Wehner D.*, 2026. S. 512)

фортификационного искусства, а также выработать относительную хронологию памятников, необходимы дальнейшие исследования.

На данном же этапе мы можем с большой долей достоверности говорить о складывании в Северо-Западной Руси особой традиции фортификации. Она могла, конечно, сложиться в результате развития местной техники кладки, которая, при наличии естественного камня, могла развиваться самостоятельно. Однако для подкрепления этой версии пока слишком мало материала, прежде всего, в области раскопанных памятников, а затем – в области идей. Ведь оборонительные идеи, как и зависящая от них практика, должны были бы опираться на некий путь ошибок и успехов, на определенную длительность в сооружении каменных стен насухо.

Есть еще несколько путей объяснения происхождения трех северо-западных древнерусских крепостей. Можно было бы подумать о скандинавском следе, но для этого пока совершенно нет доступных нам данных. Эстонский след мог бы рассматриваться тоже, но он, скорее, кажется нам свидетельством наличия более широкой традиции в Европе, из которой могли черпать градодельцы и Эстонии, и Северо-Запада Руси. Может быть, можно было бы связать

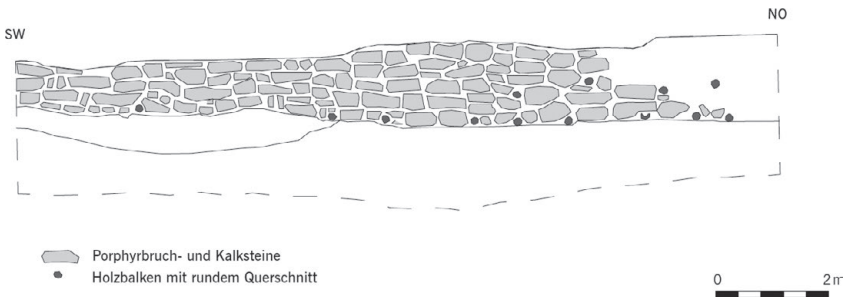

Рис. 10. Ландсберг. Стена Оттоновского укрепления. Фасад
(*Grüneberg-Wehner K., Wehner D.*, 2026. S. 521)

древнерусские крепости с укреплениями Оттоновской Германии: так, в Ландсберге (*Grüneberg-Wehner, Wehner*, 2026[1]), на славянском пограничье зафиксирована крепость X–XI вв., возникшая в середине X столетия (рис. 9): здесь в раскопках обнаружена сложенная из камней насухо стена толщиной менее двух метров, в которой зафиксированы поперечные деревянные конструкции из бревен (рис. 10). Отметим, что подобный участок стены с поперечными бревнами исследован и в Изборске (*Седов*, 1990. С. 8, рис. 12). Стена в Ландсберге показывает некую общность приемов в данной крепости времени Оттонов и в крепостях Северо-Запада Руси. Эта общность могла быть стадиальной (более экономичные и быстровозводимые укрепления без раствора предшествуют полноценным стенам), но может быть, удастся установить связи между центром Европы и древнерусским Северо-Западом.

Для полной оценки всего материала по древнерусским оборонительным стенам, сложенным насухо, пока не хватает данных, точных чертежей и «говорящих» деталей (таких как деревянные конструкции внутри, повороты стены, ворота, башни и т. п.). Однако нет сомнения в том, что они со временем позволят говорить о ранних фортификациях точнее и предложить пути их формирования и развития.

Литература

Алешковский М. Х., 1972. Начальные этапы каменного строительства Псковского крома (в связи с вопросом о русских каменных крепостях домонгольского периода) // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука. С. 322–348.

Белецкий С. В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука. С. 46–80.

Белецкий С. В., 2011. Псков в I – начале II тысячелетия н. э. // Российский археологический ежегодник. 2011. 1. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета. С. 361–395.

[1] Благодарю Н. В. Лопатина за указание на эту важную работу с публикацией аналогий строительной технике фортификаций Труворова городища.

Богусевич В. А., 1937. Стены Староладожской крепости // Новгородский исторический сборник. Вып. II. Л.: Издательство ОБЛОНО. С. 124–125.

Валк Х., 2014. Каменные оборонительные сооружения Изборского городища: взгляд из Эстонии // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 59-го заседания. Вып. 29. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 125–136.

Григорьева Н. В., Лалазаров С. В., 2022. Древнерусская Каменная крепость Ладоги конца IX–XII в.: стратиграфия, хронология, строительные этапы // Новое в археологии Старой Ладоги. Т. II / Труды ИИМК РАН. Т. LX. СПб.: ИИМК РАН. С. 57–108.

Кирпичников А. Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 275 с.

Лалазаров С. В., 2003. Перспектива натурных исследований Ладожской крепости // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. СПб.: Нестор-История. С. 136–155 [о крепости 1114 г. С. 139–142].

Лалазаров С. В., 2017а. Крепость посадника Павла. Новые открытия // Староладожский сборник. Вып. 11. Материалы научно-практической конференции «Культурно-исторические ценности Старой Ладоги», посвященной 900-летию Ладожской крепости и 900-летию Успенского собора Свято-Успенского девичьего монастыря Волховского района Ленинградской области. Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. С. 73–94.

Лалазаров С. В., 2017б. Новые данные о строительстве и перестройках Тайничной башни Ладожской крепости по результатам натурных исследований // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья / Труды ГЭ. Т. LXXXVI. СПб.: Издательство ГЭ. С. 332–344.

Лопатин Н. В., 2012а. Город Трувора, Ярослава, Евстафия // Псковский летописец. Краеведческий альманах. 2 (7). Псков; М. С. 5–21.

Лопатин Н. В., 2012б. Изборск // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера. С. 123–137.

Лопатин Н. В., 2012в. Некоторые вопросы истории фортификаций раннего Изборска // КСИА. Вып. 226. М.: ИА РАН. С. 213–220.

Лопатин Н. В., 2016. О крепостных сооружениях Изборска начала XIII в. // РА. № 1. С. 123–130.

Миляев П. А., 2018. Городище Любша: планиграфия и стратиграфия // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: Невская книжная типография. С. 207–232.

Раппопорт П. А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников (САИ. Вып. Е1-47). Л.: Наука, 1982. 136 с.

Рыдзевская Е. А., 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. Вып. XI. С. 51–65.

Седов В. В., 1978. Отчет о раскопках Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1978 г. Альбом // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7257а.

Седов В. В., 1980. Раскопки в крепости Изборска на Жеравьей горе. Крепость на Изборском городище // Крепостное зодчество Псковской земли и ее соседей. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 650-летию изборской крепости. Изборск. 24–25 июля 1980 г. Изборск: Печорская районная типография. С. 3–4.

Седов В. В., 1984. Изборск – город-крепость XII–XIII вв. // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев: Наукова думка. С. 116–119.

Седов В. В., 1990. Отчет о работах Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15338.

Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука. 413 с.

Седов Вл. В., 2025. Средневековая архитектура Изборска. Изборск: Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Изборск».

Стеценко Н. К., 1997. История Ладожской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец староладожский. Междисциплинарные исследования. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. С. 168–176.

Тараканова С. А., 1946. К вопросу о крепостных стенах Пскова // КСИИМК. Вып. XIII. С. 77–80.

Тараканова С. А., 1948. Отчет Псковской археологической экспедиции ИИМК РАН за 1948 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 218, 218а, 218б.

Тараканова С. А., 1950а. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК. Вып. XXXIII. С. 48–63.

Тараканова С. А., 1950б. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. Вып. XXXV. С. 18–29.

Яковлев А. В., Лопатин Н. В., 2014. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг. // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 59-го заседания. Вып. 29. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 137–145.

Grüneberg-Wehner K., Wehner D. 2026. Der ottonenzeitliche Burg-Siedlungskomplex in Landsberg. Überlegungen zu Funktion und Bedeutung // Im Herzen des Imperiums – Archäologie der Ottonenzeit im mitteldeutschen Raum, Bd. 2: Im Herzen des Imperiums – Archäologie der Ottonenzeit im mitteldeutschen Raum: Tagung des Landesamtes für Denkmalpflege und ArchäologieSachsen-Anhalt sowie des Instituts für Kunstgeschichteund Archäologien Europas der Martin-Luther-UniversitätHalle-Wittenberg im Landesmuseum für Vorgeschichte Halle (Saale), 10.–12. November 2022, Heidelberg: Propylaeum (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle, Band 32,2). S. 505–530.

* * *

Седов Владимир Валентинович, *чл.-корр. РАН, д. иск. Москва, Институт археологии РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, e-mail: sedov1960@mail.ru*

Е. В. Салмина, С. А. Салмин

Новые данные о фортификационных сооружениях псковского Крома: археологические исследования 2016 г.

Резюме. В результате предпроектных изысканий 2016 г. на территории псковского Крома были получены новые данные не только о древнейших культурных напластованиях, но и о фортификационных сооружениях. Были исследованы небольшие участки стен XI и XV–XVI вв., зафиксированы свидетельства строительной активности X–XIII вв. Изучался участок, связанный с Владычными палатами и церковью Благовещения на месте предполагаемого захаба XV в.

Ключевые слова: Псков, Кром, фортификационные сооружения, крепостные стены.

E. V. Salmina, S. A. Salmin. New Data on the Fortifications of the Pskov Krom: Archaeological Investigations of 2016

Abstract. The pre-design surveys conducted in 2016 within the Pskov Krom yielded new data regarding not only the earliest cultural layers but also the fortification structures. Small sections of walls dating to the 11th and 15th–16th centuries were investigated, and the evidence of construction activity of the 10th–13th centuries was documented. The section associated with the Bishop's Chambers and the Church of the Annunciation, located at the site of a presumed 15th-century "zakhab" (fortified entrance passage), was also studied.

Keywords: Pskov, Krom, fortifications, fortress walls.

Археологическое изучение фортификационных сооружений псковского Крома в части, скрытой в толще культурных напластований, нередко происходило во время раскопок в этой части древнего Пскова, имевших широкие задачи: изучение культурной стратиграфии и планиграфии памятника, реконструкция формирования территории ядра древнего Пскова. Научное археологическое изучение Псковского кремля началось еще в 1930 г. под руководством К. К. Романова (*Филимонов*, 2009. С. 120–121), работы были продолжены в предвоенные годы (1936 и 1941 гг.) под руководством Н. Н. Чернягина (*Чернягин*, 1937. С. 327; 1941. С. 28–31), в послевоенное время (1946–1949 гг.) под руководством С. А. Тараканової были выполнены археологические раскопки на площади около 1800 кв. м (*Тараканова*, 1947. С. 132–138; 1948. С. 140–147; 1949. С. 104–112). Наряду с важнейшими открытиями в области начальной истории Пскова и первыми выводами в области стратиграфии и датировок древ-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.138-152

нейших отложений исследовались и фортификационные сооружения псковского Кремля, в том числе каменные крепостные стены. При раскопках 1948 г. на кремлевском мысу были обнаружены остатки трех разновременных крепостных сооружений: укрепления VIII в., представленные деревянной стеной (следы вертикальных конструкций которой в виде ямок от столбов были обнаружены на гребне вала из глины), вторая стена – из плитняка, сложенная насухо, возведенная, по мнению С. А. Тараканової, в X в.; третья стена – из плитняка и валунов, так же сложенная насухо, проходившая по самому краю площадки Крома, датированная автором раскопок XIII в. (*Тараканова*, 1946. С. 77–80; 1950а. С. 61–62; 1950б. С. 28; 1956. С. 36–40; *Раппопорт*, 1961. С. 81; *Гроздилов*, 1964. С. 141). Важно отметить, что на основании дальнейших исследований датировки пересматривались и корректировались: так, ряд ученых датирует древнейшую плитняковую стену XI в. (*Плоткин*, 1991. С. 23) или даже началом XII в. (*Белецкий В. Д., Белецкий С. В.*, 1987. С. 34–35; *Белецкий С. В.*, 2000. С. 27–28); в отношении датировки стены третьего этапа М. Х. Алешковский отмечал, что «процесс перерастания деревянного Крома в каменную крепость» начался позднее – с 1337 г. (*Алешковский*, 1972. С. 330–331), к подобному выводу приходит и И. К. Лабутина (*Лабутина*, 2011. С. 37, 57–60).

В 1952 г. Советом Министров РСФСР были приняты два постановления о восстановлении Псковского кремля, благодаря которым на памятнике начались планомерные реставрационные работы (*Цвылёв*, 1952). К сожалению, бóльшая земляных работ была выполнена без участия археологов (*Белецкий С. В., Скрынникова*, 2000. С. 3, 17, 27). Отсутствие полноценной археологической фиксации (с учетом того, что большая часть культурного слоя, непосредственно примыкающего к фортификационным объектам, была уничтожена землеройной техникой) существенно обедняло возможности детального датирования.

Раскопы 1960, 1961 и 1972 гг., проведенные на территории Крома, в частности для уточнения стратиграфии памятника, не смогли полностью исправить вышеобозначенную ситуацию разрыва между комплексами фортификаций и комплексами поселения, хотя нередко были связаны с изучением элементов крепостных сооружений. Такими были работы на «Красной батареи»: ядро насыпи ее составляла кладка из плитнякового камня, сложенная насухо, при возведении которой были частично уничтожены напластования культурного слоя в северной части площадки городища (*Гроздилов*, 1961; 1962. С. 64–67; *Белецкий В. Д.*, 1973. С. 8; *Белецкий С. В.*, 1978. С. 57–63; *Белецкий С. В. и др.*, 1979. С. 4).

В 1970–1980 гг. целенаправленно исследовались фортификационные сооружения Псковского кремля, основным исследованным объектом была Средняя башня, относящаяся к XV в. (*Алешковский*, 1969. С. 20–21; 1969а). Раскопки 1968 г. позволили проследить этапы перерастания деревянного Крома в каменную крепость: по реконструкции М. Х. Алешковского в 1337 г. территория Крома расширена к югу от Троицкого собора и защищена Персями; в 1417–1419 гг. построена Средняя башня, а вместе с ней участок крепостной стены до Радчинской башни, так же именуемый Персями; в 1423 г. этот участок стены рухнул, так как был поставлен не на фундамент, а на культурный слой

(что было выявлено раскопками 1968 г.); в 1452 г. построена крепостная стена от Великой башни до Кутекромы, не связанная со Средней башней (*Алешковский*, 1971. С. 118–132; 1972. С. 322–348). Археологические исследования фортификаций Крома были также проведены в районе Троицкого (Темного) захаба. Здесь раскопкам подверглись прясло стены между Часовой башней и колокольней Троицкого собора, а также основание Часовой башни и пилон Великих ворот. Удалось выявить следы шести строительных периодов, древнейший из которых датирован XIV в. и соотнесен с летописным известием 1337 г. Переустройство воротного узла и возведение башни археологически датировано рубежом XIV–XV вв. и сопоставлено с летописным сообщением 1400 г. (*Белецкий В. Д. и др.*, 1995. С 98–101).

При раскопках 1983–1985 и 1991–1992 гг., направленных главным образом на уточнение данных по стратиграфии и хронологии культурного слоя памятника, некоторые слои пожаров и строительные линзы, по мнению авторов раскопов, удалось соотнести с событиями, зафиксированными письменными источниками. Наличие реперных горизонтов и прослоек также позволило реконструировать сводную стратиграфию псковского Крома более детально и аргументировано, чем на предыдущем этапе изучения (*Белецкий В. Д.*, 1989. С. 188–207; *Белецкий В. Д.,* 1991 С. 3; *Белецкий С. В.*, 1993. С. 78–97; *Белецкий С. В., Скрынникова,* 2000. С. 6–10). Были внесены коррективы в датировки древнейшей каменной крепостной стены, исследованной на небольшом участке раскопками 1948 г. (*Тараканова,* 1950а. С. 48–62), выявленной также в шурфах 1985 г., и высказано предположение, что зафиксированные в раскопах планировочные работы во многом были связаны с необходимостью переустроить территорию городища, превратившегося после строительства каменной крепости в XII в. в городской детинец (*Белецкий В. Д., Белецкий С. В.*, 1987. С. 34–35; *Белецкий С. В.,* 2000. С. 27–28).

Археологические работы 2016 г. были обусловлены необходимостью получения «информационных оснований для выполнения научно-проектной документации на ремонтно-реставрационные работы на объекте культурного наследия федерального значения «Ансамбль Псковского Кремля». Техническое задание предполагало, что шурфы будут выполнены с целью выяснения характера, глубины залегания и технического состояния фундаментов фортификационных сооружений. Все площадки шурфов и раскопов непосредственно примыкали к различным участкам крепостных стен как снаружи, так и внутри кремля (рис. 1, 2, 3: *1*). Как правило, точный выбор места обуславливался необходимостью проследить состояние крепостной стены на участках явных трещин.

Еще до начала работ было очевидно, что в большинстве случаев мы сможем получить данные только о реставрационных работах второй половины XX в. (см. выше) и о новодельных участках стен, условно реконструированных в результате этих работ, однако были получены некоторые новые – хотя и фрагментарные – данные по непотревоженным участкам. Общий предварительный обзор результатов этих раскопок был опубликован (*Салмина и др.*, 2020. С. 53–87), однако информации о крепостных сооружениях уделено крайне мало внимания.

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов на территории псковского Крома (1930–2016 гг.). Условные обозначения: *а* – раскопы прошлых лет, *б* – раскопы 2016 г., *в* – памятники архитектуры. Римскими цифрами обозначены раскопы: III – Кром III: несуществующий захаб XV в.; V – Кром V: стена XI–XII вв.; VII – Кром VII: строительная активность X–XIII вв.: траншея вдоль крепостной стены; IX – Кром IX: стена XV–XVI вв. *Составитель М. А. Васильев (с учетом схемы Б. Н. Харлашова, Р. Н. Подгорной)*

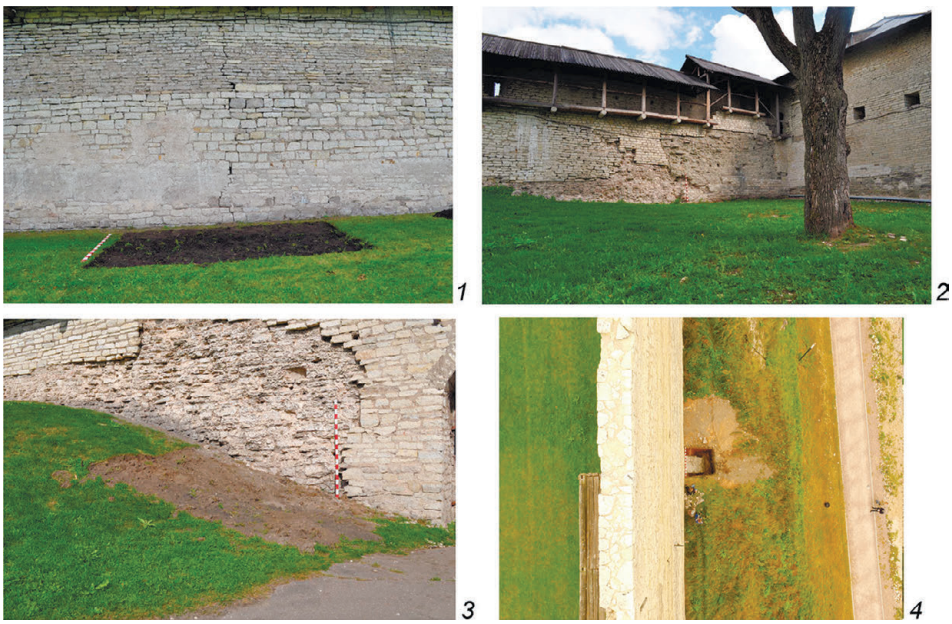

Рис. 2. Местоположение археологических раскопов и шурфов в 2016 г. вблизи от крепостных сооружений: *1* – площадка раскопа Кром IV после снятия дерна. Вид с востока (*фото Е. В. Салминой*); *2* – площадка раскопа Кром VI до начала работ. Вид с северо-запада (*фото Е. В. Салминой*); *3* – площадка раскопа Кром VII после снятия дерна. Вид с юго-запада (*фото С. А. Салмина*); *4* – площадка шурфа 12. Вид с востока сверху (*фото А. В. Михайлова*)

Нам кажется важным предоставление научной общественности таких неуклонно накапливающихся разрозненных данных о крепостных сооружениях Крома – по крайней мере для учета в последующем проектировании. В данной статье мы публикуем обзор данных о всех фортификационных сооружениях, затронутых при предпроектных работах 2016 г. – даже о тех случаях, когда информация является косвенной.

Стена X–XI вв. (раскоп Кром V/шурф 1)

Отрезок каменной стены, самой древней из затронутых при раскопках 2016 г. (и, скорее всего, из фактически существовавших), был зафиксирован в небольшом раскопе, расположенном с внешней стороны северного участка восточной стены Кремля (рис. 1, 3: *1*). Выбор места раскопа был обусловлен доступностью участка по внешней стороне крепости: с восточной стороны склон кремлевского холма практически полностью закрыт «георешеткой», и в данном случае выбранное место – один из немногих участков, где шурфовка могла быть проведена с минимальным вредом для благоустройства участка. Южная граница раскопа проходит по крепостной стене.

Балластные отложения на характеризуемом участке были сформированы в период последнего благоустройства кремлевского мыса в первом десятилетии XXI в. (после вырубки кустарников и деревьев «самосева»), представля-

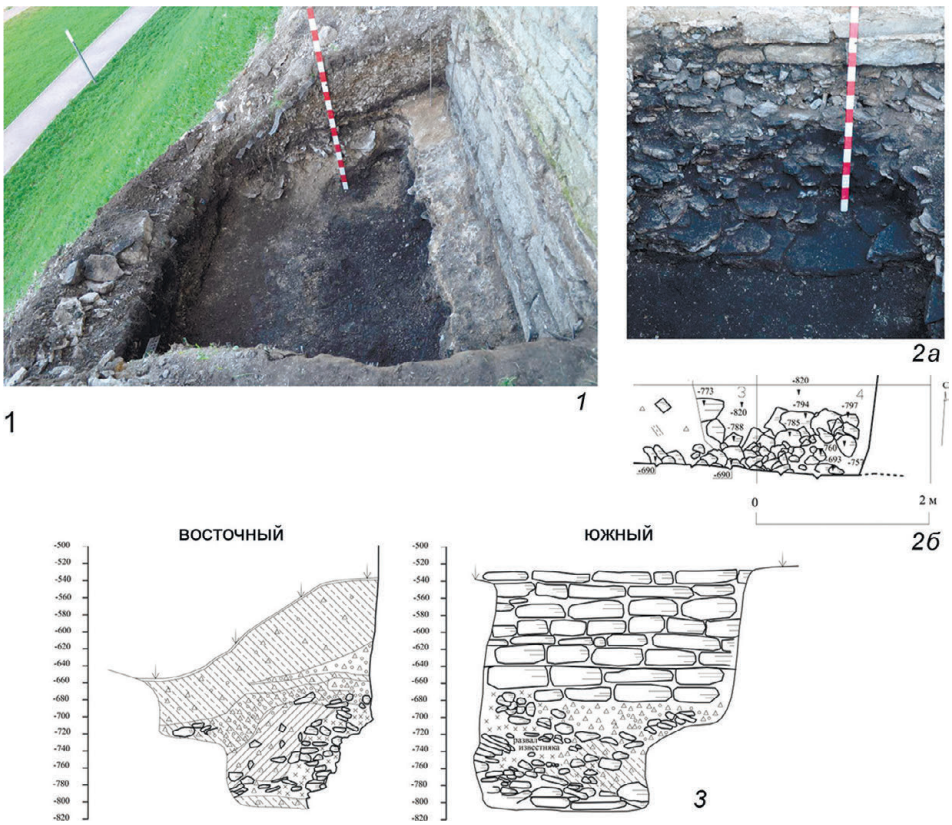

Рис. 3. Кром V. *1* – начало разборки культурных напластований (пласты 34–36). Вид с запада (*фото С. А. Салмина*); *2* – руины древнейшей стены (XI в.?): *а* – фото (*фото Е. В. Салминой*), вид с севера; *б* – чертеж; *3* – восточный и южный профили раскопа

ли собой перемещенный грунт осыпи стен, реставрированных в 60-е гг. XX в. Вдоль крепостной стены раскрывается составленная известковым раствором полоса «отливки», устройство которой также относится к реставрационным мероприятиям XX в. (рис. 3: *1, 3*). Основной культурный слой был темно-коричневым с интенсивными угольными включениями и менее активными включениями частиц древесного тлена, известнякового щебня и битого плитняка. По мере разборки грунта был расчищен «каменный развал», составленный известняковыми плитками размерами от 0,04×0,04×0,01 до 0,40×0,22×0,3 м. Присутствие частиц известкового раствора в составе плитнякового скопления незначительно.

Под нерегулярным плитняковым массивом были раскрыты лежащие в 1–2 ряда подтесанные крупные (до 0,47×0,7×0,08 м) известняковые плиты, предположительно лежащие на скальном основании (рис. 3: *2*). Ширина выявленной полосы кладки в пределах раскопа по оси С–Ю – до 0,9 м. К сожалению, расчистка скальной поверхности на бóльшей площади не представлялась

безопасной, вследствие чего интерпретация достигнутой поверхности как материковой несколько условна. Можно предполагать, что раскрытая кладка представляет собой руины древнейшей стены на этом участке, но это трудно доказуемо из-за малой раскрытой площади (в нижней части раскопа за счет наклона стен и устройства откосов в условиях постоянной угрозы обрушения стен изучаемая площадь вынужденно была уменьшена до 1,8×2 м).

На образованной обрывом склона и крепостной стеной площадке был выявлен сохранившийся участок культурного слоя, перекрытого при сооружении древнейшей древесно-грунтовой стены при устройстве самых ранних укреплений Крома. Из этих отложений происходят фрагментированные кости животных, недатируемые фрагменты орнаментированного керамического сосуда (или сосудов), амулет из клыка медведя и половина стеклянной бусины (*Салмина и др.,* 2020. С. 60–62, рис. 6: *8, 9*; 8: *7*). Уточненная датировка бусины, предложенная Я. В. Френкелем, – с VIII в. (*Салмина и др.,* 2026. С. 182–184). Можно высказать предположение, что до по крайней мере до VIII–IX вв. культурный слой южной оконечности кромского городища формировался одновременно с основным комплексом, а после возведения укреплений процесс накопления культурного слоя, содержащего бытовые отложения, на «отделенной» площадке прекращается.

На уровне расчистки относительно сохранного горизонта плит крепостной стены работы были прекращены по соображениям техники безопасности.

Строительная активность X–XIII вв.: траншея вдоль крепостной стены (раскоп Кром VII/шурф 3)

Выбор месторасположения раскопа был обусловлен прилеганием площади раскопа к сохранившемуся участку стены XV в. (рис. 2: *3*). Непосредственно под дерном был зафиксирован горизонт аморфного светло-серого грунта (в составе которого присутствовал бытовой и строительный мусор XX в.), предположительно образованный в процессе музеефикации территории северной части Крома. Этот слой перекрывал насыпь, сформированную последовательно: темно-коричневым грунтом с примесью известнякового щебня; светло-серым перемешанным грунтом; слоем известнякового щебня (в том числе отходов обтесывания плит реставрационной кладки), перемешанного с известняковой крошкой известкового грубого раствора, включающий в себя линзы с более высоким содержанием органических примесей; слоем темно-коричневого грунта с высоким содержанием известнякового щебня и красноватого суглинистого песка. Ниже этого горизонта залегает слой светло-серого рыхлого грунта с высоким содержанием щебня и рухлого плитняка, мощность до 70–95 см, так же содержит мусор XX в. Создается впечатление, что данный участок в верхней части отложений не является остатками оригинальной батареи начала XVIII в.[1], а возник в процессе музеефикации территории северной части Крома. Прослойки в составе массива имеют выраженный наклон к запа-

[1] Конструкции и состав батареи 1701 г., ядро насыпи которой составляла кладка из плитнякового камня, сложенная насухо, известны по данным раскопок прошлых лет – см. выше.

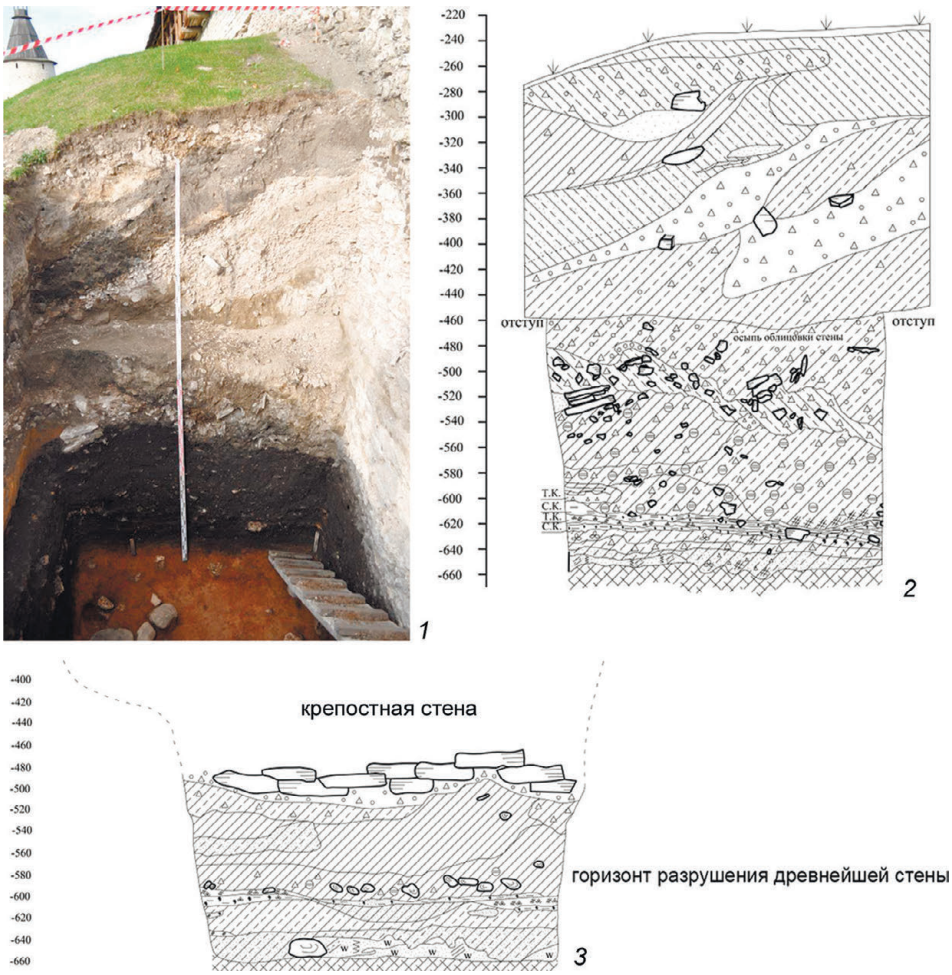

Рис. 4. Кром VII. *1* – северный профиль, фото. Вид с юга (*фото С. А. Салмина*); *2* – северный профиль, чертеж; *3* – восточный профиль, чертеж

ду (рис. 4: *1, 2*), что, скорее всего, объясняется использованием землеройной техники для создания «имитации крепостного вала».

Под массивом «реконструированной батареи» присутствовали ненарушенные древние отложения. В восточной части раскопа зафиксирован комплекс заполнения траншеи, идущей параллельно крепостной стене, зафиксированной в восточном борте раскопа. Непосредственно под слоем с мусором XX в. в заполнении траншеи раскрыт плитняковый развал в составе коричневого грунта. Плитки в основном залегали плоско, в несколько слоев; количество плиток, лежащих на ребре незначительно. Размеры плиток – от 0,1×0,06×0,01–0,03 м до 0,36×0,16×0,08 м. Мощность горизонта плитнякового развала составляла от 0,2–0,22 до 0,32–0,36 м. Ниже в заполнении траншеи слой представлен

сильногумусированным темно-коричневым грунтом с большим количеством мелких известняковых плиток (размеры в среднем от 0,06×0,03×0,01 до 0,22×0,09×0,02 м) и незначительной примесью известняковой крошки. Мощность этого слоя – от 0,2–0,23 до 0,42–0,47 м. Траншея, предположительно связанная с возведением и последующей реконструкцией крепостной стены, прорезает древние отложения и заканчивается на уровне массива глинобитных с навозом полов, формировавшегося с X по XII в. (*Салмина и др.,* 2020. С. 73–77) (рис. 4: *1, 2*).

Нижние плиты стены (возможно, приклада?), сложенные на светло-желтом качественном известковом растворе, уложены непосредственно на слегка выровненный и ненарушенный перекопами культурный слой, содержащий в верхней части находки древнерусского времени. На внутреннем фасе стены сохранились следы качественно выполненной известковой обмазки желтовато белого цвета, полностью заполняющей швы между камнями. Возможно, чтобы открыть массивное основание стены, нужно было бы несколько расширить раскоп в восточном направлении, т. е. буквально «подкопаться» под стену. Однако, поскольку глубина шурфа уже превышала 3 м от современной дневной поверхности, восточный борт был оставлен по линии, соответствующей границе раскрытой стены (рис. 4: *3*).

Датировать возведение и дальнейшие этапы существования этой стены мы можем только по датировке вещевых материалов, происходящих из ее руинированных остатков: как массовых находок, так и некоторых категорий индивидуальных.

Основание изначальной стены было устроено в траншее, частично попавшей в пределы раскопа. Для строительства стены (возможно, дерево-грунтовой конструкции) были использованы местный известняк и грунт (антропогенный) с площадки городища. При переустройстве фортификаций пришлось разравнивать предшествующую конструкцию, что привело к распространению связанных с ней материалов за пределы изначальной траншеи. В результате руинированные остатки, содержавшие артефакты более раннего времени (X – начала XI в.), перекрыли более поздние отложения XII в., создавая т. н. «обратную стратиграфию». Это было прослежено на массовых находках фрагментов керамических сосудов, бусах и костяных гребнях (*Салмина и др.,* 2020. С. 82; *Салмина и др*., 2026. С. 173–182).

Таким образом, в результате раскопок 2016 г. оказалось возможным сделать наблюдение: стены, возведенные с использованием переотложенных антропогенных отложений с материалами X – начала XI в., подверглись перестройке или серьезной вычинке в конце XII – начале XIII в. Возможно, конструктивно эти стены представляли собой «городни», установленные в траншее и заполненные смесью мелких известняковых плиток с грунтом, взятым с площадки городища, что после вымывания органических элементов в процессе археологизации могло производить на исследователей впечатление «сухой кладки» – технологии, маловероятной для устройства крепостных сооружений в условиях влажного климата и мелкого формата используемого известнякового плитняка.

«Несуществующий захаб» XV в. (раскоп Кром III)

Основной задачей работ 2016 г. было максимально полное раскрытие «захаба», частично раскрытого при раскопках А. И. Хамцова 1957–1959 г. Предполагалось, что тогда был выявлен именно тот объект, с которым в 2016 г. связывались определенные ожидания проектировщика. Обоснованием версии о наличии захаба у Смердьих ворот послужили реставрационные работы 50-х гг. XX в., когда на территории Псковского кремля была проведена серия «откопок» фортификационных сооружений. К сожалению, как уже отмечалось, в процессе реставрации стен и башен архитекторами закладывались шурфы, но полноценная археологическая фиксация этих работ не проводилась (*Белецкий С. В., Скрынникова*, 2000. С. 3, 17–27). Архитектурный объект, определенный в 1957–1959 гг. как «Смердий захаб» (*Алешковский*, 1972. С. 328, 336–337), был выявлен в пределах реставрационной траншеи. По тогдашнему плану реставрационных работ предполагалось, что будет удалена поздняя закладка Смердьих ворот, и ворота и захаб будут отреставрированы[2], но эти работы не состоялись. При этом обширные земляные работы, проведенные тогда в районе Смердьей башни, привели к раскрытию кладок Благовещенской церкви XVI в., а также ряда строений, однако эти раскрытия не сопровождались археологической фиксацией культурного слоя и содержащихся в нем находок (*Белецкий С. В., Скрынникова*, 2000. С. 13).

Локализация захаба «у Смердьих ворот» во многом базировалась на плане 1857 г. из «Атласа» И. Ф. Годовикова (*Годовиков*, 1866). На этом плане в юго-западной части Крома напротив Смердьих ворот обозначено сооружение, аналогичное захабу в юго-восточном углу Крома (*Лабутина*, 2011. С. 78–79). В. В. Косточкин считал захабами оба эти устройства (*Косточкин*, 1962. С. 261–262).

Понимание терминов «охабень» и «захабень» («захапий») из псковских летописей довольно неоднозначно: «В лѣто 6960. Поставлена бысть стѣна новая на Крому въ охабни, и оучиниша в неи погрѣби от Пскове межи ворот» (ПСРЛ. Т. 5. Вып 2. С. 48); «В лѣто 6966... псковичи повелѣнием своим, надѣлаша на Староую стѣноу, оузвыше старыхъ стен, на Кромоу, своего ради добра, от захабня до Коутняго костра» (ПСРЛ. Т. 5. Вып 2. С. 144).

И. К. Лабутина, рассматривая варианты расположения двух захабов псковского Крома, убедительно показала, что письменные источники не позволяют определенно указать на конкретное местоположение захаба у западной стены Псковского кремля, полагая, что с большей степенью вероятности все упоминания этого объекта XV в. касаются восточной «стены над Псковой» (*Лабутина*, 2011. С. 78–81). Кроме того, И. К. Лабутина в своих выводах опирается на трактовку этого термина согласно словарю Срезневского: «часть города или крепости, окруженная отдельной стеной, предместье» (*Срезневский*, 1958. С. 835, 836), т. е. отдельное оборонительное звено крепости. М. Х. Алешковский расширяет это определение, включая в «охабень» псковского Крома также

[2] Архив Псковского института «Спецпроектреставрация», д. 1.1.6–9, л. 18–19.

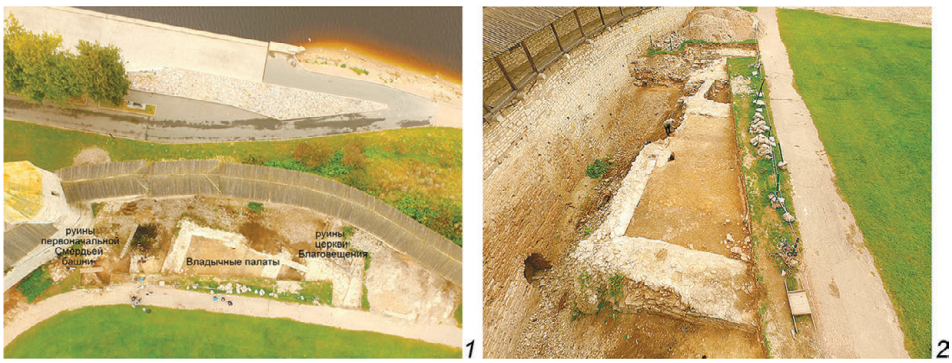

Рис. 5. Кром III. Общий вид каменных сооружений: *1* – вид сверху (с востока); *2* – вид с юга (*фото А. В. Михайлова*)

и неукрепленную стенами часть города к югу от Детинца (*Алешковский*, 1969. С. 20–21; 1972. С. 336; 1981. С. 154–155). В документах XVII в. «захабом» именуется фортификационное сооружение, прикрывающее с внешней стороны участок основных крепостных сооружений (обычно ворота и примыкающие к ним участки стены) (*Кирпичников,* 1995. С. 60; Сб. МАМЮ, 1914. С. 128–130, 328).

Раскоп Кром III располагался непосредственно под Смердьей башней, был вытянут вдоль прясла крепостной стены (рис. 1). С западной стороны раскоп примыкал к незасыпанному котловану архитектурного раскопа А. И. Хамцова, частично «захватывая» в свою площадь осыпь, сформировавшуюся за пределами котлована в последние десятилетия. Полученная в результате раскопок 2016 г. информация показала, что, вероятнее всего, при раскопках 1950-х годов в действительности оказалась зафиксированной подземная часть первоначальной Смердьей башни и стена Владычных палат, образующая вместе с крепостной стеной довольно узкий «коридор», упирающийся в южную стену «старой» Благовещенской церкви (рис. 5). Результаты этих работ достаточно подробно опубликованы нами в 2019 г. (Салмина, Салмин, 2019. С. 358–378). Здесь же мы ограничимся констатацией факта, что реальный захаб, если признать его существование, должен был быть разрушен при строительстве Владычных палат, и в лучшем случае его остатки могли сохраниться значительно ниже горизонтов, раскрытых при раскопках 2016 г.

Интересно, что взаиморасположение основного объема Владычных палат и Благовещенской церкви при необходимости позволило бы полностью контролировать вход в Кром через Смердьи ворота без создания каких-либо дополнительных фортификационных сооружений. Возвращаясь к истории понятий «захаб», «захабень», напомним, что «Псковский областной словарь» называет так любое «опасное, труднопроходимое место», «участок, вдающийся во что-н., окаймленный чем-н.» (Псковский областной словарь. Вып. 12. С. 219). Таким образом, на «плане Годовикова», автор мог отобразить не отдельное архитектурное сооружение – «захаб», а констатировать наличие узкого прохода между Архиерейскими палатами и западной крепостной стеной Крома.

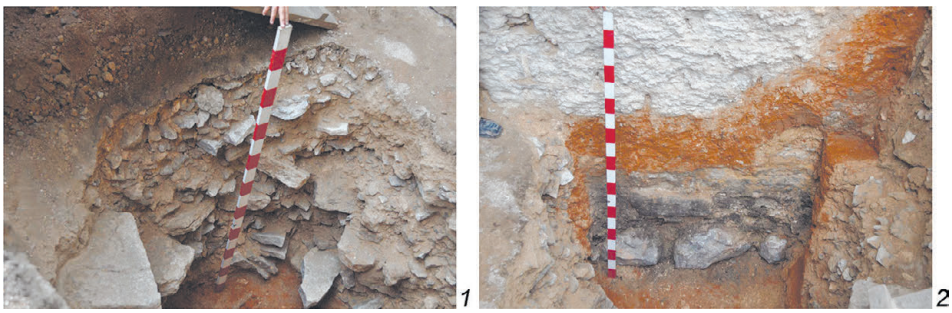

Рис. 6. Кром IX. *1* – плитняковый развал в северном и западном профилях. Вид с юго-востока; *2* – валуны в основании стены в восточном профиле. Вид с запада (*фото Е. В. Салминой*)

Стена XV–XVI в. (раскоп Кром IX/шурф 8)

Раскоп был расположен у восточного прясла стены псковского Крома, между Средней башней и колокольней (рис. 1). Выбор месторасположения был обусловлен возможностью выполнить работы в прилегании к сохранившемуся участку стены XV в. Первоначально предполагалось исследование всей толщи отложений на выбранном участке, однако опасность обрушения стены заставила уменьшить как площадь, так и глубину исследованного участка.

Непосредственно под дерном залегал горизонт светло серого грунта, перемешанного со щебнем и битым кирпичом, очень сухого, мощность массива до 1,25–1,3 м. Вышеохарактеризованный массив перекрывал горизонт коричнево-серого перемещенного грунта сложной стратиграфии (с прослойками, составленными щебнем, известковым раствором, перемешанным со щебневой крошкой, прослойками темно-серого грунта с включениями прокаленной глины, прослойками щебня и битого кирпича). В основном этот массив образован коричневато-серым грунтом, песком, щебнем, обожженной глиной, нижнюю часть горизонта составляет мощная линза речного песка, визуально аналогичного входившему в состав раствора реставрационной кладки. Оба горизонта, судя по составу находок, сформированы насыпным грунтом в ходе завершения реставрационных работ в начале 90 х гг. XX в.

Ниже горизонта коричнево-серого грунта разбирался массив известнякового рухлого плитняка, раствора и щебня, образовавшийся в результате осыпания крепостной стены, составлен известняковым рухляком, крупным щебнем, известковым розовато-коричневым раствором, известняковым коричневым раствором, общая мощность – около 3 м (рис. 6: *1*). Ниже была выявлена «подушка» красной прокаленной (слегка обожженной) глины, минимальная мощность глиняной забутовки – 0,12 м, максимальная – 1,8 м. Между кладкой стены и «подушкой» прослеживается тонкий слой углистого темно-коричневого грунта. Ниже слоя глины так же раскрыт темно-коричневый углистый слой.

Восточный борт раскопа в верхней части представлял собой реставрационную кладку прясла стены между Средней и Часозвонной башнями. Стена сложена из крупных известняковых плит на цементно-известковом известковом растворе. Ниже сохранилась кладка стены XVI в. Плиты первоначальной

кладки меньше по размеру, чем реставрационные, руинированы, скреплены розоватым (с добавлением «цемянки») известковым раствором, сохранились следы штукатурки. В нижней части кладка неровная, с глубокими межплиточными пространствами и трещиноватостью, что привело к окрашиванию плит прилегающим грунтом: на всем протяжении профиля на стене «отпечатана» линза обожженой кирпично-красной глины. Ниже кладка подобным образом окрашена прослойкой углистого грунта, заканчивающейся на уровне залегания гранитных валунов основания стены. Зафиксировано основание крепостной стены в виде двух рядов гранитных валунов (размеры с севера на юг 0,4×0,28; 0,66×0,3 м) на желтоватом качественном известковом растворе (рис. 6: *2*). Валуны основания уложены непосредственно на слегка выровненный культурный слой. Продолжение работ было прекращено в связи с заметной подвижностью валунов, что угрожало их выпадением из борта раскопа.

Подчеркнем еще раз, что археологические исследования 2016 г. в Псковском кремле, несмотря на небольшой объем, позволили сделать ряд наблюдений в области истории строительства разновременных элементов фортификационных сооружений и скорректировать некоторые устоявшиеся интерпретации объектов.

Литература и архивные материалы

Алешковский М. Х., 1969. Раскопки древнейших каменных башен Новгорода и Пскова // АО 1968 г. М. С. 19–21.

Алешковский М. Х., 1969а. Отчет об археологических раскопках Средней башни 1417–1419 гг. у восточной стены Кремля. 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3676. 30 л., 10 ил.

Алешковский М. Х., 1971. Каменные стражи. Л.: Лениздат. 175 с.: ил.

Алешковский М. Х., 1972. Начальные этапы каменного строительства псковского Крома (в связи с вопросом о русских каменных крепостях домонгольского периода) // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М: Наука. С. 322– 348.

Алешковский М. Х., 1981. Псков. Военно-оборонительные сооружения // Достопримечательности Псковской области. Л.: Лениздат. С. 150–168.

Белецкий В. Д., 1973. Работы Псковской экспедиции // АО 1972 г. С. 8.

Белецкий В. Д., 1989. Псковская экспедиция Эрмитажа (к итогам раскопок 1954–1987 г.) // Древний Псков: Исследования средневекового города. Л. С. 188–207.

Белецкий В. Д., 1991. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Пскова (о программе работ экспедиции Эрмитажа // Тезисы докладов на VI Международном конгрессе славянской археологии. Л.: ИИМК АН СССР. С. 3.

Белецкий В. Д., Белецкий С. В., 1987. Новые данные о времени строительства Псковского Крома // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.) / ответственный редактор В. П. Шилов. М.: Наука. С. 34–35.

Белецкий В. Д., Белецкий С. В., Скрынникова Е. В., 1995. Исследования Часовой башни и Великих (Темных) ворот Псковского кремля // Фортификация в древности и средневековье. СПб.: ИИМК РАН. С. 98–101.

Белецкий С. В., 1978. Раскопки в Псковском кремле в 1972–1974 гг. // КСИА. Вып. 155. С. 57–63.

Белецкий С. В., 1993. Древний Псков по данным археологии // Древности северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Петербургское востоковедение. С. 78–97.

Белецкий С. В., 2000. Древнейшие фортификации Пскова // Бомбардир. № 9. С. 27–28.

Белецкий С. В., Варенов А. Б., Фролов В. П., 1979. Исследования Псковского городища // АО 1978 г. С. 4.

Белецкий С. В., Скрынникова Е. В., 2000. Псковский Кремль: Археология, реставрация, музеефикация // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 1. СПб.: СПбГУКИ. С. 3–33.

Годовиков И. Ф. Атлас рисунков древностей Пскова, 1866 // ПГОИАХМЗ. Отдел рукописных и старопечатных фондов. № 508.

Гроздилов Г. П., 1961. Археологические раскопки в Пскове в 1960 г. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работ ГЭ за 1960 г. Л. С. 18–19.

Гроздилов Г. П., 1962. Раскопки древнего Пскова (1956, 1958–1960 гг.) // Сообщения ГЭ. Вып. XXIII. С. 64–67.

Гроздилов Г. П., 1964. К вопросу о топографии древнего Пскова // Археологический сборник ГЭ. Сборник статей к 30-летию отдела истории первобытной культуры. Вып. 6. С. 139–155.

Кирпичников А. Н., 1995. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николаса Витсена. СПб.: Славия. 207 с.

Косточкин В. В., 1962.Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI века. М. Изд-во АН СССР. 287 с.

Лабутина И. К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука. 342 с.

Плоткин К. М., 1991. Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков. С. 20–43.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 12. ЗАНААРЫВАТЬ – ЗЕНДЕНЬ. Ивашко Л. А., Поцепня Д. М., Тарасова М. А. (ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 336 с.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. Псковские 2 и 3 летописи. М.: Языки русской культуры, 2000. 368 с.

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-западной Руси X–XV вв. (МИА. № 105). М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленинград. отд-е. 242 с., 3 л. ил., карт.

Салмина Е. В., Салмин С. А., 2019. В поисках захаба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г. // Земля наша велика и обильна. Сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб. С. 358–378.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Френкель Я. В., 2020. Раскопки в Псковском кремле в 2016 г. // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 35. М.; Псков: ИА РАН. С. 53–87.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Френкель Я. В., Чугунова К. С., 2026. О средневековых отложениях псковского Крома (по материалам раскопок 2016 года) // SUB SPECIE AETERNITATIS. Средневековая археология Восточной Европы. Материалы научной конференции, посвященной 100-летнему юбилею Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.: Издательство ГЭ. С. 154–199.

Сб. МАМЮ. 1914. – Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6: Псков и его пригороды. Кн. 2. М.: Печатня А. Снегиревой. IX, 555 с.

Срезневский И. И., 1958. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 2: Л–П. Репринтное издание 1902 г. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей. 15 с., 1802 стб.

Тараканова С. А., 1946. К вопросу о крепостных стенах Пскова // КСИИМК. Вып. XIII. С. 77–80.
Тараканова С. А., 1947. Раскопки в Пскове // КСИИМК. Вып. XVII. С. 132–138.
Тараканова С. А., 1948. Раскопки в Псковском Кремле // КСИИМК. Вып. XXI. С. 140–147.
Тараканова С. А., 1949. Раскопки древнего Пскова (1945–1947 гг.) // КСИИМК. Вып. XXVII. С. 104–112.
Тараканова С. А., 1950а. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК. Вып. XXXIII. С. 48–62.
Тараканова С. А., 1950б. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. Вып. XXXV. С. 18–29.
Тараканова С. А., 1956. Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62. С. 33– 44.
Филимонов А. В., 2009. Профессор К. К. Романов и Псковская земля // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 31. С. 114–127.
Цвылёв С. А., 1952. Историческая справка к проекту реставрации Псковского кремля // ГАПО. Ф. 1767. Оп. 2. Ед. хр. 6.
Чернягин Н. Н., 1937. Раскопки Псковского Кремля // СА. IV. С. 327.
Чернягин Н. Н., 1941. Псков. Кремль // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 28–31.

* * *

Салмина Елена Вячеславовна, *кандидат ист. наук, г. Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: muntrik102@yandex.ru*

Салмин Сергей Анатольевич, *г. Псков, ГБУК ПО АЦПО, e-mail: solvarg@ rambler.ru*

А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник

Рельефные изображения крестов в Изборске. Размышления у крепостной стены

Резюме. Рельефные изображения крестов («выкладные» кресты) в стенах Изборской крепости упоминаются практически в каждой работе, посвященной этому оборонительному сооружению, на протяжении почти двухсот лет. Однако объектом пристального изучения эти кресты никогда не были. В результате сравнительного анализа с выкладными крестами на других средневековых объектах (крепости, церкви), расположенных в разных регионах (Великий Новгород, Порхов и т.д.), а также изучения летописных и иных сведений, предлагается версия рассматривать выкладные кресты на стенах Изборской и Порховской крепостей, а также новгородской церкви Спаса Преображения на Ильине улице, как изображения знаков на стягах (знаменах) воинских отрядов, которые имели отношение к обороне северо-западных крепостей в XIV в., а также в качестве символов божественного заступничества.

Ключевые слова: Изборск, выкладные кресты, каменные кресты, крепостные стены, Спаса Преображения на Ильине, стяги.

A. L. Potravnov, T. Yu. Khmelnik. Relief Crosses in Izborsk. Reflections at the Fortress Wall

Abstract. Relief crosses (“outlaid crosses”) in the walls of the Izborsk Fortress have been mentioned in practically every work devoted to this defensive structure for about two hundred years. However, these crosses have never been the subject of close study. Based on a comparative analysis of them with the outlaid crosses on the other medieval sites (fortresses, churches) located in various regions (Veliky Novgorod, Porkhov, etc.), as well as study of chronicles and other sources, it is proposed to view the outlaid crosses on the walls of the Izborsk and Porkhov fortresses, as well as the Novgorod Church of Transfiguration of the Savior in Ilyina Street, as depictions of symbols on the banners (flags) of military units involved in the defense of northwestern fortresses in the 14th century, as well as symbols of divine intercession.

Keywords: Izborsk, outlaid crosses, stone crosses, fortress walls, Church of Transfiguration of the Savior on Ilyina, banners.

Одной из особенностей Изборской каменной крепости по праву можно считать выложенные из блоков известняка на западном прясле и башне Вышка знаки в виде крестов сложной формы на Голгофе (далее мы будем их называть *выкладные кресты*). Еще в 1822 г. П. И. Кеппен предложил включить в список памятников «изображения крестов, вделанных в крепостныя и церковныя

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.153-164

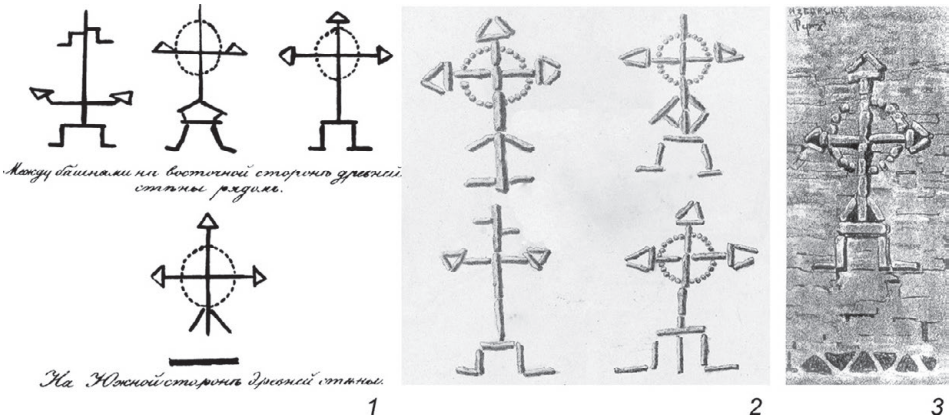

Рис. 1. Исторические изображения выкладных крестов на стенах Изборской крепости: *1* – прорисовка из статьи Е. Ф. Канкрина, 1827 г.; *2* – прорисовка из альбома литографий И. Селезнева, 1839 г.; *3* – рисунок Н. К. Рериха, 1903 г.

стены (крестов закладных). Для примера избраны кресты, находящиеся на Изборских стенах...» (*Кеппен*, 1822. С. 64). В 1827 г. в статье министра финансов Российской империи Е. Ф. Канкрина была опубликована прорисовка крестов на стенах Изборской крепости (*Канкрин*, 1827. С. 37) (рис. 1: *1*). Любопытна и оценка министром этих объектов: «Кажется однако, что они заключают в себе более, нежели одни украшенные знаки креста» (*Канкрин*, 1827. С. 35–36). Затем внешний вид этих выкладных крестов был представлен в Атласе к материалам для статистики Российской империи на основе литографий И. И. Селезнева, опубликованном в 1839 г. (*Атлас...*, 1839. С. 9) (рис. 1: *2*). Другое известное изображение одного из крестов (предположительно, на башне Вышка) сохранилось благодаря рисунку Н. К. Рериха, выполненному в 1903 г. (*Гидони*, 1916. С. 55) (рис. 1: *3*). В 1916 г., описывая Изборскую крепость, В. С. Биркенберг также обратил внимание на эти кресты и предположил, что «...зодчий скромно поместил несколько крестов, как символ защиты от врага» (*Биркенберг*, 1916. С. 30). В. В. Косточкин в работе, посвященной описанию крепостных сооружений Изборска, посчитал, что кресты на башне и на западной стене крепости воспринимаются как «декоративные детали» (*Косточкин,*1959. С. 136), которые, по его мнению, «подобны крестам прикладок, сделанным в 1430 г. у западной и юго-восточной стен Порхова» (*Косточкин*, 1959. С. 137). В. В. Седов, в свою очередь, возлагал на эти кресты функцию своеобразного оберега: «Очевидно, это были не орнаментальные, а символические знаки, охранявшие город-крепость от неприятеля» (*Седов*, 1988. С. 64). Эту же точку зрения развивает и Вл. В. Седов: «Это и знак, указывающий на город, как «дом святого Николы», и апотропей, призванный защитить стену и град» (*Седов Вл.*, 2025. С. 77). Однако, несмотря на значительное количество публикаций по Изборской крепости, подробного исследования, посвященного этим выкладным крестам, мы так нигде и не встретили. В связи с этим, а также учитывая наличие различных предположений о смысловом назначении данных знаков, мы

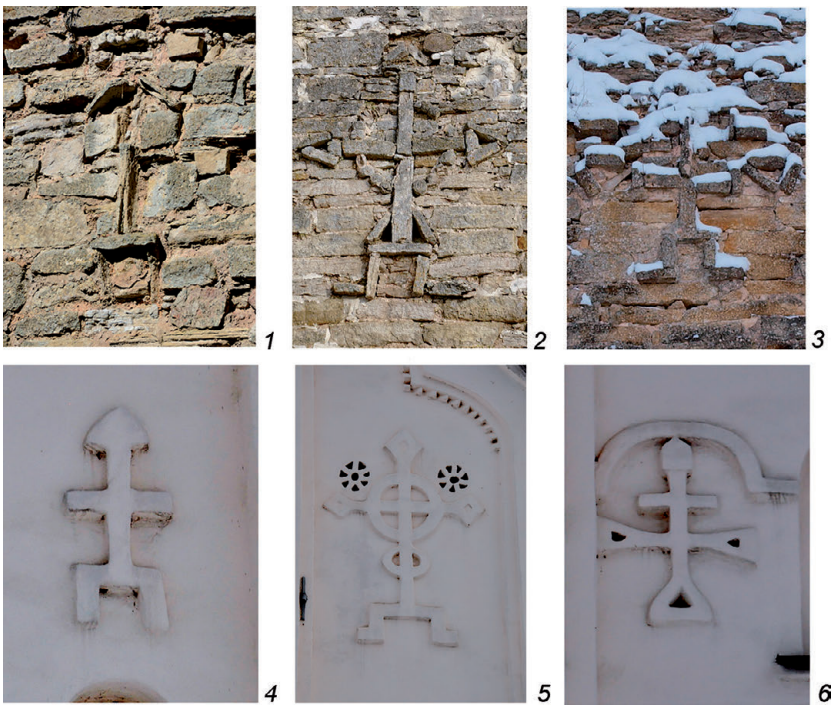

Рис. 2. Выкладные кресты: *1* – со стрелкой, на южном прясле Порховской крепости; *2* – с кругом, на западном прясле Изборской крепости; *3* – с расширяющимися лопастями, на западном прясле Изборской крепости; *4* – со стрелкой, на западном фасаде ц. Спаса Преображения на Ильине; *5* – с кругом, на южном фасаде ц. Спаса Преображения на Ильине; *6* – с расширяющимися лопастями, на западном фасаде ц. Спаса Преображения на Ильине (все фото авторов).

посчитали необходимым изучить этот вопрос, с целью определения их возможного назначения.

Прежде чем предметно рассматривать изборские рельефные выкладные кресты, считаем целесообразным упомянуть аналогичные объекты, сохранившиеся на стенах каменных крепостей, башен и иных сооружений, расположенные в других городах и даже странах.

1. Порховская крепость (1387, 1430 гг.). Нам известно о существовании четырехконечных выкладных крестов на стенах (один на северо-западной, три на юго-восточной) (рис. 2: *1*).

2. Крепость города Смедерево (Сербия) (1430 г.). На одной из башен из кирпича выложен семиконечный крест с копьем и тростью на Голгофе. Вокруг креста, также из кирпича, сделана надпись: «ЧРЬ СЛВЬ IC XC NI KA», а чуть ниже пояснительный текст, датированный 1430 г. (В Христа Бога благоверный деспот Георгий, господин Сербский и поморья Зетского. Повелением его построен град сей в лето 6938).

3. На стенах крепости Хотин (западная Украина), построенной Стефаном III Великим в XV в., почти по всему периметру выложены два ряда четырехконечных конечных крестов на Голгофе.

4. На многих боевых ингушских башнях выложены кресты с Голгофой (селения Эгикап, Ний и пр.).

5. На башнях (XV–XVI вв.) крепости Вана Васстелийна (Нейгаузен) (южная Эстония) выложены четырехконечные кресты без Голгофы.

Кроме того, выкладные изображения крестов с Голгофой нам известны на стенах многих церквей: в Смоленске (ц. Иоанна Богослова, XII в.), Старой Ладоге (Успенская ц., XII в.) (*Матвеев*, 2021), Великом Новгороде (ц. Федора Стратилата на Ручье (XIV в.), ц. Спаса Преображения на Ильине улице (XIV в.), ц. Петра и Павла в Кожевниках (XV в.)), а также на различных церквях в Грузии, Швеции и пр.

Таким образом, оказывается, что выкладные кресты на стенах Изборской крепости нельзя считать уникальным явлением, поскольку существуют и другие примеры аналогичных объектов в различных городах и странах, создававшиеся в средневековый период (XII–XV вв.). Сравнивая схематичные изображения крестов со стен Изборской крепости начала XIX в. с их современным состоянием, можно отметить, что, несмотря на видимые повреждения, принципиальной переделки данных объектов, как минимум за 200-летний период, произведено не было. На западном прясле крепостной стены между башнями Вышка и Рябиновка сохранились три, выложенных из известняковых блоков и слегка выступающих за лицевую поверхность стены, креста на Голгофе:

– два, практически идентичные друг другу, креста с копьевидными окончаниями лопастей (треугольник, у которого вершина направлена в сторону от средокрестия) и с кругом в средокрестии (рис. 2: *2*). При этом у одного креста, расположенного в центре прясла, разрушена верхняя часть.

– один крест с расширяющимися окончаниями двух боковых лопастей (треугольник, у которого вершина направлена к средокрестию) и сильно поврежденной верхней частью, где видны только фрагменты узора (рис. 2: *3*). В этой связи достоверно идентифицировать верхнюю часть невозможно. На рисунках из публикаций 1827 (рис. 1: *1*) и 1839 (рис. 1: *2*) гг. этот фрагмент сильно отличается. После «реставрационных» работ XXI в. верхняя часть этого креста была полностью уничтожена. Поэтому, учитывая наличие Голгофы и прочих особенностей, мы считаем, что данное изображение (знак) вполне допустимо считать стилистически близким к форме креста с расширяющимися окончаниями боковых лопастей.

На юго-восточной стене башни Вышка, чуть выше узора типа «бегунец», виден еще один крест с копьевидными окончаниями лопастей и с кругом в средокрестии (рис. 1: *3*), который практически идентичен кресту с примыкающей к башне Вышка части прясла крепости. Рядом с «бегунцом» можно увидеть еще один, гораздо меньшего, чем крест с кругом, размера, выложенный из плит известняка знак, имеющий в своем центре четырехконечный конечный крест. Учитывая все элементы данной композиции, мы не считаем оправданным ее трактовать исключительно как крест. Скорее всего, данный знак несет

самостоятельную смысловую нагрузку, о возможной версии которой мы скажем несколько позже. Таким образом, мы видим два отличающихся друг от друга типа изборских выкладных крестов – с расширяющимися и с копьевидными окончаниями лопастей. Рассмотрим, где еще встречаются подобные изображения крестов того же временного периода (XIV–XV вв.).

Кресты с копьевидными окончаниями лопастей с кругом в средокрестии (рис. 2: *2)*. Практически единственным примером аналогичного изображению креста на стене Изборской крепости в виде выкладного креста мы можем назвать фигуру на южном фасаде ц. Спаса Преображения на Ильине улице в Великом Новгороде (далее Спаса на Ильине) (рис. 2: *5*). На это же сходство обратил внимание и Вл. В. Седов (*Седов Вл.*, 2025. С. 76).

Близкие по своей стилистике изображения крестов встречаются и на других предметах, которые имеют отношение к исторической новгородской земле, в частности, на печатях новгородских владычных наместников (печати № 492, 493–506 и т. д.) (*Янин*, 1970. С. 268–270). Если рассматривать несколько отличающуюся от изборских крестов форму (выступающие за окружность лопасти имеют другие типы окончаний), то и в этом случае значительное количество объектов встречается преимущественно на территории старой новгородской земли (выкладной крест на стене ц. Петра и Павла в Кожевниках, монументальные каменные кресты – Серапионов (Молотковский), в д. Саблё (оба – Новгородская обл.) (*Потравнов, Хмельник*, 2018а. С. 170) и т. д.). На территории исторической Псковской земли каменные кресты с кругом в средокрестии встречаются очень редко.

Крест на Голгофе с расширяющимися окончаниями боковых лопастей (рис. 2: *3)*. Примеры похожего изображения в виде выкладного креста мы встречаем на стенах новгородских церквей (Федора Стратилата на Ручью и Спаса на Ильине) в Великом Новгороде. В этих случаях можно увидеть, что окончание третьей, верхней лопасти было разным – расширяющимся и копьевидным.

Однако верхняя часть изборского «креста», которая так вариативно представлена на рисунках XIX в. (рис. 1: *1, 2*) не находит явного сходства с выкладными крестами на стенах храмов из Великого Новгорода. Но если обратить внимание на «покрытие» одного из выкладных крестов с западного фасада ц. Спаса на Ильине (рис. 2: *6*), то с некоторой натяжкой можно предположить, что и на изборском «кресте» могло быть выполнено подобное покрытие, следы от которого и были зафиксированы в первой половине XIX в. При этом нельзя исключать и другой формы верхней части данного объекта, который мы, на основании сохранившейся центральной и нижней части, интерпретируем как крест с двумя расширяющимися лопастями. Одна из причин такой интерпретации заключается и в том, что в XV–XVI вв. на исторической Псковской земле (и особенно в окрестностях Изборска) были широко распространены монументальные каменные кресты с лопастями аналогичных форм (*Потравнов, Хмельник*, 2016. С. 191–194).

Таким образом, исходя из анализа внешнего вида выкладных крестов на стенах Изборской крепости, можно сделать следующие выводы:

1. Стилистически особенности одного креста (рис. 2: *3*) (одноступенчатая Голгофа, расширяющиеся окончания лопастей, отсутствие круга в средо-

крестии) характерны для монументальных каменных крестов исторической Псковской земли, но также встречаются в небольших количествах и на территории Новгородской земли: изображения на фасадах ц. Спаса на Ильине и ц. Федора Стратилата на Ручье, наместничьи печати двинских актов (*Янин*, 1970. С. 274–275. №№ 540, 542, 550).

2. Стилистические особенности трех других выкладных крестов (рис. 2: *2*) имеют явно выраженную новгородскую направленность (одноступенчатая Голгофа, копьевидные окончания лопастей, круг в средокрестии), которая на различных видах средневековых памятников XIV–XV вв., обнаруженных на территории Псковской земли, практически не встречается.

3. На фасадах ц. Спаса на Ильине в Великом Новгороде имеются выкладные кресты, близкие по своей форме и стилистике к обоим типам крестов со стен Изборской крепости (рис. 2: *5, 6*). Более того, на фасадах этой же церкви также можно увидеть кресты, схожие с выкладными крестами со стен Порховской крепости:

– четырехконечный крест на Голгофе с одной заостренной верхней лопастью, напоминающей стрелку (рис. 2: *4*);

– восьмиконечный крест на широкой Голгофе (его внешний вид, скорее всего, современная реконструкция, особенно в верхней части, поэтому, на наш взгляд, он не может считаться полностью аутентичным для дальнейшего сравнения).

Мы считаем, что нельзя объяснять подобное сходство внешнего вида выкладных крестов со стен Изборской и Порховской крепостей с крестами на фасадах ц. Спаса на Ильине простым совпадением. Крест был важнейшим символом христианской культуры, который широко использовался в разных сферах средневекового общества: церковное зодчество и богослужения, наполнение сакральных ландшафтов, поминальные обряды, предметы личного благочестия и т. д. При этом, в зависимости от функционального назначения, временного периода и даже исторических территорий, кресты могли иметь различный внешний вид. Наиболее наглядно региональные особенности и отличия формообразования были выявлены среди монументальных каменных крестов (*Потравнов, Хмельник,* 2018б. С. 74).

Таким образом, сходство внешнего вида, технологических приемов и мест расположения выкладных крестов позволяет предположить не только одинаковую смысловую нагрузку, но и наличие определенных связей между территориями. Поэтому, в целях выявления этих связей, мы считаем необходимым обратить внимание на историю и значение для новгородцев каменной ц. Спаса на Ильине, которая была построена в 1374 г. (НПЛ, 1950. С. 372).

В стенах каменной церкви было сделано 12 не повторяющихся по своей форме выкладных крестов на различной высоте от земли и 10 ниш для вкладных каменных крестов на уровне человеческого роста. Вл. В. Седов отмечает: *«Церковь Спаса на Ильине следует воспринимать именно как мемориальный объект, в котором архитектура отражала почитание чудотворной иконы, когда-то содержавшейся в храме и взятой оттуда для обороны города; этот храм вступал в диалог с построенной ранее церковью Знамения, еще одним мемориальным хра-*

мом, отмечавшим чудо иконы Знамение» (*Седов Вл.*, 2015. С. 7). Действительно, в ряде летописных источников старая ц. Спаса на Ильине известна тем, что, по преданию, именно из нее архиепископ Иоанн взял икону Богородицы, которая смогла защитить Новгород от осады суздальцами в 1170 г. (Н4Л. С. 163). Однако, эта легендарная версия событий с описанием чуда от иконы Знамения, отраженная в ряде летописей, созданных в XV в. и позже (Новгородская 4-я, Летопись Авраамки, 1-я Псковская и т.д.), не была зафиксирована в более ранних текстах – например, в 1-й Новгородской летописи (НПЛ, 1950. С. 33). Исходя из этих особенностей, рассказ о чуде от иконы Знамение, предположительно, появился не позднее первой половины XIV в. (*Агафонов*, 2015. С. 137). Затем, уже в первой половине XV в., помимо новых летописных списков, появились и другие, не летописные тексты (*Агафонов*, 2015. С. 106–124), а также иконы, посвященные чуду от иконы Знамения. При этом надо признать, что отношение к иконе Знамения у средневековых новгородцев не ограничивалось развитием сюжета о чуде в обновленных летописных источниках, постройкой отдельного храма, специально для хранения иконы Знамения в 1354 г. и каменной церкви Спаса на Ильине в 1374 г. На уже упоминавшихся печатях владычных наместников на одной стороне изображены кресты в круге со стреловидными окончаниями лопастей, а на другой – изображение Богоматери «Знамение» (*Янин*, 1970. С. 181, 268). Таким образом оказывается, что стилизованные изображения крестов расположены на стенах церкви, которая во второй половине XIV в. становится одним из наглядных примеров в масштабной кампании по развитию и пропаганде сюжета о произошедшем в 1170 г. чуда от иконы Знамения – защиты Богородицей Великого Новгорода от осаждающих врагов.

Но почему тогда на фасадах церкви, которая тесно связана с сюжетом об успешной обороне города, появляются разные по форме и стилистике выкладные кресты на верхних уровнях и места для установки каменных крестов на самом нижнем уровне?

На наш взгляд, подсказку можно увидеть на упоминаемых ранее иконах XV в., посвященных чуду от иконы Знамения. На сцене боевого столкновения конных отрядов новгородцев и суздальцев изображены стяги (флаги, знамена) с различными знаками. По нашему мнению, изображения на стягах не обязательно являются аутентичными, это, возможно, личное представление иконописца о том, какими они должны быть. Тем не менее, сам факт наличия стягов (без упоминания каких-либо знаков на них) в составе средневековых войск подтверждается многочисленными упоминаниями в русских летописях. В 1216 г. во время похода новгородцев во главе с Мстиславом летописец при описании битвы на Липице указывает следующее: «... Они же побѣгоша, и тако почашя бити и подтяша стягъ Ярославль, и пристиже Иворъ с Смолняны, и досѣкошася другого стяга, а князи же нѣ ѣха еще ...Бяше бо у Юрья стягов 17, а троуб 40, толко же и бубнов, а у Ярослава стягов 13, а труб и бубнов 60» (Н4Л. С. 192–193).

Исходя из этого сообщения, можно сделать вывод, что в данном случае стягом именуется не сам воинский отряд, а именно отличительный знак воинского подразделения, имевшего определенного командира. При этом, кроме стяга, у воинского отряда были также трубы и бубны (барабаны?). То есть

традиционная и достаточно приемлемая для XIII в. аудиовизуальная система управления войсками. Стяги у воинских отрядов упоминаются и в более поздних летописных сведениях, в частности, в псковских летописях. В 1407 г. упоминается стяг у пригорода Коложе (П1Л. С. 197), в 1471 г. стяги указаны при разграблении новгородцами воинского стана псковичей за Лютой рекой (П1Л. С. 241), в 1480 г. в летопись сказано, что отряды собираются в Устье со своими стягами (П2Л. С. 59), аналогичное упоминание стягов у отрядов из Псковских пригородов отмечается и в 1498 г. (П1Л, С. 270). В западных хрониках также можно встретить упоминание о знаменах (vexillis) у псковичей, например, в Ливонской хронике Генриха Вартберга при описании нападения на Псков в сентябре 1367 г. (*Hermann de Wartberge*, 1863. P. 81).

В результате, у нас есть основания считать, что практически у каждого самостоятельного воинского отряда как из Пскова, так и его пригородов, был на поле боя свой отличительный визуальный атрибут – стяг определенной формы, цвета, и вполне возможно, что и с особым изображением на нем. Более того, учитывая, что князьями в Пскове с 1370 по 1399 г. были Андрей Ольгердович и его сын Иван, то использование на стягах отличительных знаков (в виде крестов, символов и т. д.) могло быть вполне обычным явлением, поскольку на территории Великого княжества Литовского, Польского королевства и Тевтонского ордена подобная атрибутика на знаменах (хоругвях) активно применялась (*Гагуа*, 2009. С. 84–94, 97–98). На знаменах (стягах) Московского государства, но несколько более позднего времени (XVII в.) также известны изображения крестов с Голгофой (*Белавенец*, 1911. С. 47–52). Лукиан Яковлев даже не сомневался в наличии изображения крестов на древних русских стягах: «... Русские неизбежно должны были принять и образцы знамен; а на знаменах греков, со времен Константина Великого, изображалось всегда знамение Креста Господня» (*Яковлев*, 1865. С. 15). Итак, если есть мемориальный объект, связанный с боевыми действиями и божественным заступничеством, то почему не предположить, что на стенах этого объекта могут быть размещены воинские символы?

Исходя из всего вышеизложенного и учитывая высокую степень сходства знаков со стен двух крепостей (Порховской и Изборской) с выкладными крестами ц. Спаса на Ильине, мы считаем возможным предположить, что все эти разнообразные изображения могут представлять собой знаки (кресты) со стягов воинских отрядов из городов (крепостей), находящихся под юрисдикцией Новгородского архиепископа, которые участвовали в боях. Кроме того, в этом случае расположение символики со стягов из указанных городов (крепостей) на стенах храма, являющегося мемориальным памятником в память чуда от иконы Знамения (т. е. защиты Богородицей осажденного города) могло рассматриваться не только как часть молитвы о заступничестве, но и как элемент сакральной связи по обеспечению защиты этих городов Пресвятой Богородицей. Учитывая подобную интерпретацию смысла рассматриваемых крестов, мы считаем, что небольшой знак, расположенный на башне Вышка Изборской крепости, около бегунца, может представлять собой изображение навершия древка для стяга одного из воинских отрядов.

Если такое объяснение для крестов, размещенных на стенах Порховской крепости, кажется достаточно логичным, то в случае с выкладными крестами Изборской крепости не все оказывается столь понятным. Непривычно видеть типично новгородский символ на крепости псковского пригорода, учитывая, что в XIV–XV вв. отношения Пскова и Новгорода носили довольно сложный характер. Несмотря на неоднократные попытки псковичей получить церковную независимость от Великого Новгорода, они все-таки находились в каноническом подчинении у новгородского архиепископа. Поэтому вполне возможно, что новгородцы стремились искать пути укрепления на Псковской земле элементов новгородского культурного кода, который бы основывался на почитании одних и тех же святынь, сакральных символов и чудес. Одним из элементов внедрения «новгородского культурного кода» и могло стать продвижение сюжета о чудесной защите Великого Новгорода Пресвятой Богородицей. С этой точки зрения строительство храма Спаса на Ильине с размещенными на стенах символами защитников городов (крепостей) следовало бы рассматривать не только как художественно-сакральное напоминание о чуде, но и как демонстрацию божественной защиты Великого Новгорода. В это же самое время в стены храмов Великого Новгорода стали вкладывать и каменные кресты, традиция установки которых, кстати, также затем стала активно развиваться и на Псковской земле.

В связи с этим, точка зрения о начавшейся во второй половине XIV в. политики по продвижению и популяризации новгородского культурного кода, по нашему мнению, находит свое подтверждение. В дальнейшем, во времена Евфимия II, эта тенденция будет продолжаться в виде развития почитания местных святых (*Агафонов,* 2015. С. 107) и создания новой редакции летописного свода, в котором проявится «... стремление новгородского архиепископа продемонстрировать мощь Новгорода» (*Севостьянова*, 2010. С. 73).

Таким образом, учитывая регулярные осады Изборска, которые вели к гибели людей и разрушениям в ближайшей округе, желание изборян нанести на крепостные стены символ надежды на заступничество Пресвятой Богородицы и новгородского архиепископа имеет под собой логическое объяснение. В средневековье никакой победы без молитвы и веры в божественную помощь большинство православных и не представляло. При этом одним из возможных поводов для такого решения, могла, например, стать история обороны Изборска в 1369 г., когда из-за подхода новгородского войска «неожиданно» была снята 18-дневная осада (П2Л. С. 28). Ливонские хроники также упоминают новгородцев, которые пришли для помощи осажденным, но не указывают этот факт в качестве причины для снятия осады (*Hermann de Wartberge*, 1863. P. 83–84). С точки зрения средневекового обывателя такой исход, скорее всего, считался самым настоящим чудом. Еще один пример, который мог восприниматься как божественное заступничество: в 1406 г. летописец отмечает отказ ливонцев от штурма Изборска без указания каких-либо причин (П2Л. С. 32). Кстати, в более позднее время хорошо известны легенды о помощи Пресвятой Богородицы при обороне Пскова в 1581–1582 гг. и Изборска в 1657 г.

Еще один важный вопрос, на который необходимо ответить – когда же могли быть выложены рассматриваемые кресты на крепостных стенах

и башне Вышка? Поскольку летописных сведений о времени перестройки Изборской крепости нет, то на сегодняшний день существуют разные версии по датировке надстройки утолщения стен с устройством башен. Одни исследователи считают, что это произошло в конце XIV – самом начале XV в. (*Косточкин*, 1959. С. 124–143; *Седов*, 1993. С. 35; *Артемьев*, 1998. С. 35–36; *Гофман, Закурина*, 2019. С. 82). Версию о том, что эта перестройка относится к середине XV в. (1440–1450 гг.) высказывали П. А. Раппопорт (*Раппопорт*, 1965. С. 58) и Вл. В. Седов (*Седов Вл.*, 2014. С. 255–256).

На наш взгляд, к вероятному времени появления «новгородских» символов на обновленных стенах Изборска можно отнести конец XIV – самое начало XV в., после псково-новгородской междоусобицы середины 1390-х гг., когда в 1397 г. между Псковом и Новгородом был заключен «мир вечный». В пользу этой датировки, кроме указанных целым рядом исследователей (*Косточкин*,1959; *Седов*, 1993; *Артемьев*, 1998) причин, мы приведем еще несколько:

1. Именно после этого «мира» в 1400 г. в Пскове строительство как минимум одной из каменных башен финансировал новгородский архиепископ (П1Л. С. 195; П2Л. С. 31).

2. С 1380 по 1407 г., исходя из летописных данных, активно строятся и перестраиваются крепостные укрепления Пскова, причем небольшими участками и по две-три башни в год (*Косточкин,* 1959. С. 136). И вполне возможно допустить, что в это же время могли укреплять не только Псков, но и некоторые другие Псковские пригороды.

3. Небольшой срок с момента постройки в Великом Новгороде храма Спаса на Ильине, на южном фасаде которого представлен выкладной крест, аналогичный по своей стилистике крестам на стенах Изборской крепости.

Таким образом, размышления у крепостной стены привели нас к возможности предложить следующую совокупность предполагаемых и рассчитанных на разные целевые аудитории смыслов выкладных крестов, появившихся на стенах Изборской крепости, вероятнее всего, в конце XIV – начале XV в.

На крепостной стене:

– знаки воинских отрядов (стягов), имевших прямое отношение к защите данного города;

– знак, что город находится под защитой Новгородского архиепископа и Пресвятой Богородицы;

– знак-напоминание, в мирное время призывающий помолиться за упокой душ воинов, погибших при обороне крепости.

На башне Вышка (обращенный внутрь крепости):

– знак для молитвы о заступничестве высших сил, в том числе Пресвятой Богородицы, от осаждающих врагов.

Литература

Агафонов И. С., 2015. Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Университет Российской академии образования. М. 164 с.

Артемьев А. Р., 1998. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток: ГУП ИПД «Дальпресс». 418 с.

Атлас к материалам для статистики Российской Империи. 1839. СПб.: Литография И. Селезнева. 34 с.

Белавенец П. И., 1911. Краткая записка о старых русских знаменах. СПб.: Сенатская типография. 135 с.

Биркенберг В., 1916. Изборск, как памятник крепостного зодчества, и Гремячья башня во Пскове // Труды Псковского Археологического общества, 1915–1916 гг. Вып. 12. Псков: Типография «Псковская жизнь». С. 23–31.

Гагуа Р. Б., 2009. Грюнвальд в источниках: Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410. Пинск: ПолесГУ. 208 с.

Гидони А. И., 1916. В защиту искусства // Рёрих. Петроград: Свободное искусство. С. 53–78.

Гофман Г. С., Закурина Т. Ю., 2019. Изборская крепость в первой трети XIV в. // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.: Невская типография. С. 70–84.

Канкрин Е. Ф., 1827. Монограммы, или род гербовых знаков на стенах Замка Изборскаго // Отечественные записки издаваемые Павлом Свиньиным. Ч. 29. СПб.: типография К. Крайя. С. 28–39.

Кеппен П. И., 1822. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии собранным и объясненным Петром Кеппеном. М.: типография С. Селивановскаго. 132 с.

Косточкин В. В., 1959. Строительная биография крепости Изборска // СА. № 1. М.: АН СССР. С. 124–143.

Матвеев В. Н., 2021. Выкладные плинфяные кресты в декоре храмов домонгольской Руси // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. Научно-теоретический журнал. № 3. СПб.: Фонд содействия развитию науки, образования и искусства «Новое искусствознание». С. 6–15.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. М.; Л.: АН СССР. 640 с.

Н4Л – Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Петроград: Типография Я. Башмаков и К., 1915. 332 с.

Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю., 2016. Каменные кресты с расширяющимися лопастями // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 31. Материалы 61-го заседания / Отв. Ред. Н. В. Лопатин. М., Псков, СПб.: ИА РАН. С. 190–200.

Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю., 2018а. Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М.: Вече. 367 с.

Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю., 2018б. О географии распространения монументальных каменных крестов на северо-западе России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Вып. 3 (73). М.: Индрик. С. 64–76.

П1Л – Псковская первая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. С. 166–345.

П2Л – Псковская 2-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М.: АН СССР, 1955. С. 9–69.

Раппопорт П. А., 1965. Древние русские крепости. М.: Наука. 88 с.

Седов В. В., 1988. Древний Изборск // Древний Псков. История. Искусство. Археология. Новые Исследования. М.: Изобразительное искусство. С. 44–65.

Седов В. В., 1993. Изборск в эпоху древней Руси // Изборск и его окрестности – заповедный край России. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 9–40.

Седов Вл. В., 2014. Изборск и крепости Ливонии. Противостояние башен // About Time and Space. Studies in Honour of Mare Aun (Ajast ja ruumist. Koostanud ja toimetanud). Tallinn – Tartu: Tallinna Ülikool. P. 247–260.

Седов Вл. В., 2015. Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде. Архитектура боярского храма. М., Вологда: Древности Севера. 236 с.

Седов Вл. В., 2025. Средневековая архитектура Изборска. Изборск: Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Изборск». 186 с.

Севостьянова О. В., 2010. Новгородская четвертая летопись как источник по изучению политических взглядов Новгородского архиепископа Евфимия II // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Вып. 2 (40). М.: Индрик. С. 56–73.

Яковлев Л. П., 1865. Древности Российского государства. Дополнения к III отделению. Русские старинные знамена. М.: Синодальная типография. 396 с.

Янин В. Л., 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2. М.: Наука. 367 с.

Hermann de Wartberge, 1863. Chronicon Livoniae, hrsg. von E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. 172 p.

* * *

Потравнов Александр Леонидович, *Санкт-Петербург, независимый исследователь, проект Регионавтика, e-mail: canonir7@gmail.com*

Хмельник Татьяна Юрьевна, *Санкт-Петербург, независимый исследователь, проект Регионавтика, e-mail: regionavtica@gmail.com*

Ю. В. Колпакова

Каменные кресты в стенах четверика Никольского собора в Старом Изборске

Резюме. Публикуются два впервые раскрытых вкладных каменных креста в стенах четверика Никольского собора в Старом Изборске. Кресты крупные, с трапециевидно расширяющимися концами. На одном из крестов присутствует лапидарная надпись «Во Имя | Оца и Сна | Стаг Духа Се Азъ Ра≠ | бъ Бжіій Ио | постави крестъ... ви св... ѥ...огл...на па...» (окончание дискуссионно). Анализ графики букв позволяет датировать надпись XIV в.

Ключевые слов: каменные кресты, подписные кресты, Никольский собор, Изборск.

Yu. V. Kolpakova. Stone Crosses in the Narthex of St. Nicholas Cathedral in Old Izborsk

Abstract. Two first-discovered inset stone crosses in the walls of the quadrangle of the Nikolsky Cathedral in Old Izborsk are published. The crosses are large, with trapezoidally expanding ends. One of the crosses has a lapidary inscription «Во Имя | Оца и Сна | Стаг Духа Се Азъ Ра≠ | бъ Бжіій Ио | постави крестъ... ви св... ѥ...огл...на па...» (last part is debatable). Analysis of the graphics of the letters allows dating the inscription to the 14th century.

*Keywords: s*tone crosses, signature crosses, Nikolsky Cathedral, Izborsk.

В 2024 году в рамках подготовки проекта будущей реставрации Никольского собора в Изборской крепости, выполняемого ООО «Вера и Надежда» (г. Псков) под руководством архитектора О. А. Роговой и научного консультанта Т. Н. Пятницкой (ООО «АРМ-3», г. Санкт-Петербург), были вскрыты полы и поверхности стен в притворе храма. На внешней стороне западной стены четверика были обнаружены две заложенные плитняком ниши, в которые оказались вмонтированы два крупных каменных креста (рис. 1, 2)[1]. Строительная история Никольского собора изучена пока недостаточно. По мнению Вл. В. Седова, помещение крестов в ниши, скорее всего, могло произойти в XVII в. в процессе возведения пристроек к древнему собору. Кресты могли находиться до этого

[1] Благодарю главного архитектора проекта реставрации Никольского собора О. А. Рогову за приглашение исследовать обнаруженные кресты.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.165-179

Рис. 1. Крест, расположенный к северу от входа в четверик

Рис. 2. Крест, расположенный к югу от входа в четверик

снаружи, рядом с собором, на месте южного придела, а с его постройкой были заложены в стены как объект поклонения[2]. Заметим, что в Пскове аналогичным образом, слева от входа, вмурован каменный крест в приделе собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря (*Рожнятовский*, 2014. С. 207).

Надо отметить, что закладные кресты, помещенные в стены в XVII–XIX вв., в Пскове единичны, а в Изборске до публикуемой находки их было известно 11 (*Панченко*, 2017. С. 411). В целом, по наблюдениям В. Б. Панченко, прослеживается значительное сокращение числа закладных крестов с начала XV в., сопровождаемое ростом разнообразия их типов и перемещением их традиционного местоположения в стенах церквей во второй ярус и выше. По мнению исследовательницы, к XV в. изначально культовая функция закладных крестов могла трансформироваться в декоративную, а в связи с предполагаемым сокращением производства новых крестов сравнительно чаще осуществлялась закладка в стены крестов, изготовленных ранее и перемещенных с заброшенных мест погребений (*Панченко*, 2017. С. 411).

[2] Благодарю главного науч. сотрудника ИА РАН, доктора искусствоведения, члена-корреспондента РАН Вл. В. Седова за консультацию.

Обнаруженные в Никольском соборе кресты укладываются в еще одну ранее отмеченную исследователями закономерность: в стены чаще всего вкладывались кресты местных характерных форм, и даже в Пскове, где первоначально в качестве закладных выступают кресты «в круге», со временем начинают преобладать кресты «местного производства и, в основном, «изборского» типа» (*Панченко*, 2014).

Известно множество случаев помещения бывших намогильных и иных отдельно стоящих крестов (обетных, памятных) в церковную кладку (*Седов*, 1976. С. 102; *Соленикова*, 1996). Сложно определить, менялись ли формы их почитания непосредственно после превращения их в закладные. Наиболее известные кресты, вероятно, становились объектом поклонения или особого отношения к ним и до вложения их в церковные стены.

Одним из самых ярких примеров стала история Алексеевского креста на западном фасаде Софийского собора Великого Новгорода. Давая обзор дискуссии о функциях данного креста, Т. Ю. Царевская отметила: «А. А. Спициным крест отнесен к числу поклонных храмовых...; И. А. Шляпкин считал его обетным: “Во избавление от грядущего зла или в знак благодарения за избавление от мимошедшего”... Е. В. Соленикова относила крест к памятным-поклонным-обетным-закладным... По мнению Г. К. Вагнера, Алексеевский (как и Людогощенский) крест соединил в себе памятную и поклонную функции...» (*Царевская*, 2022. С. 80).

Форма. Кресты из Никольского собора – это кресты с лопастями трапециевидной формы, которые слегка расширяются к концам от центра. Эта форма – одна из двух типичных для крестов местного изготовления. «Все четыре конца крестов первой формы расширяются от центра к краям. Края ограничены прямыми линиями: вверху и внизу горизонтальными, сбоку вертикальными или слегка наклонными» (*Седов*, 1976. С. 102). По классификации А. Л. Потравнова, Т. Ю. Хмельник, публикуемые кресты принадлежат к подгруппе 1.3.: кресты с расширяющимися лопастями, подвариант 1.3.1, тип с тремя равномерно расширяющимися лопастями («Труворов») (*Потравнов, Хмельник*, 2016; *Потравнов, Хмельник*, 2018б. С. 67). Ближайшим аналогом найденных в Никольском соборе крестов, как по форме, так и по размерам, действительно является общеизвестный Труворов крест.

Размеры. Размеры крестов полностью установить нельзя, за исключением оценки части, видимой в пространстве ниши. Высота доступной для измерений части креста слева, на северной стороне от входа – 115 см, но длина нижней лопасти креста, углубленной в кладку под нишей, могла составлять до полуметра. Размах лопастей – 121 см. Высота торцов лопастей – 45 см, порядка локтя. Ширина средокрестия – 45 см, высота средокрестия – 43 см. Толщина по измерению в правой части от средокрестия (единственное доступное для измерения место) – около 22 см (около половины локтя), Степень равномерности толщины установить невозможно, так как крест вмонтирован в кладку.

Высота видимой над полом части креста справа, с южной стороны от входа – 120 см, углубление в пол составляет не менее 30 см. Размах лопастей – 108 см. Толщину установить невозможно, поскольку по периметру крест плотно покрыт растворами разного времени. Сразу после обследования креста местный клир закрыл нишу с крестом массивной иконой Троицы и лампадой

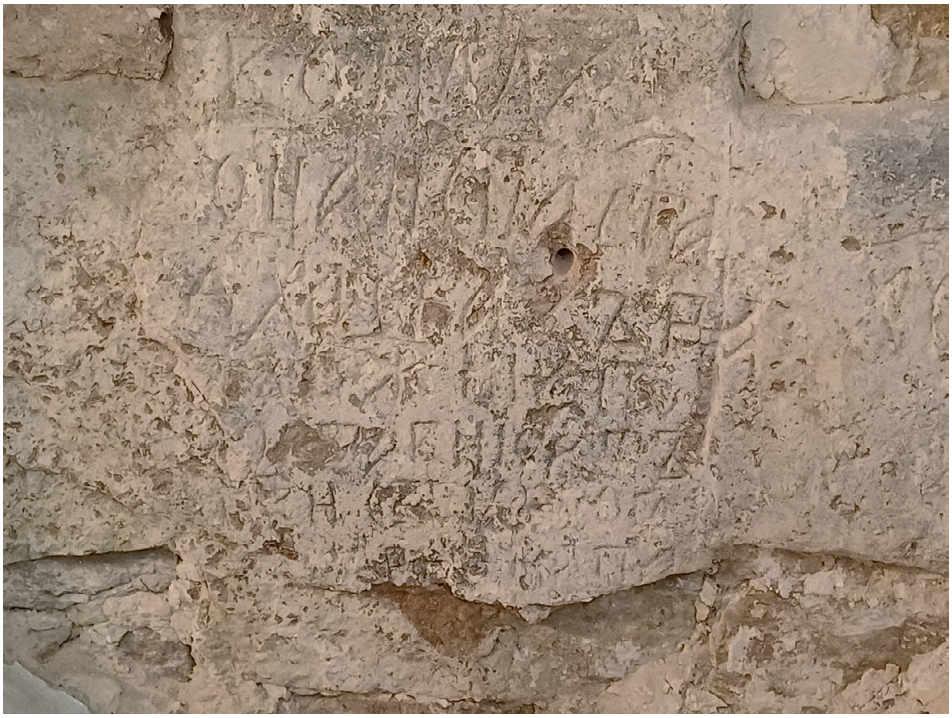

Рис. 3. Фото центральной части креста, расположенного на южной стороне от входа

на кронштейне. Икона позднего упрощенного письма луковичной формы с усеченным сверху щипцовым завершением смонтирована под углом, так как щипец иконы не входит в полукруглый свод над нишей.

Надписи. На кресте, расположенном к северу от входа в четверик, не удалось обнаружить никаких надписей (рис. 1). Возможно, он расположен буквами к стене или имеет очень маленькую композицию с Голгофой в центре под неснятым фрагментом штукатурки. В целом, наличие хотя бы минимального набора надписей (IC XC NIKA) и изображения креста на Голгофе характерно для крестов данного типа.

Крест, расположенный на южной стороне от входа, содержит пространную лапидарную надпись (рис. 3), предварительную расшифровку которой мы представляем в публикации (рис. 4)[3]. Текст размещен в области средокрестия, первая строка начинается в основании верхней лопасти. На более сохранной

[3] Благодарю за первые советы по расшифровке, трактовке, поиску аналогов текста д. фил. н., проф. кафедры русского языка ПсковГУ Л. Я. Костючук и науч. сотрудника сектора архитектурной археологии ГЭ В. Б. Панченко. Благодарю за консультацию, версию расшифровки и помощь в датировании по палеографическим признакам науч. сотрудника Гейдельбергского университета, к. и. н. С. М. Михеева, публикуемая версия расшифровки – совместная с ним работа, курсивом даны его авторские трактовки.

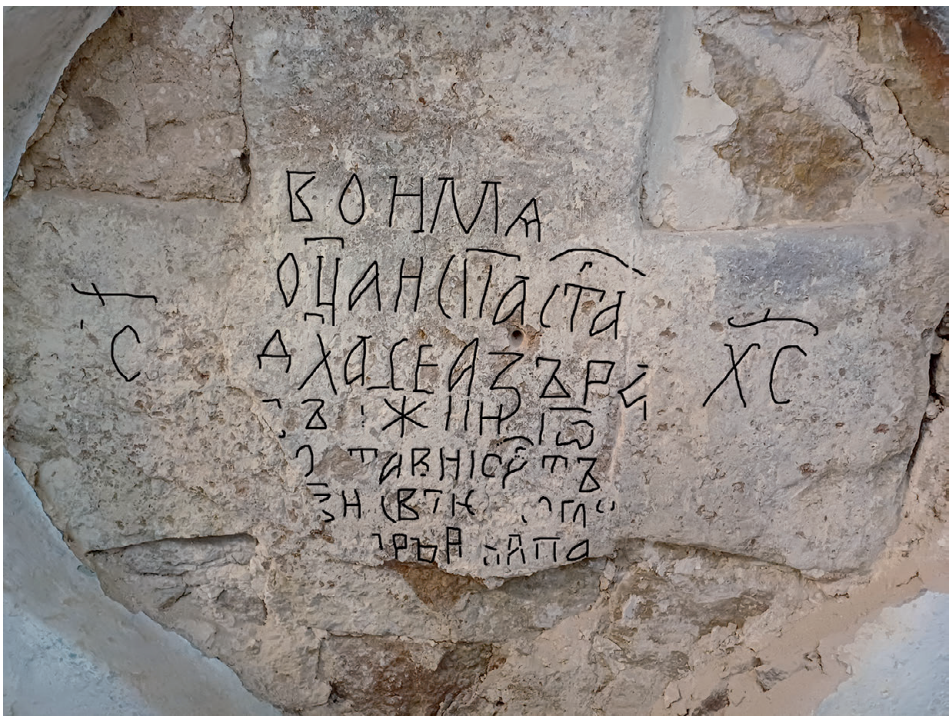

Рис. 4. Прорисовка остатков надписи на кресте, расположенном на южной стороне от входа

боковой лопасти видна прочерченная вертикальная черта, ограничивающая область средокрестия, продолжающая линию края вертикальной мачты. При этом текст в третьей строке и титло во второй строке нарушают эту границу, выходя в левую (правую для зрителя) лопасть.

К сожалению, хорошую сохранность имеют только стандартные части надписи этикетного характера. А части, содержащие конкретно-исторические реалии, оказались нанесены на сильно слоящиеся участки известняка. Низ надписи утрачен полностью из-за отслоения поверхности креста. Уверенно читается следующий фрагмент надписи:

во имѧ
оц҃а и сн҃а ста᷾
дх҃а се азъ ра≠
[б]ъ [б]жи҃и ıѡ᷾
[п]остави к᷾стъ
...ви св...є...огл
.....на па≠
[мѧть]

Детализированная версия расшифровки и перевода, включающая как варианты, так и мнения различных исследователей приводится ниже в таблице 1.

Таблица 1

Расшифровка надписи на кресте, расположенном на южной стороне от входа в Никольский собор в Старом Изборске

Знаки надписи, построчно по Лейденской системе	**Расшифровка**	**Особенности начертания**
ВОНМѦ	Во Имя	Буква «В» имеет треугольные петли, нижняя незначительно выше верхней. Буква «И» – в форме «Н» с засечками, горизонтальная перекладина параллельна строке, находится выше середины буквы. Буква «М» с изящными засечками-«плечами» напоминает графикой буквы на берестяных грамотах
ОЦ҃АНСNАСТА^{Г}	Оца (Отца) и Сна (Сына) Стаг (Святаго)	«Ц» – с хвостиком в виде вертикальной черты, платформа проходит по низу строки, «А» – с округлым кузовом, «И» – в форме «Н». Над «ОЦА» – титло в виде прямоугольной скобки. Над «СНА» – титло в виде длинной прямоугольной скобки. «Г» над «СТА» – выносная, над нею – титло в виде полукруга
ДХ҃АСЕАЗЪРА	Духа Се Азъ Ра≈	Над «ДХ» в «Духа» – титло в виде короткой прямоугольной скобки. «Д» – на высоких «ножках». «Х» – без засечек с широким низом. Все буквы «А» в строке – с округлым кузовом и с верхней засечкой, «З» – без наклона, с длинной петлей внизу, «Ъ» – с треугольной петлей и наклонной мачтой с засечкой слева и без выступа справа, «Р» – с квадратной петлей
[Б]Ъ[Б]ЖІІНѢѺ	...бъ Божий (вар.: Бжіій) Ио (Иов? Иона? Иоанн?) *С. М. Михеев предполагает имя Иоанн (Иоань) по характеру сокращения*	Буквы в строках нижней половины надписи на кресте мельче и написаны небрежнее, чем в верхних строках. От буквы «Б» в «Рабъ» сохранилась верхняя часть, от «Б» в «Божий» – полукруглый кузов внизу. Над «Ж» в «Божий» – титло в виде полукруга. «Ж» – в виде трех пересеченных прямых черт. В слове «Божий» – либо две буквы «І» и еще одна буква «И», либо две буквы «И», перекладина у первой из которых утрачена. У буквы «И», находящейся перед именем, может читаться отходящая ножка вверх, что можно трактовать, как лигатуру «ИК» или «НК». В этом случае имя может начинаться с данного сочетания и содержать в середине участок «ІѺ». Однако гораздо более вероятно, что это часть хвостика крупной буквы З из верхней строки. Над «ІѺ» титло в виде сильно уплощенной полукруглой скобки
...О...ТАВНКР[^{с}]ТЪ Вар.: ...О... ТАВНІСУТЬ	постави крестъ Вар.: поставии суть	Буква «П» разрушена, но воссоздается по смыслу. Буквы «С» в «постави» нет, но есть место под нее (повреждение участка поверхности соответствующей округлой формы). Буква «В» имеет округлые подтреугольные петли, верхняя крупнее нижней. На стыке слов «постави» и «крестъ/суть» находятся либо две «и» («ИІ»), либо одна «И», а вторая «І» – мнимая и является мачтой буквы «К» в слове «крестъ» (т. н. «ІС»-образная «К»). Прочтение «постави крестъ» более вероятно исходя из наличия аналогов формулы, а также написания последней буквы слова однозначно в виде «Ъ», а не «Ь». Между титлом и словом «кртъ» возможно прочесть выносную «С». Хвостик «У» или «Р» выходит за нижнюю строку. Буква повреждена

Знаки надписи, построчно по Лейденской системе	**Расшифровка**	**Особенности начертания**
В/?/ НСВ...Ю... С/?/ ОГЛ	ви св...ие... [с?]огл *С. М. Михеев предполагает варианты:* - (с)[н]вѝ свъюмоу («сынови своему») или: -[цк]вѝ свъю--ог- (*цьркви святыѣ*> ‘*цервки святой*’)	От «В» сохранились две равные петли, над буквой расположено титло. В начале строки сколот пласт известняка, на котором было место для, по крайней мере, 2–3 букв, трещина проходит по букве «В». Часть «огл» читается уверенно
Ръ/ѣ/ Р/В/ НА/Р/ ПА	...ръ(ѣ?) р(в?) напа *С. М. Михеев предполагает вариант:* (за)[х]арии на па*(буква «х» читается не уверенно; альтернативы: (ма)[к]арии, (на)[з]арии, (w)[з]арии, (по)[н]арии)*	«Почерк» меняется. Буквы – с квадратными петлями. Одно «А» – в виде заглавной «А» с угловатой верхней частью (возможно, это буква «Р» с квадратной петлей), второе «А» – с округлым кузовом. Безусловно и четко читается часть «на па...» (начало выражения «на память»)
	[мѧть ...]	

Таким образом, надпись состоит из развернутой инвокации: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», интитуляции: «се азъ, рабъ Божий...», наррации или диспозиции: «постави крестъ». Наличие остальных частей можно только предполагать. С учетом реконструкции (пусть и не однозначной) нижних двух строк и логического их домысливания в несохранившейся последней строке С. М. Михеевым добавляется продолжение «сынови своему [имя] на па[мять]» и предлагает следующий перевод: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Я, раб божий Иоанн, установил крест в память о своем сыне Захарии (?)». Мы согласны с этим переводом полностью, кроме версии расшифровки имени и степени родства. Расслоение известняка в нижней части не позволяет прочесть больше.

Действительно, реконструируемые имя и степень родства сугубо предположительны и могут восстанавливаться в многочисленных вариантах как имени (например, «Марии»), так и родственного статуса (вплоть до «свекрови»). Добавим к этому, что нами был предпринят поиск упоминаний Захарии Ивановича в летописях и в актовых источниках.

По псковским летописям нам, разумеется, известен псковский посадник Захария Костроминич, живший в конце XIV–XV в. (ПСРЛ, Т. IV. С. 194–195; ПСРЛ, Т. V. С. 17–18). Крестильное имя его отца – Костромы – либо неизвестно, либо, судя по единичному упоминанию в летописи, это Фома (если, конечно, это не ошибка писца, отразившего отчество Костроминич, как Фоминич) (ПСРЛ, Т. IV. С. 195; ПСРЛ, Т. V. С. 18; *Лабутина*, 2011. С. 220). Однако Заха-

рия известен строительной деятельностью в Пскове и, по данным источников, с Изборском не связан. Также нам известно и место его погребения – псковская церковь Рождества в Домантове стене (ПСРЛ, Т. V. С. 18; *Лабутина*, 2011. С. 220, 298). Новгородский же посадник XIV в. Захария, известный нам по летописи (Н1Л. С. 99, 344–345), носил отчество Михайлович (Н1Л. С. 344). Отождествление упомянутого в надписи на кресте лица с Захарией Ивановичем Кошкиным, деятелем XV в. и предком бояр Романовых, либо чернецом Макарием Иоанновичем (1349–1444 гг.), основателем Желтоводской и иных обителей, представляется пока недоказуемым. Более вероятно, что речь идет о местном жителе или деятеле, чем-то в свое время известным. В пользу более широкой распространенности в регионе имени Захария по сравнению с другими вариантами отчасти свидетельствует и упоминание Захарии Костина в двух псковских грамотах XV в. (*Марасинова*, 1966. № 37, 28).

Также надпись, как отмечает С. М. Михеев, с лингвистической точки зрения имеет ряд особенностей. Графическая система бытовая: *во* <въ>, *свъѥмоу* <своему>. Различаются *ѥ* и *е*. Присутствует ошибка в форме аориста: 2/3 л. ед. *поставиѣ* вместо 1 л. ед. *поставихъ*[4]. По мнению А. А. Гиппиуса, ошибка скорее всего неслучайна. В «протографе» надписи могло быть написано *поставихрстъ*, т. е. *поставих хрстъ,* с «совпавшими» двумя *х*. И в этой последовательности *хрст* оказалось заменено на *крст*[5].

По бокам от зоны пространной надписи на кресте помещены два традиционных инициала «ІС» «ХС» (Иисус Христос), выполненных высокими изящными буквами под титлами в виде изогнутой тильды, пересеченной косой чертой. Других компонентов традиционного набора надписи (сокращений «Царь Славы» и «Ника») на кресте нет – их не было или они разрушились. «Почерк» инициалов схож с «почерком» начала надписи. Предположим, что часть надписи, содержащая имя, была насечена по прошествии времени тем же или иным мастером. Впрочем, примеры смены почерка с более «официального» на более беглый внутри одной надписи известны в эпиграфике[6]. Такие примеры есть и на Псковской земле среди шести уже известных подписных крестов: на кресте 7000 г. «на Степане» из часовни Флора и Лавра на могильнике Скудельня в Старом Изборске (*Артемьев*, 1999. С. 145–146. Рис. 1.1), на кресте «Левона сотоварищи» из часовни Флора и Лавра в Мальском монастыре (*Артемьев*, 1999. С. 145–146. Рис. 1.3). Но, и кроме того, в нижней части надписи из Никольского собора особенно хорошо видно, как очертания букв искажались по прошествии времени под воздействием процессов выветривания.

---

[4] Также благодарю С. М. Михеева за лингвистический комментарий.

[5] Также благодарю за консультацию д. фил. н., проф. факультета филологии ВШЭ, главного науч. сотрудника Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, действительного члена РАН А. А. Гиппиуса.

[6] Надпись на рукояти ножа из Беларуси, граффито в Новгородской Софии, отчасти, судя по прориси – крест с надписями из д. Ястребино на Ижорском плато и крест из Алексеевского придела Борисоглебского собора (*Гиппиус, Михеев*, 2013. С. 161–162; *Михеев*, 2015. С. 319; *Панченко, Рождественская*, 2024. С. 1270; *Гаврилов*, 1985. С. 217).

Графика букв в ее сравнении с материалом берестяных грамот позволяет сделать предположение о том, что почерк автора надписи сформировался не ранее первой трети XIV в.[7]

Обсуждение с коллегами-палеографами и эпиграфистами позволило выработать ряд тезисов о датировке на основе следующих наблюдений. Оговоримся, что графика букв берестяных грамот и надписей на каменных поверхностях отличается, но может быть сопоставлена хронологически. Начертание «Р» (петля с двумя изломами) не встречается в графике берестяных грамот до конца XIII в., причем квадратная петля больше характерна для периода с первой трети XIV в. (здесь и далее – *Зализняк*, 2000. С. 183). Форма «В» (перелом при мачте – тип IIа по: *Зализняк*, 2000. С. 156–157) бывает в берестяных грамотах только до условной даты [1300], предпочтительно до [1240], т. е. оно архаично для эпохи строительства Никольского собора.

Начертание «ОУ» Iа (обычное «О» («О» и «У» не сближены) встречается чаще до [1160] и на отрезке [1300–1400], вариант буквы «Ю» можно охарактеризовать как I «основной вид», чаще до [1410] (*Зализняк,* 2000. С. 190–191, 214–215).

Вертикальная «З» с переломом в таком начертании, как нам кажется, типична для второй половины XIV–XV в. (*Зализняк,* 2000. С. 169), по мнению Д. С. Крылова, это вариант «З» IIа «вертикальные (перелом)», который предпочтительно датируется до [1320].

Форма «Х» в надписи варьируется: «Х» 2 (только правая верхняя засечка) по А. А. Зализняку может быть датирована предпочтительно до [1240] или после [1360], «Х» 7 («маленький верх»» – предпочтительно после [1340], «Х» без засечек с широким низом не противоречит этим датам (*Зализняк,* 2000. С. 194–195).

IC-образная буква «К» в графике букв берестяных грамот встречается как в XII в. и середине XIII в., так и со второй половины XIV–XV в., ее начертание непоказательно для датировки.

Также на XIV–XV вв. указывает устойчивое начертание букв «И» и «Н» с высокой перекладиной, которое датируется после [1300] (*Зализняк,* 2000. С. 171, 179). Этой датировке не противоречит графика букв «М», «Д», «О», «С». Своеобразное начертание широкой «ѠѺ» с низкой серединой характерно для XIV в. и не выходит в XV в., так же, как и графика «Ѧ» с V-образным «язычком» и вертикальным отростком из него. По мнению Д. С. Крылова, буква «ѠѺ» относится к варианту IIIв2 «узкий верх (чистые)» по А. А. Зализняку – после

[7] Дискуссия о датировке креста по палеографическим признакам продолжается. Благодарю за высказанные мнения неравнодушных коллег: д. фил. н., проф. факультета филологии ВШЭ, главного науч. сотрудника Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, действительного члена РАН А. А. Гиппиуса, науч. сотрудника Гейдельбергского университета, к. и. н. С. М. Михеева, а также за основательный труд по внестратиграфическому датированию младшего науч. сотрудника и аспиранта Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН Д. С. Крылова (в т. ч. за принадлежащее Д. С. Крылову мнение о предпочтительной дате 1320–1330 гг.).

[1200], а буква «Ѧ» – к IIIа «v-образный язычок (острые)» – после [1280], предпочтительно после [1340].

Нам кажется, что в надписи на кресте представлено начертание «Ж» «тремя взмахами», которое в графике берестяных грамот характерно для периода до XIII в. (*Зализняк,* 2000. С. 164–165) и является архаичным для этого времени, но может быть объяснено индивидуальным «почерком» резчика креста. По мнению С. М. Михеева, в надписи представлено «Ж» варианта III «звездоподобные в 4 взмаха» – до [1320], датируемое предпочтительно до [1220].

По мнению С. М. Михеева и Д. С. Крылова, таким образом, почерк сочетает архаичные начертания «В» и «Ж» с новыми начертаниями «И» и «Н». Берестяная грамота с такими особенностями была бы датирована условным отрезком [1280–1340], то есть концом XIII – серединой XIV в. Предпочтительная дата 1320–1330 гг. обусловлена сочетанием типичных форм с сохранением ряда архаичных начертаний в почерке резчика ради декоративного характера надписи. Не исключена более поздняя датировка, поскольку верхняя граница определяется лишь по архаичным начертаниям «В» и «Ж».

Нам же кажется, что надпись, более вероятно, была сделана в середине – второй половине XIV в. В любом случае, совокупные наблюдения указывают на дату не более позднюю, чем XIV в.

На дату, более раннюю по сравнению со временем возведения пристроек к собору, косвенно указывает и размещение надписи в центральной части, по оси вертикальной перекладины. Таким образом, создание креста может быть синхронно как этапу начала жизни поселения в крепости на Жеравьей горе, так и эпохе строительства Никольского собора.

Выводы. Крест, судя по содержанию надписи, представляется скорее памятным, чем намогильным. Он поставлен человеком, имя которого вероятнее всего может быть прочитано, как Иоанн («се аз, раб божий Ио...»), видимо, в память о другом человеке («о Гл...»? «...рии на па[мять]»?) или о событии, или же, что также традиционно, в поминовение себе.

Точных аналогов надписи с такой формулировкой нам не известно. Формула «се аз» содержится в надписях на Стерженском кресте XII в. (*Панченко*, 2025. С. 18) и на фрагменте Нередицкого креста XIV в., при этом на последнем надпись выполнена в другой технике, причем начальная часть до слов «се аз рабъ» сделана в высоком рельефе, а часть, начиная с имени – тонкими врезными буквами (*Шляпкин*, 1906. С. 63. Табл. VI)[8].

Близки по смыслу надписи:

– «*Бгоуславоу и Лазареви братьѧ и мти Мирослава поставили хрст Славоне дѣлале*» (крест из Воймериц, расшифровка: С. М. Михеев (*Михеев*, 2012. С. 17, 19));

– «*(Въ лето 67.. ое) мсца июня въ 30 (днь на) памят стго ио воин(и) ка поставленъ крстъ (сей) Стославмь Всево(ло)дичемь ами(нь)*» («крест»

[8] Также благодарю В. Б. Панченко за предоставление современных данных о нередицком фрагменте.

Святослава Всеволодовича в Юрьеве Польском, расшифровка: В. В. Кавельмахер (*Кавельмахер*, 1997. С. 191; *Яшкина (Панченко)*, 1998. С. 81));

– «*крс҃тъ по[с]... Комлѧта [п]... по мат[ѣр](и)*» (рославльский крест XII – середины XIII вв., расшифровка: С. М. Михеев (*Михеев*, 2012. С. 21; *Коваль, Медведь*, 2000. С. 194–206)); «*† Ги҃· спс҃и · и помилѹи · раба · своего · Съмеwна · грешьнаго · чьрньца · Оркажа · манастъырѧ · аминь [а] поставленъ ---- [к](р)[с҃]тъ си в лт҃о ·ѧs· [ѱ](·)[мв҃(·) мс҃ц҃ѧ · авгѹста (в)ъ (·)еи҃· на памт (-) ст҃ъıѧ · Бц҃ѧ · ѽс꙼ пение · Влч҃ѧ*» (большой каменный крест в стене под бывшей Владимирской церковью (крест чернеца Семеона 1234 г.), уточненная расшифровка: В. А. Волхонский, С. М. Михеев (*Волхонский, Михеев,* 2023. С. 268));

– «*В лѣто 6970-е поставленъ бысть крестъ на Бл(а)говѣщеніе и С(вя)тыіа Б(огород)ица м(ъся)ца марта ни*» (Борисоглебский крест, расшифровка: М. Н. Тихомиров (*Гаврилов*, 1985. С. 217));

– «*Ле[та] 7000 (1492) м[и]ро[м] поставлен кр[ес]т на рабе б[о]жии на Степане*» (крест из часовни Флора и Лавра в Старом Изборске (*Артемьев*, 1999. С. 145)).

С последним крестом, принадлежащим той же локальной изборской производственной традиции, надпись из Никольского собора роднит характер выбранных типичных сокращений («КРТ», «БЖИИ»).

К аналогам по смыслу надписи можно отнести также:

– постамент креста на городище Савкина Горка близ летописного Воронача («*Ле[та] 7021 (1513) постави крестъ Сава попъ*» (*Артемьев*, 1999. С. 146–147. Рис. 1.4));

– крест возле кургана на берегу р. Великой у д. Луговицы Палкинского района, обследован Б. А. Коишевским в 1929 г. и Б. Н. Харлашовым в 1990-е гг. («*Постав[и]лъ себи крестъ для <...> поклонения <...>*» (*Артемьев*, 1999. С. 148));

– крест в стене церкви Филиппа Апостола на Нутной улице в Великом Новгороде («*Ле[та] 7067 м[еся]ца ноября 26 д[ня] написан ЦРЬ СЛА св[яты]й кр[ес]тъ сиі повелением раба б[ож]ия офромея оустинова с[ы]на сапожніка напо...*» (*Потравнов, Хмельник*, 2018а. С. 297));

– крест в Бешанковицком районе Беларуси на дороге из д. Сакорава в д. Суша (*«(дата: 1569 г.) Тут положена 200 жовнеров во Христу поставил после битвы по»*, расшифровка: Г. В. Штыхов (*Чараўко*, 2010. С. 16));

– крест из Муезерского монастыря в Карелии («*Поставилъ сий крест перъвоначальной старецъ инокъ Генадий лета 7081 (1573) месяца августа в 11 день*» (*Шахнович*, 2020. С. 14));

– крест на кладбище д. Монастырьки Кингисеппского района Ленинградской области («*Си крест [пост]ави Вас[и]л/ие Рос[то]вцовъ*», расшифровка: В. Б. Панченко, Т. В. Рождественская (*Панченко, Рождественская*, 2024. С. 1270));

все иные подписные кресты, например,

– крест из часовни в г. Старице («*ИСХСНИ... кр[е]стъ поставил рабъ б[ожи]й Иванъ*»на, расшифровки: А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник, (*Потравнов, Хмельник*, 2018а. С. 297));

– крест у церкви в с. Спицыно, перемещенный с жальника в д. Дедино (*«поставлен з мок...»* (?) расшифровка: А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник, (*Потравнов, Хмельник*, 2016. С. 192));

а также, отчасти, и Стерженский крест с надписью: *«В лето 6641 месяца июля 14 день почах рыти реку сю аз Иванко Павловиць и крест сь поставих»* (расшифровка, перевод: А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус (*Гиппиус*, 2023. С. 77) и деревянный Людогощенский крест 1359 г. (*Рыбаков*, 1964. С. 43–44).

Роднит все эти разные по функциям, датированные и недатированные надписи утверждение о том, что некто «поставил крест».

Очевидно, что поводы для установки известных подписных крестов весьма разнообразны. Например, В. Б. Панченко предполагает, что Стерженский крест «прежде всего мог быть обетным памятником, поставленным для благополучного завершения начатых работ», а затем воспринимался, как памятный (*Яшкина (Панченко)*, 1998. С. 79; *Панченко*, 2025. С. 16). А. А. Гиппиус также полагает, что в ознаменование строительства был поставлен и «Чудный крест», стоявший у входа на Великий мост через Волхов в Великом Новгороде (*Гиппиус*, 2023. С. 82–83). На крестах же из Никольского собора указания на значимое событие нет, что оставляет его в ряду обычных памятных крестов.

В любом случае, надпись на южном от входа кресте из Никольского собора требует дополнительного обследования, уточнения расшифровки и датировки. В целом, новооткрытые кресты пополняют коллекцию классических изборских крестов хорошей сохранности, а также подписных крестов Древней Руси.

Литература

Алексеев А. В., 2015. Средневековый каменный крест из Звенигорода // Археология Подмосковья. Мат-лы науч. семинара. М.: ИА РАН. Вып. 11. С. 449–454.

Артемьев А. Р., 1999. Подписные каменные кресты Псковской земли XV–XVII вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари. С. 144–148.

Вагнер Г. К., 1980. От символа к реальности. М.: Искусство. 267 с.

Волхонский В. А., Михеев С. М., 2023. Каменный крест аркажского монаха Семеона 1234 г. // От сорочка к Олекше: Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М.: Дело. С. 264–288.

Воронин Н. Н., 1940. Новые памятники русской эпиграфики XII в. // СА. М.; Л.: Издательство АН СССР. № 6. С. 309–315.

Гаврилов С. А., 1985. Борисоглебский крест 1467 г. // СА. № 2. С. 213–222.

Гиппиус А. А., 2023. Зачем Иванко Павлович «рыл реку» в 1133 г.? // Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 18. № 3–4. М.: Институт славяноведения РАН. С. 75–86.

Гиппиус А. А., Михеев С. М., 2013. О подготовке Свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации. М.: Древлехранилище. С. 152–179.

Зализняк А. А., 2000. Палеография берестяных грамот и их внестатиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996). Том X. М.: Русские словари. С. 134–430.

Кавельмахер В. В., 1997. Краеугольный камень из лапидария Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (К вопросу о т. н. «Святославовом кресте») // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 185–198.

Коваль В. Ю., Медведь А. Н., 2000. Новый памятник средневековой письменности Рязанской земли // РА. № 1. С. 194–206.

Лабутина И. К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука. 342 с.

Марасинова Л. М., 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Издательство МГУ. 212 с.

Михеев С. М., 2012. Надпись на каменном кресте из Воймериц на реке Мсте – памятник начальной истории древнерусской письменности // Вопросы эпиграфики. Вып. VI. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 7–30.

Михеев С. М., 2015. О двух древнерусских надписях из Белоруссии и Польши // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. № 1. М.: Белый ветер. С. 311–322.

Н1Л – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

Панченко В. Б., 2017. К вопросу о классификации каменных крестов по формальным признакам: восьмой тип по И. А. Шляпкину и проблема исследования крестов «в круге» // В камне и в бронзе: Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН. С. 407–413.

Панченко В. Б., 2025. Уникальные памятники древнерусской культуры – каменные кресты Новгородской земли // София. № 1. Издание Новгородской епархии. СПб.: Турусел. С. 14–24.

Панченко В. Б., 2014. Каменные кресты из коллекции академика Н. П. Лихачёва // Труды ГЭ. Т. LXXI. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. СПб.: Издательство ГЭ. С. 201–219.

Панченко В. Б., Рождественская Т. В., 2024. Три подписных креста Ижорского плато // Индоевропейское языкознание и классическая филология. № 28–2. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН. С. 1260–1275.

ПСРЛ. Т. IV – Новгородские и Псковские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 364 с.

ПСРЛ. Т. V – Псковские и Софийские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. 275 с.

Потравнов А. Л. Хмельник Т. Ю., 2016. Каменные кресты с расширяющимися лопастями // АИППЗ. Вып. 31 (61). М.; Псков; СПб.: ИА РАН. С. 190–200.

Потравнов А. Л. Хмельник Т. Ю., 2018а. Каменные кресты «прочих» (редких и единичных) форм // АИППЗ. Вып. 33 (63). М.; Псков: ИА РАН. С. 295–299.

Потравнов А. Л. Хмельник Т. Ю., 2018б. О географии распространения монументальных каменных крестов на северо-западе России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (73). М.: РФК-Имидж Лаб. С. 64–76.

Рожнятовский В. М., 2014. Принципы разметки каменных крестов // АИППЗ. Вып. 29 (59). М.; Псков; СПб.: Нестор-История. С. 205–217.

Рыбаков Б. А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. (САИ. Вып. Е1–44.). М.: Наука. 48 с.

Седов В. В., 1976. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. Сборник статей памяти Н. Н. Воронина. М.: Наука. С. 102–107.

Соленикова Е. В., 1996. Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. СПб.: Издательство СПбГУ. 24 с.

Царевская Т. Ю., 2022. Алексеевский крест как художественный феномен, обстоятельства его создания и место в жизни Новгорода // Вестник сектора древнерусского искусства. № 2 (8). М.: Государственный институт искусствознания. С. 79–103.

Чернецова С. Б., Андреева А. Ю., 2018. Белокаменный резной крест из д. Орлец – неизвестный памятник средневекового камнесечного искусства Верхней Волги // Вестник Костромского государственного университета. Т. 24. № 3. Кострома: ФГБОУ ВО КГУ. С. 14–19.

Шахнович М. М., 2020. Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье: археологический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 42. № 4. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ. С. 8–18.

Шляпкин И. А., 1906. Древние русские кресты. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 38 с. 24 л. ил.

Яшкина (Панченко) В. Б., 1998. К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // Староладожский сборник. Материалы I–V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994–1998. СПб.; Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный музей-заповедник. С. 75–89.

Чараўко В. У., 2010. Матэрыялы да карты пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стагоддзяў // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Новополоцк: Полоцкий государственный университет. № 7. С. 14–20.

* * *

Колпакова Юлия Вячеславовна, *к. и. н., Псков, Псковский государственный университет, e-mail: pskov-sova@mail.ru*

А. Б. Романовский, Д. В. Пежемский

Западный склеп у храма Косьмы и Дамиана с Гремячей горы в Пскове: данные истории и палеоантропологии

Резюме. Весной 2021 г. при проведении архитектурно-археологических работ у церкви Косьмы и Дамиана с Гремячей горы был обнаружен и исследован объект, получивший название «Западный склеп». В альбоме И. Ф. Годовикова сохранилось изображение надгробной плиты из стены притвора Космодемьянской церкви с упоминанием о захоронении в этом месте двух представителей рода посадских людей Гремяцких. На основе материалов письменных источников, данных археологии и результатов комплексного палеоантропологического исследования авторы статьи предлагают соотнести погребения в склепе с конкретными представителями рода Гремяцких.

Ключевые слова: погребальная археология, палеоантропология, историческая антропология, Гремяцкий мужской монастырь, церковь Косьмы и Дамиана, склеп, род посадских людей Гремяцких, Псков.

A. B. Romanovsky, D. V. Pezhemsky. The Western Crypt at the Church of Cosmas and Damian from Gremyachaya Hill in Pskov: Historical and Paleoanthropological Data

Abstract. In the spring of 2021, during architectural and archaeological excavations at the Church of Cosmas and Damian of Gremyachaya Hill, a structure, later named the "Western Crypt", was discovered and examined. The album of F. Godovikov contains the image of a tombstone from the narthex wall of the Church of Cosmas and Damian, mentioning the burial of two members of the Gremyatsky clan, a family of tradesmen, at this location. Based on written sources, archaeological data, and the results of a comprehensive paleoanthropological study, the authors of this article propose attributing the burials in the crypt to specific members of the Gremyatsky clan.

Keywords: funerary archeology, paleoanthropology, historical anthropology, Gremyatsky Monastery, Church of Cosmas and Damian, Crypt, Gremyatsky clan of tradesmen, Pskov.

Церковь Косьмы и Дамиана с Гремячей горы находится на возвышенном правом берегу р. Псковы в р-не Кузмодемьянской (Гремячей) башни в Пскове. Первый каменный храм на Гремячей горе упоминается в летописях на конец XIV в. В 1540 г. была поставлена новая каменная церковь, кото-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.180-193

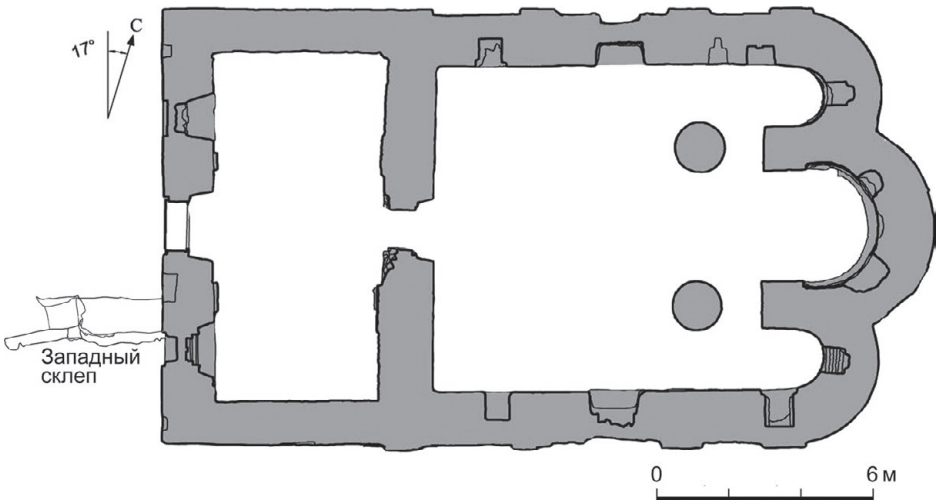

Рис. 1. Схема расположения Западного склепа у храма Косьмы и Дамиана с Гремячей горы

рая пострадала в пожаре 1541 г. Однако, вскоре церковь была отстроена заново. С момента основания и до 1764 г. церковь принадлежала мужскому монастырю. Этот период истории храма по историческим источникам подробно освящен в двухтомной работе Б. А. и А. Б. Постниковых (*Постников, Постников*, 2023. Т. 1. С. 538–550). Приходской период в истории храма начинается после упразднения монастыря в 1764 г. и длится с перерывами по настоящее время.

Весной 2021 г. в рамках разработки проектной документации на ремонтно-реставрационные работы на памятнике архитектуры были выполнены архитектурно-археологические исследования вокруг храма и частично внутри четверика. Во время этих работ был обнаружен и исследован объект, получивший название «Западный склеп» (рис. 1). Он располагался с внешней стороны, у западной стены притвора храма, справа от входа в притвор. Склеп был поставлен на слой образовавшегося ранее прицерковного кладбища. Его можно назвать отдельной небольшой постройкой с цилиндрическим сводом, сложенной из известняка (рис. 2, *3*). Внутренние размеры склепа по длинной оси запад-восток составили чуть более 2-х м, ширина склепа по оси север-юг почти 1,6 м. Высота внутри склепа в самой высокой точке 1,5 м (рис. 4). Пол внутри склепа представлял собой выровненную поверхность материка, пролитую сверху слоем известнякового раствора (рис. 5). Признаков вторжений в пространство склепа с целью разграбления после окончания его функционирования не зафиксировано, поэтому комплекс рассматривается как относительно закрытый. Однако, выявленная здесь последовательность разновременных захоронений предполагает периодическое проникновение в склеп в период его функционирования. Маркером внешних воздействий выступают несколько фрагментов костей крупного рогатого скота, которые попали в уровень погребений 3 и 4, судя по всему, из окружающего храм культурного слоя (археозоологические определения – О. С. Лебедевой, кафедра археологии МГУ им. М. В. Ломоносова).

Рис. 2. Западный склеп у храма Косьмы и Дамиана с Гремячей горы. Общий вид. Вид с юго-запада

Рис. 3. Западный склеп у храма Косьмы и Дамиана с Гремячей горы. Общий вид. Вид с юга

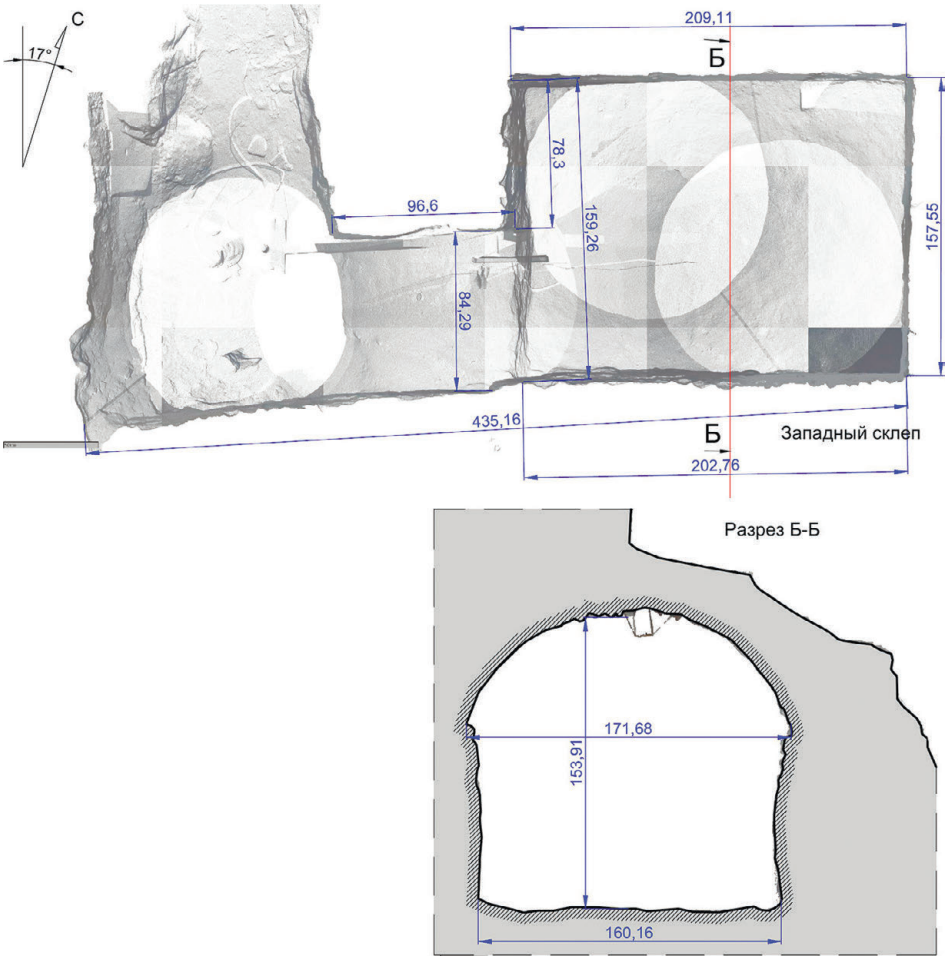

Рис. 4. Западный склеп. Результат 3D сканирования и обмеров. Чертеж (Автор – М. А. Васильев).

После устройства деревянных подпорок под сводом склепа, предохраняющих его от обрушения, были начаты работы по исследованию внутреннего пространства. Внутри склепа были последовательно раскрыты 8 погребений (номера присваивались исходя из количества черепов). Однако по результатам проведенного палеоантропологического исследования можно говорить, что число лиц, погребенных в данном склепе, составило 10 индивидов. Все погребения были расположены параллельно его каменным стенам, по направлению запад-восток, с небольшим отклонением к югу. Захоронения совершены в сером мешанном слое, с включением известнякового щебня, известкового раствора, глины, песка. Погребения залегали в условно выделенных 3-х ярусах (рис. 6). При расчистке погребений встречались фрагменты дерева или древесный тлен, кованые гвозди, что говорит о совершении части погребений в гробах.

Рис. 5. Западный склеп. Общий вид внутреннего пространства на уровне завершения работ. Вид с запада

Из данных литературы известно, что в стене притвора долгое время располагалась каменная надгробная плита (*Постников,* 2007. С. 49–50). Текст на ней указывал на совершение в этом месте двух захоронений в 1674 и 1697 гг. Надпись на керамиде была поделена на две части. На левой половине надписи сообщалось о кончине Семена Гавриловича Гремяцкого (основателя известного рода псковских посадских людей Гремяцких), на правой – о погребении его снохи Анны Фадеевны (*Постников*, 2007. С. 49–50). Факт наличия каменной плиты и ее изображение дошло в акварельной копии, выполненной инженером-полковником И. Ф. Годовиковым. В настоящее время акварельный рисунок хранится в собрании Псковского музея-заповедника (ПМЗ КП 28006/25). На основе этих данных можно было предполагать, что открытый нами склеп является родовым. На момент проведения полевого этапа работ была издана статья Б. А. Постникова «Род псковичей посадских людей Гремяцких», в которой прослежена история рода и конкретных его представителей с фамильным прозвищем «Гремяцкие» с 1646 по 1758 гг. (*Постников,* 2020. С. 163–176, рис. 7). На основе материалов этой статьи и результатов комплексного палеоантропологического исследования появилась гипотетическая возможность соотнести погребения в склепе с конкретными представителями рода Гремяцких.

После завершения полевого этапа работ перед авторами встало несколько вопросов. Возможно ли после выполнения всех процедур палеоантропологической экспертизы идентифицировать каждое из погребений в составе склепа? Все ли погребенные в склепе связаны с родом Гремяцких? Правильно ли счи-

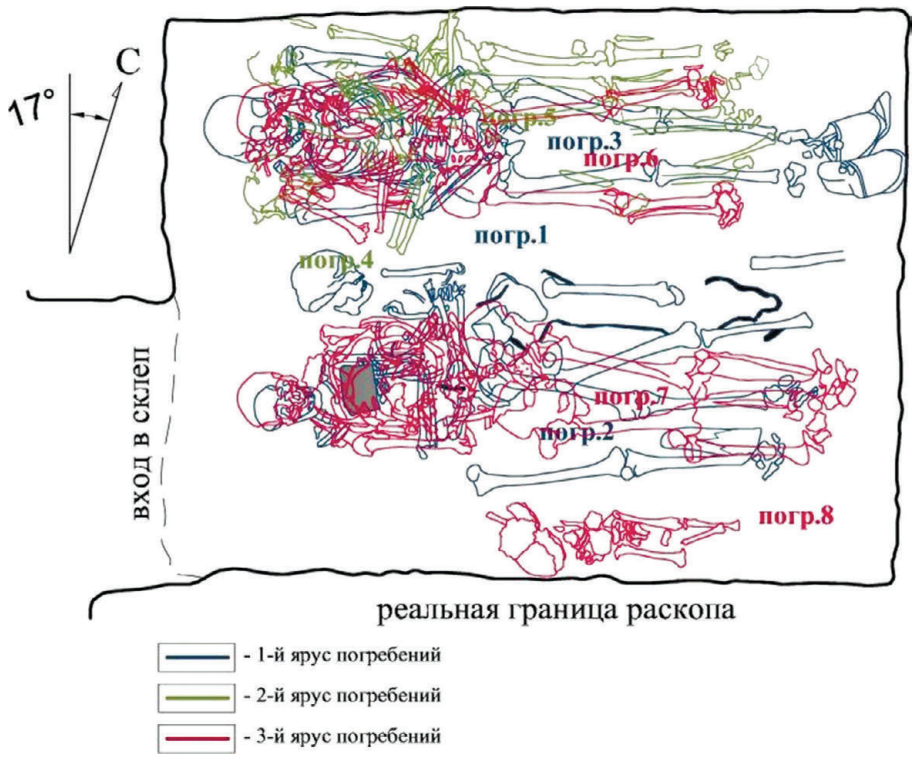

Рис. 6. Западный склеп. Сводный план погребений 1-3 ярусов. Чертеж (Автор – А. В. Фисенко)

тать Западный склеп родовым/семейным? К какому времени относится создание склепа? Как долго он функционировал?

Для ответа на эти вопросы необходимо было в первую очередь провести половозрастные определения для всех индивидов, а установленный биологический возраст каждого попытаться соотнести с календарным возрастом членов рода, известным из письменных источников, а также, опираясь на стратиграфию комплекса, сопоставить эти результаты с последовательностью погребений в склепе, в том числе и внутри одного яруса.

В работе использованы классические методы определения морфологического пола и биологического возраста индивида, принятые в отечественной палеоантропологии. Пол определялся на основе строения костей таза и морфологических признаков черепа, где ведущими являются специальные формы конкретных элементов описания. Кроме того, использовались данные о массивности/грацильности скелетной системы и, в последнюю очередь, о ее размерных характеристиках. Биологический возраст, определяемый по скелету, – это степень его сформированности или изношенности, критериями которой являются стертость зубной системы (по П. Брока́, с переводом баллов по таблице Герасимова–Никитина), открытость или уплотненность/изглаженность швов

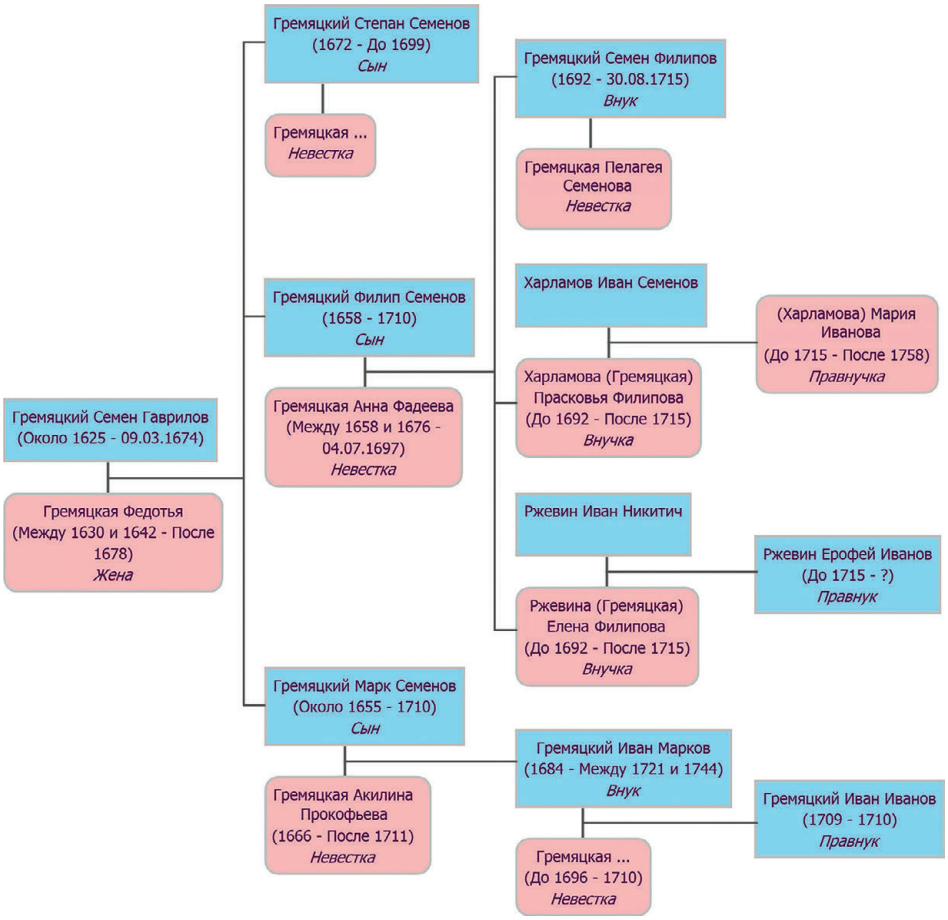

Рис. 7. Семейное древо рода псковичей посадских людей Гремяцких (на основе материалов Б. А. Постникова)

черепа и инволютивные изменения суставных и диафизарных поверхностей различных классов костей, а также краев основных суставов.

На основе опубликованных Б. А. Постниковым материалов по истории рода Гремяцких было создано их семейное древо. Оно включает основателя рода: Семена Гавриловича Гремяцкого и его супругу Федотью, трех сыновей Семена (Марка, Филиппа, Степана) с женами (Акилиной, Анной и безымянной женой Степана), внуков (Ивана Марковича с безымянной женой; детей Филиппа – Прасковью Харламову, Елену Ржевитину и Семена Гремяцкого с женой Пелагеей), а также трех правнуков (Ивана Ивановича Гремяцкого, Марию Харламову и Ерофея Ржевитина). Кроме того, в синодиках в роду Марка упоминаются Наталья и Параскева, а в роду Филиппа – Евдокия (*Постников*, 2020. С. 163–176), но с кем и в каких родственных отношениях они находятся, установить пока невозможно (рис. 7).

Точные даты рождения и смерти известны, преимущественно, для представителей мужской части рода. Связано это с особенностями учета населения, материалами переписей, учитывающими податное население мужского пола. Самой сложной является задача установления дат рождения и смерти для женской части рода. Чуть проще предположить дату рождения. Зачастую мы знаем хотя бы год рождения первого зафиксированного ребенка, особенно, если он мальчик. В таких случаях мы предлагаем некоторый возможный диапазон дат рождения этой женщины, при котором она могла успеть физиологически сформироваться для деторождения ко времени появления/фиксации первого ребенка. На основе биолого-антропологических, историко-демографических и общеисторических данных по позднему средневековью мы считаем возраст в 15–16 лет минимальным, наиболее ранним из возможных возрастов для первых родов.

Сложнее обстоят дела с датой смерти для женской части рода. В том случае, если женщина переживала своего мужа и становилась вдовой, факт продолжения ее жизни мог быть указан в материалах переписных книг и ревизий населения. Однако, срок между переписями зачастую был достаточно большой – 1678, 1709, 1711, 1721–1723 гг. (*Постников*, 2015. Вып. 2. С. 93–115). Кроме того, внучки основателя рода и их дети (правнуки/правнучки) упоминаются в завещании своего младшего брата (*Постников*, 2020. С. 168–170) и это, скорее, говорит не более чем о факте их существования.

Для семи представителей рода точно известны даты смерти. Из них двое – это упомянутые на керамиде основатель рода Семен Гаврилович и Анна Фадеевна. Для оставшихся четырех мы знаем год и причину смерти – мор 1710 г. Из них годовалый мальчик, молодая женщина – его мать и двое мужчин 52-х и 55-ти лет – Марк и Филипп, дети основателя рода. Для одного человека (внука основателя Семена Филипповича 23-х лет) известна дата смерти и последняя воля быть погребенным «у церкви» Косьмы и Дамиана в Гремячем монастыре (*Постников*, 2020. С. 168).

Младший сын основателя рода Степан Семенович, по сведениям Б. А. Постникова, не упоминается в Сметной книге Пскова 1699 г., на основании чего сделано предположение, что к этому времени он уже умер. С нашей точки зрения, существует немало причин, кроме факта смерти, по которым Степан Семенович мог не попасть в Сметную книгу, в связи с чем и не стоит рассматривать его как однозначно умершего до 1699 г.

На основании письменных источников, изученных Б. А. Постниковым, с учетом календарного возраста членов рода Гремяцких, мы выстроили следующую очередность смертей известных членов семьи:

Гремяцкий Семен Гаврилович (†1674 г.; 49 лет);

Гремяцкая Анна Фадеевна, жена Филиппа Семеновича (†1697 г.; не более 39 лет);

Гремяцкий Марк Семенович (†1710 г., 55 лет);

Гремяцкий Филипп Семенович (†1710 г., 52 года);

Неизвестная по имени жена Ивана Марковича (†1710 г., скорее всего, она умерла в возрасте до 20 лет);

Гремяцкий Иван Иванович (†1710 г., 1 год);

Гремяцкий Семен Филиппович (†1715 г., 23 года).

Следует особо оговорить то, что нам неизвестна последовательность смертей четверых Гремяцких, скончавшихся в моровое поветрие 1710 г.

Для следующих представителей рода точные даты смерти неизвестны:

Гремяцкий Степан Семенович (если умер до †1699 г., то 27 лет или менее);

Гремяцкая Федотья (после †1710 или после †1715 гг., более 70 лет);

Гремяцкая Акилина Прокофьевна (после †1711 г., старше 45-ти лет);

Гремяцкий Иван Маркович (после †1721, до †1744 г., в диапазоне 37–60 лет).

Для остальных представителей рода (внучки и правнучки) даты еще более неопределимы.

Охарактеризуем погребения внутри выделенных нами ярусов – с учетом половозрастных определений, выполненных в рамках палеоантропологического исследования. На полевом этапе работ при расчистке склепа были выделены 3 яруса погребений со сквозной нумерацией 1–8 сверху вниз. При этом дальше мы будем рассматривать ярусы в обратном порядке: снизу–вверх, от более ранних к более поздним (рис. 6).

Самый ранний ярус покоился на «полу» склепа и включал 3 погребения с полевой нумерацией 6, 7 и 8. Погребение 6 залегало в северной (левой) части склепа, на небольшом удалении от северной стенки, при этом не перекрывая центральную часть склепа и позволяя положить рядом кого-то еще. Исходя из расположения внутри склепа, очевидно, что оно было выполнено первым. Отсчет глубин осуществлялся от единого репера – верхнего юго-восточного угла бетонной заливки основания электрического столба, расположенного в 10 м к востоку от центральной апсиды храма. Значение репера в балтийской системе высот составляет +46,96.

Под головой погребенного на глубине -462 см зафиксирована тесьма из металлизированной нити (ПМЗ КП 37574/52, П-20-ДГ, № оп. 52). В верхней части груди на глубине -456 см обнаружен нательный крестик из цветного металла со вставками из эмали (ПМЗ КП 37574/51, П-20-ДГ, № оп. 51) типа 1.1 Б по Ю. В. Колпаковой (*Колпакова, Костючук*, 2017. С. 36–56).

Погребение 6 определено как женское, с биологическим возрастом смерти 25–35 лет. В ходе палеоантропологической экспертизы среди костей данной женщины найдены кости младенца, умершего в возрасте до 6-ти месяцев. Они обозначены нами как погребение 6а уже в процессе камеральной обработки материалов. Взрослый костяк индивида 6 можно достаточно уверенно отождествлять с упоминаемой на керамиде Анной Фадеевной, умершей в 1697 г. Ее максимальный календарный возраст определяется не старше 39 лет в случае, если она была ровесницей мужа. Ее календарный возраст, возможно, был меньшим. Можно было бы осторожно предположить, что Анна и ее младенец умерли вскоре после родов.

В центральной части склепа, справа от погребения 6 располагалось погребение 7. В нижней части грудного отдела обнаружен нательный крест из цветного металла (ПМЗ КП 37574/53, П-20-ДГ, № оп. 53) типа 6.3 по Ю. В. Колпаковой (*Колпакова, Костючук*, 2017. С. 36–56). Погребение определено как

мужское. Данный индивид скончался в возрасте старше 55 лет. Из взрослых мужчин рода Гремяцких под эту возрастную характеристику могут подходить двое: старший сын основателя рода Марк Семенович (календарный возраст 55 лет) или муж Анны Фадеевны Филипп Семенович, второй сын основателя рода, который и установил на западной стене паперти керамиду в память о своем родителе и жене. Последнему на момент смерти было полных 52 года, однако, следует помнить, что это возраст в календарном выражении, биологический же возраст вполне мог быть несколько большим.

Третьим погребением в нижнем ярусе было погребение 8. Тело было положено в правой части склепа, ближе к южной стенке. Слева под головой погребенного зафиксированы два фрагмента металлизированных нитей (глубина -452 см). Уже на полевом этапе работ костяк был определен как детский. В ходе палеоантропологического анализа возраст его был уточнен – 3–4 года. К сожалению, пол в таком возрасте по морфологическим признакам неопределим. В генеалогическом древе Гремяцких мы не находим члена семьи подходящего возраста. Так как мы не знаем точную очередность между погребениями 7 и 8, сложно говорить и о времени его появления. Оно могло быть вторым, то есть после 1697 г., или относящимся к событиям мора 1710 г., или даже более поздним, если южная часть склепа в целом заполнялась позднее. Погребение 8 мы не можем точно идентифицировать ни с одним из известных членов рода. В силу того, что для данного комплекса захоронений в дальнейшем предполагается провести молекулярно-генетическую экспертизу, к вопросу о поле ребенка и его связях со взрослыми индивидами, надеемся, можно будет вернуться.

Над погребениями нижнего яруса залегали погребения 4 и 5, выделенные нами в состав 2-го яруса. Исходя из расположения внутри склепа очевидно, что погребение 5 было совершено первым внутри яруса. Погребенный положен вплотную к северной стенке склепа, максимально близко к ней, залегая над погребением 6. В правой части груди на уровне –452 см обнаружен нательный крестик из цветного металла (ПМЗ КП 37574/49, П-20-ДГ, № оп. 49) типа 13.3 по Ю. В. Колпаковой (*Колпакова, Костючук*, 2017. С. 36–56). Погребение принадлежит мужчине, биологический возраст которого оценен как поздний зрелый, то есть 45–55 лет. Как и для погребения 7, по биологическому и календарному возрасту могут подходить двое мужчин – Марк и Филипп Семеновичи, оба умершие в 1710 г.

Самая сложная ситуация с точки зрения описания погребального комплекса, его атрибуции и идентификации связана с погребением 4.

На полевом этапе работ погребение 4 было охарактеризовано как единый комплекс, кости в котором принадлежат одному человеку, несмотря на то что имелось небольшое смещение верхней части скелета относительно нижней. Плохая сохранность костей грудной клетки и позвоночника, как и всей верхней части скелета, в совокупности с плохой сохранностью костей таза и всей нижней части скелета создавали впечатление единого захоронения. В ходе палеоантропологической экспертизы кости из «погребения 4» были разделены на «индивида 4а» (крупный фрагмент черепа – лобная кость и лицевой отдел, нижняя челюсть, фрагменты шейных позвонков, подъязычная кость,

фрагменты костей левой руки) и «погребение 4б» (фрагменты костей таза и нижних конечностей). В погребении 4 зафиксирован металлический нательный крестик (ПМЗ КП 37574/48, П-20-ДГ, № оп. 48) типа 6.2 по Ю. В. Колпаковой.

Погребение 4а (верхняя часть скелета) принадлежало женщине, умершей в старческом возрасте – более 55-ти лет. Погребенный 4б (нижняя часть скелета) оказался мужчиной молодого возраста – 20/22–25 лет. В ходе каких-то, до конца не понятных, тафономических процессов женщина оказалась без нижней части скелета, а мужчина лишился верхней части скелета. Различается и степень сохранности костной ткани данных индивидов, существенно худшая у женского скелета, если сравнивать ее с относительно хорошей сохранностью костей ног у молодого мужчины (кости таза у мужского скелета значительно пострадали). Плохая сохранность костей женщины может быть объяснена физико-химическими процессами, длительно воздействовавшими на них, – перепады температуры, колебания влажности, аэрация. Отсутствие верхней части скелета мужчины, который был погребен раньше женщины, мы склонны связывать с процессом вторжения в склеп и механического удаления из него большей части костей. Можно осторожно предположить, что это произошло при размещении погребения 4а.

Под имеющееся определение биологического возраста для погребения 4б (мужчина 20/22–25 лет) очень подходит младший сын Филиппа Семен Гремяцкий, умерший в 1715 г. Сохранилось его завещание, приводимое Б. А. Постниковым. Из текста завещания следует: «а тело мое грешное приказываю погребсти у ц(е)ркви Казмы и Дом(ь)яна в Гремячем м(о)н(а)стыре...» (*Постников*, 2020. С. 168). Возможно, такая последняя воля была связана с тем, что у храма были захоронены его дед, затем мать Анна, видимо и его отец Филипп.

Погребение 4а принадлежало женщине, умершей в старческом возрасте – более 55-ти лет. Под определения возраста подходят две представительницы рода Гремяцких, обе с неизвестными точно датами смерти: жена основателя рода Семена Гавриловича Федотья и жена его старшего сына Марка – Акилина Прокофьевна. Погребение 4а совершено не ранее, чем через несколько лет после 1715 г. Акилине Прокофьевне к этому времени должно было быть около 50 лет. В синодике «рода Марка калачника» после его смерти в 1710 г. нет упоминания его матери Федотьи, тогда как его отец Семен и он сам упоминаются (*Постников*, 2020. С. 166). На основании этого сделаем осторожное предположение, что после 1710 г. его мать Федотья могла быть еще жива. Ее календарный возраст к моменту совершения погребения 4а должен был превышать 70 лет. Если рассмотреть возрастные изменения более детально, то на скелете погребения 4а можно обнаружить признаки, позволяющие отнести биологический возраст индивида ближе к 75 годам. Кроме того, есть выраженное морфологическое сходство между черепами погребений 4а и 7, что проявлялось и на физиогномическом уровне. Все это позволяет осторожно идентифицировать погребение 4а именно с Федотьей, значительно пережившей своего супруга.

В верхнем ярусе захоронений зафиксированы три погребения под номерами 1, 2, 3.

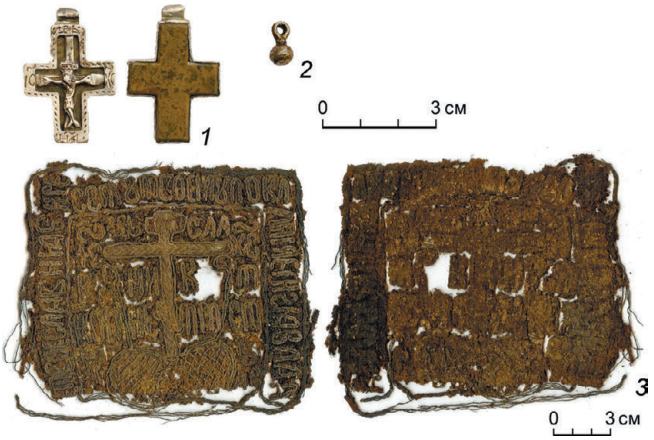

Рис. 8. Индивидуальные находки из погребения 2: *1* – крест нательный в металлической оправе; *2* – пуговица; *3* – параман

Исходя из расположения внутри склепа, очевидно, что погребение 3 совершено первым внутри яруса. Оно было расположено в северной части склепа, ближе к северной стенке, дальше от входа. Было зафиксировано изменение первоначального положения черепа, который оказался перевернут и сдвинут к центру склепа. В районе левой ключицы зафиксирован небольшой фрагмент ткани из мишурных нитей (ПМЗ КП 37574/47, П-20-ДГ, № оп. 47). Погребенный оказался мужчиной старческого возраста – более 55-ти лет. Под определение по календарному возрасту подходит только один представитель рода – внук основателя рода, Иван Маркович. Известно, что он умер в промежутке между 1721 и 1744 г. в возрасте 37–60 лет. Отмечается морфологическое сходство черепов из погребений 3 и 5, также отражающее физиогномическую похожесть.

Погребение 2 было выявлено в южной части склепа, ближе к южной стенке. Скелет был также определен как мужской, принадлежавший индивиду в возрасте старше 55-ти лет. В верхней части левой половины груди раскрыт фрагмент ткани, расшитый металлизированной нитью. Размер полного изделия 14×13,5 см. По краям ткани проложен шнурок из золотных нитей, в центре золотная вышивка – Голгофский крест в обрамлении текста. Часть текста читается: «Кресту твоему поклоняемся...». Данный фрагмент расшитой ткани можно атрибутировать как параман – принадлежность облачения монаха малой схимы, четырехугольный наспинный плат с подшитыми к углам шнурами (ПМЗ КП 37574/45, П-20-ДГ, № оп. 45). Над правой ключицей в составе погребального инвентаря обнаружена металлическая пуговица (глубина -431 см) (ПМЗ КП 37574/44, П-20-ДГ, № оп. 44). В центральной части живота на глубине -436 см обнаружен нательный каменный крестик, заключенный в серебряную оправу (ПМЗ КП 37574/43, П-20-ДГ, № оп. 43) (рис. 8).

Погребение 1 стало финальным в последовательности заполнения Западного склепа. Оно залегало в центральной части склепа, немного под наклоном, возвышаясь к югу. Правая часть скелета погребения 1 перекрывала левую часть

погребения 2. Как и в случае с погребениями 3 и 2, погребенный определен как мужчина старческого возраста – более 55-ти лет. У левого плеча на глубине -440 см обнаружен нательный каменный крестик, вырезанный предположительно из серпентина (ПМЗ КП 37574/33, П-20-ДГ, № оп. 33). В составе находок были обнаружены 5 однотипных пуговиц, фрагмент нашивного креста из металлизированных нитей и металлизированная тесьма, образующая прямоугольник размером 98×31 см (ПМЗ КП 37574/40, П-20-ДГ, № оп. 40). На наш взгляд этот комплекс находок можно атрибутировать как детали епитрахили, у которой не сохранилась оголовная часть.

По половозрастным определениям погребения 1 и 2 мы не можем соотнести ни с одним из представителей рода Гремяцких. Судя по всему, через какое-то время после смерти основных представителей рода Гремяцких в Западный склеп могли дохоранивать людей, уже не имеющих непосредственного отношения к роду, но связанных с Гремяцким мужским монастырем. Если наши атрибуции по вещевым находкам верны, то погребение 2 может принадлежать иеромонаху, то есть относиться к «монастырской эпохе» (до упразднения монастыря в 1764 г.). Погребение 1, скорее, принадлежит «бельцу» и может датироваться началом «приходского этапа» в истории церкви Косьмы и Дамиана.

Таким образом, по результатам сопоставления всех имеющихся данных мы предлагаем следующую схему идентификации захоронений в Западном склепе.

Первыми были погребены Анна Фадеевна и ее младенец в 1697 г. Сам склеп был создан Филиппом Семеновичем Гремяцким именно в связи с их кончиной и, возможно, задумывался скорее как семейный, а не родовой (то есть принадлежащий потомкам основателя рода по линии среднего сына).

После смерти Анны Фадеевны проходит 13 лет до момента совершения других захоронений: следующим по очереди было совершено погребение 7. Его мы склонны связывать с заказчиком склепа Филиппом Семеновичем Гремяцким, умершим в 1710 г. Позже, но в том же году, было совершено погребение 5 – связанное с первым сыном основателя рода Марком Семеновичем Гремяцким.

Исходя из расположения костяков, совершение погребения 8 после захоронения 7 кажется более вероятным, однако достоверно установить это не представляется возможным. Детское погребение 8 мы не можем точно идентифицировать ни с одним из известных членов рода.

Следующее захоронение в склепе происходит через 5 лет после чумы в связи с кончиной младшего сына Филиппа – Семена Гремяцкого. Если мужчина через какое-то время «механически» лишился большей части костей, то должно было пройти время, в результате которого успел произойти процесс скелетирования.

Погребение 4а сделано как минимум через пару лет после 1715 г. и может быть связано, по нашему мнению, именно с женой основателя рода Федотьей Гремяцкой.

Последним представителем рода Гремяцких, захороненным в Западном склепе, оказался Иван Маркович Гремяцкий, скончавшийся между 1730 и 1744 г.

Осталось рассмотреть вопрос о погребении основателя рода – Семене Гавриловиче Гремяцком, умершем в 1674 г. и упомянутом на известной керамиде 1697 г. Судя по всему, он погребен за пределами склепа. Упоминание его на керамиде можно считать данью памяти.

Невестка Марка Семеновича и его годовалый внук, несмотря на то что также умерли от чумы в 1710 г., не были погребены в склепе вместе с другими членами семьи. Также в склепе не оказывается младшего сына основателя рода Степана Семеновича.

Погребения 1 и 2, очевидно, не относятся к представителям рода Гремяцких и являются захоронениями священства Гремяцкого мужского монастыря на финальном этапе его существования или относятся уже к приходскому периоду истории Космодемьянской церкви. Из чего следует, что Западный склеп выполнял функцию родовой усыпальницы до смерти последнего из основных представителей рода Гремяцких. Последние захоронения в склепе совершены вряд ли намного позднее времени упразднения монастыря в 1764 г.

Литература

Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я., 2016. Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 32. Материалы 62-го заседания. С. 36–56.

Постников А. Б., 2007. Каменные надгробия XVII вв. из Нововознесенского монастыря в Пскове // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 26. С. 49–50.

Постников А. Б., 2015. Переписные книги и ревизские сказки как источники по истории Псковской церкви и духовенства последней трети XVII – первой половины XVIII вв. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. С. 93–115.

Постников Б. А., 2020. Род псковичей посадских людей Гремяцких // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 52. С. 163–[illegible]

Постников Б. А., Постников А. Б., 2023. Церковь и духовенство Пскова в ходе реформ [illegible]–1764 годов. В двух томах. Т. 1. М.: Древлехранилище. 1017 с.

* * *

Романовский Антон Борисович, *Псков, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, e-mail: rantonpsk2010@mail.ru*

Пежемский Денис Валерьевич, *Москва, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: pezhemsky@yandex.ru*

А. Б. Постников

Новое о псковских палатах Елагина XVII в., перестроенных в дом Н. А. Беклешова

Резюме. Статья посвящена ранней истории дома псковского гражданского губернатора Н. А. Беклешова (1741–1822) – одной из старейших жилых построек г. Пскова, известной также как здание старой Псковской мужской гимназии (с 1817 г.). Автором впервые вводятся в научный оборот вновь выявленные в РГАДА документальные источники и чертеж 1704 г. На их основании удалось атрибутировать старинные палаты «у Егорьевских ворот на Взвозе» и установить их первоначальную принадлежность в конце XVII и начале XVIII в. псковскому дворянскому роду пусторжевцев Елагиных: Терентию Прокофьевичу и его сыну Богдану Терентьевичу.

Ключевые слова: Псков, палаты Елагина, дом Беклешова, Псковская мужская гимназия, чертеж 1704 г.

A. B. Postnikov. New Information about the 17th-Century Elagin Chambers in Pskov, Rebuilt into N. A. Bekleshov's House

Abstract. The article is devoted to the early history of the house of Pskov civil governor N. A. Bekleshov (1741–1822), one of the oldest residential buildings in Pskov, also known as the building of the old Pskov men's Gymnasium (since 1817). The author for the first time introduces into scientific circulation the newly identified documentary sources and the drawing of 1704 in the Russian State Archive of Ancient Acts. Based on them, it became possible to attribute the ancient chambers "at the Yegoryevsky gate on the Vzvoz" and establish their original affiliation in the late 17th and early 18th centuries to the Pskov noble family of the pustorzhevites Yelagins: Terenty Prokofievich and his son Bogdan Terentyevich.

Keywords: Pskov, Yelagin Chambers, Bekleshov's house, Pskov men's Gymnasium, drawing of 1704.

О выявлении первоначальных владельцев гражданских зданий Пскова XVII – начала XVIII в.

Древний Псков, некогда славный своим каменным зодчеством, претерпел в XVIII и XX вв. целый ряд суровых испытаний, связанных с морами и пожарами, строительством оборонительных сооружений и вражескими нападениями, перепланировкой города и снижением его экономического, культурного и оборонного значения. Они изменили его облик. После Великой Отечественной войны город восстанавливался из руин. От былого великолепия самобытного

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.194-217

жилого зодчества, развивавшегося в эпоху Средневековья и Нового времени, в Пскове сохранились лишь отдельные дома исторической застройки, чудом уцелевшие от разрушения.

В Пскове XVII–XVIII вв. палатами владели не только богатые купцы. Каменные жилые дома принадлежали воеводам, дворянам, представителям местной приказной администрации: дьякам и подьячим, а также зажиточному духовенству. Старинные здания впоследствии перестраивались новыми владельцами. Иногда после переделок они менялись до неузнаваемости. В этой связи важно сберегать не только хорошо сохранившиеся архитектурные памятники, но также их старинные остатки, которые после перестроек изменили первоначальный вид, вошли в состав новых зданий. Выявление ранних частей памятника зодчества, служит его удревнению, уточнению датировки первоначального строительного периода. Особенно значимым представляется нахождение в архивах старинных документов, проливающих свет на историю бытования жилых домов, повествующих о их заказчиках и строителях, первоначальных и последующих владельцах, о продаже недвижимого имущества и перестройках архитектурных памятников, ставших ныне объектами культурного наследия.

Архитектор-реставратор Ю. П. Спегальский, изучая в 1940–1960-е гг. псковские каменные жилые здания XVII в., сосредоточивал внимание на постройках горожан, принадлежавших преимущественно купечеству разного достатка. Из 216 гражданских зданий XVI–XVII вв., выявленных исследователем, лишь 14 купеческих палат были атрибутированы по первоначальным владельцам (дома Ф. Гурьева, Меншиковых, Поганкиных, Посниковых, Русиновых, Трубинских и Н. Ямского). В основном же старинные купеческие палаты именовались по фамилиям их позднейших владельцев XIX в. или указывались под названиями, присвоенными им по топографическому местоположению. Такая традиция утвердилась в краеведческой литературе (*Спегальский*, 1963. С. 169–172, 174).

Исследования, проводившиеся Ю. П. Спегальским и А. А. Тицем, внесли значительный вклад в дело изучения псковского каменного жилого зодчества XVII – начала XVIII в., заложив основы знаний о посадском строительстве. Ими были выявлены общие закономерности развития русских палат. Архитектор-реставратор Б. А. Постников был убежден, что эту работу необходимо продолжать для более глубокого изучения отдельных памятников архитектуры, с целью их атрибуции, поскольку история каждой постройки должна рассматриваться в тесной связи с судьбою заказчиков, строителей и владельцев. При этом особенное значение имеют архивные изыскания, проливающие свет на историю жилых домов. Такой подход позволяет точнее определить время создания древних палат, их строительные периоды, вкусы и потребности владельцев, проясняет многие вопросы последующей судьбы зданий и наполняет их жизнью.

В 1971–1974 гг. Б. А. Постников составил паспорта с научным описанием и историческими справками для тридцати двух древних каменных домов, взятых на государственную охрану как объекты культурного наследия. Применяя

всестороннее изучение жилых зданий XVII в. (архитектурное обследование памятников, их обмеры, фотофиксацию, раскопки, поиск архивных материалов), он восстановил историю архитектурных ансамблей купеческих палат Меншиковых и Сарпуновых на Романовой Горке, палат Русиновых и двора Подзноевых. Автором были выполнены тщательные и обоснованные проекты их реставрации и современного использования, к сожалению, до конца не воплощенные (*Постников Б. А.*, 1971; *Постников Б. А.*, 1979. С. 191–207; *Постников Б. А.*, 2000. С. 97; *Постников Б. А.*, 2010, 2011. № 33. С. 94–128; № 34. С. 25–45; № 35. С. 34–65).

При исследовании исторической топографии Пскова важно учитывать всю городскую застройку, не только каменную, но и деревянную. Для этой цели в 1983 г. Б. А. Постников составил сводный «План Пскова 1740 года с нанесением каменных и деревянных строений XVII в., выявленных по разным планам и документам» (*Постников Б. А., Постников А. Б.*, 2023. Том 1. Иллюстрации на форзаце и нахзаце). Всего на нем показаны 449 объектов, пронумерованных и аннотированных. Из них – 90 церквей и 359 гражданских построек. Крепостные сооружения в это число не входят и учитываются отдельно.

Привлечение новых архивных источников позволило Б. А. Постникову атрибутировать еще несколько купеческих палат и проследить все этапы их строительной истории. Например, на основании выписи из мерных книг 1708 г. удалось установить, что палаты на Волчьих Ямах у Гремячей горы, а также рядом стоящий Кожевенный завод первоначально принадлежали одному из богатейших купцов города Якову Ананьину, сыну Сырникову. Такая весьма перспективная и полезная работа продолжается. В этой связи следует отметить статьи искусствоведа О. В. Емелиной, посвященные памятникам псковского жилого зодчества XVII в. (*Емелина О. В.*, 1994. С. 171–180; *Емелина О. В., Левин Н. Ф.*, 2001. С. 26–33; *Емелина О. В.*, 2003. Т. 1. С. 391–400; *Емелина О. В.*, 2011. С. 157–165; *Емелина О. В., Изотова Л. Е.*, 2011. № 34. С. 10–24; *Емелина О. В.*, 2011. № 35. С. 23–33).

С середины 1980-х гг. Б. А. Постниковым осуществлялась разработанная им программа выявления в архивах РГАДА, ГАПО и Древлехранилища Псковского музея новых документальных источников, содержащих наиболее полные сведения о населении Пскова XVI–XVIII вв. Производился поиск рукописных материалов по псковскому посаду и теме «Гражданское зодчество Пскова XVII в.». Результатом архивных изысканий явилось определение круга массовых источников, в которых сосредоточена информация о городском населении. К ним относятся писцовые, переписные, оброчные, таможенные, мерные, сметные и строельные книги по Пскову XVI–XVII вв., а также синодики псковских церквей и монастырей XVII–XVIII вв., исповедные росписи и подушные ревизии XVIII в. Кроме того, использовались разнообразные актовые материалы, следственные дела, реестры посадских людей, доношения городового магистрата о числе купечества и мещанства, а также купчие крепости на дома и лавки, поступные и духовные грамоты, судные дела о недвижимом имуществе. Тексты их полностью копировались, а данные из источников обрабатывались и пополняли обширную картотеку, содержащую сведения о родах

Рис. 1. Вид на дом Н. А. Беклешова от реки Великой. (№ 116). Акварель И. Ф. Годовикова. (ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 174. Л. X. Вид древних стен и башен Пскова от Власьевских ворот до Покровской башни 1854–1856 гг. ч. 1, 2)

и персоналиях всех представителей посада, духовенства и служилых людей, о церковных объектах, гражданских и административных зданиях, топографии и памятниках архитектуры Пскова.

Главную часть картотеки составляют 70 каталожных ящиков на всех псковичей посадских людей XVI–XVIII вв. Сведения, содержащиеся в этой поименной картотеке, служат для создания рукописи фундаментального труда Б. А. Постникова «Псковский посад в XVI–XVIII веках. Анимографический свод». Основные положения, структура и замысел этого исследования изложены в ряде публикаций, которые посвящены отдельным родам псковских купцов и являются примерами описательных статей, содержащихся в Анимографическом (подушном) своде посадских людей Пскова (*Постников Б. А.*, 2019. С. 122–148; *Постников Б. А.*, 2020. № 52. С. 163–176; *Постников Б. А.*, 2020а. Вып. 15. С. 161–197; *Постников Б. А.*, 2020б. С. 209–238). Издание этого труда откроет новые возможности исторического изучения Пскова через судьбы его жителей.

Соединение биографических сведений о псковичах с известиями о местах их проживания позволит установить первоначальных владельцев древних зданий города и прочих объектов недвижимости. Особенное значение для определения принадлежности домов имеют купчие крепости и дела о недвижимых имениях по Пскову XVIII в.

Публикации о доме Н. А. Беклешова как историческом здании

Предлагаемое вниманию исследование посвящено ранней истории дома псковского гражданского губернатора и сенатора Николая Андреевича Беклешова (1741–1822) (Русский биографический словарь. Т. II. С. 673). Впоследствии здание приобрело известность как старая Псковская мужская гимназия. Оно находится в Пскове на правом берегу реки Великой внутри крепостной стены Окольного города, на Полонище, по адресу: ул. Георгиевская, д. 4 (рис. 1; 2).

Что же известно к настоящему времени о доме Беклешова в научных изданиях и популярной литературе?

Первое исследование о гражданских учебных заведениях в Пскове принадлежит И. И. Василеву. Его историческая монография о них появилась в печати в 1870 г. (*Василев*, 1870; Памятная книжка Псковской губернии за 1869-й год, 1870). На основании архивных материалов он собрал сведения о деятельности

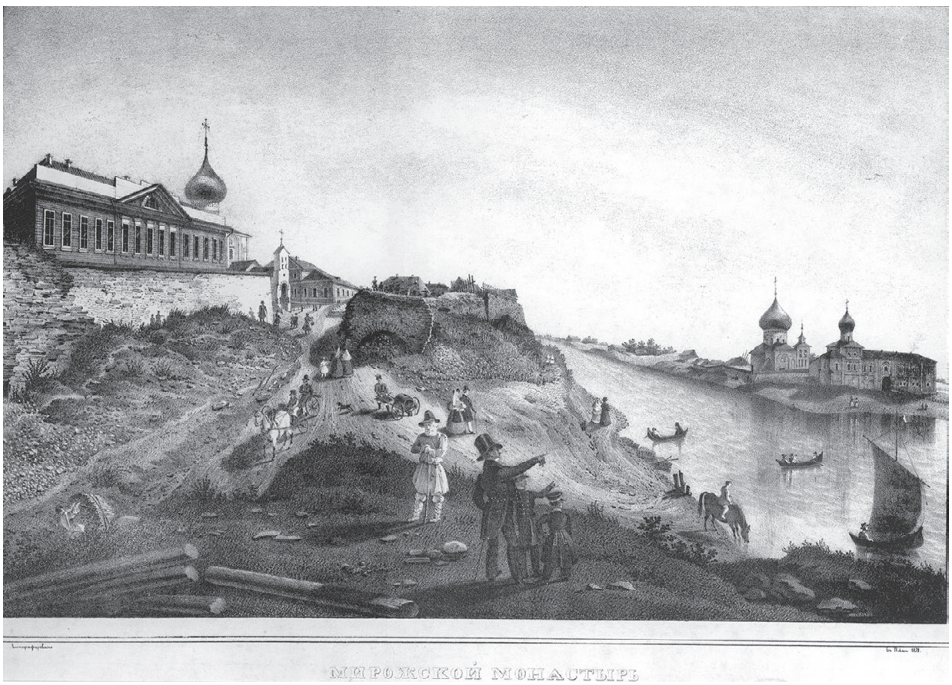

Рис 2. Здание Псковской губернской гимназии (слева). Литография землемера Ильи Степановича Иванова «Мирожский монастырь». Псков, 1838 г.

Главного народного училища в Пскове (1786–1808 гг.) и Псковской губернской гимназии за самый ранний период ее существования (1808–1827 гг.).

В труде И. И. Василева сообщается, что на первых порах Псковская губернская гимназия не имела своего здания и размещалась в доме генерал-губернатора, а затем несколько раз меняла свое пребывание, снимая помещения у разных домовладельцев (*Василев*, 1870. С. 36–37, 72–73, 74). С 28 августа 1817 г. директором гимназии стал Егор Михайлович Шавров. Как отмечал И. И. Василев, его первой заботой стало «устройство самого помещения гимназии. Купленный в 1817 г. дом и ныне принадлежащий гимназии вознаградил понесенные труды по сношению с разными управлениями» (*Василев*, 1870. С. 46–47). Это был дом, принадлежавший дворянину Николаю Андреевичу Беклешову, который в 1798–1800 гг. «управлял Псковскою губерниею», а затем «в 1800 г. он назначен сенатором» (*Василев*, 1870. С. 9). До 1817 г. в означенном доме «была квартира губернатора, устроенная после занятия губернаторскаго дома больными» (*Василев*, 1870. С. 74).

И. И. Василев представил описание бывшего дома сенатора Беклешова в момент покупки 1817 г., используя, вероятно, купчую крепость на заключенную сделку. Приведем его дословно: «Новое помещение гимназии состояло из двух-этажнаго, деревяннаго дома о 15 окнах по фасаду, обращенному на Великую реку, и трех деревянных флигелей с фруктовым садом. Покупка обошлась в 5700

руб., в число которых 2855 руб. поступило из экономической суммы дирекции, а остальныя были заплачены из капитала, пожертвованнаго разными лицами, в том числе 1000 р. от князя Алексея Борисовича Куракина и 1000 р. от графа Андрея Карловича Разумовскаго. 10 ноября того же года гимназия с торжеством заняла новое помещение. Для приспособления же его к назначенной цели в следующем году потребовалось капитальной перестройки на сумму 9424 р. 63 к. Место это – и теперь принадлежащее гимназии, занимается квартирами директора и других лиц служащих и канцеляриею. Распределение большаго дома было следующее: с перваго входа, который выходит на улицу, где теперь канцелярия, были классы, а с задняго, где теперь квартира священника, помещался директор. **Внизу были кладовыя** (все ужирнения текста – автора – *А. П.*). Во флигелях отведены были квартиры для некоторых учителей, а одно время помещалось уездное училище. Тогда же несколько комнат отдавалось с постоя» (*Василев*, 1870. С. 74–75).

В 1884 г. был издан исторический очерк о Псковской мужской гимназии. Его автор – учитель истории сего учебного заведения – Павел Алексеевич Говорливый. По его сведениям, «в 1817 г., по усиленному настоянию тогдашняго директора Е. М. Шаврова, куплен был для гимназии деревянный дом сенатора Беклешова. Это тот самый дом на берегу Великой, известный под именем старой гимназии, в котором теперь помещается гимназическая канцелярия и квартиры некоторых служащих при гимназии лиц» (*Говорливый,* 1884. С. 8).

«Старая гимназия» размещалась в доме Беклешова с 1817 г. до ее закрытия 1 января 1828 г. Затем после перерыва занятия возобновились в 1833 г. на прежнем месте, но уже на других уставных правилах (*Говорливый,* 1884. С. 9). Учебные классы находились в доме Беклешова до построения нового здания Псковской гимназии в 1855 г. (*Новикова*, 1997. С. 113).

Известный архитектор-реставратор Ю. П. Спегальский, автор исследования «Псковские каменные жилые здания XVII в.» впервые обратил внимание на то, что на месте дома Н. А. Беклешова прежде находилось старое здание XVII в. В своей монографии, изданной в 1963 г., он поместил составленный им «План с указанием каменных гражданских зданий XVI–XVII вв., известных по сохранившимся до нашего времени остаткам и по некоторым старым планам города (планам 1740, 1778, 1781, 1857 гг. из альбома И. Ф. Годовикова и плану 1821 г., изданному Военно-топографическим бюро)». На нем под № 43 Ю. П. Спегальский отметил здание, известное по старым планам, находящееся на месте дома, который впоследствии стал известен как Псковская мужская гимназия. В экспликации чертежа сделаны разъяснения: «42, 43 – жилые дома или, может быть, подызбицы. Показаны на плане 1740 г.» (*Спегальский*, 1963. Рис. 126. С. 170. № 43).

Уточняя и дополняя сведения Ю. П. Спегальского, архитектор Б. А. Постников в 1983 г. составил сводный «План Пскова 1740 года с нанесением каменных и деревянных строений XVII в., выявленных по разным планам и документам» (*Постников*, 1983. «План Пскова 1740 года <...>». Иллюстрации на форзаце и нахзаце). На этом изображении города под № 322 показано каменное здание XVII в., известное по плану 1740 г.

В декабре 1976 г. научный сотрудник Псковского музея-заповедника И. И. Лагунин подготовил для Государственной инспекции по охране памятников

«Паспорт» на здание Первой псковской гимназии. Приводя исторические сведения об этом доме периода позднего классицизма, он отмечал в его составе и более раннюю часть: «“Дом у Егорьевских ворот на Взвозе” был построен не позднее к. XVII столетия. На плане Пскова И. Сляднева (1731 г.) [? – *А. П.*] он показан вытянутым в плане вдоль городской стены. Однако это сооружение было меньше по размерам существующего здания. Сохранились его подклеты. Характерное трехчастное сооружение – “в две клети с сенями посередине”. Две сохранившиеся палатки перекрыты соответственно коробовыми сводами. В последней четверти XVIII столетия здание было капитально перестроено как дворянский особняк с использованием древних подклетов в качестве подвального этажа. Со стороны берега реки Великой подклет увеличен длинным помещением, которое, возможно, служило также “опорной стенкой” на береговом склоне» (*Лагунин*, 1976).

Позднее в статье «Здания XVIII – первой половины XIX в. в Пскове – памятники архитектуры» И. И. Лагунин отметил наличие в доме Беклешова старинных элементов: «Первое здание губернской гимназии (ул. Урицкого, 4) использовалось ранее и как губернаторский дом, и как госпиталь, а в подвальной части сохранило следы более ранней архитектуры» (*Лагунин,* 1987. С. 10–12).

Истории Псковской мужской гимназии в XIX и начале XX в., посвящены статьи Т. В. Вересовой, Л. А. Огневой и Н. Н. Новиковой, В. Н. Лещикова (*Вересова,* 1993. С. 7; *Новикова, Огнева,* 1996; *Новикова*, 1997. С. 113–119; *Лещиков,* 2011. С. 56–65). В них лишь упоминается о приобретении гимназией дома у сенатора Н. А. Беклешова в 1817 г.

Научно-исследовательская работа, натурные и архивные изыскания архитекторов-реставраторов, искусствоведов и краеведов способствовали признанию городской усадьбы Н. А. Беклешова (Первого здания Псковской гимназии) памятником гражданской архитектуры XVII в., конца XVIII в. и конца XIX в. Этот объект культурного наследия регионального значения был принят на охрану по «решению Псковского областного Собрания депутатов от 29. 06. 1995 г.». В «Кадастре достопримечательных природных и историко-культурных объектов Псковской области», изданном в 1997 г., среди памятников гражданской архитектуры Пскова отмечено Первое здание Псковской гимназии «начала XIX в.», расположенное по адресу ул. Георгиевская, д. 4 (Кадастр, 1997. С. 18. № 34).

Наиболее подробная историческая справка о развитии городской усадьбы Н. А. Беклешова принадлежит искусствоведу Н. Н. Новиковой. В 2007 г. ею был составлен новый паспорт на этот памятник архитектуры. В нем сообщается, что «впервые каменный дом на высоком берегу реки Великой севернее церкви Георгия со Взвоза был зафиксирован на плане Пскова 1740 года. Прямоугольная в плане постройка располагалась параллельно пряслу крепостной стены Окольного города на некотором расстоянии от нее. Однако размеры обозначенной на плане постройки были несколько меньше, чем размеры ныне существующего здания» (*Новикова*, 2007). Н. Н. Новикова разыскала в ГАПО документы, проясняющие судьбу описываемого дома в конце XVIII и в начале XIX столетий. В частности, она обнаружила копию купчей крепости на городскую усадьбу, принадлежавшую Я. Е. Сиверсу, проданную в 1789 г. Николаю Андреевичу Беклешову. Исследовательница установила, что «к 1793 году Бек-

лешов Н. А. капитально перестроил купленный им дом. Габариты постройки были значительно увеличены. При этом средневековые подклеты вошли в состав помещений подвального этажа нового дома. <...> Над вновь образованным каменным объемом был надстроен новый деревянный жилой этаж». Таким образом, было точно установлено время перестройки старинного здания XVII в. в жилой дом, «оформленный в стиле позднего классицизма» (Там же). В описании здания Н. Н. Новикова отмечала: «Планировка каменного этажа усложнена за счет включения помещений XVII века. Две средневековые палатки, перекрытые коробовыми сводами, сохраняются в центре каменной части дома. Уровень пола в них значительно ниже, чем в других помещениях этажа. Третья палатка, расположенная ближе к южному фасаду, по-видимому, была перестроена. Она получила плоское перекрытие, однако сохранила такие же дверные проемы, как в двух других палатках». Показывая значение памятника архитектуры и его «важное место в панораме исторической застройки правого берега реки Великой», Н. Н. Новикова подытожила, что это здание – «пример вторичного использования средневековой каменной гражданской постройки с включением ее в состав помещений жилого дома конца XVIII века» (Там же).

К сожалению, Н. Н. Новикова (1960–2014) не успела подготовить к изданию свои материалы о доме Н. А. Беклешова в виде научной статьи со ссылками на архивные источники. Составленная ею научная справка была помещена в интернете без указания авторства.

В 2013 г. появилась популярная реферативная статья краеведа Н. Ф. Левина «Дом старой гимназии». В примечании к ней сообщается, что «материалы о начальной истории здания (в том числе фрагмент плана Пскова 1740 г.) предоставлены искусствоведом Натальей Новиковой» (*Левин*, 2013. С. 67–73). В кратком обзоре показана история бытования здания как учебного заведения, однако новых фактов почти не добавлено, а ранняя история дома Беклешова описана поверхностно. При этом статья начинается со скептического высказывания о том, что «вряд ли удастся установить, когда именно он [т. е. дом Беклешова. – *А. П.*] построен, – возможно, еще при Петре I. Неизвестны и первые владельцы» (*Левин*, 2013. С. 67).

Проведенный историографический обзор показывает несомненный интерес историков архитектуры и краеведов к дому Н. А. Беклешова, как памятнику псковского зодчества, дворянской усадьбе и первому в городе гражданскому образовательному учреждению. Однако главное внимание исследователей было сосредоточено на позднем строительном периоде в судьбе здания, капитально перестроенного в конце XVIII в. Раннее время его существования, как жилых палат XVII в., оказалось совершенно неизученным.

Палаты Елагина

В РГАДА в фонде Поместного приказа есть фондовое включение Петербургской вотчинной конторы. Там хранится книга «Вотчинной конторы по Пскову входящих и исходящих [бумаг за] 1704 г.» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Петербургская вотчинная контора. № 17717. 1704 г. На 1023 листах). Она содержит вотчинные и судебные дела по Пскову за 1704 г., но есть также дела 1706 и 1707 гг. В том числе споры о правах на недвижимые имения, тяжбы о взимании

проестей, обещанных выплат, жалобы на соседей по вотчинным угодьям, которые неправильно завладели землей. Среди прочего прошения посадских людей к воеводе о принуждении должников к уплате положенных денег. Жалобы на бой и увечье с расследованием дел. Исковые дела в грабеже и покражах имущества. Пыточные речи воров, свидетельские показания, розыски беглых крестьян и т. д. Каждое дело начинается с челобитной и резолюции на ней воеводы. Далее прилагается расследование и черновик исходящего решения по делу.

На л. 32–37 об. содержится дело № 6, посвященное судьбе палат Елагина во время Северной войны. 31 марта 1704 г. владелец дома псковский дворянин пусторжевец Богдан Терентьев сын Елагин (1660–?) обратился на имя государя с челобитьем, подав его в Псковской приказной палате воеводе Б. П. Шереметеву. В своем прошении заявитель сообщал: «Державнѣиши[й] Ц(а)рь Г(о)с(у)д(а)рь м(и)л(о)стивѣйшиі в прошлыхъ годѣхъ по твоему Великого Г(о)с(у)д(а)ря указу **во Пскове на Полонище у Егорьевских воротъ на Извозе двор мой постройка деревяная розломана а каменная постройка цела** и ни в какое дело не занета и стоит порожжа и стоит не близ стены и улица пушена промеж стены и тое полаты. А оброчные денги с того места в твою Великого Г(о)с(у)д(а)ря казну плачю по вся годы. А иные дворы и ближе моего двора построены к стене и проходу никакова нетъ. И н(ы)не в тех дворахъ живутъ по прежнему. А у меня иного двора нигдѣ нетъ и жить мне такожде и служилых припасов положить негдѣ. Всем(и)л(о)ст(и)вѣйшиі Г(о)с(у)д(а)рь прошу Вашего Величества вели Г(о)с(у)д(а)рь тѣ мои полаты и деревяные хоромы построить на том моемъ дворе и в том дворе жить по прежнему. Вашего Величества нижайшиі раб **Богдан Терентиевъ с(ы)нъ Елагин**. Н(ы)нешнего 1704-го марта въ 31 де(нь)» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17717. 1704 г. Л. 32 об.).

Поскольку проситель был неграмотным, «к сей челобитной вместо Богдана Терентьева с(ы)на Елагина по его велен(ь)ю Трифан Елагин руку приложилъ» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17717. 1704 г. Л. 32). Вскоре на это обращение последовало воеводское приказание, о чем свидетельствует дьячья припись: «1704-го апрѣля въ 2 де(нь) против сего челобит(ь)я досмотрѣт(ь) и списат(ь) измѣрит(ь) и учинит(ь) чертеж и выписат(ь) из крѣпостей».

Для достоверного выяснения сути дела и составления схематического чертежа с указанием расположения жилого двора на местности был привлечен подьячий, служивший в Военной походной канцелярии фельдмаршала Б. П. Шереметева. «Лѣта 1704-го апрѣля въ ... де(нь) по указу Великого Г(о)с(у)д(а)ря Ц(а)ря и Великого кн(я)зя Петра Алеѯѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі Самодержца, и по приказу Болшаго полку Генерала Ѳелть моршалка и военного Малтийского свидѣтел(ь)ствованного славного чина Св(я)таго Апостола Андрея коволера Бориса Петровича Шереметева и по подписной челобитной, Военнои концелярііі под(ь)ячей Яковъ Семеновъ пришед **во Пскове на Полонище на дворъ Богдана Терентьева с(ы)на Елагина поламоного каменного полатного и деревяного строения** также иныхъ жителей дворов которые близ городовые стѣны досматривал и мерил и учинил чертежъ. А что по мѣре и по чертежу то Богданово каменное строение также и иныхъ жителей дворы сколь долеко от городовые стѣны и то писано ниже сего.

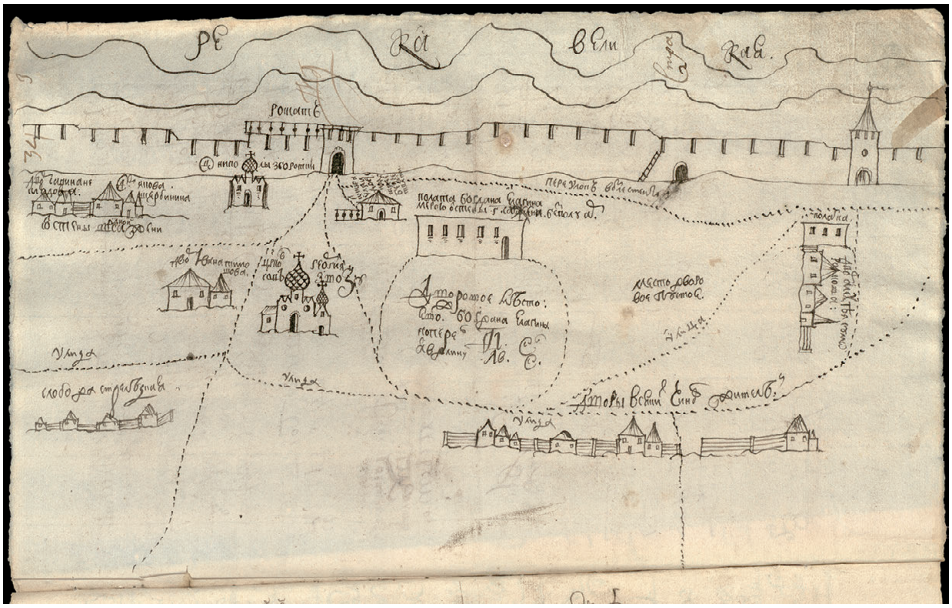

Рис. 3. Чертеж части Раковской сотни Пскова с показанием палат Елагина. Исполнил подьячий Военной канцелярии Яков Семенов. Псков, 1704 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17717. 1704 г. Л. 34)

А по осмотру ево Якова Семенова тот ево Богдановъ дворъ на Полонище подле Егор(ь)евскихъ воротъ. На том дворе **каменного строения полата жилая да выход и крылецъ каменные жъ. Под тою полатою 2 погреба с выходы каменые ж**. А деревяное хоромное строение все розламано и ничего нѣтъ.

‖ Л. 33 об. ‖ А по мере от тое полаты чрез улицу до городовые стѣны 3 сажени бес полуаршина[1]. Да от тое ж полаты у Егорьевскихъ воротъ караулня деревяная мерою аршинъ без вершка. А от тое караулни да тое жъ городовые стѣны сажень бес полуаршина. А мерою то Богдановo дворовое место с лица по улицы ... [оставлено пустое мѣсто. – *А. П.*] сажень, а поперегъ ... сажен(ь).

А идучи от того ево Богданова двора по правую сторону мимо Егор(ь)евскихъ ворот и Егорьевской и Николаевской ц(е)ркvей Болшою улицею **дворы Якова Щербинина да Савина Неклюдова** мерою от городовые стены сажень.

А по другую сторону того ево Богданова двора подле стѣны розныхъ чиновъ житей да дворовъ **Алеѯѣя Суморокова каменное и деревянное строение**. А мерою тот двор от стены сажень с аршином» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17717. 1704 г. Л. 33–33 об.).

На л. 34 к делу приложен чертеж описываемой части города Пскова (рис. 3). Он выполнен на прямоугольном листе гербовой бумаги, достоинством 1 денга. Рисунок горизонтального альбомного расположения. На нем

[1] 3 сажени без полуаршина = 612 см.

изображен фрагмент Раковской сотни Полонища. Сверху условно показана «Река Великая» в виде двух извилистых линий. Ниже нарисована крепостная стена с бойницами. На ней у Егорьевских ворот «Роскатъ», а в правой стороне чертежа на линии крепостной стены изображена башня с воротами и шатром. Кровли над стеной отсутствуют.

Вдоль стены слева направо изображены дворы и постройки с подписанными названиями: «Двор Савина Неклюдова», «Д[воръ] Якова Щербинина», «от стены в одной сажени». «Ц[ерковь]Николы з Боротки». Изображен маленький четверик с главкой. Стены завершаются щипцом. По правую сторону Георгиевских ворот караульня: «От караулни до стены сажень без четверти». В центре композиции изображен прямоугольный фасад каменной палаты без кровли с пятью оконными проемами и входом с правой стороны. Над ним надпись: «Полата Богдана Елагина мерою от стены 3 сажени без полуар(шина)». Ниже обозначено в окружности «Дворовое мѣсто ево ж Богдана Елагина поперег 19 саж(енъ). А в длину 32 саж(ени)». Вдоль крепостной стены от Егорьевских ворот пунктиром показана дорожка: «Переулокъ возле стены».

Справа от двора Богдана Елагина обозначено «Место дворовое пустое». От него через улицу к северу: «Полатка» (без кровли), рядом с нею к востоку – «Двор Алеѯѣя Суморокова». Палатка и двор соединены оградой.

Вторым рядом от крепостной стены, напротив Георгиевских ворот – «Ц(е)рков(ь) Георгия со Възвозу». Изображена условно, как бы с западной стороны от входа. Четверик со щипцовыми завершениями стен и барабан с куполом и четвероконечным крестом. Купол сетчатый, что может служить намеком на его покрытие лемехом. Справа от четверика – пониженный придел с малой главкой, которая также сетчатая. В придел ведет отдельный вход. Слева от четверика – палатка или крыльцо с тесовой кровлей и окошечком. Церковный двор окружают переулки и улица. Справа через улицу от Георгиевской церкви – пустое дворовое место Богдана Елагина. Слева через переулок от церкви (то есть к югу от нее) – «Двор Івана Тимошова».

В нижней части чертежа, к востоку от Георгиевской церкви прочерчена штрих-пунктиром «Улица», а за нею к юго-востоку – «Слобода стрелѣцкая». К северо-востоку – «Дворы всяких чинов жителей». Они показаны условно, как домики с деревянными заборами в заплот между ними.

После того, как чертеж был готов, в Псковской приказной палате наводились справки по архивным делам «старых лет». «Противъ вышеписанного челобитья и пameты и крепостей и досмотру и із с чертежу выписано.

И по справке в Приказной полате с мерными кн(и)гами прошлого 192-го [1683/84] году написано:

Дворъ **Терентья Елагина** на Полонище мерою поперегъ 10 саженъ с аршином а в длину 10 саженъ[2], мѣсто оброчное.

Да дворъ **посацкого ч(е)л(о)в(ѣ)ка Василья Бочара** мерою с лица поперегъ 4 сажени, в длину 11 сажен, место тяглое.

[2] То есть поперек 22 м 31 см, а вдоль – 21 м 60 см.

Да дворъ же **посацкого ж ч(е)л(о)в(ѣ)ка Івана Колашникова** с лица поперегъ 5 сажень а в длину 11 саженъ с полусаженью. Мѣсто оброчное.

И всего техъ местъ мерою в длину 32 сажени, поперегъ 19 саженъ.

И у выписки челобитчик Богданъ Елагинъ сказал что де те вышеписанные дворовые 2 мѣста посацкихъ людей по купчимъ прошлых лѣтъ отца ево во владенье за нимъ Богданом и тех де купчихъ н(ы)нѣ у него во Пскове нѣтъ.

А по осмотру и по чертежу под(ь)ячего Якова Семенова тотъ Богдановъ дворъ подле Егорьевскихъ воротъ. На том дворе ‖ л. 35 ‖ **каменного строения полата жилая, выход и крылецъ каменные. Под тою полатою 2 погреба каменных**, а деревяного строения ничего нетъ.

А мерою та полата от городовые стѣны чрез улицу 3 сажени бес полуаршина.

Да от тое полаты подле Егорьевскихъ воротъ караулня деревяная мерою аршинъ без вершка.

А от тое караулни до городовые стѣны сажен(ь) бѣс полуаршина.

А мерою то Богдановo место с лица по улицы ... саженъ, поперегъ ... саженъ.

А идучи от того ево Богданова двора по правую сторону мимо Егорьевских воротъ и Егорьевской и Николаевской ц(е)ркве с Коз(ь)и Боротки Болшою улицею дворы Якова Щербинина да Савина Неклюдова мерою от городовые стѣны сажень.

А по другую сторону того ево Богданова двора подле стены розных чиновъ жителей да дворъ Алеѯѣя Суморокова мерою тотъ дворъ от стѣны сажень с аршином.

И в тех вышеписанныхъ дворехъ н(ы)не живутъ» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17717. 1704 г. Л. 34 об. – 35).

На основании проведенного на месте обследования выяснилось, что палата Елагина отстоит от крепостной стены на достаточном расстоянии, чтобы не мешать фортификационным работам или оборонительным действиям, поскольку для защитников города важно было иметь свободный проход вдоль крепости с внутренней стороны. Это обстоятельство давало возможность получить разрешение на возвращение дома его владельцу для восстановления и дальнейшего проживания в нем, чем не замедлил воспользоваться Б. Т. Елагин. «И Великому Г(о)с(у)д(а)рю Ц(а)рю и Великому Кн(я)зю Петру Алеѯѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі Самодержцу Богданъ Елагинъ бьет челом чтоб Великиі Г(о)с(у)д(а)рь пожаловал ево велѣл на том вышеписанном дворе полаты починит(ь) и деревяные хоромы вновъ построить и в том дворе жить по прежнему» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17717. 1704 г. Л. 35 об.).

Могущественный военачальник и полководец Б. П. Шереметев милостиво разрешил вернуть палаты их бывшему хозяину для проживания. «1704-го майя въ 8 де(нь) по указу Великого Г(о)с(у)д(а)ря Ц(а)ря и Великого Кн(я)зя Петра Алеѯѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі Самодержца Болшаго полку Генералъ Ѳелть моршалкъ и военной Малтиской свидѣтельствованной и славного чина Св(я)таго Ап(о)ст(о)ла Андрѣя ковалѣръ Борис Петровичь Шереметев слушав сей выписки приказал:

‖ л. 36 ‖ По осмотру и по чертежу под(ь)ячего Якова Семенова на прежнемъ дворовомъ мѣсте Богдану Елагину каменное полатное старое строение

починит(ь) а розламаное хоромное строение внов(ь) построит(ь) и жить ему Богдану на том мѣсте по прежнему для того что то дворовое мѣсто по чертежу и по мѣре явилос(ь) от городовые стены не в близости. А на то дворовое мѣсто впред(ь) для владѣнья дат(ь) ему Богдану со всего дѣла даную» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17717. 1704 г. Л. 35 об. – 36).

Далее на л. 36–37 об. содержится черновой текст «Данной» от мая 1704 г. на дворовое место и на каменное строение Богдану Терентьеву, сыну Елагину. Он повторяет все вышеизложенное и потому здесь опущен. По правому полю л. 32–36 дьячья скрепа: «Діакъ – Лукьян – Ва – ль – ко – въ». На л. 35 об. справа – подьячего: «Справил Яков Семенов».

Как можно видеть из приведенного дела, Богдан Терентьевич Елагин наследовал дворовое место в Раковской сотне от своего отца. О наличии в Пскове двора пусторжевцев Елагиных сообщает Переписная книга города Пскова 1678 г. В ней дворы описаны по городским сотням, как земским объединениям. «Раковского ста в Околнем городе на Полонище дворян и детей боярских розных городов и всяких чинов людей дворы и во дворех люди: <...>» (РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. № 8500. Переписная книга Пскова 1678 г. Л. 329). Первыми представлены дворы служилых людей по отечеству. Среди них указан «**Двор пусторжевца Терентия Прокофьева с(ы)на Елагина**. Во дворничестве живет посацкой бобыл(ь) Ивашко Степанов; дети у него: Васка ‖ л. 337 ‖ двенатцати лет, Гаврилка пяти лет; место оброчное» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8500. Л. 336 об. – 337). В ту пору двор, вероятно, был еще без каменных палат, с хоромным строением. Хозяин содержал его как «осадный двор» для временных приездов в Псков, а сам жил с семьей в родовом имении в сельце Макарове Аршанского стана Пусторжевского уезда (*Пахоменкова*, 2020. С. 190–191). Для присмотра за городским двором в доме проживал посадский бобыль с семьей.

Терентий Прокофьевич Елагин относился к славному роду доблестных воинов и верных государю служилых людей. В челобитной на имя царя Феодора Алексеевича в 1677 г. он сообщал о своих предках: «В прошлых, государь, годех в московское разоренье при воре на Луках Великих, каторой назывался во Пскове государем нашим благоверным царевичем Димитрием Ивановичем, **дед мой Гаврило Иванов сын Елагин** мучен: на сковороде ставлен и пуп волочен, а ему, вору, креста не поцеловал. А **отец мой Прокофей** при деде твоем государеве, блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всеа Русии, убит подо свейским острошком на приступе в лоб» (Сб. МАМЮ, 1914. С. 399).

Сам Терентий Прокофьевич отличился на военной службе, «в Полской и в Немецкой землях на боях трижды ранен». Будучи человеком деятельным. он стремился принести пользу Отечеству и в мирное время, занимаясь благоустройством жизни своих земляков в Пусторжевском уезде. В марте 1677 (7185) г. он бил челом царю Федору Алексеевичу о назначении его воеводой в Заволочье (Сб. МАМЮ, 1914. С. 399), которое было разорено еще при нашествии войск Стефана Батория в 1581 г. С тех пор этот псковский пригород стоял опустошенным. По царскому указу от 24 сентября 1679 (7188) г. прошение Терентия Елагина было удовлетворено. За время его воеводства в Заволочье

в 1679 г. ему удалось вывести пусторжевских жителей из административного подчинения Лук Великих, чтобы «людишек и крестьянишек <...> во всяких делех отвытить, а ведать во Ржеве Пустой и в Заволочье воеводе во всяких делех попрежнему» (Сб. МАМЮ, 1914. С. 400). Восстановив центр управления при Заволочье и обретя в его уезде рабочие силы и средства, новый воевода смог начать восстановление пригорода: его крепостных сооружений, Съезжей избы, казенного погреба и т. д.

Впоследствии Терентия Прокопьевича Елагина сменил другой заволоцкий воевода Степан Клеопин, оказавшийся корыстолюбцем, взяточником и бездельником. В 1688 г. велось дело о его злоупотреблениях властью. Тогда пусторжевцы всем городом били челом о замене воеводы С. В. Клеопина пусторжевцем Т. П. Елагиным, чтобы он доделывал Заволочье. Местные жители, печалуясь царям Ивану и Петру Алексеевичам на разорителя С. В. Клеопина, отмечали достоинства его предместника: «А преж сего, государи, по вашему великих государей указу пусторжевец Терентей Прокофьев сын Елагин пустое место Заволочья ожилил и нас, холопей и сирот ваших, збирал и подмогал, радея вам, великим государем, город зделал, мало что не в водделки, а от него, Терентья, нам, холопем и сиротам вашим, налоги никакой не бывало» (Сб. МАМЮ, 1914. С. 403–406). Тем не менее, по указу от 28 марта 1688 (7196) г. в Разрядном приказе велели отпустить на воеводство во Ржеву Пустую и в Заволочье псковитина Акима Прокофьева сына Рокотова (Сб. МАМЮ, 1914. С. 407).

Точное время строительства палат во дворе Терентия Прокофьевича Елагина в Пскове пока неизвестно. Можно предположить, что их возведение относится к 1680-м годам, т. е. состоялось после общегородского пожара 11 мая 1682 г. Именно тогда в Пскове наблюдается подъем каменного жилого зодчества. Знатные и прожиточные люди стремились восстанавливать свои дома из камня. Палаты Елагина состояли из двух этажей: внизу – сводчатые погреба, а сверху – жилые покои. Судя по сохранившимся подвалам, здание имело в плане трехчастное деление. Вход в жилые покои находился со стороны дворового фасада, где располагались «выход и крылец каменные ж». При всходе по крыльцу на верхнее «жилье» прямо посредине дома находились сени, а по обе стороны от них – две жилых палаты или комнаты с изразцовыми печами, отапливавшимися из сеней. Потолки в верхних покоях могли быть плоские деревянные. Хоромного строения сверху над палатами не было во избежание пожарной опасности, что соответствовало запретительному царскому указу от 3 октября 1688 (7197) г., предписывавшему: «а впредь на палатах своих деревяннаго хоромнаго строения отнюдь ни которыми делы никому делать не велено» (Полное собрание законов..., 1830. Т. 2. № 1314. С. 949–950). Крыша была тесовая, скатная.

На рисунке подьячего Якова Семенова, составлявшего чертеж 1704 г., условно изображены палаты Елагина с пятью окнами в верхнем этаже, вдоль дворового фасада. Возможно, что так оно и было в действительности. Среднее окно освещало сени, а в правой и левой палатках на восточной стене находилось по два окна. На дворовом месте, к востоку от палат, были устроены отдельно стоящие хоромы для людей, проживших в надворничестве, и следивших за сохранностью барского дома в отсутствие хозяев.

Терентий Прокофьевич Елагин умер в 1697/98 (7206) г. (Сб. МАМЮ, 1914. С. 273). Перед смертью он завещал свой двор во Пскове сыну Богдану. Накануне Северной войны при составлении сметной книги по Пскову 1699 г. перед воеводой К. А. Нарышкиным производился смотр всех воинских людей. В список поименно были внесены дворяне с указанием чина и оклада. Среди пусторжевцев начальных людей назван Богдан Терентьев сын Елагин, служивший в рейтарском полку в звании сотенного, в чину дворового, с окладом в «580 чети, денег ис чети 28 рублев» (Сб. МАМЮ, 1914. С. 270).

В 1701 г. когда по указу Петра I началось спешное строительство земляной фортеции вокруг каменной крепости Пскова, было велено засыпать валами и бастионами все каменные постройки, примыкающие к линии крепостных стен. Как известно, тогда оказались погребены под землей 11 городских церквей. В то же время, как показывает дело 1704 г. о возвращении палат Елагина, снос обывательских домов, располагавшихся внутри городовой стены, затронул дворы многих псковичей. Пострадала и городская усадьба Богдана Терентьевича Елагина. Однако ему удалось вернуть в собственность уже поврежденную каменную палату, а затем и восстановить ее для последующего проживания.

В переписной книге Пскова 1709 г. в Раковской сотне значится: «**Двор дворянина Богдана Елагина**, а в нем живет солдат Неклюдова полку Алексей Яковлев» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Л. 125).

После мора от чумы, свирепствовавшей на Псковской земле в 1710 г., была проведена новая перепись населения и составлена переписная книга Пскова 1711 г. переписчика Алексея Афанасьева сына Окунева. При описании Раковской сотни сообщается: «**Двор дворянина Богдана Терентиева с(ы)на Елагина**; в нем живет дворовой ево ч(е)л(о)в(е)к Никита Иванов отроду тритцати, жена Дар(ь)я Трофимова тритцати, дети дочери: Акилина семи. Фекла дву лет» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 195).

Сам Богдан Терентьевич к тому времени получил отставку от военной службы. По сведениям, относящимся к 1710 г., он «служил Великому Государю в выборном швандроне и отпущен за болезнью, владеет старым поместьем отца его, Терентия Прокофьевича, сельцом Макарово, от роду 50 лет, жена Мавра Петровна – 40 лет, дети их: Андрей 13, Яков 12, Иван 8, Анна 10 лет, с ними живет тетка его родная Матрена Григорьевна – 70 лет; дочь Мария – 16 лет замужем за Гаврилой Федоровичем Щербининым» (*Пахоменкова*, 2020. С. 194; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8180. Л. 448, 530).

После смерти Богдана Елагина палаты у Егорьевских ворот в Пскове перешли по наследству к его старшему сыну **Андрею Богдановичу Елагину** (1697 – после 1767). Он служил комиссаром, имел чин титулярного советника (*Пахоменкова*, 2020. С. 194). Согласно «Сведениям о числе ревизских душ в Псковской губернии, числившихся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 года», Андрею Богданову Елагину принадлежало 579 крестьян мужского пола, а его младшему брату **Ивану Богданову Елагину** – 235 душ (Сведения 1756 г., 1897. С. 26, 27).

Оброчная книга Пскова 1758 г. подтверждает владение двором у Егорьевских ворот, правда палаты не упоминаются, но названы два прилегающих ме-

ста, которые были приобретены Елагиными и вошли в состав их расширенной городской усадьбы. «[№] 493. З двороваго места на помещике Андрее Богданове с(ы)не Елагине, что напредь было Мирожского м(о)н(а)ст(ы)ря слушки Семена Команина, которое имеится в Раковской сотни после градцких Егорьевских ворот, [оброку] четырнатцать копеик с четвертью. [№] 494. З двороваго места на нем же Елагине, что напред(ь) было посадцкого ч(е)л(о)в(е)ка Семена Сурнина, которое имеится в Раковской сотни подле грацких Егорьевских ворот, [оброку] десять копеик с половиною. Оныя денги плотил дворник ево Иван Яковлев. Принял зборщик Афонасей Русинов» (ГАПО. Ф. 22. Псковская провинциальная канцелярия. Оп. 1. № 749. Л. 64). Речь идет о смежных с палатами участках, которые после покупки были пригорожены ко двору Елагиных. Впоследствии на этих землях были возведены деревянные флигели и насажден сад, расположенный вдоль крепостной стены Окольного города.

Непосредственно при составлении оброчной книги Пскова 1758 г. А. Б. Елагиным было приобретено еще одно место в смежье с уже имевшейся городской усадьбой. «[№] 519. С полудвороваго места на посадцком ч(е)л(о)в(е)ке Никиты Вельяшова, что было посадцкаго ч(е)л(о)в(е)ка Ерофея Леонтиева, которое имеитца в Раковской сотни у Егорьевских ворот в огороде. Н(ы) не владеит псковской помещик Андрей Елагин. [Оброку] семь копеик три четверти. Платил оныя д(е)нги титулярнаго советника Андрея Елагина дворовой ево ч(е)л(о)в(е)к Яков Шамров. Принял зборщик Афонасей Русинов» (ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 67).

Следующим владельцем палат у Егорьевских ворот был **секунд-майор Григорий Корнильевич Бороздин** (*Долгоруков П. В., князь*, 1857. С. 63). В XVII и XVIII вв. Бороздины, также, как и Елагины, были помещиками Оршанского стана Пусторжевского уезда Псковской земли (*Постников,* 2013. С. 153–154. № 150; С. 806). Примерно в 1760-е гг. (точное время пока не установлено) Григорий Бороздин купил у Андрея Елагина двор в Пскове в Раковской сотне. В «1777 г. в чине примьер-майора» Г. К. Бороздин «присутствовал на 1 собрании дворянства Псковского наместничества от Новоржевского уезда» (*Пахоменкова*, 2020. С. 89).

В это же самое время, в 1777 г., «с открытием губерний Тверской и Псковской был назначен наместником Новгородским, Тверским и Псковским» **Яков Ефимович Сиверс**. Он пробыл на этом посту с 9 августа 1777 г. по 13 июля 1781 г., а «14 июня 1781 года был отставлен от должности губернатора и произведен в действительные статские советники» (*Сиверс*, 2005. С. 20–23). Для проживания в Пскове Я. Е. Сиверс приобрел у Г. К. Бороздина двор с каменным домом у Егорьевских ворот, в котором проживал, приезжая в город в период своего правления. С тех пор и до начала XIX в. этот двор стал местом жительства для двух псковских губернаторов.

Сохранилась купчая крепость от 10 декабря 1789 г. на продажу Я. Е. Сиверсом Н. А. Беклешову дома, двора и сада в Пскове за 1000 рублей. Впервые купчая была выявлена в ГАПО Н. Н. Новиковой, которая сослалась на нее при составлении исторической справки. Но поскольку этот значимый для истории усадьбы документ еще не публиковался, следует привести его целиком.

«Лѣта тысяща седмъ сотъ восемдесятъ девятаго декабря въ десятыи день **деиствительный тайной советникъ и кавалеръ Яковъ Ефимов сынъ Сиверсъ**, въ родѣ своемъ не послѣдней продалъ я **коллегскому совѣтнику Николаю Андреевичу Беклешову**, купленной мною у **секундъ маіора Григорія Карныльева сына Бараздина** въ бытность мою во Псковѣ домъ, съ дворовымъ строеніемъ и садовымъ мѣстомъ, и что тогда по новому плану города к нему приобщено было ценою за тысячу рублей. А напредь сего оной мой домъ иному никому не проданъ не заложенъ и ни в какіе крепости не укрепленъ, такожъ за казенныя доимки партикулярныя долги, и ни за что не отписанъ, и под запрещеніемъ не состоитъ. А естьли оной мой домъ по чему либо отъ него Николая отойдетъ, то мне Якову и наслѣдникамъ моимъ, ево Николая и наслѣдниковъ ево, отъ техъ вступщиков и ото всякихъ крепостей очищать по указомъ, и убытка въ том никакова не доставить. А о неутайки от пошлинъ цены указъ Правительствующаго Сената седмъ сотъ пятдесятъ втораго году при семъ об(ъ)явленъ.

К сей купчей въ мѣсто дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и ковалера Якова Ефимовича Сиверса, въ томъ что онъ вышеписанной свой домъ коллежскому совѣтнику Николаю Андреевичу Беклешову ценою за тысячу рублевъ продалъ по данному отъ него верющему писму засвидетельствованному въ Рижскомъ намѣстническомъ правленіи, губернской предводитель стацкой совѣтникъ Матвей Даниловъ сынъ Чихачовъ руку приложилъ.

У сей купчей крепости коллежской ассесоръ Николай Семеновъ сынъ Чихачовъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей крепости коллежской ассесоръ Дмитрей Матвѣевъ сынъ Чихачовъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей крепости титулярной советникъ Андрей Ивановъ сынъ Мартьяновъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей крепости капитанъ петръ Юрьевъ сынъ Авцынъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей крепости надворной совѣтникъ Степанъ Никитинъ сынъ Лодыженской свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей ‖ л. 2 об. ‖ коллежской советникъ Митрофанъ Гавриловъ сынъ Балавенской свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей надворной совѣтникъ Александръ Дмитріевъ сынъ Яхонтовъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей секундъ маіоръ Федоръ Яковлевъ сынъ Рындинъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей статской совѣтникъ Александръ Федоровъ сынъ Колюбакинъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей статской советникъ Петръ Ивановъ сынъ фонъ Фрауендорфъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей надворной совѣтникъ Алексей Макаровъ сынъ Макаровъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей калежской асесоръ Василей Ивановъ сынъ Аничковъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей коллежской асесоръ Петръ Марков сынъ Забелинъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей крепости секундъ маіоръ Александръ Ивановъ сынъ Кастюринъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей коллежской советникъ Петръ Иванов сынъ Себилевъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей титулярной совѣтникъ Степанъ Григорьевъ сынъ Карамышевъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей порутчикъ Василей Федотовъ сынъ Вохинъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей артиллерій капитанъ Александръ Ильинъ сынъ Жеребцовъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей Казенной палаты ассесоръ Павелъ Ивановъ сынъ Неелов свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей той же палаты ассесоръ Николай Степановъ сынъ Ильинскій свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

Сію купчую писалъ псковскихъ крепостныхъ дѣлъ писецъ регистраторъ Платонъ Гаранчаровъ. Запрещенія нетъ.

1789-го году декабря въ 10-й день, буде подлинно запрещенія нетъ, то совершить по указам. Секретар(ь) Максимъ Мамантов; 1789-го года» (ГАПО. Ф. 41. Псковский городовой магистрат. Оп. 1. № 875. Л. 2–2 об.).

После покупки дворовладения Н. А. Беклешов основательно перестроил доставшиеся ему каменные палаты (рис. 4)[3]. Верхний жилой этаж их был разобран, каменная часть первого этажа увеличена в плане за счет окруживших ее пристроек и спрямлена. Теперь фасады дома стали простираться параллельно крепостной стене и пролегающей с юга улице. На сохранившихся подвалах и новых каменных помещениях был надстроен второй деревянный этаж. По окончании работ, 26 мая 1794 г. Н. А. Беклешов обратился в Псковский городовой магистрат с прошением об освидетельствовании вновь выстроенного дома, находящегося «в городе Пскове в Мокролужской сотни в первой части в третьем квартале в приходе Воскресенския церкви» (ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. № 875. Л. 1). После осмотра проведенных работ, хозяину дома была предоставлена данная на владение означенным недвижимым имением.

28 мая 1797 г. статский советник и псковский вице-губернатор Н. А. Беклешов обратился в Псковский городовой магистрат за оценкой своего полукаменного дома с деревянными надворными строениями и садом. Уже 30 мая члены Городового Магистрата, псковские купцы и ценовщики, побывав на месте, освидетельствовали все надворные постройки и пришли к выводу, что главное здание «дерявяннаго строения **на каменном фундаменте с тремя каменными погребами** и с имеющимися при оном доме дерявянными разными службами и с садом» следует оценить в три тысячи рублей (ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. № 1308. Л. 1–2 об.) (рис. 5).

[3] Благодарю сотрудницу Центра туризма и творческих индустрий Марину Васильевну Федорову за любезно предоставленный план первого этажа дома Беклешова и обработку этого изображения в компьютерной программе.

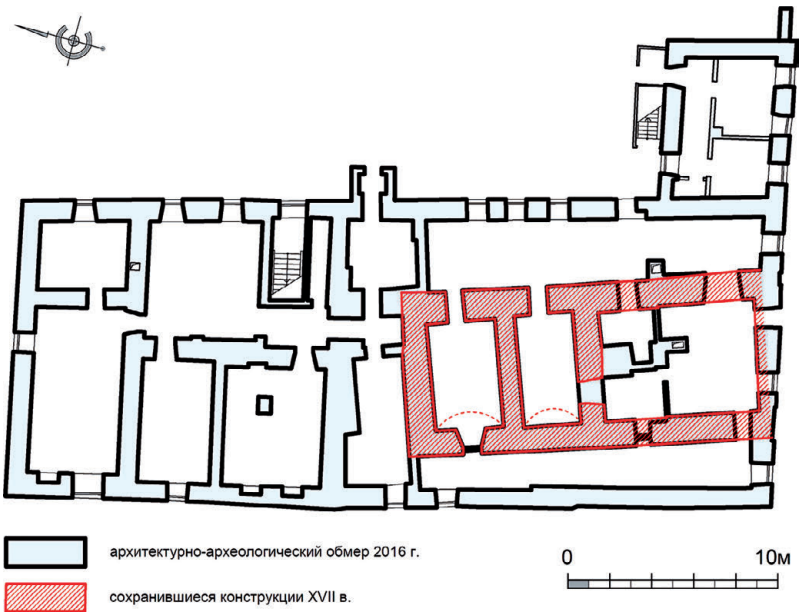

Рис. 4. План первого этажа дома Беклешова с указанием сохранившихся частей палат Елагина XVII в. (отмечены красным цветом). По материалам проекта реставрации и приспособления ОКН РЗ «Усадьба городская Беклешова Н. А. Дом жилой», XVII в., XVIII в., кон. XIX в. (Первое здание Псковской губернской гимназии). Том 2. Книга 3. Архитектурно-археологический обмер. ГАП Изотова Л. Е. 2016 г.

Дальнейшая судьба дома Беклешова хорошо известна, поэтому в данной статье она не рассматривается.

Выявленный план 1704 г. позволяет установить расположение не только палаты Елагиных, но и четырех других псковских дворян, живших в начале XVIII в. на Полонище в Раковской сотне: Якова Щербинина, Савина Неклюдова, Ивана Тимашева и Алексея Суморокова (рис. 6). Отмеченные здесь городские усадьбы упоминаются в близкой по времени переписной книге Пскова 1711 г. Например, при описании Раковской сотни указан «Двор дворянина Савина Лукина с(ы)на Неклюдова. Живет дворник казенной каменщик Прокофей Иванов с(ы)н Вечерня, от роду ему пятьдесят, жена Мар(ь)я Евстратова дватцати пяти лет; кормитца каменшицкою работою» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 173 об.).

Каменные палаты XVII в., принадлежавшие Неклюдову, были сломаны в XX в. при устройстве эллинга Псковской гребной базы. Также в переписи 1711 г. назван «Двор дворянина Алексея Федорова с(ы)на Сумарокова» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 181 об.), располагавшийся по соседству с подворьем Великопустынского монастыря. Жилые палаты Сумарокова находились к юго-востоку от ц. Преполовения Пятидесятницы, через улицу.

Кроме того, на плане 1704 г. показана северная граница Стрелецкой слободы, подходившей к площади у церкви Георгия со Взвоза. Дворовладения,

Рис. 5. Северная палатка в подвале дома Елагина.
Фото А. Б. Постникова, 09.11.2024 г.

схематически обозначенные на чертеже 1704 г., хорошо ложатся на более точный и геометрически выверенный план Пскова 1740 г., что дает возможность соотнести местонахождение этих объектов с современными топографическими картами (рис. 6). Так двор с палатами Ивана Тимашова находился на месте современного здания Псковского музыкального училища. Двор Якова Щербинина погребен под земляной насыпью у крепостной стены Окольного города,

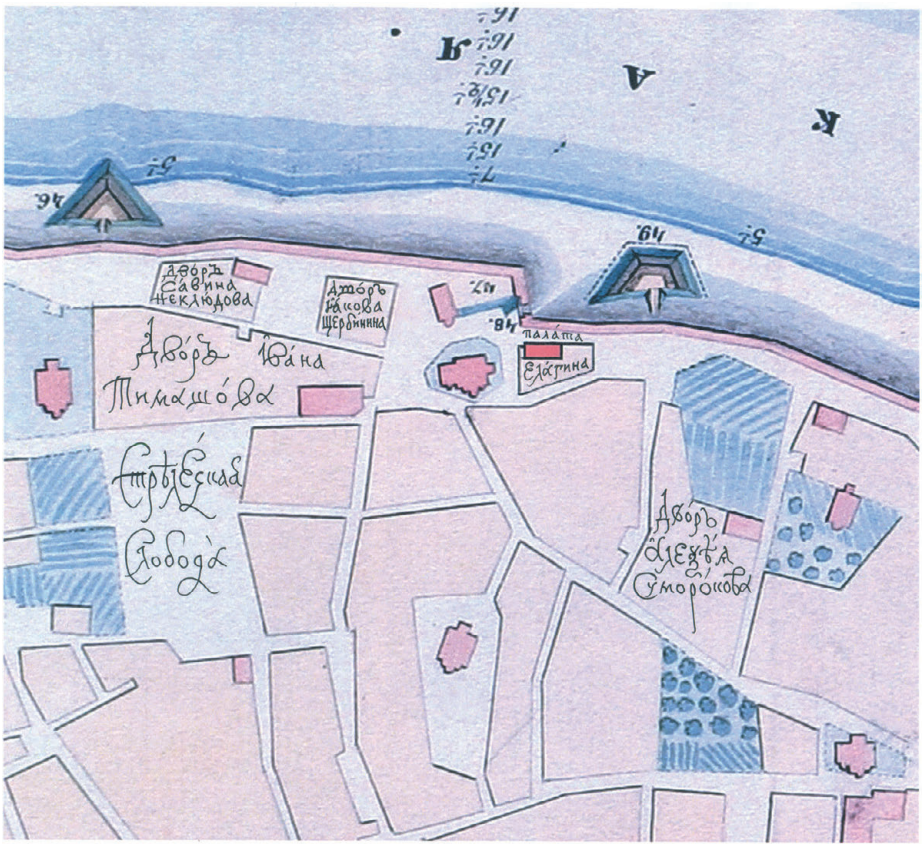

Рис. 6. Палаты Елагиных на плане Пскова 1740 г. Фрагмент копии И. Ф. Годовикова (ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 174. Л. VI. Описание на с. 506)

где ныне устроена спортивная площадка, близ руин засыпанной ц. Николы от Козьей бородки.

Работу по атрибуции памятников жилого зодчества Пскова XVII – начала XVIII вв. необходимо соединять с анимографическими исследованиями, основанными на архивных документах, что открывает новые возможности для археологического изучения города и его исторической топографии. Установление имен первоначальных владельцев домов и восстановление судеб их жителей позволяет исследовать остатки древних зданий и палат со знанием их истории. Это условие увеличивает значение памятников старины.

Литература

Василев И.И., 1870. Главное народное училище в г. Пскове и Псковская губернская гимназия. Историко-статистическое обозрение. 1786–1827 годы. Псков: В Типографии Губернского правления. 116 с.

Вересова Т.В., 1993. Мужская губернская... // Новости Пскова. 16 июля 1993. С. 7.
ГАПО. Ф. 22. Псковская провинциальная канцелярия. Оп. 1. № 749. Л. 64, 67.
ГАПО. Ф. 41. Псковский городовой магистрат. Оп. 1. № 875. Л. 1, 2–2 об.
ГАПО. Ф. 41. Псковский городовой магистрат. Оп. 2. № 1308. Л. 1–2 об.
Говорливый П.А., 1884. Историческая записка пятидесятилетия Псковской губернской гимназии и состоящего при ней пансиона. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. С. 8.
Долгоруков П.В., князь, 1857. Российская родословная книга. Ч. 4. СПб.: В типографии III Отделения СЕИВ Канцелярии. С. 63.
Емелина О.В., 1994. Памятники псковского жилого зодчества XVII века. Новые исследования // Псков через века. Памятники Пскова сегодня. СПб. С. 171–180.
Емелина О.В., *Левин Н.Ф.*, 2001. Загадки «дворца Марины Мнишек» // Псков. № 15. Псков. С. 26–33.
Емелина О.В., 2003. Исследование памятников гражданского зодчества XVII в. в Пскове // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Международная научная конференция. Т. 1. М. С. 391–400.
Емелина О.В., 2011. Палаты Поганкиных. Этапы строительной истории // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Вып. 2. Псков. С. 157–165.
Емелина О.В., *Изотова Л.Е.*, 2011. Приказная палата в Пскове. История строительства. Реставрация // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 34. Псков. С. 10–24.
Емелина О.В., 2011. Дом Марины Мнишек в Пскове: История, исследования // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 35. Псков. С. 23–33.
Кадастр, 1997. Кадастр. Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова. С. 18. № 34.
Лагунин И.И., 1976. Паспорт на памятник архитектуры к. XVII–XIX вв. Первая псковская гимназия (Дом Беклешова). Псков // Архив Производственной группы по охране и эксплуатации памятников истории и культуры Псковской области при Государственной инспекции по охране памятников РСФСР (ныне: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Псковской области). Индекс «3.3. № 1.41».
Лагунин И.И., 1987. Здания XVIII – первой половины XIX в. в Пскове – памятники архитектуры // АИППЗ. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков. С. 10–12.
Левин Н.Ф., 2013. «Дом старой гимназии» // Псковский летописец. Краеведческий альманах / Главный редактор Т.В. Вересова. № 1 (8). Псков. С. 67–73.
Лещиков В.Н., 2011. Псковская Мужская гимназии в 1833–1855 гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал № 34. Псков: ПсковГУ. С. 56–65.
Новикова Н.Н., *Огнева Л.А.*, 1996. 210 лет назад в октябре // Новости Пскова. 1996. 19 октября.
Новикова Н.Н., 1997. Строительство зданий для учебных заведений Пскова во II половине XIX – начале XX века // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал № 7. Псков: ПГПИ, 1997. С. 113– 119.
Новикова Н.Н., 2007. Усадьба городская Беклешова Н.А. Дом жилой (Первое здание Псковской губернской гимназии). Историческая справка. Рукопись // Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Псковской области. Архив
Памятная книжка Псковской губернии за 1869-й год. Издание Псковскаго губернскаго статистическаго комитета. Историческия монографии. Псков: В Типографии Губернского правления, 1870. С. [1–10], 1–116 (4-го счета).

Пахоменкова М.М., 2020. Дворянство и город Новоржев Псковской губернии в истории России: XVI–XX вв.: монографическое исследование. Новоржев, СПб.: «Реноме». С. 190–191, 194.

ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 174. Годовиков Иван Федорович. О. Ф. 28006 (9). РУК–508. Годовиков И. Ф. Атлас рисунков древностей Пскова (1854–1866 гг.).

Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. (1676–1688). № 1314. СПб.: Печатано в типографии II отделения СЕИВК, 1830. С. 949–950.

Постников А.Б., 2013. Древлехранилище Псковского музея. Обозрение русских рукописных документов XVI–XVIII вв. М.: БуксМАрт. С. 153–154. № 150; С. 806.

Постников Б.А., 1971. Материалы к истории и реставрации памятников гражданской архитектуры XVII в. в Пскове. Рукопись // Архив Псковской специальной научно-реставрационной проектной мастерской (ПСНРПМ). Псков.

Постников Б.А., 1979. Палаты Русиновых в Пскове // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Труды 78. М. С. 191–207.

Постников Б.А., 1983. «План Пскова 1740 года с нанесением каменных и деревянных строений XVII в., выявленных по разным планам и документам архитектором Б. А. Постниковым в 1983 году» // *Постников Б.А., Постников А.Б.* Церковь и духовенство Пскова в ходе реформ 1666–1764 гг.: в 2 т. Том 1. М.: Древлехранилище, 2023. Иллюстрации на форзаце и нахзаце.

Постников Б.А., 2000. Двор Подзноевых в Пскове. Памятник архитектуры конца XVII века // Строительство, архитектура и градостроительство Псковской области. Псков. С. 97.

Постников Б.А., 2010, 2011. Серебряник М. В. Сарпунов и его двор в Пскове // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 33. Псков, 2010. С. 94–128; № 34. Псков, 2011. С. 25–45; № 35. Псков, 2011. С. 34–65.

Постников Б.А., 2019. Псковские купцы Балаксины и Варыгины. (К вопросу о зарубежной торговле псковичей в XVI–XVII вв.) // Древности Пскова. Археология, история. Вып. 3. К 39-м Международным Ганзейским дням. Псков. С. 122–148.

Постников Б.А., 2020. Род псковичей посадских людей Гремяцких // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 52. Псков: Псковский государственный университет. С. 163–176.

Постников Б.А., 2020а. Род льноторговцев Балакиревых, посадских полковников (К вопросу о псковский торговле на Балтике в конце XVII – начале XVIII вв.) // Метаморфозы истории. Вып. 15. Псков: Издательство Псковского государственного университета. С. 161–197.

Постников Б.А., 2020б. Псковичи посадские люди Бахоревы и Векшины // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 35. Материалы 65-го заседания. М., Псков: ИА РАН. С. 209–238.

Постников Б.А., Постников А.Б., 2023. Церковь и духовенство Пскова в ходе реформ 1666–1764 гг.: в 2 т. Том 1. М.: Древлехранилище. Иллюстрации на форзаце и нахзаце.

РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. № 8500. Переписная книга Пскова 1678 г. Л. 329, 336 об. – 337.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Переписная книга Пскова 1709 г. Л. 125.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Переписная книга Пскова 1711 г. Л. 173 об., 181 об., 195.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Петербургская вотчинная контора. № 17717. 1704 г. На 1023 листах.

Русский биографический словарь. Т. II. Издан под наблюдением А. А. Половцова. СПб.: Типография Главнаго управления уделов, 1900.

Сб. МАМЮ, 1914. – Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6. Псков и его пригороды. Кн. 2. М. IX, 555 с.

Сведения 1756 г. – Сведения о числе ревизских душ в Псковской губернии, числившихся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 года / Сообщил И. И. Василев // Сборник трудов членов Псковскаго археологическаго общества за 1896 год. Издание ПАО. Псков: Типография Губернскаго правления, 1897. С. 26, 27.

Сиверс Яков Ефимович, 2005. Сиверс Яков Ефимович // Псковские губернаторы: История власти в лицах / Государственный комитет Псковской области по культуре; ГУК «Псковская областная универсальная научная библиотека; авт.-сост. Е. Г. Киселева. 2-е изд., испр. и доп. Псков: Стерх, 2005. С. 20–23.

Спегальский Ю. П., 1963. Псковские каменные жилые здания XVII в. М.; Л. С. 169–172, 174; Рис. 126. С. 170. № 43.

* * *

Постников Арсений Борисович, *Псков, Древлехранилище Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, e-mail: postnikovarsenii@mail.ru*

М. Е. Попов

Производство и клеймение кирпича в Пскове и окрестностях в XIX – начале XX в.

Резюме. Статья посвящена истории кирпичной промышленности Пскова и соседних волостей, а также клеймению продукции псковских кирпичных заводов на основании «Правил для единообразной и прочной выделки кирпича» 1847 г. Проводимая автором с 2022 г. документальная работа в сочетании с экспедиционными изысканиями по изучению кирпичей Псковской земли позволила выполнить идентификацию ряда клейм, обнаружить новые образцы продукции, всесторонне дополнить знания об уже известных заводах, уточнить местоположение производственных площадок и их преемственность, установить примеры использования клейм в архитектурных сооружениях. До настоящего момента исследование кирпичного производства на Псковской земле, строящееся на архивных документах и местной печати, не было предметом столь глубокого интереса. В статье впервые освещаются датирующие особенности технологии производства кирпичей, характерные для Псковской губернии. Приведенные изображения кирпичей с описанием клейм смогут использоваться для определения находок при будущих работах.

Ключевые слова: Псков, Псковский уезд, кирпичное производство, клеймение кирпича, Луковка, Черёха, Орлецы, монастырь Пантелеймона Дальнего.

M. E. Popov. Brick Production and Stamping in Pskov and its Neighborhood in the 19th – early 20th Centuries

Abstract. The article is devoted to the history of the brick industry in Pskov and neighboring volosts, as well as the branding of products from Pskov brick factories based on the 1847 "Rules for Uniform and Durable Brick Manufacturing". The author's documentary work, carried out since 2022, combined with expeditionary research on the study of bricks in the Pskov region, made it possible to identify a number of stamps, discover new product samples, comprehensively supplement knowledge about already known factories, clarify the location of production sites and their continuity, and establish examples of the use of stamps in architectural structures. Until now, research into brick production in the Pskov region, based on archival documents and local press, has not been the subject of such deep interest. This article is the first to highlight the dating features of brick production technology characteristic of the Pskov province. The images of bricks with descriptions of stamps provided in the article can be used to identify finds in future archaeological work.

Keywords: Pskov, Pskov Uezd, brick production, brick stamping, Lukovka, Cheryokha, Orletsy, Panteleimon Dalny Monastery.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.218-230

Научная и культурно-историческая значимость кирпичных клейм, исследования по их идентификации в краеведческом и археологическом контекстах обретают все большую актуальность и последние два года обсуждаются на тематических научных мероприятиях межрегионального уровня. 3 октября 2024 г. состоялся круглый стол «Русский кирпич: клейма, метки, знаки» в Музее-заповеднике «Остров-град Свияжск» с последующей публикацией материалов в сборнике (Подлинник..., 2025). В апреле – июне 2025 г. в Петропавловской крепости (Государственный музей истории Санкт-Петербурга) проводилась выставка В. Н. Смирнова «Кирпичная Российская империя», презентующая клейменые кирпичи более чем из 40 губерний. 18 октября 2025 г. состоялась научно-практическая конференция «Архитектурная керамика Невского края: от завода и мастерской до музея» в Центральной государственной публичной библиотеке им. В. В. Маяковского с докладами о кирпичных и гончарно-изразцовых заводах Санкт-Петербурга и уездов столичной губернии.

Кирпичные клейма, которые возникли непосредственно после вступления в силу «Правил для единообразной и прочной выделки кирпича» 1847 г.[1], следует рассматривать как строгие документы, имеющие только единственную верную интерпретацию. Их атрибуция зачастую сводится к нетривиальной историко-краеведческой задаче. Установление соответствия между символами на клейме и данными о заводах соответствующего периода, такими, как инициалы заводчиков, названия фирм и обществ, необходимо выполнять в строгом понимании датировок кирпичей. Датировки определяются исходя из времени создания объекта, на котором применялись кирпичи, но в отношении находок вне построек датирующими признаками выступают способ нанесения клейма, размеры кирпича и тип формовки. Методика автора по расшифровке псковских клейм и выявлению информации о заводах основывалась на опыте написания книги по кирпичной промышленности Олонецкой и Выборгской губерний (*Попов*, 2022).

Кирпичные клейма Пскова, выполнявшиеся местными заводами в период с 1850-х по 1910-е гг. согласно требованию «Правил для единообразной и прочной выделки кирпича...», выступают неотъемлемым источником сведений для истории местной архитектуры, промышленности и предпринимательства. Например, встречаются клейма в виде инициалов («Ч», «Г. В.», «А. Г. и А. И.» и др.), с написанием фамилий («Орловъ», «А. Ильяшъ» и др.) и топонимов («Д. Л. Г. Псковъ», «Луковка»).

Кирпич XIX – начала XX в. составляет часть находок при проведении изысканий в Пскове и поступает в коллекции раскопов. В 2024 г. были выявлены кирпичи, разные по времени изготовления, с местными клеймами:

– Плехановский-11 раскоп на ул. Плехановский посад, 9 (ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области») – «Орловъ» (1850-е гг.), «Г. В.», «И. М.П.», «Ч» (конец XIX – начало XX в.).;

---

[1] «Правила для единообразной и прочной выделки кирпича» (Указы...) – утвержденный Николаем I 24 января 1847 г. технический стандарт, регламентировавший производство кирпича в Российской империи. Правила установили единый размер кирпича и обязательное клеймение продукции для повышения качества строительства.

– Хозяйственный корпус Спасо-Преображенского Мирожского монастыря (ИИМК РАН) – «Орловыхъ» (1850-е гг.), «З. Ч.Г. » (1870-е гг.), «Луковка» (кон. XIX – нач. XX в).

Краеведческие исследования, проводимые ранее, посвященные псковским кирпичным заводам, не претендовали на расшифровку и систематизацию всех найденных кирпичных клейм, но затрагивали ряд ключевых заводов XIX–XX вв. Из числа специализированных публикаций по тематике можно указать статьи краеведа Н. Ф. Левина (*Левин*, 1992; 2016), Е. М. Кацнельсон (*Кацнельсон*, 1999), материалы выставки «Зеркало псковской печи» в музейном комплексе «Двор Постникова» (Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). Наиболее доступная информация о клеймах заводов Псковской губернии сейчас представлена в соответствующем разделе на сайте исследователя и коллекционера В. Н. Смирнова[2].

Важно отметить первый и уникальный случай клеймения древнерусского кирпича (плинфы) в Пскове, который относится к XII в. В ходе раскопок Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа 1965–1966 гг. на плинфе ц. Дмитрия Солунского (1143 г.) в Довмонтовом городе были выявлены княжеские тамги и другие, пока менее понятные символы (*Белецкий*, 1971). Штампы нанесены с использованием специально подготовленных металлических матриц, что позволяет классифицировать их как полноценные кирпичные клейма, в отличие от рукописных знаков и меток. Что примечательно, в наследии школы храмового зодчества Великого Новгорода пока не зафиксированы случаи обнаружения плинфы с клеймами. Кирпичи содержатся в каменной кладке и других псковских церквей XII в. – собора Рождества Иоанна Предтечи на Завеличье (1-я половина XII в.) и Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (до 1156 г.).

С XIII и вплоть до XVII в. кирпич практически вышел из строительной техники псковских мастеров, и его роль перешла к каменному материалу – плитняку (*Спегальский*, 1978. С. 5). Для данного периода не имеется сведений и о местах кирпичного производства. Однако в находках в Пскове широко известны так называемые дуговые кирпичи XV–XVII вв. – фигурные кирпичи арочной формы, украшенные орнаментом, использовавшиеся для обрамления устья печи. Татьяной Филипповной Прибуровой предложена всеобъемлющая классификация орнаментов на дуговых кирпичах, базирующаяся на сравнительном анализе находок (*Прибурова*, 2019; 2024).

Сведения о кирпичных заводчиках Пскова появляются с XVIII в. По ведомости Псковского городового магистрата от 29 августа 1785 г., в городе было 4 кирпичных завода: **Степана Горшанова**, **Ивана Каменщикова**, **Пимена Дементьева** и **Якова Яхнова**. Все заводы размещались в деревянных строениях (Губернский Псков..., 2010. С. 173–174).

[2] *Смирнов В. Н.* Псковская губерния [Электронный ресурс]//Кирпичное наследие. URL: https://www.v-smirnov.ru/pp1.htm (дата обращения: 01.11.2025).

Сохранились подлинные ведомости за 1808–1812 гг. о кафельном, кирпичном и черепичном заведении дерптского[3], а позднее псковского купца 3-й гильдии **Никифора Исаковича Шорохова** (ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 254. Л. 25; Д. 445. Л. 42). Производство было расположено в Выползовой слободе[4] в арендованном доме Подзноева.

Двумя историческими поселениями, сыгравшими роль в развитии псковских кирпичных производств, являлись д. Луковка и Орлецы. Так, на арендованной земле крестьян Луковки в 1834 г. был основан казенный кирпичный завод Комиссии по строительству полковых штабов на Николаевском шоссе (ныне Октябрьский просп., 54). Участок для открытия завода был изыскан в 1833 г. инженерами от «управляющего построением шоссе от Санкт-Петербурга до Динабурга[5]» (Кирпичный завод..., 1884). Инженерами также рассматривались глинистые места в 1 и 2 верстах от Сергиевских ворот в сторону Крестов, участок в д. Орлецы и земля на берегу р. Великой «при церкви Пантелеймона». Возле Пантелеймонова монастыря на тот момент уже существовал кирпичный завод, владелец которого в источнике не называется. Выпуск кирпичей в Луковке продолжался до мая 1837 г., а в январе 1839 г. все казенные материалы были проданы губернскому предводителю дворянства за 10000 рублей.

Кирпичный промысел в д. Орлецы на левом берегу р. Великой возник примерно в 1820–1830-х гг. и стал результатом отходничества местных крестьян на кирпичные заводы, расположенные под Санкт-Петербургом (Кустарные промыслы..., 1887). В 1870-х гг. «орлецкий кирпич» продавался в Пскове по низкой цене в 7 рублей за 1000 штук, в то время как цена заводского кирпича достигала 16–18 рублей. Крестьянский кирпич подвергался критике в местной печати за низкое качество обжига и негодность для использования в кладке печей, дымовых труб и облицовке закладных рам (*Евлентьев*, 1874).

Практика клеймения кирпичей, почти отсутствовавшая на Северо-Западе России до середины XIX в., нашла распространение в 1850-х гг. благодаря упомянутым выше «Правилам...», изданным в качестве приложения к Уставу о промышленности. Одной из главных задач данного нормативного документа была унификация размера кирпичей: 6×3×1,5 вершка, то есть 27×13×7 см. По распоряжению министра государственных имуществ 15 мая 1847 г. 1-й Департамент министерства препроводил в Псковскую губернию 25 экземпляров «Правил...», предписывая «... разослать оные немедленно к Окружным Начальникам и в Волостные Правления, по одному экземпляру в каждое, для безотлагательного приведения сих правил в известность по ведомству Государственных Имуществ и для наблюдения за точным и действительным исполнением оных» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 657. Л. 15–16). 17 октября псковский губернатор рапортовал министру внутренних дел, что

---

[3] Дерпт – ныне г. Тарту в Эстонии.

[4] Местность по правому берегу р. Великой между Покровской башней и Никитской церковью.

[5] Динабург – ныне г. Даугавпилс в Латвии.

полученные «Правила...» и чертежи к ним откопированы и разосланы во все градские и земские полиции (РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 657. Л. 45). Списки заводчиков Псковской губернии, которые должны были принять на вооружение «Правила...», к переписке не прилагаются.

До 1850-х гг. в Псковском уезде доминировала конструкция станка для формовки сырца в виде рамки, состоящей из четырех дощечек. Клейма приходилось наносить на сырец с помощью небольших штемпелей – «печаток». К 1860-м гг. архаичные «рамки» были заменены на более удобные и прочные «ящики», позволяющие устанавливать латунную (реже стальную) матрицу клейма на дно. Это новшество привело к возникновению стационарных клейм, располагаемых по центру постели[6] кирпича. Что примечательно, в «Правилах...» упоминаются оба типа станков, а также машинный способ изготовления кирпича.

Эволюция формовочных инструментов продолжилась в конце XIX в. с появлением машин для экструзионной («ленточной») формовки сырца. При данном способе изготовления кирпич нарезается проволокой из выдавленного глиняного бруска. Такая технология вызвала необходимость снова употреблять «печатки» для клеймения. Псковский машинный кирпич внешне существенно отличается от образцов ручной формовки благодаря концентрическим следам нарезки на обеих постельных сторонах. Что немаловажно, к началу XX в. Псков стал одним из немногих городов на Северо-Западе, где все кирпичные заводы освоили машинную формовку кирпича. Технология обеспечила выпуск кирпичей с более гладкими гранями, нежели при ручном изготовлении, востребованных при строительстве неоштукатуренных зданий (в «кирпичном» стиле).

Формат клейменых псковских кирпичей ручной формовки 1850–60-х гг. лежит в пределах 25–26×12–13×6–6,5 см. В отношении кирпичей данного типа изготовления имеется устойчивое наблюдение, справедливое не только для Пскова, но и для Санкт-Петербурга: к 1870–80-м гг. они стали толще (7–8 см) и шире примерно на 1 см. Машинные псковские кирпичи разных заводов конца XIX – начала XX в. преимущественно имеют форматы в диапазоне 26–27×13–14×6–7 см.

В качестве первых образцов клейменой продукции удалось идентифицировать и связать между собой кирпичи «Б. О.» («Братья Орловы»), «Орловъ» и «Орловыхъ» (рис. 1: *1–4*). Клейма следует отнести к периоду аренды Луковского завода в промежутке с 1840-х по 1860-е гг. лужским купцом 2-й гильдии **Иваном Васильевичем Орловым** с купеческим братом **Семеном Орловым**[7]. Имеется указание (Кирпичный завод..., 1884) на то, что из кирпичей бывшего казенного завода в д. Луковка отстроены доходный дом И. В. Орлова (1840–50-е гг., ул. Гоголя, д. 19) и третий этаж кадетского корпуса (1856–1859 гг., ныне – Дом Советов, ул. Некрасова, 23). В ходе ремонта 2022 г. на верхнем этаже здания действительно были найдены кирпичи с 3-мя видами клейм Орловых. Также имеется краткое сообщение о том, что «г. Орлов»

[6] Постель – самая широкая грань кирпича.

[7] Прежде клейма ошибочно воспринимались коллекционерами как марки завода Я. А. Орелова и братьев Ореловых в г. Остров (конец XIX – начало XX в.).

Рис. 1. Клейма псковских кирпичных заводов 1850-х гг. – кон. XIX в. *1, 2* – «БО»; *3* – «Орловъ»; *4* – «Орловыхъ»; *5* – «А.А.»; *6* – «Е.П.С.»; *7* – «Н.Ш.»; *8* – «П.Г.К.З.»; *9* – «З.Ч.Г.»; *10, 11* – «И.М.П.» (ручная и машинная формовка); *12* – «А.К.» (ручная формовка); *13–14* – «АК» (машинная формовка); *15, 16* – «Ч»; *17, 18* – «ИЧ»; *19* – «З.И.Ч.». (Фото: М. Е. Попов (*1–4, 13–16*), В. Н. Смирнов (*5, 17*), А. В. Королёв (*6*); А. М. Богданова (*7*); С. А. Чернокожев (*8, 12, 19*); В. Е. Литвинский (*9*); Н. А. Козлов (*10*), Ю. Н. Кузьмин (*11*))

являлся непосредственным подрядчиком по перестройке кадетского корпуса (Псковский городской листок. 1888. № 25, 30 марта. С. 3).

Ремонтные работы 2025 г. в здании железнодорожного вокзала (1860–1863 гг.) и произошедший в 2016 г. снос здания Клуба железнодорожников, которое могло иметь довольно старое основание, позволили зафиксировать набор кирпичных клейм, использовавшихся другими заводами Псковского уезда в 1850-х – начале 1860-х гг. На обоих адресах оказались упомянутые кирпичи завода Орловых, а также «А. А.», «Е. П. С.» и «Н. Ш.» (рис. 1: *5–7*) (последний найден только на месте клуба).

Клейма «А. А.» ставились на кирпичи двумя способами – печаткой, либо с ящика. В «Сенатских объявлениях о запрещениях на имения» за 1859 г. упоминается завод поручика Псковского внутреннего гарнизонного батальона **Алексия Андреевича Андреева** в пустоши Захолустье (30 верст от города и 6 верст от ст. Торошино).

Кирпичи «Е. П.С.» следует идентифицировать как принадлежащие полковнику **Евгению Петровичу Самсонову**, заведовавшему имением Елизаветино своей жены Надежды Федоровны Самсоновой (урожд. Львовой) в Чирской волости Псковского уезда. В работе И. В. Созинова (*Созинов*, 2014) по документам семьи Самсоновых рассматриваются найденные свидетельства о непродолжительной деятельности завода с конца 1850-х по 1860 г. и доказывается поставка кирпичей Главному обществу российских железных дорог.

Клейма «Н. Ш.», имеющие характерный для 1850-х гг. «безрамочный» тип клеймения, затруднительно отнести к заводу Н. И. Шорохова, упоминавшемуся только в 1808–1812 гг. Возможно, речь идет о другом представителе семейства или «наследниках Шорохова»[8].

Новая страница в псковской кирпичной промышленности открылась благодаря устройству в 1874 г. городского кирпичного завода на участке по берегу р. Великой, южнее Пантелеймоновского монастыря (ГАПО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–4, 14). Из-за острого недостатка кирпича в 1873 г. Городской управой был поднят вопрос о создании муниципального кирпичного завода. Проект устройства завода и смету разработал и предложил городовой архитектор Э. Гернет. По контракту с Управой в 1874 г. изготовление кирпичей должен был выполнить вейсенштейнский[9] мещанин **Савелий Никифорович Козлов** со своими рабочими. Комиссией Управы утверждалось клеймо «П. Г. К. З.» – «Псковский городской кирпичный завод» (рис. 1: *8*).

С марта 1878 г. Псковская дума разрешила Управе отдавать завод в аренду частным лицам по ее усмотрению (Копии с постановлений..., 1878. С. 11), в результате чего содержателями предприятия становились: в 1878 г. – мещанин **Федор Петрович Горбунов** (в первый же сезон он отказался от аренды завода под предлогом неимения глины), с 1879 по 1888 г. – С. Н. Козлов, с 1889 по 1899 г. – купец 2-й гильдии **Иван Иванович Чернов**. В 1899–1900 гг. завод был снесен по причине ветхости (Смета..., 1900. С. 24–25), и кирпичная промышленность Пскова полностью сконцентрировалась в частных руках.

Завод в д. Луковка в 1876 – начале 1880-х гг. арендовал вышеупомянутый Ф. П. Горбунов, а в 1885 г. по ведомости завод числится за мещанкой **Пелагеей Ивановной Горбуновой** (РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 177а. Л. 132–133). Для строительства Архиерейского дома (1876–1881 гг.) на подворье Псково-Печерского монастыря (ул. Профсоюзная, 10) использовались кирпичи «З. Ч.Г. » (*Лагунин*, 2021) (рис. 1: *9*). Пока не ясно, идет ли речь о некоем совместном «заводе Чернова и Горбунова».

---

[8] В 1870–80-х гг. упоминаются гончарные заводы Гаврилы Степановича, Михаила Андреевича Шорохова на территории города Пскова.

[9] Вейсенштейн – ныне г. Пайде в Эстонии.

В 1892 г. петербургской подрядчик **Иван Михайлович Постников** организовал кирпичный завод на правом берегу Великой, около с. Промежица для возведения здания офицерского флигеля Псковского кадетского корпуса (1892–1894 гг., Комиссаровский пер., 2) (Псковский городской листок. 1892. № 83, 18 окт. С. 2). Второй завод Постникова работал в д. Заболотье (Вся Россия, 1899. Стб. 558). Выпускались кирпичи «И. М.П.» ручной и машинной формовки[10] (рис. 1: *10, 11*).

В 1895 г. упоминаются два завода купца 2-й гильдии **Алексея Мартыновича Качёва**, расположенные по правому берегу Великой в д. Поле-Образа и с. Промежица, производившие вместе 200 тыс. кирпичей в год (Вся Россия, 1895. Стб. 1065–1067). По кирпичам этих заводов «А. К.» прослеживается переход от ручной формовки (рис. 1: *12*) к машинной (рис. 1: *13, 14*). Одновременно в источнике упоминаются кирпичный и кафельный заводы купца **Карла Ивановича Гельдта** в с. Промежица[11]. Не исключено, что один из кирпичных заводов в Промежице перешел к этим владельцам от И. М. Постникова.

С конца XIX в. и вплоть до 1917 г. кирпичезаводчиками идет непрерывное освоение территорий вокруг слияния р. Черёхи с Великой: в р-не Пантелеймоновского монастыря и с. Промежица по правому берегу Великой, д. Луковка и Лопатино по правой стороне Черёхи (Псковоградская волость), а также д. Малая Гоголёвка на левом берегу Великой (Логазовская волость).

С 1889 г. на Черёхе велась деятельность крупнейшего псковского кирпичного промышленника, старосты кафедрального собора Святой Троицы, купца 1-й гильдии **Ивана Ивановича Чернова** (1838–1916). Первоначально в 1889 г. его жена **Пелагея Андреевна** устроила кирпичный и лесопильный заводы на берегу Черёхи, на арендованной земле крестьян Луковки и Лопатино. Позже, в 1891 г., И. И. Чернов оформил эту землю в собственность (ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. 1891. Д. 73. Л. 1–2, 15). Кирпич Черновых, сформованный машинным способом, был поставлен для сооружения в 1890 г. двух зданий в Пскове: дома старообрядца Евдокима Епифанова (ул. Советская, 31) и дома К. И. Гельдта (Октябрьский просп., 22). В 1891 г. Чернов начал выпускать легкую черепицу, оборудовав завод французскими машинами[12] (Псковский городской листок. 1891. № 69, 15 сент. С. 3). Кирпич обжигался в непрерывно действующей кольцевая печи системы Гофмана. На большинство кирпичей ставились печаткой тычковые[13] клейма «Ч» (рис. 1: *15*). Реже встречается уменьшенный вариант «Ч» на постели кирпича (рис. 1: *16*). В Санкт-Петербурге в застройке Варшавского вокзала найдены редкие клейма «ИЧ» (рис. 1: *17, 18*), а в одном из домов Пскова – «З. И.Ч.» (ул. Школьная, 1) (рис. 1: *19*).

---

[10] У И. М. Постникова в 1887–1901 гг. имелся кирпичный завод в Петергофском уезде близ Новознаменской дачи, производивший кирпичи обоих типов формовки с полностью идентичными клеймами.

[11] Пока известно только клеймо Гельдта на изразце – «К. Гельдтъ Псковъ».

[12] При раскопках 1945 г. в Довмонтовом городе найдены осколки черепицы с раздельными клеймами «... Ивана Чернова» и «...заводъ въ Псковѣ».

[13] Тычок – самая маленькая грань кирпича.

В 1895–1896 гг. предприятия Чернова испытали экономические трудности и были выставлены на государственную продажу за долги, но их удалось сохранить с привлечением компаньонов: сына **Александра Ивановича Чернова** и купца 2-й гильдии **Михаила Федоровича Барзова** (Фабрично-заводская промышленность..., 1897. С. 286–287). Следующим владельцем заводов стал кандидат коммерческих наук **Лейб Мордухович Давидсон** (1870–?), уроженец местечка Чашники в Лепельском уезде Витебской губернии. В 1902 г. Давидсон перевел на себя контракт на аренду глиняной разработки в пустоши Анрохново-Горохново[14], заключенный Черновым с Псковской Городской управой, и в полном составе выкупил землю с кирпичным и лесопильным заводами (РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 1044. Л. 1–2). Кирпичи с клеймами «ЛД» (рис. 2: *1)* преимущественно ставились на тычке, использовались в ряде значимых сооружений Пскова, к примеру: доходный дом Б. Ю. Кербера (1910 г., Октябрьский пр., 30А), корпуса канатной фабрики Г. Ю. Мейера (ул. Л. Поземского, 22), надстройка дома Жуковского на Великолуцкой ул. (ок. 1908 г., ул. Советская, 29). В последнем здании употреблялись облегченные пустотелые кирпичи «ЛД» с 6-ю продольными каналами прямоугольного сечения. Летом 1915 г. Давидсон подписал товарищеский договор с дантистом **Лейбом Залмановичем Амитаном** о совместном содержании завода в Лопатино под фирмой «Черёхский Кирпичный Завод» (РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 3. Л. 7–8об).

В период финансовых трудностей И. И. Чернова в середине 1890-х гг., сын промышленника **Александр Иванович Чернов** открыл собственный кирпичный завод в д. Луковка, впервые упоминаемый в справочнике 1897 г. (Фабрично-заводская промышленность..., 1897. С. 454–455). Данному предприятию принадлежат клейма «Луковка» 3-х видов (рис. 2: *2–4*), которые не следует путать с продукцией более ранних заводов в этой деревне. К 1903 г. Чернов принял в компаньоны крестьянина **Василия Федоровича Проникова** и образовал Торговый дом «В. Ф. Проников и А. И. Чернов».

А. И. Чернов обрел известность как подрядчик и благотворитель: на его щедрые пожертвования в 1898 г. при Образской церкви на Запсковье было построено здание первой церковно-приходской школы в Пскове, а в 1904 г. Чернов взял подряд на постройку школы на Губернаторской улице (Отчет Церковно-приходского попечительства..., 1905. С. 16–20).

В 1895 г. кирпичный завод в с. Промежица, рядом с Пантелеймоновской слободой основал известный предприниматель **Георг Францевич Викенгейзер** (1843–1914), в число заслуг которого входило устройство городского водопровода, проведение телефонной линии, строительство дач в д. Черёха и др. (*Левин*, 2016). Клейма Викенгейзера «Г. В.» чаще исполнялись в рамках со скошенными углами, реже – в прямоугольных (рис. 2: *5, 6*). В 2025 г. обнаружен вариант с латинским написанием «G. W.» (рис. 2: *7*). Завод был оборудован кирпичеделательной машиной Шликейзена модели «№ 5», гофманской печью на 20 камер и локомобилем (Отчет Псковского губернского экономического

[14] Крупное земельное владение города Пскова на правом берегу р. Великой.

Рис. 2. Клейма псковских кирпичных заводов кон. XIX в. – 1910-х гг. *1* – «ЛД»; *2–4* – «Луковка»; *5, 6* – «Г.В.»; *7* – «G.W.»; *8* – «Д.Л.Г. Псковъ»; *9* – «А. Ильяшъ»; *10* – «А.Г. и А.И.»; *11* – «Э.Ш.»; *12, 13* – «ЭР»; *14* – «СФ»; *15* – «Ш.К.». (Фото: В. Н. Красильников (*1, 15*), М. Е. Попов (*2, 5–7, 9–12*), А. М. Богданова (*3*), В. Е. Литвинский (*4*), С. А. Барбаш (*8*), Н. А. Козлов (*13*), В. Н. Смирнов (*14*))

совещания..., 1922. С. 105–106). Некоторые постройки из кирпичей Викенгейзера: дом Псковского волостного правления (1890-е гг., ул. Л. Поземского, 45), доходные дома В. К. Черёхинского (ок. 1904 г., Музейный пер., 3) и Б. Э. Граудум (начало XX в., ул. Калинина, 17), часовня Воскресения Христова на Мироносицком кладбище (1915 г.). Дом Б. Ю. Кербера (1910 г.) – единственное здание, где клейма «Г. В.» поставлены на тычках кирпичей, в других случаях штамп завода Викенгейзера всегда располагается на постели.

На левом берегу р. Великой, при д. Малая Гоголёвка в конце 1890-х гг. непродолжительное время существовал завод купца, владельца ссудной кассы **Давида Лейбовича Гришмана**. Клеймо – «Д. Л. Г. Псковъ» (рис. 2: *8*)[15]. Найдены документы по апелляционной жалобе Гришмана против обвинения в нарушении статей Устава о промышленности (РГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1084. Л. 1–4).

[15] В Кологородской волости Лужского уезда при д. Заполье действовал второй завод Гришмана, ставивший подобные клейма «Д. Л. Г. Заполье».

Согласно протоколу фабричного инспектора, неправильно велась именная книга рабочих и задерживались расчеты.

В 1900 г. производство в Малой Гоголёвке открыл двинский купец 1-й гильдии и дантист **Абрам Шимелевич Ильяшев**, известный как хозяин строительной конторы, который возвел различные здания в Пскове, в том числе: собственный дом на Кахановском бульваре (1906–1907 гг., Октябрьский просп., 46), отделение Госбанка (1909–1910 гг., ул. Советская, 44), художественно-промышленное училище Н. Ф. Фан-дер-Флита у Поганкиных палат (1912–1913 гг., ул. Некрасова, 7). К 1905 г. появился совладелец завода – лесопромышленник **Айзик Шлеймович Гринсон**, в результате чего первоначальное клеймо «А. Ильяшъ» было заменено на «А. Г. и А. И.» (рис. 2: *9, 10*). Такие кирпичи использовались для строительства Воинского храма Святого благоверного князя Александра Невского на Завеличье для 96-го Омского полка (1907–1908 гг., ул. Мирная, 1).

Наконец, поблизости от предыдущего завода в 1909 г. открылся «Корытовский» кирпичный завод дантиста **Вениамина Евсеевича Цехновицера** в с. Корытово (Памятная книжка..., 1913. С. 448). Клейма данного предприятия не выявлены.

В завершение обзора предприятий укажем, что с 1900-х и вплоть до 1917 г. все псковские кирпичные заводчики объединялись в синдикат, договорившись о продаже кирпича с центрального склада, расположенного в доме Викенгейзера (Октябрьский просп., 4). В середине 1900-х гг. Викенгейзер, Ильяшев, Давидсон и «Проников и Чернов» организовывали поставки кирпичей для новой колокольни при Пантелеймоновском монастыре (*Постников*, 2015. С. 32–35). Дом Л. И. Оглоблиной (начало XX в., ул. Герцена, 13) был сложен из кирпичей разных заводов с клеймами «Луковка», «Г. В.» и «А. Г. и А. И.».

Остаются несколько клейм на псковских кирпичах, которые пока не атрибутированы. В доме Оглоблиной найдены кирпичи «Э. Ш.» (рис. 2: *11*). Во время сноса технических зданий Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге в 2010-х гг. совместно с другими кирпичами псковских заводов зафиксированы «ЭР», «СФ» и «Ш. К.» (рис. 2: *12–15*).

Таким образом, наследие кирпичного дела в Пскове и окрестностях представлено более чем 30-ю различными заводскими клеймами. Все находки несут высокую информационную значимость и напрямую связаны с историей строительства города.

История кирпичной промышленности в других городах Псковской губернии и послереволюционном Пскове столь же богата и является темой для более широкого исследования[16].

Автор выражает благодарность за плодотворные обсуждения и обмен информацией коллекционерам Александре Михайловне Богдановой (Псков),

[16] Бывшие заводы Викенгейзера и «Проникова и Чернова» в 1920-х гг. стали Государственным объединением кирпичных заводов «Черёха» и «Луковка», завод Давидсона «Лопатино» был сдан Северо-Западной ж. д., а в с. Корытово к 1938 г. открыт кирпичный завод «Победа».

Владимиру Никитичу Смирнову, Владимиру Николаевичу Красильникову (С.-Петербург), старшему научному сотруднику ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области» Алексею Владимировичу Фисенко.

Источники и литература

Белецкий В. Д., 1971. Клейма и знаки на кирпичах XII века из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. № 2. М.: Наука. С. 272–278.

Вся Россия. Т. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1895.

Вся Россия. Т. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1899.

ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 254. Ведомости о фабриках и заводах по Псковской губернии. 152 л.

ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 445. Ведомости о состоянии фабрик и заводов, находящихся в городе Пскове и Порхове за 1812 год. 47 л.

ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. 1891. Д. 73. Об обмене угодий между крестьянами Псковоградской волости, деревни Луковки и Лопатино и Псковским купцом Иваном Ивановичем Черновым. 23 л.

ГАПО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 6. Дело об открытии в г. Пскове кирпичного завода. 15 л.

Губернский Псков в архивных документах: сборник документов Государственного архива Псковской области. Псков: АРТ-проспект, 2010. 552 с.

Евлентьев К., 1874. Городская летопись // Псковские губернские ведомости. № 22, 8 июня. С. 1.

Кацнельсон Е., 1999. Наследники «Луковки» (из истории возникновения псковского кирпичного завода) // Новости Пскова. № 220, 16 нояб.

Кирпичный завод, находящийся близь дер. Луковки, Псковского уезда, Псковоградской волости // Вестник Псковского губернского земства. 1884. № 19, 13 мая. С. 12–16.

Копии с постановлений Псковской городской думы, состоявшихся: 15 сент., 24 окт., 22, 25, 30 ноября 1877 г., 7, 21 марта 1878 г. Псков: тип. Губ. правл., 1878. 14 с.

Кустарные промыслы Псковского уезда // Псковский городской листок. 1887. № 29, 19 апр.

Лагунин И. И., 2021. Архиерейский дом на подворье Псково-Печерского монастыря в Пскове (1876–1881 гг.) // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 54. Псков: ПсковГУ. С. 96–115.

Левин Н. Ф., 1992. Будем делать кирпичи? // Голос. № 4, февр.

Левин Н. Ф., 2016. Предприниматели Пскова и Псковской губернии // Предпринимательство в Псковской губернии, XIX–XX вв.: Очерки истории. Псков: Торгово-промышленная палата Псков. обл. С. 116–117.

Отчет Церковно-приходского попечительства при Псковоградской Покровской от торга церкви за 1904 год. Псков: тип. Губ. правл., 1905. 20 с.

Отчет Псковского губернского экономического совещания. Вып. 2: 1 октября 1921 г. – 1 апреля 1922 г. Псков: Типо-лит. «Новая жизнь», 1922. 346 с.

Памятная книжка Псковской губернии на 1913–1914 гг. Псков: тип. Губ. правл., 1913. 620 с.

Псковский городской листок. 1888. № 25, 30 марта.

Псковский городской листок. 1891. № 69, 15 сент.

Псковский городской листок. 1892. № 83, 18 окт.

Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. № 2. 2025. М.: РГГУ.114 с.

Попов М. Е., 2022. Путеводитель по кирпичным заводам Олонецкой и Выборгской губерний. СПб.: Издательский дом «Инкери», 288 с.

Постников А. Б., 2015. Монастырь Пантелеймона Дальнего с Бору: Исторический очерк. Псков: ПОИПКРО. 55 с.

Прибурова Т. Ф., 2019. Типология оттисков штампов на псковских дуговых кирпичах // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 34. Материалы 64-го заседания. М.; Псков: ИА РАН. С. 55–82.

Прибурова Т. Ф., 2024. Дуговые кирпичи Изборского 5 раскопа в Пскове. Уточнение датировок // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 39. Материалы 69-го заседания. М., Псков: ИА РАН. С. 25–44.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 20. Оп. 12. Д. 177а. Ведомости промышленных предприятий Псковской губ. 391 л.

РГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1084. О рассмотрении жалобы владельца кирпичного завода в Псковской губ. Д. Гришмана на наложение взыскания за нарушение Устава промышленности. 4 л.

РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 3. Личные документы Л. М. Давидсона и договор его с дантистом Л. З. Амитаном о продаже последнему половины Черехского кирпичного завода в Псковской губернии. 8 л.

РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 1044. Купчая на недвижимую собственность в Псковской губернии, приобретенную Л. М. Давидсоном у И. И. Чернова. 2 л.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 657. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. 1828–1847 гг. О правильной выделке кирпича в Петербурге. Ч. 2. 303 л.

Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1859. № 50, 24 июня.

Смета доходов и расходов города Пскова на 1900 год. Псков: тип. Губ. Правл., 1900. 93 с.

Смирнов В. Н. Псковская губерния [Электронный ресурс] // Кирпичное наследие. URL: https://www.v-smirnov.ru/pp1.htm (дата обращения: 01.11.2025).

Созинов И. В., 2014. Псковское имение дворян Самсоновых накануне отмены крепостного права (1853–1861 г.) // Экономическая история. № 3 (26). Саранск: МГУ им. Н. П. Огарева. С. 16–23.

Спегальский Ю. П., 1978. Псков. 2-е изд. Л.: Искусство. Ленингр. отделение. 247 с.

Указы... из Правительствующего Сената. 3 дек. 1847. О правилах для единообразной и прочной выделки кирпича // Сенатские ведомости. 19 дек. 1847. № 101. С. 3–9.

Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб.: тип. И. А. Ефрона, 1897. 1049 с.

* * *

Попов Михаил Евгеньевич, *Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),*
e-mail: mepopov@stud.etu.ru

А. А. Егоров

Довмонтов город в переписке В. Д. и С. В. Белецких с Л. А. Твороговым

Резюме. Статья посвящена содержательному ядру переписки В. Д. Белецкого с Л. А. Твороговым – организационным вопросам раскопок в Довмонтовом городе в 1950-х–1970-х гг. Эпистолярные документы позволяют говорить об эволюции взглядов Белецкого-старшего на перспективы исследования Довмонтова города. Перси и Гребля предстают в письмах из Ленинграда как одни из наиболее проблемных объектов Псковской археологической экспедиции. Комментируется заочное эпистолярное знакомство первоклассника Серёжи Белецкого с Твороговым и влияние последнего на воспитание школьника.

Ключевые слова: Псков, археологические раскопки, Псковская археологическая экспедиция Эрмитажа, Довмонтов город, Гребля, Перси, Белецкий, Творогов.

A. A. Egorov. Dovmont's Town in Correspondence of V. D. and S. V. Beletsky with L. A. Tvorogov

Abstract. This article examines the core correspondence between V. D. Beletsky and L. A. Tvorogov, focusing on organizational issues related to excavations in Dovmont's Town from the 1950s to the 1970s. The epypistolary documents provide an insight into the evolution of Beletsky Sr.'s views on the prospects for exploring Dovmont's Town. Percy and Greblya appear in letters from Leningrad among the most problematic sites for the Pskov Archaeological Expedition. First-grader Seryozha Beletsky's acquaintance with Tvorogov and the latter's influence on his education are discussed.

Keywords: Pskov, archaeological excavations, Pskov Archaeological Expedition of the Hermitage, Dovmont's Town, Greblya, Percy.

Переписка Василия Дмитриевича и Сергея Васильевича Белецких с Леонидом Алексеевичем Твороговым никогда прежде не исследовалась. Двадцать пять писем, телеграмм и записок, связывавших корреспондентов из Ленинграда и Пскова с 1956 по 1976 г., сберегаются в Псковском музее, в архиве основателя Древлехранилища (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 33, 176, 177, 865). Общий объем – 40 листов, в расшифровке – 15,5 тысяч знаков. Неопубликованные автографы Белецких и Творогова весьма интересны для истории науки: щедры на характеристики коллег, содержат подробности

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.231-242

организационной и полевой работы Василия Дмитриевича по археологическому изучению Довмонтова города.

У корреспондентов серьезная разница в возрасте: Творогов старше Василия Дмитриевича на девятнадцать лет, а Сергея Васильевича – больше, чем на полвека. При этом ни в одном из анализируемых нами писем эта разница не подчеркнута. Творогов, как и оба его собеседника, обладал редким качеством – способностью на доверительное общение не только с одними сверстниками. В переписке Белецких с их псковским корреспондентом нет места сухой интеллектуальной черствости. Тексты затрагивают узкоспециальные вопросы, но при этом стилистически ясны, полны искренней непосредственности, игры, иронии. Белецкий-старший и Творогов (рис. 1) предстают в переписке добрыми приятелями, связанными длительными встречами в Пскове, общим досугом, легкими обидами и быстрыми примирениями.

Творогов, инвалид с врожденным вывихом тазобедренного сустава, до 1970-х гг. обходился лишь палочкой. В меру ограниченных возможностей он принимал хоть и нерегулярное, но самое непосредственное участие в раскопках: «Леонид Алексеевич! Приходите помогать разрывать насыпь со стороны р[еки] Великой у Довмонтова города. Белецкий» (19.09.1956. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 33).

Первые пространные письма Белецкого-старшего к Творогову приходятся на 1957 г. Год известен как провальный в истории послевоенной псковской археологии. Руководитель экспедиции Эрмитажа Григорий Павлович Гроздилов добился финансового обеспечения очередного сезона раскопок в Довмонтовом городе, но неожиданно был госпитализирован с инфарктом. В июле Леонид Алексеевич забил тревогу и послал Белецкому телеграмму. Двадцать шестого числа получил от Василия Дмитриевича подробный ответ: «Дорогой Леонид Алексеевич! Ужасно нехорошо все сложилось в этом году. Мы с Еленой Ивановной [Оятевой] рвались во Псков с июня месяца. Но в виду болезни Г[ригория] П[авловича] выехать нам не удалось. Искать виноватых сейчас нет никакого смысла. Ясно только одно, что в этом году раскопки не состоятся. Г. П. вчера выписался из больницы с категорическим запрещением работать в этом году в экспедиции. <...> Но посудите сами, открытый лист на Г. П., он еще в больнице, а мы копаем – это не тактично, да и никто не разрешит так делать. <...> А вот уж на следующий год буду добиваться, чтобы Псковская экспедиция состоялась, чтобы можно было завершить раскопки, начатые в Довмонтовом городе. Телеграмму Вашу получил, и как-то грустно стало, что в этом году мы не смогли копать во Пскове. <...> Крепко, крепко Вас обнимаю. Ваш В. Белецкий. [P. S.] Мои искренние приветы Инге Константиновне [Голуновой] (поздравляю ее с началом педагогической деятельности; молодец она, правильно сделала, что начала читать курс) <...>» (26.07.1957. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 5–5 об.).

Обратим внимание на убежденность Белецкого в том, что раскопки в Довмонтовом городе не потребуют продолжительного времени. И это несмотря на то, что в предыдущем году именно Василий Дмитриевич подготовил альбом из 32 фотографий об итогах раскопок в Довмонтовом городе. Речь идет о фото-

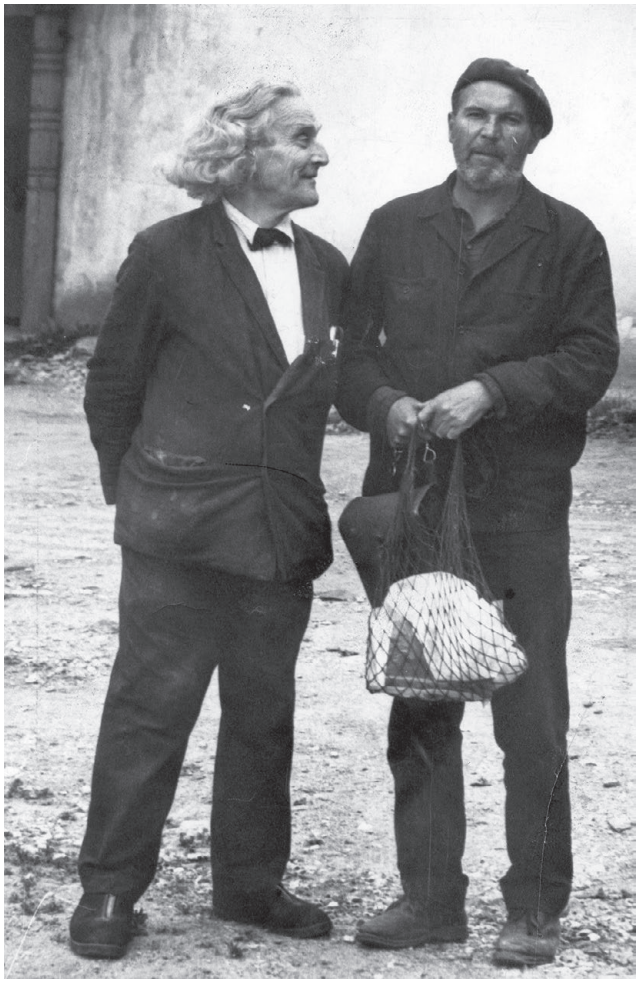

Рис. 1. Л. А. Творогов, В. Д. Белецкий. Псков, лето 1968 г. Фото В. Д. Рыбкина, студента Е. Н. Морозкиной. Из собрания Псковского музея-заповедника

приложении к машинописному отчету Гроздилова 1956 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 195. О. Ф. 34306 (5). 33 л.). 6 монохромных снимков из своего приложения Белецкий продублировал специально для Творогова, оформив их в паспарту. На обороте одной из фотографий синими чернилами рукой Василия Дмитриевича нанесена дарственная надпись, адресованная якобы собачкам Леонида Алексеевича, постоянным спутникам последнего во время его прогулок по Пскову: «Тобику и Дианочке в знак благодарности за их внимание к раскопкам в Довмонтовом городе. 1956» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 56. О. Ф. 34482 (1). Л. 1 об.).

Примечательно, что Белецкий уже в июле 1957 г. поздравляет Ингу Константиновну Голунову как начинающего преподавателя. Налицо расхождение

с «канонической» биографией Лабутиной (Голуновой): принято считать, что она начала заниматься педагогической деятельностью с 1964 г., после того как вышла замуж и стала штатным преподавателем истории и археологии в Псковском педагогическом институте. В действительности, как это видно уже из письма Белецкого, Инга Константиновна стала пробовать себя в качестве лектора еще до поступления в аспирантуру и до вступления в брак, а именно в период ее работы в Псковском музее (1956–1959 гг.), очевидно, не без влияния Творогова, неутомимого лектора, подвижника просвещения, непосредственного коллеги и постоянного собеседника Голуновой. В письмах Инга Константиновна называет Леонида Алексеевича своим учителем. «<...> буду придерживаться Вашей школы логики», – уверяет она Творогова, обсуждая с ним будущую диссертацию (26.02.1960. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 271. Л. 26).

В начале августа 1957 г. Творогов вновь вышлет в Эрмитаж телеграмму. Из ответа Белецкого от пятого числа: «Дорогой Леонид Алексеевич! За Псков я переживаю чертовски, и, конечно, если бы моя воля, мы бы приехали к Вам и копали бы. <...> Когда же в Ваших письмах и телеграммах и письмах Инги Константиновны настоятельно зазвучали призывы к раскопкам, я вновь заметался, но... мне официально дали понять, что ехать во Псков без согласия Г[ригория] П[авловича] нельзя и неудобно. А согласия на работы во Пскове от имени и под флагом Г. П. последний не дал, т. е. он топтался на месте, не пытаясь как-то разрешить все эти вопросы, в результате время уходило. После выхода из больницы Г. П. повел себя более чем странно. Если с ним копаем во Пскове мы с Еленой Ивановной (из археологов), то, естественно, все вопросы, связанные с судьбой экспедиции удобнее было бы (с моей точки зрения) решать или, по крайней мере, советоваться с нами. Однако он начал о чем-то совещаться и советоваться с другими товарищами, которым Псков и не понятен, и не дорог. <...> Телеграмму Вашу только что получил, с горечью прочел, и злость меня одолела страшная. Скажите, кто меня отпустит из Ленинграда без официального вызова? Ну, кто? – Никто! А вызова пока нет, хотя Москву уведомили в свое время, что от Эрмитажа в этой злосчастной комиссии буду представительствовать я в виду болезни Г. П. Буду ждать вызова. Если его пришлют, я немедленно выеду. Крепко, крепко обнимаю Вас. Ваш Белецкий» (05.08.1957. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 7–7 об.).

В конце первого квартала 1958 г. Василий Дмитриевич написал в Псков о вынужденной альтернативе раскопкам в Довмонтовом городе – о тех местах, где в минувшем сезоне был занят разведкой: «Дорогой Леонид Алексеевич! <...> Вот и наступает весна, а с ней приходят надежды на возможность раскопок во Пскове. Все мы – “псковичи”, рвемся в Ваши края и полны решимости под дождем и как угодно, но копать древний Псков. Я в 1957 г. с разведкой прошел по низовью Волги, обнаружил много различных стоянок и поселений (от эпохи бронзы до русских поселений XVI–XVIII вв.). Что для меня важно, так это обнаружение в непосредственной близости от предполагаемого Итиля кочевнических стоянок с материалами, аналогичными Саркелскому (на Дону). Тренируюсь играть в шахматы, чтобы Вы меня не обыграли. До встречи во Пскове. Ваш Белецкий В. <...>» (1958 г. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176.

Л. 19). Автор письма рассуждает в ключе сопоставления Итиля, столицы Хазарского каганата, с городом-крепостью Саркелом (Белой Вежей), но все же территориально разводит два древних поселения, не отождествляя их, как это сделают много позднее, в 2001 г., Л. В. Гуренко и А. В. Ситникова. О недостоверности «версии Гуренко-Ситниковой», построенной на косвенной аргументации, и позитивном значении разведки Белецкого рассуждает, в частности, автор книги «"Города" и "замки" Хазарского каганата. Археологическая реальность» (*Флёров*, 2010. С. 83, 115, 128).

Василий Дмитриевич не иронизирует, когда пишет о своей игре в шахматы. Леонид Алексеевич не участвовал в соревнованиях, не имел спортивных регалий, при этом одерживал победы над разрядниками. Шахматная доска, та самая, за которой так много времени провели в Пскове Белецкий и Творогов, хранится в Псковском музее. На внутренней стороне крышки записано синими чернилами рукой Леонида Алексеевича: «Играли в свое время (1950–1960 гг.): Тобик, Дианочка, кисы папа, мама и маленький, Гр. Павл. Гроздилов, В. Дм. Белецкий, В. Ив. Лабутин, Эд. Дзержинский, Р. Миносян и Л. А. Творогов. Псков». Если Гроздилов лишь учился у Творогова правилам игры, то Белецкий был увлеченным любителем.

В 1959 г. Василий Дмитриевич во время раскопок в Довмонтовом городе будет работать в том числе и над участком, где в 1945 г. начинала Сусанна Андреевна Тараканова. Вернувшись в Ленинград, Белецкий в игровой форме составит очередную корреспонденцию якобы не для Леонида Алексеевича, а для его домашних питомцев, дворняжек Тобика и Дианочки: «Дорогие Тобик и Дианочка! Я был рад получить от вас письмо. Сегодня же опускаю в почтовый ящик это письмо с самой горячей благодарностью к вам за вашу маленькую записочку. Собачки дорогие, зачем же вы опускаете свои хвостики, когда приходите на Греблю? Держите свои хвосты бодро, "баранкой" вверх. И тайком от Леонида Алексеевича (я вам разрешаю) добегите до таракановского раскопа и дружно поднимите над ним одну из своих задних ножек каждая. Передайте привет Леониду Алексеевичу, скажите, что я приеду и поставлю ему мат. Вам кланяются Григорий Павлович [Гроздилов] <...> и все остальные члены экспедиции и просят вместе со мной передать горячие приветы товарищам из музея и архитекторам. Гр-р-р, Гр-р-р, Гр-р-р или Гав, Гав (смотрите, что вам больше нравится). Дядя Вася. [P. S.] Передайте особо большие приветы Инге Константиновне [Голуновой] и Сергею Александровичу [Цвылёву]. Белецкий» (1959 г. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 3–3 об.; рис. 2).

В письмах Гроздилова и Белецкого к Творогову нельзя найти ни одной положительной оценки работы Таракановой. Одна из главных претензий корреспондентов Леонида Алексеевича была связана с Греблей в Довмонтовом городе, обнаруженной Сусанной Андреевной в неконкретизированном ею месте. Греблю Тараканова распорядилась засыпать землей вместе с рабочими досками. «Не открылась ли таракановская гребля?» – спрашивал Гроздилов Творогова в 1956 г. (03.11.1956. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 296. Л. 9 об.). «Не размыло ли водой греблю?» – с шуточной надеждой на проливные осенние дожди интересовался Григорий Павлович тремя годами позднее.

Рис. 2. В. Д. Белецкий, Л. А. Творогов, Р. С. Минасян(?), А. Зубов(?).
Псков, 1959 г. Из собрания Псковского музея-заповедника

(17.10.1959. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 296. Л. 22 об.). В начале 1960 г. Григорий Павлович делился со своим псковским корреспондентом планами на предстоящий сезон: «<...> мне очень бы хотелось продолжать раскопки в Пскове – попытаться разыскать греблю, а главное – доски, которыми закрыла греблю моя предшественница по исследованию Пскова и Ваша лучшая приятельница – Сусанна Андреевна» (10.03.1960. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 295. Л. 18). Замечание про «лучшую приятельницу» Творогова – явный сарказм. Аспирантке И. К. Голуновой не было ясно, что именно Тараканова назвала «греблей». Леонид Алексеевич считал, что речь шла про ров. Инге Константиновне была известна и другая трактовка этого понятия. Из письма Голуновой к Творогову: «Леонид Алексеевич, я знаю, что гребля продолжает Вам сниться. А интересно, в каком виде? Вы до конца уверены в том, что это ров? А, может, насыпь? Как утверждает Ивановский и учебник военной топографии, “гребля” – участок дороги через болото, проложенный по насыпи из земли или – камней, песка и др. материалов. Надо бы взяться за этот термин и докопаться до истины. Попробую» (10.11.1959. ПИХМЗ. Древлехранилище.

Ф. 766. Д. 271. Л. 11 об.). Теперь мы знаем, что Инга Константиновна будет собирать упоминания Гребли в письменных источниках без малого тридцать лет. Она представит их обобщение в первом издании своей монографии (*Лабутина*, 1985. С. 33, 54, 116–117, 121–122). Археология Пскова пройдет через множество поисков и открытий, прежде чем В. Д. и С. В. Белецкие в лаконичном энциклопедическом стиле подведут итоги 43 лет изучения непростой истории Гребли Довмонтова города – древнего рва перед южной крепостной стеной Крома: от естественного оврага до «живого микротопонима Пскова» начала XVIII в. (*Белецкий В., Белецкий С.*, 1988).

В 1960 г. Творогов выскажет Белецкому свою надежду на то, что очередной сезон вполне может выявить если не древний рукописный архив, то хотя бы следы пергамена. 30 октября Василий Дмитриевич напишет в Псков: «Дорогой Леонид Алексеевич! <...> я, по-видимому, перед праздниками приеду в Псков на один-два дня. Взятая мною земля на анализе не дала следов ни бумаги, ни пергамена. Хочу взять еще этой земли на анализ. Печати на всех произвели большое впечатление! <...> До скорой встречи. Крепко жму руку и обнимаю. В. Белецкий. <...>» (30.10.1960. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 18–18 об.). Об упомянутых печатях Г. П. Гроздилов сообщает в отчете о результатах сезона 1960 г.: «Из числа собранных находок имеют важное значение вислые свинцовые печати. Всего их найдено в ю[го]-з[ападном] углу Довмонтова города на раскопе I – 5 шт., из них – одна княжеская, две с именем епископа Великого Новгорода и Пскова владыки Феофила (жившего в XV в.), а также печать епископа Ионы владыки Великого Новгорода и Пскова и одна – Геннадия» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 195. О. Ф. 34306 (9). Л. 9).

В отчете Г. П. Гроздилова за 1962 г. В. Д. Белецкий впервые назван заместителем начальника экспедиции (в отчете 1961 г. – наблюдателем за подготовительными работами в Довмонтовом городе; в более ранних документах Василий Дмитриевич именуется лишь научным сотрудником Эрмитажа). С 1963 г. обязанности главного археолога Довмонтова города полностью перешли к Белецкому. Однако де-факто, уже начиная с 1960 г., разделы отчетной документации, в написании которых соучаствовал преемник Гроздилова, резко возросли в числе. С 1960 г. Василий Дмитриевич стал чаще бывать в Древлехранилище, созданном в Псковском музее Твороговым. Нужна была литература для исторических справок. Ими Гроздилов и Белецкий предваряли свои отчеты о раскопках. Характерная реплика из ленинградского письма Василия Дмитриевича этого периода: «Сейчас у меня на столе все летописи (П[олное] С[обрание] Р[усских] Л[етописей]), и я делаю выборку всех записей, связанных с Псковом и Довмонтовым городом» (не раньше 1960 г. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 20 об.).

Однако не все необходимое было под рукой в Ленинграде. Приведем одну из записок Василия Дмитриевича шестидесятых годов. Белецкий составил ее непосредственно в псковском Древлехранилище. У Творогова прогрессирует глухота, его собеседник вынужден записывать свои реплики: «Пожалуйста, альбом Годовикова на несколько минут» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 22 об.). Речь об уникальном «Атласе рисунков древностей

Пскова» инженера Ивана Федоровича Годовикова 1856 г. Атлас сберегается в Древлехранилище Псковского музея и до сих пор остается неизданным (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 174. О. Ф. 28006 (1–30). 30 л.). Леонид Алексеевич предоставил альбом, и Белецкий записал: «Вы почему плакались и говорили, что Белецкий увез две ваши книги? А?» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 22 об.). На другой записке еще одна характерная реплика: «У нас в Эрмитаже нет V тома МАМЮ» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 23). Речь о еще одном источнике, о книге, поступившей в Древлехранилище из библиотеки Псковского археологического общества – пятом сборнике Описания документов Московского архива Министерства юстиции 1888 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 626. О. Ф. 15609 (285). 345 л.).

Летом 1970 г. почти полностью утративший слух Леонид Алексеевич навестит Белецкого в Довмонтовом городе. Сохранилась записка с ответами Василия Дмитриевича. По ним можно предполагать и о вопросах Творогова. Беседа началась, вероятно, с дискуссии об аборигенах исследуемой территории. «Я не хочу делать поспешных выводов, – записал Белецкий, – но все считают их балтами. Очевидно, они правы. Третьяков, Артамонов, Ляпушкин, Седов и т. д. И Спицын, и Лявданский» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 25).

Другой вопрос, очевидно, касался перспектив изучения второго кольца псковской крепости. Ответ Василия Дмитриевича полон горечи. Здесь нет и намека на прежнюю уверенность в быстром завершении раскопок. Белецкий записал: «Довмонтов город – это хронически больной объект. По правде говоря, мне даже противно. Греблю, конечно, раскрывать надо, но, чтобы не было несчастных случаев и чтоб не упали Перси. Ведь они держатся и на культурном слое. А вообще работы много» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 25; рис. 3).

На следующий вопрос Василий Дмитриевич ответил коротко: «16 лет» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 25). Вероятно, речь о возрасте сына. В 1970 г. Сергей окончил школу и поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Далее разговор зашел о преподавателе истфака ЛГУ, бывшем директоре Эрмитажа Михаиле Илларионовиче Артамонове, который старше на два года Леонида Алексеевича и все еще оставался деятельным археологом. Творогов заговорил об Артамонове не только потому, что это будущий преподаватель Сергея. Леонид Алексеевич был известен своей наивной уверенностью в том, что проживет сто двадцать лет, о чем мы знаем из многих писем археографа. Он нашел в лице Василия Дмитриевича еще одного оптимиста. Рукой Белецкого записано: «Артамонов курит, пьет. 71 год. И работает вовсю» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 25 об.). Увы, уже через два года Артамонова не станет.

Беседа в Довмонтовом городе завершилась обсуждением того, как обогатились методы археологических исследований. Василий Дмитриевич записал: «Но теперь много вспомогательных наук: геология, геоморфология, торфоведение, химия и много-много [других]. Нельзя объять необъятного, но надо использовать все это» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 176. Л. 26 об.).

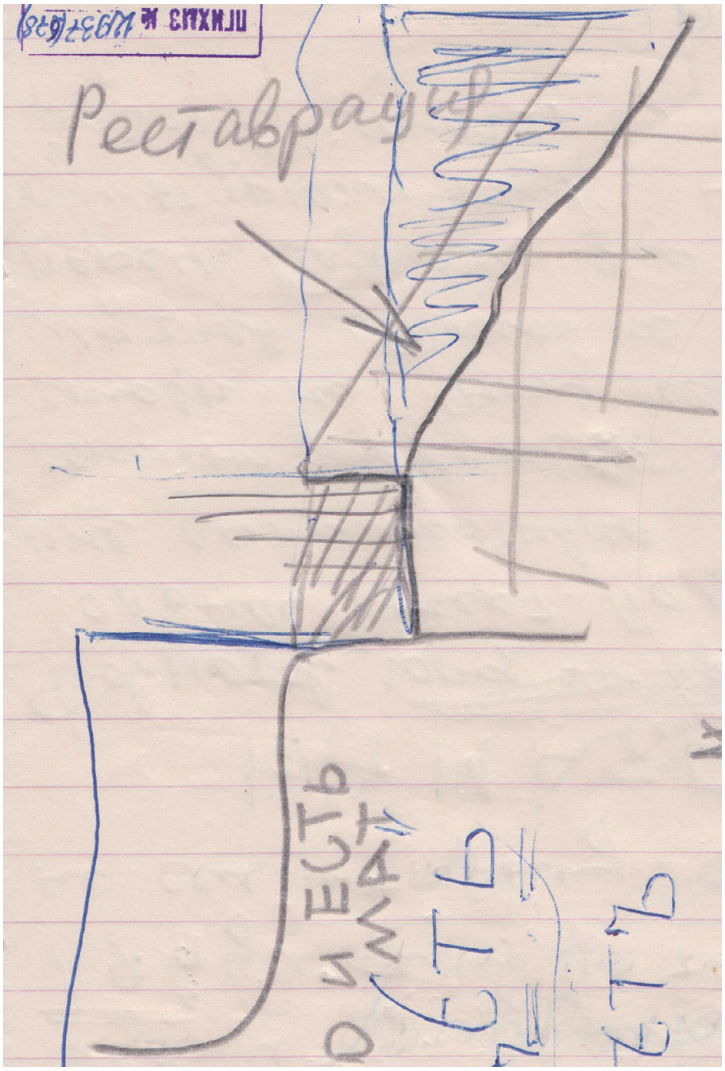

Рис. 3. Перси. Рисунок В. Д. Белецкого на записке Л. А. Творогову. 1970 г.
Из собрания Псковского музея-заповедника

Белецкий-младший предстает в письмах к Творогову заботливым, добрым ребенком и юношей, берущим от отца и Леонида Алексеевича важные уроки воспитания. В воспоминаниях 2003 г. о своем детстве Сергей Васильевич писал: «Отец взял меня с собой в Псков впервые в 1962 г. <мальчику – неполных девять лет, работы археологической экспедиции в тот год были сосредоточены на территории Довмонтова города. – *А. Е.*>. <...> Все последующие годы каждое лето была экспедиция, я ждал лета, мечтал о нем <...>. Постоянное общение “на равных” с участниками экспедиции, большинство из которых было

значительно старше меня, тоже накладывало свой отпечаток. <...> мы вместе <...> гоняли чаи в Поганкиных палатах (купеческий дом XVII в., в котором находится Псковский музей, и в помещениях которого много лет жила эрмитажная экспедиция)» (*Белецкий*, 2003. С. 26–27). Знакомство Белецкого-младшего с Твороговым состоялось заочно – через переписку, за два года до первого приезда в Псков. Очевидно, инициативу проявил отец. Василий Дмитриевич увидел общую тему для разговоров Леонида Алексеевича с Серёжей – любовь обоих к беззащитным уличным животным. Прочитаем письмо семилетнего Сергея Белецкого из Ленинграда: «Леонид Алексеевич, галчёнок сегодня очень скучный, он ничего не ест и не купается. Наверное, он заболел. Я его в клетке не держу, он ходит по комнате. Летать он не может, у него не растут крылыя и хвост. Галчёнка я назвал Пипушем. Он к нам привык. Желаю всего хорошего. Сергей Белецкий» (орфография оригинала сохранена; 30.10.1960. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 177. Л. 5–5 об.).

Последние листки, фиксирующие реплики Белецкого-младшего в разговорах с Твороговым, приходятся на 1976 г. (юноше – двадцать три года). Обратимся к этим запискам, составленным, предположительно, в Довмонтовом городе, инициатор беседы – Белецкий-младший (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 177. Л. 2–4): «Л[еонид] А[лексеевич], надо срочно начинать нормально питаться. Вы похудели! <...> Я помню, как Вы питались раньше. Очень мало» – первая реплика. Творогов мог ответить примерно так: «Мне много не нужно». На что его собеседник заметил: «Много не надо. <...> А вообще-то Вы не изменились. Только похудели чуть-чуть. Вам не дать и 60. Честное слово. Вы, сколько я Вас помню, не меняетесь». Леонид Алексеевич спросил юношу, что тот здесь делает. «Отца жду, – записан ответ. – Отец сейчас уехал в Ленинград. Он должен вечером приехать или ночью. Я “пасу” наших ребят. Нас 9 человек. Пришли на экскурсию. Одни школьники». Сергей Васильевич решил, что Творогов его не узнал. По этой причине и записано: «Я Белецкий Сергей. Неужели не узнали? Неужели я изменился?» Творогов, очевидно, ответил комплиментом. «Спасибо, – записал Белецкий. – Расту над собой. А где Тобик?»

Сергей Васильевич не спросил про другую собачку. Он знал, что Дианочка на тот момент умерла, и у Леонида Алексеевича остался только кобель. Творогов, вероятно, сообщил о смерти другого домашнего животного, т. к. Белецкий-младший записал: «Дианочка. Я знаю». Леонид Алексеевич пригласил собеседника к себе домой. «Сегодня не могу, – записан ответ: – Никак. Вы приходите к нам. Будем у нас пить чай и играть в шахматы. <...> Я пока остался за няньку».

Заметим, что жизненное кредо, которое формулирует в записке юноша Сергей – «Расту над собой» – соответствует и заветам псковского археографа, на которых последний настаивал, начиная с двадцатых годов: «Не просить, а чтоб тебя просили», «Всё знать самому», «Не только говорить, но и уметь» и прочих (рис. 4). Подчеркнем, что излюбленные реплики Творогова – не об изменении мира вокруг, а о собственном росте.

Большая удача, что Леонид Алексеевич сохранил свой эпистолярный архив. И письма Белецких занимают не последнее место в коллекции. Из переписки с Василием Дмитриевичем мы узнали, в частности, об эволюции

Рис. 4. В. Д. и С. В. Белецкие. Псков, 1978 г., год смерти Л. А. Творогова.
Из собрания Псковского музея-заповедника

взглядов археолога на исследование Довмонтова города – от уверенности, транслируемой в письме 1957 г., в том, что после работы предшественников команде Эрмитажа потребуется не более двух сезонов до врезающейся в память формулы из летней записки 1970 г.: «Довмонтов город – хронически больной объект». Биографам переписка с Твороговым пригодится для первых глав будущей книги о Белецком-младшем. Подлинные документы из жизни школьника и юноши Сережи, как мы теперь знаем, нужно искать в том числе в архиве Творогова. Переписку следует рассматривать и как дополнение к ежегодным отчетам Василия Дмитриевича Белецкого о произведенных раскопках.

Литература

Белецкий В. Д., Белецкий С. В., 1988. Гребля Псковского Крома // АИППЗ: тезисы докладов научно-практической конференции. Псков: [б. и.]. С. 13–15.

Белецкий С. В., 2003. В Школьном кабинете в конце 50-х – 60-е // Школьные кружки в Эрмитаже. История и современность. Материалы конференции 28 ноября 2002 г. СПб.: Издательство ГЭ. С. 22–36.

Лабутина И. К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.: Наука. 248 с.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 56 (Белецкий В. Д.). О. Ф. 34482 (1–6). Фотографии раскопок в Довмонтовом городе в 1956 г. 6 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 174 (Годовиков И. Ф.). О. Ф. 28006 (1–30). Атлас рисунков древностей Пскова, 1856 г. 30 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 195 (Гроздилов Г. П.). О. Ф. 34306 (5). Отчет о раскопках в 1956 г. в Пскове. 33 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 195 (Гроздилов Г. П.). О. Ф. 34306 (9). Раскопки в Пскове в 1960 г. 37 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 626 (Псковское археологическое общество). О. Ф. 15609 (285). Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, книга пятая, 1888 г. 345 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766 (Творогов Л. А.). Д. 33 (Юбилейные материалы). О. Ф. 12937 (249). Телеграмма В. Д. Белецкого к Л. А. Творогову (20.03.1970). 1 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766 (Творогов Л. А.). Д. 176 (Переписка В. Д. Белецкого с Л. А. Твороговым). О. Ф. 12937 (660–672, 674–678, 6100–6111, 7110). 33 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766 (Творогов Л. А.). Д. 177 (Переписка С. В. Белецкого с Л. А. Твороговым). О. Ф. 12937 (673, 679). 5 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 271 (Голунова И. К.). Д. 271. Письма И. К. Голуновой к Л. А. Творогову). О. Ф. 12937 (1041–1079, 6047–6064). 80 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 295 (Письма Г. П. Гроздилова к Л. А. Творогову 1953–1960 гг.). О. Ф. 12937 (1028–1040, 6232–6240). 24 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766. Д. 296 (Письма Г. П. Гроздилова к Л. А. Творогову 1955–1961 гг.). О. Ф. 12937 (2441–2458, 6241–6255). 34 л.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 766 (Творогов Л. А.). Д. 865 (Конверты от писем разных лиц). О. Ф. 12937 (4977). Конверт от бандероли из Себежа на имя В. Д. Белецкого, 1972 г. 1 л.

Флёров В. С., 2010. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры. 260 с.

* * *

Егоров Александр Александрович, *Псков, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, e-mail: egorov.alexan@gmail.com*

СОСЕДИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

А. Л. Александровский, Н. А. Кренке

Археологические признаки средневековых полей и огородов по материалам раскопок в Смоленске, Старой Ладоге, Великом Новгороде и Москве[1]

Резюме. Статья посвящена обзору и сравнительному анализу случаев, когда были зафиксированы следы древней (преимущественно средневековой) распашки на памятниках лесной зоны Восточной Европы с помощью обычных визуальных наблюдений, сделанных при археологических раскопках или палеопочвенных исследованиях. В первую очередь внимание сфокусировано на характеристиках, видимых обычным взглядом археолога без привлечения методов палеоботаники, хотя последние очень желательны (изучение биоморф под микроскопом). Также вводятся в научный оборот новые примеры по материалам недавних работ в Смоленске и его округе.

Ключевые слова: пашни, пахотные горизонты, пахотные орудия, палеоботаника.

A. L. Alexandrovskiy, N. A. Krenke. Archaeological Attributes of Medieval Fields and Vegetable Gardens Based on Excavation Materials in Smolensk, Staraya Ladoga, Veliky Novgorod and Moscow

Abstract. The article is devoted to a review and comparative case studies when traces of ancient (mainly medieval) plowing were recorded on the sites of the forest zone of Eastern Europe based on ordinary visual observations made during archaeological excavations or paleosurface studies. First of all, attention is focused on the characteristics visible to the ordinary eye of an archaeologist without using paleobotany methods, although the latter are very desirable (studying biomorphs under the microscope). New examples based on recent works in Smolensk and its surroundings are also introduced into the scientific circulation.

Keywords: arable lands, arable horizons, arable implements, the Middle Ages, paleobotany.

В европейской археологической практике выявление древних полей давно стало уже рутиной, вошедшей в учебники (*Barker*, 1977. P. 28–29). Новые возможности выявления сохранившихся следов древней распашки дают топосъемки методом Lidar, когда в микрорельефе современной дневной поверхности удается уловить систему борозд давно заброшенного поля.

[1] Исследования выполнены при поддержке гранта Минобрнауки РФ. Соглашение № 075-15-2024-554 от 24.04.2024.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.243-251

В данной работе рассматриваются иные случаи, а именно: 1) выявление систем борозд/следов лопат на уровне кровли погребенной почвы[2] (в основании ее пахотного горизонта Ар) под наслоениями культурных слоев средневековых поселений; 2) диагностика почвенного горизонта как пахотного при визуальном изучении вертикального профиля и выявлении нижней резкой плужной подошвы в различных погребенных почвах, встреченных под наслоениями аллювия, делювия, курганных насыпей и т. п.

Вовлеченность авторов в указанную тематику имеет длительную историю. Первый целенаправленный эксперимент был поставлен в 1988 г., а его результаты опубликованы в 1993 г. (*Александровский, Кренке*, 1993). Под бровками древнерусских курганов в группе у с. Стрелково на р. Пахре в Московской обл. (курганы раскопаны в 1967 г., часть бровок сохранились) были выявлены параллельные пахотные борозды неглубокого заложения, а в вертикальном разрезе – пахотный горизонт мощностью 8 см с ровной резкой нижней границей и однородным составом. В этом эксперименте важным итогом являлось подтверждение диагностики пахотного горизонта, сделанного на основании изучения вертикального разреза. В результате горизонтальной зачистки по уровню подошвы пахотного горизонта были выявлены борозды. Аналогичные исследования (в большинстве случаев лишь вертикальных разрезов) были проведены на многих пунктах археологических раскопок и археолого-палеогеографических работ в Москве и Подмосковье. В частности, оказалось, что большинство курганов XI–XIII вв. в Подмосковье насыпаны именно на заброшенных полях. В единичных случаях (заповедник «Царицыно») удалось проследить существование остаточно-пахотных горизонтов древнерусского времени в межкурганном пространстве.

В Москве, Подмосковье и других районах распространения дерново-подзолистых почв глубина распашки небольшая – 7–8 см (под древнерусскими курганами, курганами мощинской культуры). Залегающий ниже белесый подзолистый горизонт древние земледельцы старались не затрагивать, так как это снижало плодородие пашни. В Суздале и других районах распространения более плодородных серых лесных почв мощность средневекового пахотного горизонта достигает 15 см. Пашня на фоне мощного темного гумусового горизонта черноземов практически не видна, так как отсутствует цветовой контраст между пашней и подпахотным горизонтом.

Под отложениями культурного слоя центра Москвы наиболее яркие материалы были получены при работах на Романовом дворе в Занеглименье, расположенном напротив Кремля (Археология Романова двора, 2009). Здесь на значительной площади (первые сотни квадратных метров) на поверхности «археологического материка» читались следы борозд, датированных XIII в. Эти следы иногда шли в виде двойных полос – работа двузубой сохой. Наблюдалось также «двоение» поля: расположение полос в перпендикулярном направлении друг относительно друга.

[2] В некоторых случаях и дневной непогребенной, даже внутри культурного слоя.

Аналогичные результаты примерно в те же годы были получены коллегами, изучающими Старую Руссу (*Самойлов*, 2013). Отличие лишь в том, что следы работы двузубым инструментом здесь имеют более ранний возраст – X–XI вв., судя по перекрывающему их культурному слою.

При раскопках в Великом Новгороде на периферии застройки начала X в. также хорошо были прослежены пахотные горизонты (в вертикальных профилях и при горизонтальных зачистках материка в Троицком раскопе). Причем было установлено, что распашке предшествовало формирование луговой почвы (луг, очевидно, антропогенный). Почва прошла две стадии формирования. На первой, в течение голоцена, на террасе р. Волхов под лесной растительностью сформировалась дерново-подзолистая почва, подзолистый (элювиальный, EL) и иллювиальный (Bt) горизонты которой хорошо сохранились. Гумусовый горизонт почвы (исходный профиль почвы AY–EL–Bt) был полностью вовлечен в распашку. Борозды распашки шли в перпендикулярных друг другу направлениях (*Александровский и др.*, 1999; 2000; 2013; *Alexandrovskaya et al*, 2001). Пахотный горизонт в вертикальном разрезе характеризовался гомогенным строением и резкой горизонтальной нижней границей.

В Старой Ладоге в 2005 г. были проведены лишь зачистки бортов раскопа (*Александровский и др.*, 2010). Фиксация борозд в плане была упущена. Нужно отметить, что темноцветность археологического материка (почва 1, сформированная на отложениях Ладожской трансгрессии, чрезвычайно богатых фосфором и гумусом) затрудняла выявление борозд. По вертикальному профилю было установлено, что пахотный горизонт имел мощность выше обыкновенной для других раннесредневековых объектов – 15 см. Это, видимо, объяснялось плодородием данной пойменной почвы и легкостью ее для обработки. Важность результатов, полученных в Старой Ладоге, также в том, что следы распашки здесь датированы радиоуглеродным методом. Оказалось, что пашня, судя по включенным в нее угольками, датируется VI–VII вв. (*Александровский и др.*, 2018). Это заставляет с большей внимательностью отнестись к первоначальным датировкам поселения, сделанным одним из первых его исследователей Н. И. Репниковым (VI–VII вв.), затем омоложенным до VIII в. (Новое в археологии Старой Ладоги, 2025. С. 43). По составу углей, включенных в пахотный слой, наблюдалась двуслойность. В нижней части пахотного горизонта преобладали мелколиственные породы, а в верхней – остатки хвойных, вероятно, отходы строительной деятельности на поселении. Более ранний радиоуглеродный возраст углей из пахотного горизонта отмечен также в случае Москвы (*Alexandrovskiy et al.*, 1998). Угли из пахотного горизонта на Красной площади оказались X–XI вв., тогда как культурный слой этого времени в Кремле не зафиксирован.

В Московских разрезах хорошо прослеживалась «двухчастная» структура, но не по составу углей, а по цветности пахотного горизонта в вертикальном срезе (чего не наблюдалось в раскопах Великого Новгорода и Старой Ладоги). Пахотный горизонт имел темноцветную верхнюю часть и более светлую нижнюю (рис. 1: *1*). Этот эффект, видимо, образовался по причине того, что «поздняя» пашня находилась уже рядом с застройкой и была насыщена угольками

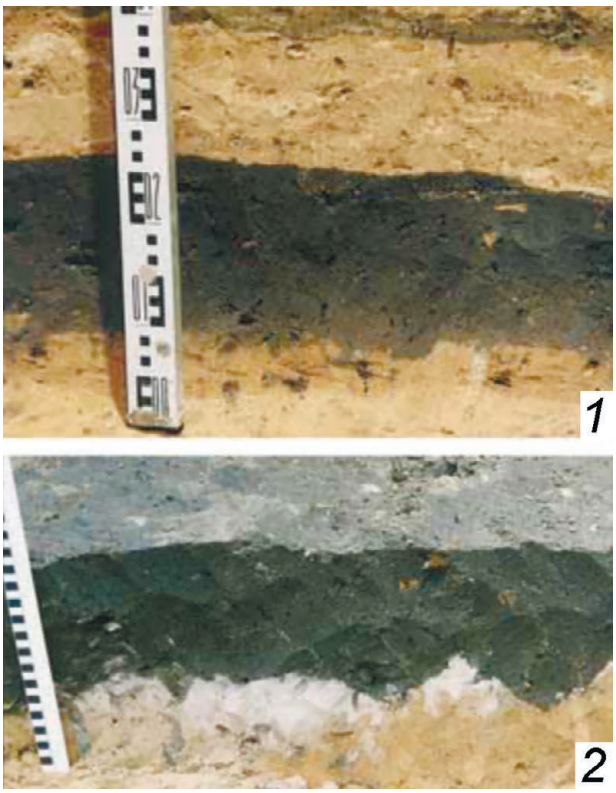

Рис. 1. Слои пашни и огорода в вертикальном профиле (раскоп 2002 г. на Романовом дворе в Москве): *1* – «двуслойный» пахотный горизонт; *2* –«фестончатый» след от лопаты

и органикой из поселенческого культурного слоя, тогда как на начальной стадии (нижняя часть пахотного горизонта) распашка была на большем удалении от селитьбы и, кроме того, в пахотный горизонт был вовлечен материал светлого подзолистого горизонта изначально лесной почвы. Поэтому контакт более темного пахотного и светлого, иногда практически белого, подзолистого горизонта столь контрастный. Во многих случаях под Ар виден остаток гумусового горизонта дерново-подзолистой почвы (луговая стадия ее развития), образовавшегося после сведения леса. Отметим, что обычный пахотный горизонт – это не нанос, а переработанная пахотным орудием (то же в случае огорода). Если же на его поверхности откладывается темный материал культурного слоя, то формируется двухярусный гор Ар, верхний ярус Ар1 – более темный. (Если же слой КС будет мощнее, то верхнего пахотного горизонта мы можем и не увидеть, так как исчезнут условия для формирования цветового контраста.)

Четкие следы лопат от вскопки огорода впервые были прослежены в Москве при работах на месте Казанского собора на Красной площади в 1989 г. (*Александровский, Кренке,* 1993). Затем уже на большей площади аналогичные следы были выявлены на Романовом дворе. Их характерные особенности:

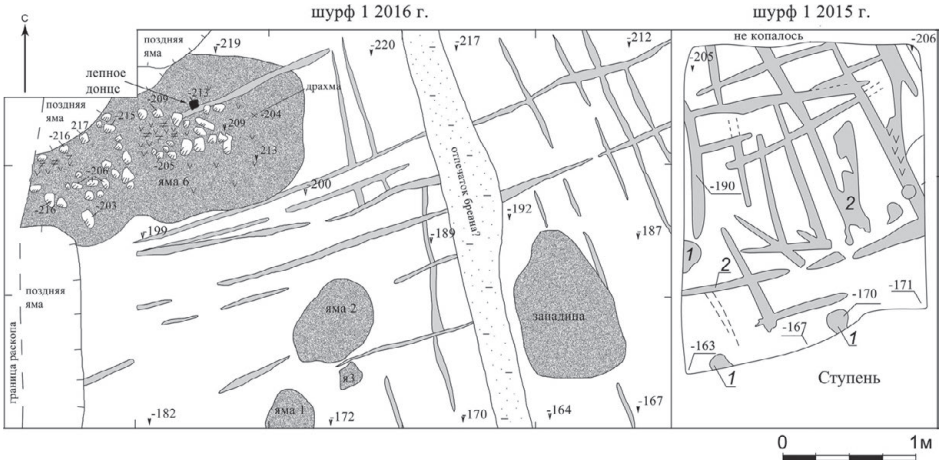

Рис. 2. Раскоп на Соборной горе Смоленска 2015–2016 гг. (ул. Малая Школьная, 20а). Борозды распашки под насыпью вала (?) XI в. Чертеж. *1* – темно-серая супесь; *2* – серая супесь

в плане – округлые пятна, в разрезе – треугольники (рис. 1: *2*), обращенные вершинами вниз (Археология Романова двора. Цв. вкл., рис. 8). Следы от работы лопатами иногда имели вид почти ровных рядов, напоминающих борозды, иногда хаотично расположены, как пятна на шкуре леопарда (Археология Романова двора. Цв. вкл., рис. 11: *4*). Аналогичные следы были обнаружены и в Старой Ладоге, где они датируются, вероятно, VIII в., а в Москве позднее – XIII–XV вв. В пойме Москвы-реки возле Дьякова городища фестончатые огородные следы были обнаружены на большой глубине (ок. 2 м), но их возраст еще более молодой – ок. XVII в. (*Панин и др.,* 2013. С. 235).

В последние годы новые материалы со следами средневековых полей были получены в Смоленске. Часть их уже опубликована (*Кренке и др.,* 2020). На северном склоне Соборной горы Смоленска в его верхней части под насыпью вала (?) XI в. были обнаружены следы распашки (раскопки 2015–2016 гг.), пересекавшие яму постройки VIII–IX вв. (рис. 2; 3). Распашка была зафиксирована в плане и профиле. Борозды были оставлены орудием с узкой рабочей частью. Некоторые из борозд были параллельны друг другу, расстояние между ними ок. 20 см, что позволяет допустить наличие двузубого орудия. Пашня «двоилась», борозды шли перекрестно. Наиболее вероятный возраст распашки – X в. В Смоленске на берегу Пятницкого ручья на уровне первой надпойменной террасы в 2020 г. был изучен большой раскоп площадью чуть менее 500 кв.м. В этом раскопе в основании культурного слоя конца X – начала XI вв. был зафиксирован небольшой участок с группой параллельных борозд, расстояние между которыми было 10–15 см (рис. 4).

Следы ранних огородов также были найдены в Смоленске. В двух раскопах – на ул. Песчаной и на ул. Тимирязева (Покровской) – в основании культурного слоя конца XI в. были найдены четкие следы лопат в виде хаотично расположенных округлых пятен (рис. 5). Инструменты, которыми возделывались

Рис. 3. Раскоп на Соборной горе Смоленска 2015–2016 гг. (ул. Малая Школьная, 20а). Борозды распашки под насыпью вала (?) XI в. (фото Н. А. Кренке)

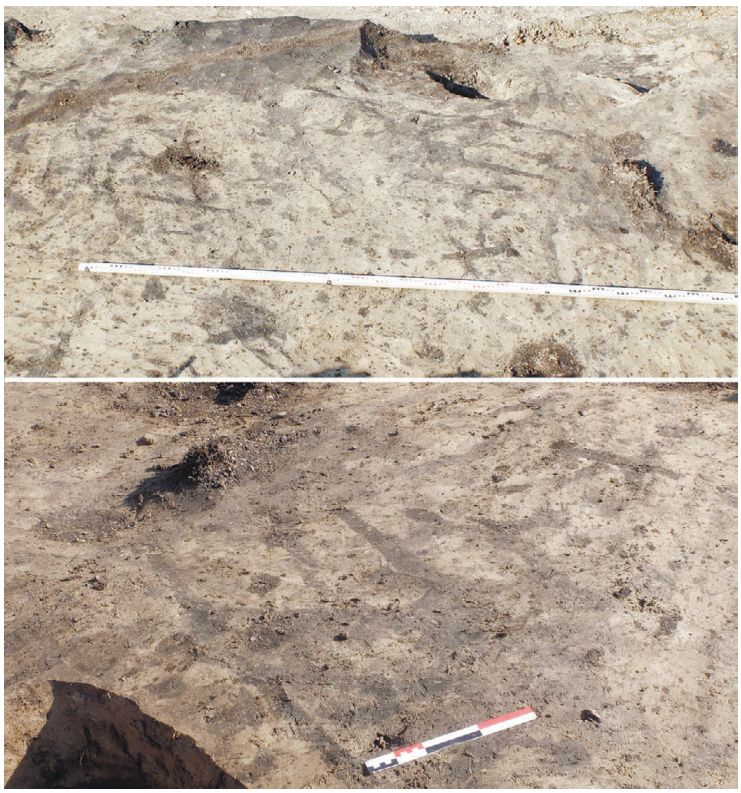

Рис. 4. Борозды распашки в раскопе на Пятницком ручье в Смоленске (2020 г.)

Рис. 5. Следы огорода в раскопе на ул. Тимирязева (Покровской) в Смоленске (2022 г.)

Рис. 6. Деревянная лопата X–XI вв. из ямы 10 на Пятницком раскопе Смоленска (2020 г.)

эти огороды, также были найдены. Это дубовые лопаты-заступы. Две лопаты были найдены при раскопках под руководством Д. А. Авдусина на ул. Соболева (*Асташова,* 1986. С. 129). Датировка этих лопат по стратиграфическим данным – XII–XIII вв., одна из них имела железную оковку рабочего края. Третья лопата была найдена при раскопках 2012 г. на ул. Б. Краснофлотская на Пятницком ручье в яме 15а древнерусского времени (отчет К. В. Воронина). Четвертая лопата, также дубовая (определение А. Л. Александровского), была найдена в 2020 г. в яме 10 в раскопе на Пятницком ручье. Эта лопата имела длину 81 см, рабочая часть ее имела ширину 10 см, длину 30 см (рис. 6). Датировка ямы 10 по данным радиоуглеродного анализа и составу керамического комплекса – конец X – начало XI в. Смоленские лопаты-заступы, предназначенные для копки земли, не отличаются по форме от найденных в Великом Новгороде и Старой Руссе (*Колосницын, Колосницына,* 2024).

Выводы: 1) проанализированные материалы позволяют с доверием относится к выделенным ранее признакам пахотных (гомогенное строение, ровная резкая нижняя граница, толщина в пределах 8–20 см) и огородных (фестончатая форма в виде треугольников, обращенных вниз вершинами) горизонтов в вертикальных разрезах; 2) следы работы орудием типа сохи зафиксированы для X в.; 3) «двоение» поля являлось типичным приемом также уже в X в., а, возможно, и ранее; 4) радиоуглеродные даты по углям из пашни могут оказываться на столетие-другое древнее, нежели даты для городского поселения рядом с полем, что открывает перспективу поиска небольших ранних протогородских поселений.

Литература

Александровский А. Л., Александровская Е. И., Гайдуков П. Г., Кренке Н. А., 2000. Лес, луг, пашня, городская застройка по данным исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы Новгорода // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 3. М. С. 25 –36.

Александровский А. Л., Гайдуков П. Г., Кренке Н. А., 1999. Исследование древнейшего культурного слоя и погребенной почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // ННЗ. Вып. 13. Новгород. С. 358–366.

Александровский А. Л., Кренке Н. А., 1993. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208. М.: ИА РАН. С. 20–31.

Александровский А. Л., Кренке Н. А., Александровская Е. И., Долгих А. В., 2013. Ранняя история почв и ландшафтов древнейших русских городов // Известия РАН. Серия географическая (2). С. 91–103.

Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С., 2010. Исследования почв и отложений под культурным слоем земляного городища Старой Ладоги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Т. I. М.: Ломоносовъ. С. 43–61.

Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Александровская Е. И., Скрипкин В. В., 2018. Почвообразование на территории Старой Ладоги в неолите и раннем средневековье // Записки ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН. № 18. С. 99–104.

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. / Автор-составитель Н. А. Кренке, 2009. М.: ИА РАН. 524 с.

Асташова Н. И., 1986. Древний Смоленск до начала XV в. (по археологическим данным). Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. МГУ // Архив кафедры археологии МГУ.

Колосницын П. П., Колосницына Е. Е., 2024. Деревянные лопаты и совки из раскопов Старой Руссы // АИППЗ. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 39. Материалы 69-го заседания. С. 325–332.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В., 2020. Керамика VIII–XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Автор-составитель Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток. С. 30–48.

Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования, 2025. Т. III. / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПБ.: ИИМК РАН. 360 с.

Панин А. В., Кренке Н. А., Лазукин А. В., Чаукин С. Н., 2013. Археолого-геоморфологическое изучение поймы Москвы-реки в районе Дьякова городища в Коломенском // Археология Подмосковья. Вып. 9. М. С. 231–239.

Самойлов К. Г., 2013. Археологизированные следы работы средневековых пахотных орудий по материалам исследований в Старой Руссе в 2001–2012 гг. // Вестник Новгородского государственного университета № 73. Т. 1. Великий Новгород. С. 103–107.

Alexandrovskaya E. I., Alexandrovskiy A. L., Gaidukov P. G., Krenke N. A., 2001.Woodland, Meadow, Field and Town Layout: the Evidence from Analyses of the Earliest Cultural Deposits and Buried Soil in Novgorod. In.: Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland. The British Museum. Occasional Paper. № 141. London. P. 15–21.

Alexandrovskiy A. L., Van der Plicht J., Krenke N., Chichagova O., Kovaliukh N. 1998. The early history of Moscow: ^{14}C dates from red square // Radiocarbon, vol. 40. № 2. P. 583–589.

Barker P., 1977. Techniques of archaeological excavation. Universe Books. New York. 279 p.

* * *

Александровский Александр Леонтьевич, *доктор геогр. наук, Москва, Институт географии РАН, alexandrovskiy@mail.ru*

Кренке Николай Александрович, *доктор ист. наук, Москва, Институт географии РАН, Санкт-Петербург, ИИМК РАН, nkrenke@mail.ru*

Е. Е. Колосницына, П. П. Колосницын

Археологические предметы из войлока (находки из Старой Руссы)

Резюме. При археологических работах в Старой Руссе обнаружено большое количество предметов из войлока, датируемых XII–XIX вв. Их атрибуцию затрудняют сильный износ и не всегда хорошее первоначальное качество материала. В докладе представлена та часть коллекции, которую удалось идентифицировать. Среди этих находок преобладают предметы одежды и обуви. Больше всего найдено вкладных стелек, имеются также шапки, фрагменты подкладок обуви, ремни. В слое XIII в. впервые обнаружены предметы, атрибутированные как носки. Кроме того, войлок использовался для изготовления инструментов (кисти для смоления), конской упряжи, различных бытовых предметов.

Ключевые слова: текстиль, войлок, шапки, носки, стельки, кисти для смоления, кожаная обувь, Средневековье, Старая Русса.

E. E. Kolosnitsyna, P. P. Kolosnitsyn. Archaeological Objects Made of Felt (Finds from Staraya Russa)

Abstract. Archaeological excavations in Staraya Russa uncovered a large number of felt objects dating back from the 12th to 19th centuries. Their attribution is hampered by severe wear and often by the material's poor original quality. The article presents the portion of the collection that was successfully identified. These finds are dominated by clothing and footwear. Insoles were the most numerous, but hats, fragments of shoe linings, and belts were also found. Items identified as socks were first discovered in the 13th century layer. Felt was also used for making tools (such as resin brushes), horse harnesses, and various household items.

Keywords: textiles, felt, hats, socks, insoles, tar brushes, leather footwear, Middle Ages, Staraya Russa.

Предметы из войлока, обнаруженные при раскопках памятников с мокрым культурным слоем, являются довольно частыми находками. Тем не менее, ранее они редко привлекали к себе внимание исследователей и практически не попадали в публикации. В последнее время ситуация стала меняться: вышло несколько работ, посвященных этому материалу.

Самая известная из них «Войлоки Евразии» Е. Г. Царевой – обзор войлочного европейского производства, куда включены как войлок, так и полувойлок (подвалянная после производства ткань, часто называемая сукном) (*Царева,* 2006). Сразу три публикации посвящены находкам головных

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.252-265

Таблица 1

Распределение находок из войлока по раскопам

Раскопы	**Общее количество**	**Атрибутировано**
Курортный-III	1	1
Великий	4	0
Крестецкая ул. Реконструкция	3	2
Георгиевский-II	1	0
Георгиевский-III	4	1
Траншеи и шурфы на Минеральной ул.	8	2
Пятницкий-I	80	28
Пятницкий-II	509	101
Соборная площадь. Реконструкция	6	2
Всего	616	137

уборов – мужским войлочным шапкам, найденным в Великом Новгороде и Москве (*Зубкова, Сингх,* 2018; *Тарабардина и др.,* 2021; *Павлова,* 2019). Войлочные предметы из Старой Ладоги включены в монографию О. В. Орфинской и К. А. Михайлова наряду с другими текстильными находками (*Орфинская, Михайлов,* 2020). Н. А. Павловой находки войлочных и суконных изделий II тыс. н. э. привлечены для изучения истории межэтнической интеграции поволжских финнов (*Павлова,* 2014). Истории валяной обуви посвящена статья А. В. Курбатова (*Курбатов,* 2006). А. В. Энговатовой с коллегами опубликовано комплексное исследование войлочных предметов из коллективного захоронения 1238 г. в Ярославле (*Энговатова и др.,* 2020): авторами не только атрибутированы сами находки, но и приведены их структурно-технологические характеристики, в частности видовая принадлежность животных, шерсть которых послужила сырьем.

Цель настоящей статьи – введение в научный оборот находок из войлока, полученных Центром археологических исследований НовГУ им. Ярослава Мудрого при изучении культурного слоя Старой Руссы в 1999–2024 гг. Речь пойдет только о предметах, изготовленных методом валяния.

Рассматриваемая коллекция насчитывает 619 предметов. Стоит отметить, что подавляющая ее часть происходит с Пятницких раскопов, особенно много с Пятницкого-II, где в пластах 18–21 находится скопление войлока, из которого происходит более половины всей коллекции. Из-за такого перекоса невозможно сделать хоть сколько-нибудь достоверные статистические выводы по составу коллекции (табл. 1, 2). Все же следует отметить, что в ранних слоях Старой Руссы фрагменты войлока встречаются чаще, чем другой текстиль (ткани, ленты, тесьма, отдельные нити).

Несмотря на большое количество находок войлока, атрибутировать удалось только малую их часть (137 предметов), виной чему послужил сильный износ изделий и их фрагментация (обрезки кроя чаще имеют хорошую сохранность и четкие срезы). Находки различаются и качеством изготовления самого материала. Мокрый слой Старой Руссы, насыщенный различными

Таблица 2

Распределение находок из войлока по категориям

Находки	**Количество**
Различные изделия	31
Стельки	84
Кисти для смоления	10
Шапки	2
Ремни (?)	2
Носки	5
Фрагменты войлока	482
Всего	616

органическими остатками, редко позволяет провести сухую очистку текстильных находок. Бывает, что при промывке войлока края его фрагментов легко размываются и теряют форму: волокна шерсти в таком материале не столько сваляны, сколько спрессованы между собой. Качественно свалянный войлок даже при очень сильном износе хорошо переносит влажную очистку.

Рассмотрим подробнее те категории предметов, которые удалось выявить.

Стельки – самая большая по количеству и легко узнаваемая категория войлочных изделий (рис. 1). Они составляют большинство среди идентифицированных находок (84 из 137), обнаружены практически во всех слоях, сохраняющих органику, и датируются периодом от 1080-х до 1460-х гг. Большинство (62 единицы) происходит из слоев XIII в., когда в употреблении была мягкая выворотная обувь с тонкой подошвой. Возможно, с ней стельки использовались не только для утепления, но и для более комфортной носки. Кроме того, слои этого времени на Пятницком-II раскопе содержат огромное количество обрезков новой кожи и использованных изделий, т. е. на усадьбе, занимающей его большую часть, производились как пошив, так и ремонт обуви, и стельки могли попадать в слой вместе с отходами. Форма стелек, вероятно, повторяет форму подошв обуви, распространенной в тот или иной период. Имеются симметричные и асимметричные экземпляры, с сужением в области свода стопы или сужающиеся к пятке. Три находки позволяют сказать, что они использовались в обуви с продольным швом на цельнокроеной подошве: две имеют четкий отпечаток шва с уплотнительной прокладкой, одна протерта по центру (рис. 1: *1–3*). Большая часть стелек найдена отдельно, но есть и три предмета, находившихся внутри обуви (рис. 1: *6*). Кроме самих стелек в Старой Руссе найдены и обрезки войлока, оставшиеся, вероятно, после их выкраивания (рис. 1: *4, 5*).

Как самые распространенные находки из войлока, стельки и в публикации попадают чаще других категорий. В литературе нами встречены находки из Ярославля (*Энговатова и др.*, 2020. Рис. 2–1), Москвы (*Елкина,* 2009. Рис. 156; *Осипов,* 2014. С. 139), Переяславля Рязанского (*Фатюнина,* 2012), Твери (*Курбатов,* 2004. С. 67, 192: рис. 113), Свияжска (*Ситдиков, Старков,* 2022. С. 314), Мангазеи (*Визгалов, Пархимович,* 2008. С. 243; *Визгалов, Пархимович,* 2017. С. 124, 182).

Рис. 1. Стельки, войлок

Фрагменты подкладки обуви. Войлок использовался в том числе в качестве подкладки для утепления обуви. Так в позднем колодце Пятницкого-II раскопа обнаружен кожаный поршень, полностью продублированный войлоком (рис. 3: *1*). Кожа сохранилась плохо, но форма поршня и швы видны на его войлочной подкладке. Находка датируется ок. 1880–1890-х гг. На Крестецкой ул. найдена обувь с войлочной стелькой из очень коротких волокон, но, вероятно, не вкладной, а вшитой внутрь под кожаную стельку (рис. 3: *2*). Там же найдена накладка задника низкой обуви, продублированная таким же тонким ломким войлоком, свалянным из очень коротких волокон, вероятно, уже для смягчения и комфортной носки (рис. 2: *6*). Обе находки относятся к комплексу из относительно поздней ямы, датированной XVII–XVIII вв.

Рис. 2. *1–3* – стельки из обуви с продольным швом на подошве; *4–5* – обрезки от выкраивания стелек; *6* – фрагменты обуви, найденной вместе со стелькой; *7* – фрагменты задника низкой обуви; *1–5* – войлок; *6–7* – войлок, кожа

Носки. Согласно толковым и отраслевым терминологическим словарям, изделия, повторяющие стопу и часть голени, не доходящие до колен, изготовляемые из шерсти, трикотажа или/и синтетических материалов, служащие для предохранения стопы ног от соприкосновения с обувью и/или защиты от холода, называется носками (Большой толковый словарь..., 2005; *Орленко,* 1996). Поэтому и далее мы будем пользоваться этим термином.

В слоях 1240–1280 гг. на Пятницком-II раскопе найдены две детали из войлока, по форме соответствующие передним деталям кожаной обуви с продольным швом на подошве, в большом количестве присутствующей в этих же слоях

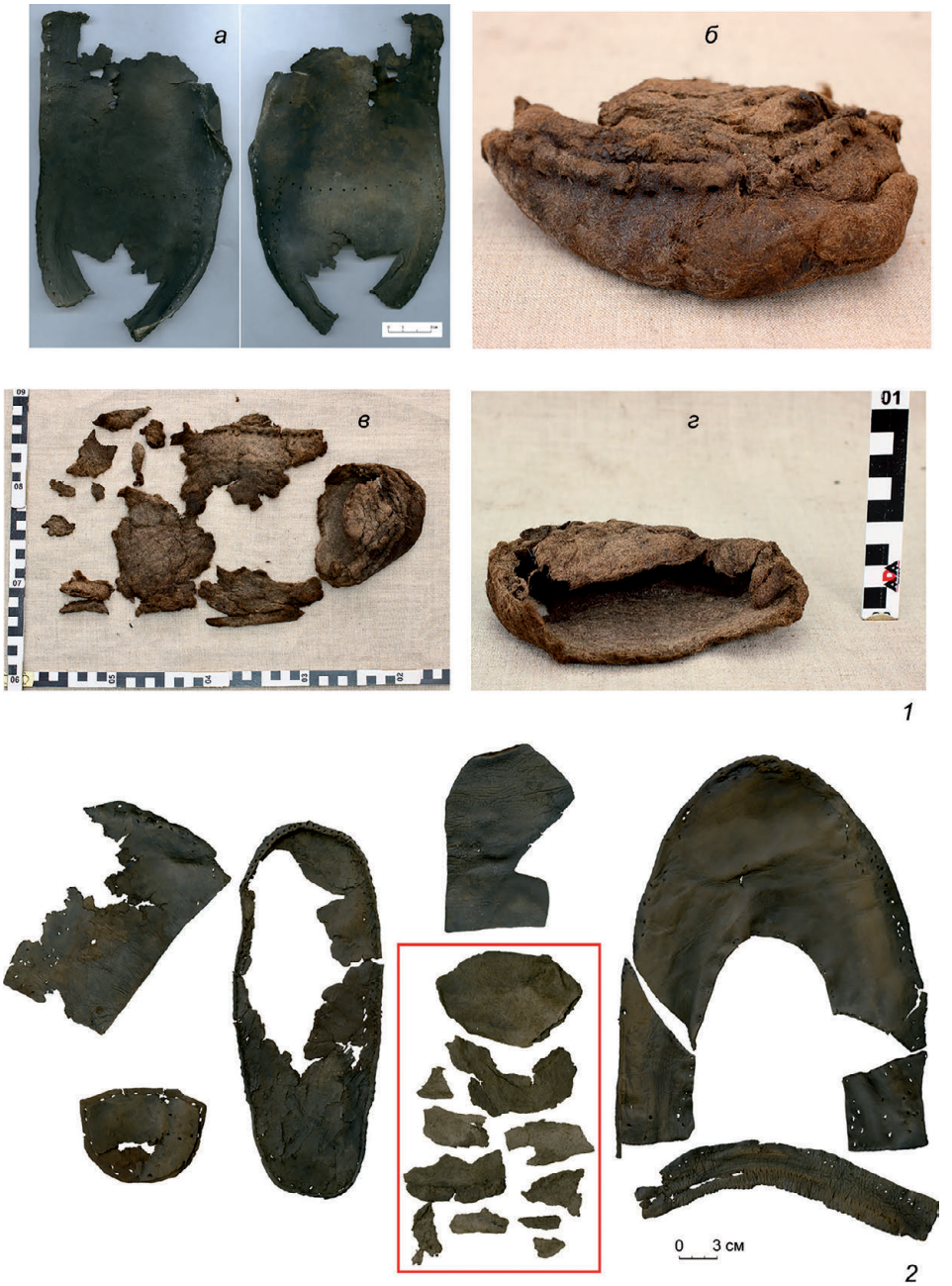

Рис. 3. *1* – поршень с войлочной подкладкой, *а* – кожаная основа, *б–г* – фрагменты подкладки из войлока; *2* – низкая обувь с войлочной стелькой (выделена цветом)

Рис. 4. Носки и обувь аналогичного кроя. *1, 3* – носки, войлок; *2, 4* – обувь, кожа

(*Торопова Е. В. и др.,* 2023). Судя по старорусским материалам, эта обувь всегда имела голенище – высокое, отдельно скроенное, как у сапог, или невысокое, цельнотянутое с нижней частью, как у полусапог (рис. 4: *2, 4*).

Первая находка – большая войлочная деталь, изготовленная из мягкого плотного материала хорошего качества толщиной около 3 мм, имеет износ в подошвенной части вдоль продольного шва, характерный и для кожаной обуви аналогичного кроя. Верхний срез прямой, возможно паголенок носка был скроен и пришит отдельно (рис. 4: *1*). Вторая находка имеет явно детский

Рис. 5. Фрагменты носков и обуви аналогичного кроя.
1–3 – носки, войлок; *4, 5* – обувь, кожа

размер и лучшую сохранность в нижней части, но оборванный верхний край не позволяет судить о высоте изделия (рис. 4: *3*). Войлок толщиной около 4 мм, хорошо сваляный и держащий форму. Оба носка были сшиты швом «через край», срезы при этом располагались встык, как на подошве, так и по бокам.

Среди других находок войлока с сохранившимися швами имеется еще три фрагмента, предположительно подошвенной части таких же носков (рис. 5: *1–3*). Датируются они тем же временем и происходят из тех же пластов. Их форма и расположение швов аналогичны большинству находок фрагментов обуви с продольным швом на подошве, в том виде, в котором они во множестве найдены в Старой Руссе (рис. 5: *4–5*).

Войлочная одежда для ног, названная «сапоги-чулки», известна по алтайским пазырыкским курганам (*Полосьмак, Баркова,* 2005. С. 92–97; *Степанова,* 2019). Аналогичные им предметы найдены при раскопках могильника Берель IV–III вв. до н.э., расположенного в Казахстанском Алтае (*Алтынбеков, Досаева,* 2017). Эти чулки, как и старорусские находки, скроены из листов войлока и сшиты.

Шапки. В Старой Руссе найдены две войлочные шапки. Первая происходит из слоя начала 1370-х – середины 1390-х гг. Пятницкого-I раскопа, имеет форму колпака высотой 16 см и диаметром 19 см (длина окружности 60 см) (рис. 6: *1*). Опубликованные находки войлочных шапок с других памятников имеют чуть большую высоту – от 18 до 24 см, окружность по нижнему краю 60–62 см, датируются промежутком XIII – первой половиной XV в. Большая часть находок шапок относится, как и старорусская, к XIV в. Авторы одной из публикаций о шапках из Новгорода отмечают, что «простота формы и доступность войлока как материала привели к широкому распространению

Рис. 6. Шапки. *1* – XIV в. (фото предоставлено Новгородским музеем-заповедником); *2* – XVIII в.

колпака среди различных социальных слоев русского населения» (*Тарабардина и др.*,2021).

Вторая шапка найдена во время археологических исследований, предшествовавших реставрации водонапорной башни на Соборной площади (рис. 6: *2*). Она была обнаружена прямо под бревнами деревянной мостовой, из-за этого была повреждена бензопилой вместе с бревном при разборке сооружения. Слой датируется XVIII в. Шапка изготовлена из плотного, но мягкого войлока и имеет форму колпака с широкими мягкими полями, высота предмета 27 см, диаметр полей около 32 см. Такие головные уборы хорошо известны по этнографическим и историческим коллекциям, представлены в экспозициях музеев.

Кисти для смоления. Еще одна легко узнаваемая категория находок с использованием войлока – кисть для смоления. Она представляет собой деревянную рукоять, на одном конце которой закреплен какой-нибудь впитывающий материал, пропитанный темным липким веществом с характерным запахом (дегтем или смолой). Этот инструмент использовался для смоления лодок, смазки осей телег и других подобных работ. Г. Е. Дубровин приводит три варианта конструкции этого инструмента и замечает, что «все перечисленные ... конструктивные разновидности кистей для смоления хронологически сосуществовали в Новгороде» (*Дубровин*, 2000. С. 91–92, рис. 75, 76). В Старой Руссе найдено не менее 19 кистей для смоления разной степени сохранности, датирующихся временем от XI до XV века, в них использованы шерстяной текстиль, растительные волокна, мех, конский волос, в десяти из них использован войлок. Встре-

чены следующие конструкции: 1) лопатка, иногда с отверстиями для веревки, на широком конце которой закреплен войлок (рис. 7: *1*); 2) круглая рукоять с намотанным на один конец и закрепленным веревкой войлоком (рис. 7: *3*); 3) круглая рукоять, расщепленная на конце, куда и вставлен войлок, выше которого деревянная деталь снова стянута (рис. 7: *2, 4*).

Древнейшими кистями для смоления на территории Древней Руси являются находки из Старой Ладоги (*Орфинская, Михайлов,* 2020), самым поздним из встреченных нами в археологической литературе – «войлок для смоления» из Свияжска, датируемый второй половиной XVII в. (*Ситдиков, Старков,* 2022.С. 314).

Доска в войлоке. На Курортном-III раскопе в слое конца XIV – первой половины XV в. найден фрагмент изделия из липовой доски, обернутой плотным войлоком толщиной 10–12 мм. Войлок был закреплен на доске веревкой из растительных волокон (рис. 7: *6*). Сохранившаяся часть предмета имеет скругленный конец, общий размер 17×34 см, толщину 3 см. Назначение изделия нам неизвестно, но, возможно, оно имеет отношение к лошадиной упряжи, при изготовлении которой войлок широко используется и сейчас.

Кожаные мячи не имеют прямого отношения к войлоку, но в качестве набивки в них часто использовалась шерсть, иногда довольно плотно спрессованная или подвалянная. В Старой Руссе найден только один мяч с сохранившейся шерстяной набивкой (рис. 8: *1*).

Фрагменты неопределенных предметов. Приведем также ряд других находок, которые не имеют убедительной атрибуции, но заслуживают внимания.

Ремни (?). Из слоя 1290-х – 1330-х гг. происходит предмет шириной около 5 см со следами от колец, возможно от конской упряжи (длина самого крупного фрагмента 72 см) (рис. 7: *7*). Похожее изделие чуть большей ширины (почти 7 см) найдено в траншее на Минеральной ул. Оно представляет собой слегка изогнутую полосу очень плотного войлока с хорошо выраженными утолщенными краями и слабым запахом дегтя, ее общая длина достигает 84 см (рис. 7: *5*). Точной датировки нет, предположительно оно относится к XIV–XV вв.

На Пятницком раскопе в слоях 1230-х – 1270-х гг. найдена войлочная деталь по форме и размеру аналогичная *боковой детали мягкой выворотной туфли.* Она имеет четкий контур, швов или следов использования нет (рис. 8: *2, 3*). Возможно, это случайный обрезок кроя, но подобная находка известна в Ярославле: фрагменты изделия со швом, формой краев также напоминающего мягкую туфлю (*Энговатова и др.*, 2020. Рис. 4).

Из слоев 1390-х – 1420-х гг. происходит небольшой *фрагмент войлока с кожаной обшивкой края*, пришитой сквозным вертикальным швом, ширина обшивки в развернутом виде 2,5 см (рис. 8: *4*). В коллекции из Старой Руссы имеются еще три находки кожаных полос, которыми был обшит какой-то мягкий толстый материал, предположительно войлок. Такая обработка края изделия предотвращала его растяжение и разрывы при эксплуатации. В ярославском санитарном захоронении также было найдено два крупных предмета с кожаной обшивкой края (одна из них с петлей), которые авторы публикации предлагают считать фрагментом «верхней части некой одежды, возможно войлочного плаща» (*Энговатова и др.*, 2020. Рис. 3).

Рис. 7. *1–4* – кисти для смоления; *6* – доска, обернутая войлоком; *5, 7* – ремни (?); часть неиспользованной кисти для смоления (?); *1–3, 6* – дерево, войлок; *4–5, 7–8* – войлок

Рис. 8. *1*– мяч; *2–3* – заготовка подкладки туфли (?) и аналогичная ей деталь туфли; *4* – фрагмент войлочного изделия с кожаной обшивкой края; *5–7* – неопределенные изделия со швами; *8–11* – швы на изделиях из войлока; *1* – кожа, шерсть; *4* – кожа, войлок; *3* – кожа; *2, 5–11* – войлок

Изделие, состоящее из двух слоев войлока, которые были скреплены несохранившейся плоской в сечении веревкой из растительного волокна или лыком (рис. 7: *8*). Найдено в слоях 1290-х – 1330-х гг., возможно, это фрагмент неиспользованной кисти для смоления.

В слоях 1230-х – 1270-х гг. на Пятницком раскопе найдены фрагменты еще *трех изделий из войлока со швами* (рис. 8: *5–7*). Одно из них состоит из двух деталей со скругленными углами, которые были сшиты встык швом «через край». Еще два – фрагменты с таким же швом на выпуклых срезах. Этот шов выполняется одной нитью и придает срезу характерную фестончатую форму, и только он встречен на войлочных находках из Старой Руссы (рис. 8: *8–11*).

Кроме того, в старорусской коллекции есть несколько находок войлока, отличающихся крупным размером, но не имеющих швов и других признаков, позволяющих отнести их к какой-то определенной категории предметов. Возможно, это остатки подстилок или других крупных изделий.

Войлок – недорогой материал, не требующий сложного оборудования для изготовления и обязательного высокого качества используемого сырья. Он отлично сохраняет тепло, держит форму, при хорошем качестве водонепроницаем. Благодаря этим свойствам он нашел широкое применение в быту, что подтверждается нашим обзором коллекции археологических войлочных изделий Старой Руссы.

Литература

Алтынбеков К., Досаева, Д. К., 2017. Опыт реконструкции «археологического» костюма // Поволжская археология. № 1. С. 157–171.

Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы. Под редакцией Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга. 2005. 862 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург, Нефтеюганск: Магеллан. 296 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2017. Мангазея. Усадьба заполярного города. Нефтеюганск, Екатеринбург: Караван. 360 с.

Дубровин Г. Е., 2000. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв.: по археологическим данным. Ч. 1–2. М.: [б. и.]. 442 с.

Елкина И. И., 2009. Текстильные находки и плетеные изделия // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках/Автор-составитель Н. А. Кренке (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). М.: ИА РАН. С. 151–161.

Зубкова Е. С., Сингх В. К., 2018. Новые находки головных уборов из раскопок в Новгороде // Нескончаемое лето: Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород: [б. и.]. С. 83–87.

Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. СПб.: Петербург. востоковедение. 312 с.

Курбатов А. В., 2006. История войлока и валяной обуви на Руси // Живая старина. № 3. С. 31–33.

Орленко Л. В., 1996. Терминологический словарь одежды: Ок. 2000 слов. М.: Легпромбытиздат. 344 с.

Орфинская О. В., Михайлов К. А., 2020. Текстиль Старой Ладоги эпохи викингов: монография. СПб.: Arslonga. 372 с.

Осипов Д. О., 2014. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: Актеон. 270 с.

Павлова Н. А., 2014. Традиции войлоковаляния и сукноделия в поволжских финнов (общий обзор) // Финно-угорский мир. № 2. С. 55–61.

Павлова Н. А., 2019. Головные уборы из раскопок в Московском Кремле в 2007 году // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 29. М.: Московский Кремль. С. 356–367.

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л., 2005. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО. 232 с.

*Ситдиков А. Г., Старков А. С.,*2022. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф. 500 с.

Степанова Е. В., 2019. Войлочная одежда из курганов пазырыкской культуры Алтая // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: Материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018). М.: ИА РАН. С. 75–93.

Тарабардина О. А., Петров М. И., Зубкова Е. С., 2021. Головные уборы XIV в. из раскопа Дубошин II в Великом Новгороде // АВ. Вып. 31. С. 148–153.

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П., Колосницына Е. Е., Карпова Т. В., Сюборов В. Ю., Юсифова А. А., 2023. Археологические исследования в Старой Руссе в 2021 г. // ННЗ. История и археология. Вып. 36. Великий Новгород: [б. и.]. С. 112–125.

Фатюнина О. А., 2012. Детали кожаных сапог Переяславля-Рязанского XV – начала XVII века // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 286–296.

Царева Е. Г., 2006. Войлоки Евразии // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. СПб.: Наука. С. 226–265.

Энговатова А. В, Чернова О. Ф., Орфинская О. В., Яковчик М. С., 2020. Войлок из коллективного захоронения (сооружения № 110) в г. Ярославле // КСИА. Вып. 260. М.: ИА РАН. С. 305–325.

* * *

Колосницына Екатерина Евгеньевна, *Великий Новгород, Новгородский музей-заповедник, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, e-mail: bbkkolosnicyna@mail.ru*

Колосницын Павел Павлович, *Великий Новгород, независимый исследователь, e-mail: kpp82@mail.ru*

Г. С. Гофман, Е. А. Яковлева

Порховская крепость. Первый строительный период

Резюме. Данная статья посвящена особенностям первоначального замысла и устройства Порховской крепости в первом строительном периоде, выявленным в ходе комплексных исследований, связанных с подготовкой к реставрационным работам на объектах ансамбля.

Ключевые слова: Порховская крепость, первый строительный период, комплексные исследования.

G. S. Gofman, E. A. Yakovleva. Porkhov Fortress. First Construction Period

Abstract. This article is devoted to the features of the original design and arrangement of Porkhov Fortress in the first construction period, revealed in the course of comprehensive research related to the preparation for restoration work on the objects of the ensemble.

Keywords: Porkhov Fortress, first construction period, comprehensive research.

Порховская крепость, как памятник новгородского оборонительного зодчества, благодаря своей уникальной сохранности, вызывает неизменный интерес исследователей на протяжении вот уже почти трех сотен лет. Начальной датой изучения этого фортификационного ансамбля можно считать обмеры 1733–1734 гг. и составленный на их основании первый план крепостных сооружений, выполненные кондуктором инженерного новгородского корпуса Петром Ивашкиным (Ивановичем) Самариным (Квашнин-Самарин) по заданию Военной коллегии для составления описания работ и сметы на ее восстановление (*Емелина*, 1991. С. 4).

За время изучения Порховской крепости специалистами различных профилей – от военных инженеров и краеведов XIX в. до современных архитекторов-реставраторов и археологов (рис. 1) – накоплен значительный материал, который и в наши дни продолжает пополняться новыми данными[1].

С 30-х годов XX в. остаются бесспорными выводы, впервые сделанные В. А. Богусевичем:

[1] Истории изучения памятника посвящена специальная статья авторов: «Порховская крепость. Об истории изучения». Доклад включен в программу 71 заседания Семинара АИППЗ (апрель 2026 г.).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.266-281

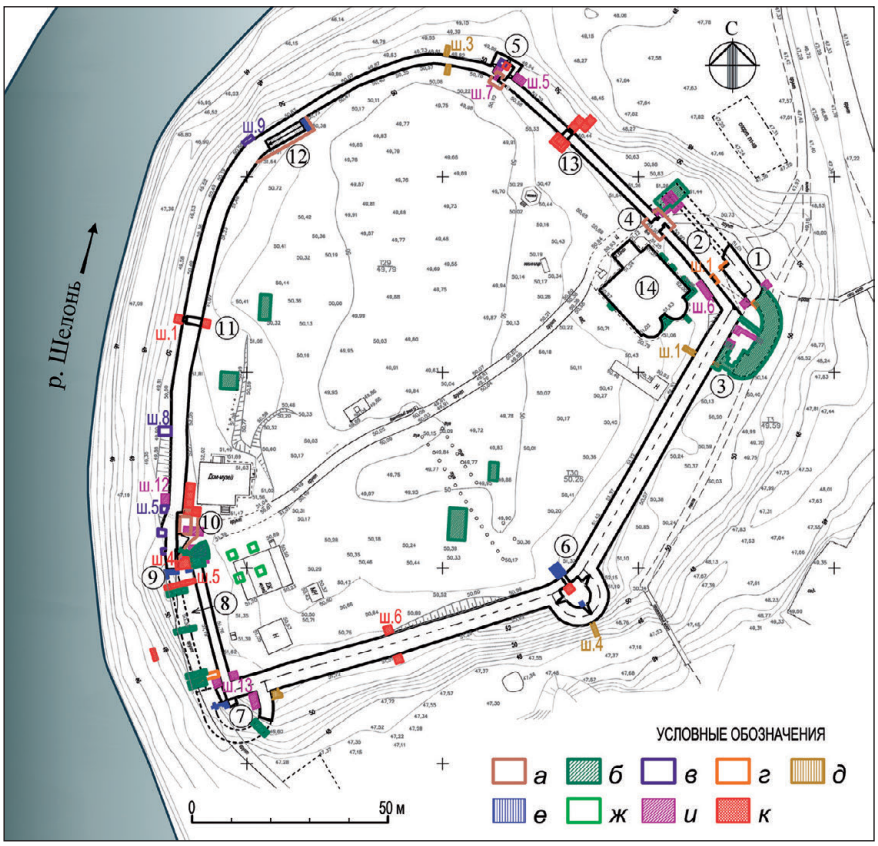

Рис. 1. Схема архитектурно-археологических исследований в Порховской крепости (исп. Г. С. Гофман): *1* – Никольская башня IV–XV вв. с колокольней конца XVIII – начала XIX в.; *2* – Никольский захаб; *3* – наружные Никольские ворота; *4* – внутренние Никольские ворота; *5* – Малая башня IV–XV вв.; *6* – Средняя башня IV–XV вв.; *7* – Псковская башня XV в. (руина); *8* – Псковский захаб; *9* – Псковские ворота; *10* – караульня (тюрьма); *11* – Малые ворота; *12* – ход на крепостную стену; *13* – тайник; *14* – Никольская церковь
Условные обозначения: *а* – 1962–1979 гг. (Скобельцин Б. С.); *б* – 1974–1981 гг. (Кирпичников А. Н.); *в* – 1986 г. (Конов А. П.); *г* – 1988–1990 гг. (Гофман Г. С., Зарипов Р. Ф., Певчина Г. В.); *д* – 1991 г. (Гофман Г. С., Певчина Г. В., Бирюков Ю. Б.); *е* – 1993 г. (Гофман Г. С., Певчина Г. В., Бирюков Ю. Б.); *ж* – 1997 г. (Харлашов Б. Н.); *и* – 2014 г. (Салмина Е. В.); *к* – 2022–2022 гг. (Степанов С. В., Яковлева Е. А.)

– об исключительном значении изучения Порховской крепости;

– о прекрасной степени ее сохранности, в том числе, и первоначальных форм укреплений;

– об основных строительных периодах: I – 1387 г. и II – модернизация 1430 г. (*Богусевич,* 1936).

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство исследований крепости конца XX – начала XXI в. (впрочем, как и самый первый опыт XVIII в.)

связано с проектированием и проведением работ по сохранению оборонительных сооружений. Результаты этих работ нельзя назвать исчерпывающими, но их совокупность дает основания для конкретизации некоторых особенностей устройства Порховской крепости, в частности I-го строительного периода, которому и посвящена статья.

В XIV–XV вв. Новгород укреплял свои границы с литовским княжеством и Москвой. С 1372 по 1392 г. в условиях сложной политической обстановки в самом Новгороде возводятся новые оборонительные сооружения – Окольный город (*Кузмина, Филиппова*, 1997. С. 52, 53). Строится крепость Ям в 1384 г. В 1386 г. ремонтировали после пожара стены и башни крепости Орешек (*Кирпичников*, 1984. С. 180, 102). В 1387 г. принимается решение о строительстве каменной Порховской крепости.

По сведениям I Новгородской летописи, в 1387 г. «Копаша вал около Торговои стронъ. Того же лета благослови владыка Алексий весь Новъгород ставити город Порхов каменъ» и далее: «поставиша городъ Порхов каменъ» (НПЛ, 1950. С. 381). А. Н. Кирпичников считал, что: «под «всем Новгородом» можно понимать мобилизацию сил всех городских концов; следовательно, строительство велось как бывало в авральных случаях, всей землей»[2] (*Кирпичников*, 1984. С. 215). И, как нам кажется, это обстоятельство сказалось как на самом строительстве, так и на решениях, принимаемых в его процессе.

Причиной спешки при строительстве новой Порховской крепости могла быть не только постоянная угроза Литвы, но и начало «разборов» между Новгородом и Псковом в 1386 г. (*Болховитинов*, 2012. С. 431). П. А. Раппопорт с оговорками допускал, что Порхов, единственное укрепление на западной границе, мог служить опорой Новгороду против Пскова (*Раппопорт*, 1961. С. 192, 194).

Время создания каменной Порховской крепости приходится на время распространения огнестрельного оружия на Руси. У исследователей оборонного зодчества нет единого мнения о начале преобразований в крепостном строительстве, вызванных именно влиянием огнестрельной техники конца XIV в. (*Косточкин*, 1962. С 123–137).

И все же новые веяния уже намечаются в последней четверти XIV в. на северо-западе Руси. Возрастает роль башен в обороне крепостей.

К концу XIV в. новгородцы имели значительный опыт в каменном оборонном строительстве. Еще в начале XIV в. в Новгородском Детинце были возведены проездные каменные башни. Каменные башни появились и в Орехове при модернизации крепости в 1352 г. (*Косточкин*, 1962. С. 108). Есть предположение, что и каменные башни Окольного города Новгорода могли возводиться в рассматриваемый нами период[3].

---

[2] Подтверждает это и приведенная Кирпичниковым цитата из варианта летописного известия: «благослави владыка Алексей Новгород свои дети, и посадников и тысячких ставити город Порхов камен» (ПСРЛ. 1889. Т. 16. С. 132).

[3] «Трудно поверить, чтобы сооружение каменных башен было совершено за один год, как об этом говорит летописец. Скорее всего, под 1391 г. было отмечено полное завершение их строительства. Возводимые каменные башни были построены, очевидно,

Псковичи в это же время, в 1386/1387 гг., дополняют укрепления Среднего города тремя каменными башнями «на приступе», т. е. с напольной стороны (*Лабутина,* 1985. С. 59).

Тем не менее, натурные исследования каменных Порховских крепостных сооружений показывают, что их возведение было начато «по старинке», без учета новшеств фортификационного дела того времени – без строительства башен. Подобное строительство, без привлечения новаторских приемов, на наш взгляд, совпадает с предположениями о спонтанном и «авральном» характере сооружения Порховской крепости.

По всей видимости, изначальный замысел предусматривал одну проездную башню – на месте Псковских ворот, где и задумывался основной вход в крепость.

Это предположение подтверждают примеры существования в русском оборонном зодчестве однобашенных крепостей в Изборске (1330 г.), в Орешке (до 1352 г.), возможно в Острове (в начале XIV в.) (*Кирпичников*, 1976. С. 19), а также возведение проездных башен в Новгороде в XIV в.

О вероятном существовании башни на месте нынешнего въезда в Порховскую крепость свидетельствует ряд наблюдений: сохранившиеся в кладке заложенные гнезда от балок с внутренней стороны западной стены у Псковских ворот (рис. 2) и особо тщательное устройство мощения воротного проезда. Следы пят арок, перекрывавших воротный проем, фиксируются на сохранившейся западной стене. Мощные конструкции дорожного полотна первоначального проезда, имевшего ширину 3,38–3,61 м, были раскрыты раскопками 2023 г. (рис. 3).

Конструкция мощения проезда покоится на подготовительном слое мешаных материковых супесчаных пород. На эту песчаную подушку (толщиной 20–30 см) уложена платформа из 2–3-х рядов гранитных валунов, пролитых крепким известковым раствором цвета слоновой кости, общей мощностью до 30 см. Платформа перекрыта крупными известняковыми плитами (блоками) «дорожного» полотна, имевшими следы стертости по всей площади открытого фрагмента (ок. 3,5×3,0 м). Крупные блоки неправильной в плане формы, размером до 1,0 м в поперечнике и толщиной 10–60 см были уложены в 1–2 ряда. С краев блоки плотно примыкали к стенам, по площади – условно подогнаны друг к другу. Швы между плитами в плане имели ширину от 1 до 15 см и были заполнены известковым раствором и более мелкими камнями. Мощение имело ровную единую поверхность, имевшую незначительный наклон к западной стене. Западная часть по трещине просела в сторону стены значительно (рис. 4). В нижних рядах кладки восточной стены раскрыт фрагмент нижней части четверти первоначального воротного проема глубиной до 27,5 см. Четверть соответствует следу на западной стене (*Степанов, Яковлева*, 2024. Т. 2. С. 50).

одновременно с насыпкой вала. Как показали археологические раскопки, ставили их не на валу, а на материке, а затем с боковых сторон делали к ним земляные присыпки» (*Кузмина, Филиппова*, 1997. С. 53); «М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев доказывали первичность башен по отношению к насыпи...» (*Гайдуков М. П.*, 2012. С. 132).

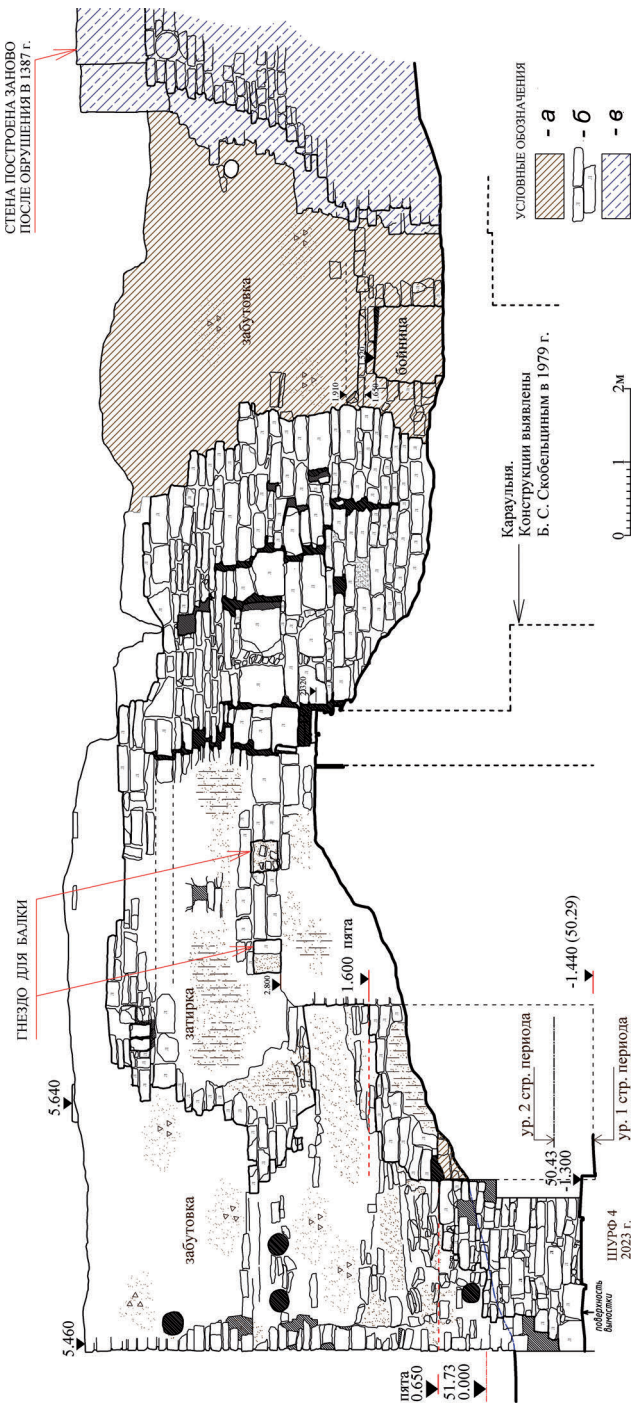

Рис. 2. Фрагмент западного прясла у Псковских ворот. Вид изнутри крепости (выполнен на базе обмерного чертежа 1986 г. и исследований 2023 г. – шурф 4). Условные обозначения: *а* – кладка 1430 г., *б* – лицевая кладка 1387 г., *в* – реставрация лицевой кладки 1979 г.

Рис. 3. Шурф 4, 2023 г. Мощение из известняковых плит и блоков. Вид с юга

Рис. 4. Шурф 4, 2023 г. Зондаж. Вид с юга

Для подтверждения существования башни на этом участке крепости требуются дополнительные архитектурно-археологические исследования. Но в случае верности нашего предположения, Порховская крепость в ряду однобашенных крепостей стояла бы последней, если бы прямо в разгар строительства в первоначальный замысел не были внесены значительные коррективы.

К этому времени уже сложился план крепости у излучины р. Шелони. Трасса фундамента из гранитного валуна пролегает вдоль реки по самому краю естественного возвышения, повторяя ее абрис. Далее, с напольной стороны, план приобретает геометричную форму из трех прямых отрезков, что является новаторским решением. Сама плановая структура подразумевает установку башен на концах этих отрезков. Но фундамент устраивается без учета возведения башен. Можно предположить, что к этому времени в разгар строительства концепция ансамбля еще окончательно не сформировалась.

Фундаменты в основном выполнены кладкой из небольших гранитных валунов в 1–5 рядов, уложенных в фундаментные траншеи различной глубины от 20 до 60 см, в зависимости от рельефа. Верхний ряд валунов пролит слоем прочного известкового раствора толщиной 1–10 см, с уровня которого начиналась кладка стен. В основном, валуны незначительно (на 10–20 см) с двух сторон выступают наружу за линию лицевой поверхности кладки стен.

В шурфе 9 (1986 г.), шурфах 1 и 3 (1991 г.) и шурфе 13 (2014 г.) в основании фундаментных валунов уложен один слой тонкой известняковой плиты. На отдельных участках стен этого периода валуны не выявлены или наблюдаются мелкие гранитные валуны в известковом слое.

С внутренней стороны прясла между Псковской и Средней башнями в шурфе 6 (2022 г.) отмечен выступ валунной площадки фундамента с растворной проливкой, на 50 см за линию известняковой кладки. Этот элемент требует дополнительного исследования.

Повсеместно, с внутренней и наружной сторон, отмечены следы значительных работ по вертикальной планировке первоначальной поверхности в виде мощных прослоек перемещенного из фундаментных траншей (и, возможно, иных источников) объема материковых геологических пород (песка, супесей). Посредством таких подсыпок мощностью 20–90 см строители не только планировали территорию, но и увеличивали ее «полезную» площадь по краям естественной возвышенности, на которой стоит крепость. Наибольшая мощность слоя подсыпки – в Псковском захабе: шурф 5, 2023 г. (рис. 5). Такие «планировочные» слои отмечались и другими исследователями (например: *Бирюков*, 1995. С. 40).

Лицевая кладка крепостных стен выложена из прочных разноразмерных блоков и плит порховского известняка на светлом известковом растворе. Лабораторные исследования растворов этого периода не находят в них цемянки, о которой пишет А. Н. Кирпичников (*Кирпичников,* 1984. С. 233, 248).

Следов тески плиты лицевых поверхностей кладки стен не обнаружено. Тесаным камнем выполнялись лишь отдельные детали крепостных сооружений (например: воротного проема малых ворот на западном прясле; бойниц Никольской башни; ступеней и стен спуска в тайный ход к воде).

Рис. 5. Шурф 5, 2023 г. Вид с запада

Забутовка стен состоит из большого количества гранитных валунов, щедро пролитых раствором, идентичным раствору лицевой кладки[4]. Устройство фундаментов и стен этого периода схожи с устройством конструкций каменных башен Окольного города Великого Новгорода (*Гайдуков*, 2012. С. 132) и сооружений крепости Орешек 1352 г. (*Кирпичников*, 1984. С. 102)

Толщина крепостных стен первого периода, за исключением западного прясла (и, вероятно, внешней западной стены Псковского захаба), в основании составляет 2,5–2,6 м. На отдельных участках стены имеют несколько меньшую толщину – 2,3–2,4 м. Высота стен с наружной стороны крепости, по обмеру северной и восточной частей, от верха валунного фундамента до верха зубца составляла 9,33–9,45 м. Высота зубца – 1,8 м. Ширина ходовой площадки, в среднем – 1,5 м. Толщина зубца – 0,54–0,68 м.

[4] В конструкциях второго строительного периода растворы лицевой кладки и забутовки разительно отличаются.

К 1981 г. на участке от Малой башни до каменной лестницы стена сохранила зубцы и амбразуры боев, у примыкания к Малой башне – полный профиль. Изнутри крепости, в местах обрушения, были видны гнезда от продольных и поперечных деревянных связей, а также гнезда от консольных балок для опоры конструкций кровли. Гнезда от продольных и поперечных связей соединялись между собой в «пол дерева» (*Скобельцин*, 1981. С. 9). Гнезда от консольных балок и деревянных связей зафиксированы при натурных исследованиях на различных участках крепостных стен. Для первого периода характерно использование бревен круглого сечения[5] различного диаметра: продольного направления – до 44 см (на захабной стене Псковских ворот), поперечного – 22–25 см.

Конструкции каменной лестницы до реставрации 1964 г. сохранялись только ниже уровня земли. Было установлено, что лестница сооружалась одновременно со стеной и имела общие с ней деревянные связи. На стене сохранялись следы ступеней (*Скобельцин*, 1981. С. 9, 10).

От каменной лестницы и до Псковских ворот западная стена выделяется своими параметрами – толщина стены здесь составляет ок. 5,0 м. Ширина ходовой площадки у лестницы – ок. 3,65 м, толщина зубца – 0,85–0,94 м.

Столь мощное укрепление этого участка крепости имеет ряд объяснений. Конечно, оно должно было противостоять камнеметным машинам, которые могли угрожать с левобережной террасы р. Шелони, но также это могло быть связано с укреплением стены и территории крепости от пагубного воздействия сезонного влияния реки – паводков и ледоходов.

Натурные исследования прибрежной части укреплений позволяют предположить, что в ходе строительства произошло обрушение значительного по протяженности отрезка западной стены крепости.

Так, севернее Псковских ворот, с наружной стороны крепости в шурфах 5 и 8 (1986 г.) и 12 (2014 г.) выявлена кладка первоначальной стены, верхняя часть которой в процессе возведения (в свежем состоянии) сползла в сторону реки по склону (рис. 6, *а*). Сохранившаяся нижняя часть этой стены шире стены, установленной на нее впоследствии и дошедшей до нашего времени. Выступ, зафиксированный в данных шурфах (*Конов*, 1986. С. 13, 17; *Салмина*, 2014. С. 53, 54), составляет 20–30 см.

Следы обрушения стены раскрыты и далее к северу – в шурфе 1 (2022 г.) у «малых» ворот, между Псковскими воротами и каменной лестницей. Здесь обрушился массив стены с воротами, в кладке которого раствор уже набрал прочность (рис. 6, *б*). Упавший монолит сегодня находится под землей на глубине ок. 0,5 м. Плоскость внутренней стороны упавшей стены располагается под углом ок. 70^0 к вертикали внешней стороны существующей. Ширина первоначального проема соответствует существующему и составляет 1,06 м. Элементы проема выложены тесаными известняковыми блоками (*Степанов, Яковлева,* 2024. Т. I. С. 40). Размеры бедствия на строящемся объекте сегодня

[5] Гнезда от балок квадратного сечения характерны для второго периода модернизации крепости.

а *б*

Рис. 6. Конструкции обрушившейся стены
(*а* – шурф 12, 2014 г. Вид с севера; *б* – шурф 1, 2023 г. Вид с северо-запада)

определяются по характерному перелому лицевой кладки с вертикальной трещиной в районе каменной лестницы, с наружной стороны крепости[6].

В шурфе 9 (1986 г.), выполненном здесь у перелома лицевой кладки, больших массивов упавшей кладки не было обнаружено, но фиксировались фрагменты затвердевшего слоя раствора со щебнем и отдельные упавшие плиты, также соединенные раствором. Эта ситуация, на наш взгляд, свидетельствует в пользу того, что обрушение, начинаясь примерно в этом месте, произошло южнее.

Сохранившийся фрагмент стены у Псковских ворот также отражает проблемы первых строителей на западном прясле (рис. 7). В настоящее время он имеет выраженный наклон в сторону реки. Этот участок стены, по всей видимости, еще не был завершен, и каменщики попытались небольшим выступом выправить наклон стены, при этом наружный угол торцевой воротной стены укрепили за счет более широкого, выступающего фундамента.

Следует напомнить, что несмотря на бесспорное знакомство с природными условиями местности со времен создания первого древо-земляного укрепления в 1239 г., новгородские зодчие последних десятилетий XIV в. не могли

[6] Особенность этого фрагмента стены отмечает и П. А. Раппопорт. А. Н. Кирпичников полагал, что с этого места и до Псковских ворот стена была полностью переложена в 1430 г. с целью ее утолщения (*Кирпичников*, 1984. С. 248).

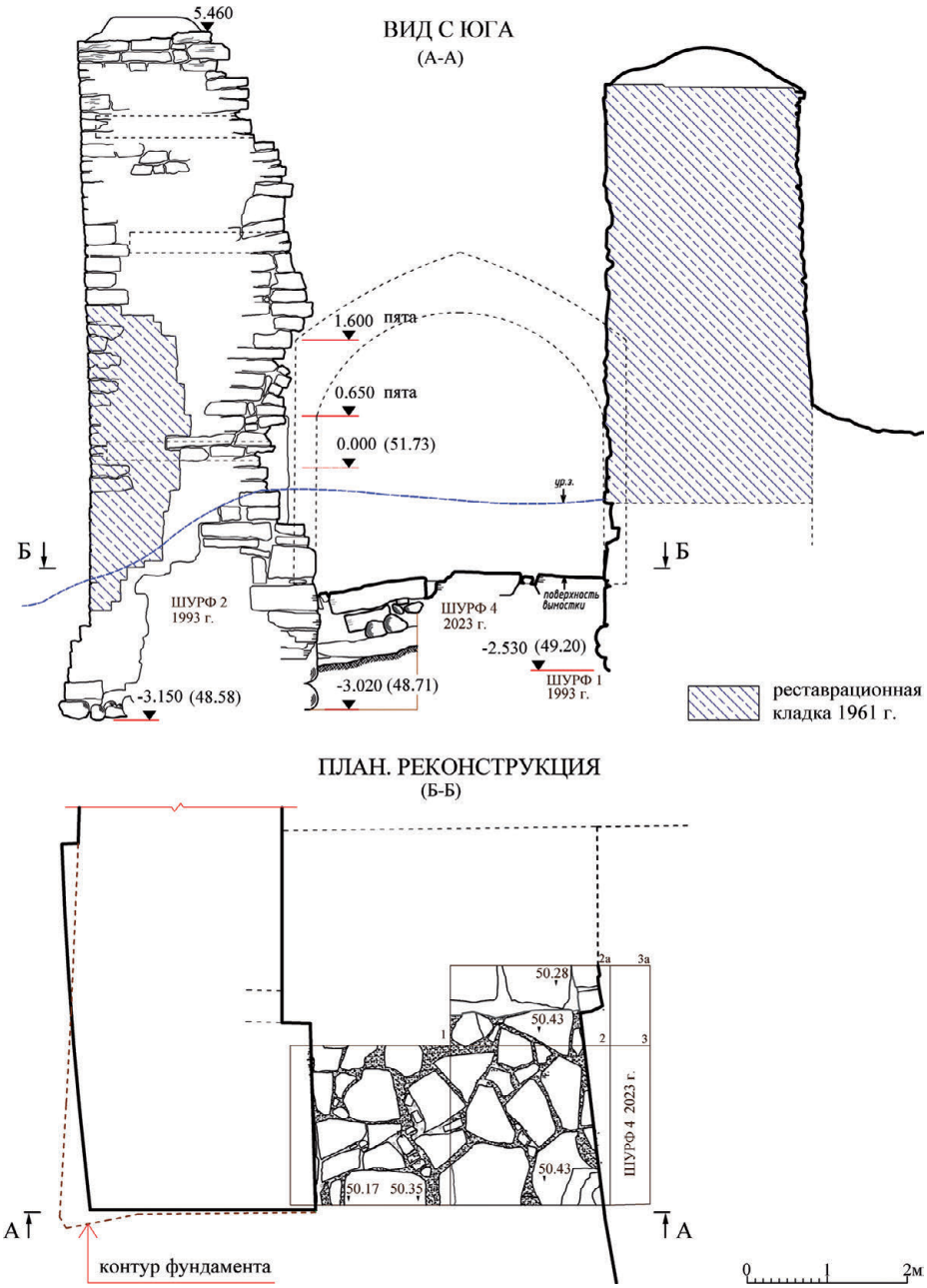

Рис. 7. Псковские ворота. Вид с юга и план-реконструкция на I строительный период (чертеж выполнен на базе обмерного чертежа 1986 г., археологических исследований 1993 г. – шурф 1; 2, и 2023 г. – шурф 4)

знать о надвигающихся глобальных изменениях климата, которые могли повлиять и на строительство каменной крепости на Шелони.

К концу XIV в. заканчивается климатический оптимум, наступает время т. н. «малого ледникового периода», продлившегося до XIX столетия. По данным В. П. Борисенкова и Е. М. Пасецкого (1988. С. 300–301), новгородские летописи в 80–90-х гг. XIV в. неоднократно отмечают аномальные наводнения, дождливые «лета и весны», высокие половодья, морозные суровые зимы. Порхов и Шелонь не упоминаются в этой связи, и мы ориентируемся на данные о Новгороде, Новгородской и Псковской землях. В интересующий нас период отмечены наводнения в 1383, 1386, 1387, 1388, 1389, 1394 гг. Данных по палеогидрологии Шелони пока нет, но даже современные наблюдения за уровнем вод в этой реке, не покрытой льдом, дают превышения значения нормы до 8,0 м.

Не исключен подмыв водами р. Шелони основания строящейся (или уже построенной) западной стены новой крепости, который в силу низких прочностных характеристик геологических пород местности стал критичным для устойчивости массивного каменного сооружения. Кровля геологических пород возвышения крепости сложена рыхлыми пылеватыми песками и супесями с тонкими прослоями суглинков, редкими включениями мелких гравия и гальки.

Обрушение строящейся приступной стены могло способствовать появлению или возвращению с других строек Новгорода опытных «градодельцев», способных справиться со сложившейся ситуацией, скорректировать планы и завершить задуманное. **Дальнейшее можно назвать 2-м этапом I строительного периода.**

Рухнувшие части западной стены, как показывают шурфы, полностью не разбирались, а использовались для создания защитного буферного «приклада», защищавшего основание сооружение от паводковых вод.

Причины обрушения и деформаций западного прясла из-за негативного влияния природных факторов (разрушительная деятельность вод и слабые грунты) вскоре были осознаны.

Если ранее, «над рекой», на месте открытого мощения (шурф 4, 2023 г.) и планировалась воротная башня, то теперь планы меняются. Гнезда для балок у ворот закладываются[7], и вдоль реки башни уже не появятся (ни воротная, ни угловая), несмотря на то что и композиционно, и функционально они здесь, казалось бы, были уместны.

Результатом «нового подхода» стало решение о возведении башен, выступающих в напольную сторону. Объемно-планировочная композиция и местоположение Средней и Никольской башен предопределены как самой планировкой крепости, так и уже возведенными фундаментами, и, отчасти, крепостными стенами. Крепостная стена с восточной стороны крепости, на которую установили Среднюю башню, к этому времени была возведена на высоту уже более 5,0 м от фундамента. Для входа в башню часть стены была разобрана для устройства проема, перекрытого арочной перемычкой.

[7] Растворы кладки и заполнения гнезд идентичны.

Рис. 8. Малая башня. Шурф 7, 2014 г. Вид с юго-востока

Проездная Никольская башня построена за пределами крепостной стены. Теперь главный въезд в крепость перемещен на восток через Никольскую башню, которую с крепостными воротами соединяет стена захаба.

Если Среднюю башню (как, вероятно, и Никольскую) установили на уже возведенные крепостные стены, то часть Малой башни, обращенная внутрь крепости, была установлена на валунный фундамент, сооруженный для крепостной стены (*Попов, Румянцева*, 2016. С. 22). Часть стены Малой башни с напольной стороны находится за пределами этого фундамента, а блоки известняка в ее основании лежат непосредственно на материке (рис. 8).

Вид первоначального захаба у Псковских ворот еще требует осмысления. Его сохранившаяся внутренняя стена с гнездами от балок на внешней стороне говорит о существовании здесь раската, перекрывавшего коридор, изначально. Наклон этой стены в сторону реки произошел, вероятно, тоже во время строительства. Поэтому при возведении наружной стены захаба, которая появилась после строительства внутренней, логично было провести укрепление склона. В шурфе 5 (2023 г.) вдоль основания внешней стороны западной стены прослежено скопление гранитных валунов, беспорядочно, в 1–2 ряда, лежавших на склоне на поверхности материковых пород. Это скопление может быть интерпретировано и как защитная насыпь грунтового основания стены[8] (*Степанов, Яковлева*, 2024. Т. II. С. 71).

[8] Не исключено, что камни связаны с оригинальным устройством фундамента в «две траншеи». Гипотетичность интерпретации связана с небольшой площадью раскрытия конструкций в траншее шириной 1,0 м, необходимы дополнительные исследования.

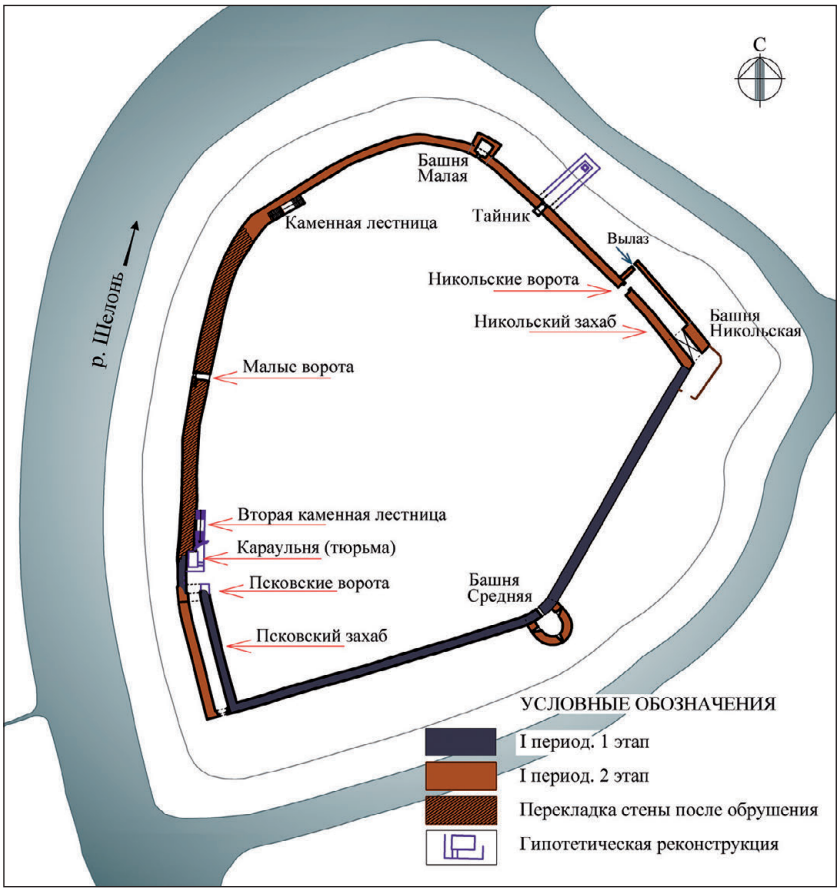

Рис. 9. План-схема Порховской крепости I строительного периода: первый и второй этапы. Реконструкция

Важно отметить, что строительство новой стены вместо обрушившейся происходило практически без перерыва во времени. Сохранившаяся нижняя часть первоначальной стены служила основанием для новой. У каменной лестницы ширина стены осталась прежней (более 5,0 м), к Псковским воротам новая стена сужается до 3,5 м. «Малые» ворота к реке восстановили на прежнем месте.

К I-му периоду относится и «тайник» – подземный ход к воде. Вход в него был обустроен между Малой башней и крепостными Никольскими воротами. Остатки его конструкций прослежены раскопками 2022 г. (*Степанов, Яковлева*, 2024. Т. II. С. 97). Объект требует дополнительных исследований, более полного раскрытия с напольной стороны стены.

В данной статье не уделено достаточного внимания и башням 2 этапа I-го периода (1387 г.). Эта тема также требует отдельного рассмотрения.

Проведенный анализ позволил выделить в составе I-го строительного периода строительства Порховской крепости два важных этапа (рис. 9).

В начале возведения каменных укреплений – *на первом этапе* – в силу ряда причин произошло обрушение западного прясла крепостной стены с малыми воротами. Это случилось в ходе строительства, когда на участке ведения работ у Псковских ворот еще не застыл связующий раствор.

Затем, *на втором этапе*, с учетом произошедшего первоначальные планы были скорректированы. Система обороны крепости дополнилась тремя разнообразными по форме башнями: Никольской, Средней и Малой. Так сложился ансамбль, который исследователи считают образцом каменной крепостной архитектуры переходного к «огнестрельной» эпохе периода конца XIV в.

В результате строительства I-го периода в сооружениях Порховской крепости были реализованы замыслы, в которых угадывается рука опытного специалиста, знакомого с последними тенденциями крепостного строительства.

Литература

Бирюков Ю. Б., 1995. Архитектурно-археологическое изучение Порховской крепости в 1991 и 1993 гг. // АИППЗ. 1994. Псков. С. 37–43.

Богусевич В. А., 1936. Порховская крепость // Новгородский исторический сборник. Вып. 1. Отв. ред. Б. Д. Греков. Л.: Облоно. С. 5–22.

Болховитинов Е. А., 2012. История княжества Псковского. М.: Кучково поле. 525 с.

Борисенков В. П., Пасецкий Е. М., 1988. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М.: Мысль. 522 с.

Гайдуков М. П., 2012. Фортификации Окольного города Великого Новгорода по археологическим данным. Диссертация ... канд. ист. наук / ИА РАН. Москва. 245 с.

Емелина О. В., 1991. Историческая записка по Порховской крепости // Архив ГАУК «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Псковской области». Ед. хр. 1.18.

Кирпичников А. Н., 1976. Исследования Островской крепости в Псковской области // АО 1975 г. М.: Наука. С. 19–20.

Кирпичников А. Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука. 273 с.

Конов А. П., 1986. Г. Порхов. Крепость XIV–XV вв. Архитектурно-археологические шурфы // Архив ООО Псковский институт «Спецпроектреставрация». Архив. Шифр 22. 1. 1.–76–96. Л. 32 с.

Косточкин В. В., 1962. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI в. М.: Изд-во АН СССР. 286 с.

Кузмина Н. Н., Филиппова Л. А., 1997. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб.: Дмитрий Буланин. 230 с.

Лабутина И. К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.: Наука. 246 с.

НПЛ – Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.

Попов С. Г., Румянцева З. Р., 2016. Новые исследования Порховской крепости в 2014 г. // Краеведческие чтения: Материалы XIV науч. конф. (25–26 сентября 2015 г., Порхов). Псков: Изд-во Псковского областного института повышения квалификации работников образования. С. 20–28.

ПСРЛ. 1889. Т. 16. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб: Типография Ф. Елеонского. 320 с.

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси. X–XV вв. (МИА. Вып. 105). М; Л.: Изд-во АН СССР. 246 с.

Салмина Е. В., 2014. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях крепости шурфами (Проектная документация. Раздел 2. Комплексные научные исследования. Том 8) // Архив ЗАО «Первые Петергофские реставрационные мастерские». Шифр: 031–06–14. СПб. 257 с.

Скобельцин Б. С., 1981. Отчет о реставрационных, восстановительных и противоаварийных работах на крепости XIV–XV веков г. Порхова за период с 1958–1981 гг. // Архив ООО Псковский институт «Спецпроектреставрация» Шифр 22.1.1–69. 22 с.

Степанов С. В., Яковлева Е. А., 2024. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в Порховской крепости в 2022–2023 гг. Т. I, II // Документация ООО «Н-ФОРМАТ». На правах рукописи. Псков.

* * *

Гофман Галина Сергеевна, *Псков, ООО ГК «Профит», e-mail: gof.galina@yandex.ru*

Яковлева Елена Александровна, *Псков, ООО «Н-ФОРМАТ», e-mail: lensanpsk@yandex.ru*

П. Е. Сорокин, О. В. Андреева, В. Н. Матвеев

Стекло из раскопок г. Ниена и крепости Ниеншанц

Резюме. Коллекция стеклянных изделий XVII в. из г. Ниена и крепости Ниеншанц, полученная в процессе исследований Санкт-Петербургской экспедиции в 1992–2009 гг., состоит из 484 фрагментов (ок. 389 предметов): сосудов с открытыми и закрытыми формами, оконных, витражных стекол, украшений (бусы, бисер). К открытым сосудам принадлежат различные виды бокалов, стаканов, фужеров и рюмок, использовавшихся для питья, к закрытым – разные виды бутылей. В отдельную группу выделяются малые сосуды (аптечные или парфюмерные). Состав находок из Ниена и Ниеншанца соответствует структуре стеклянных изделий Северной Европы этого времени и тенденциям ее изменений.

Ключевые слова: стеклянные сосуды, бокалы, бутылки, оконное стекло, Ниен, Ниеншанц.

P. E. Sorokin, O. V. Andreeva, V. N. Matveev. Glass from the Excavations of the City of Nien and the Nienschanz Fortress

Abstract. The collection of 17th century glass products from the city of Nien and the Nienschanz fortress, obtained during the research of the St. Petersburg archaeological expedition in 1992–2009, consists of 484 fragments (389 objects): vessels with open and closed forms, window and stained glass, bijouterie (beads, seed beads). The open vessels include various types of glasses, goblets, wine glasses and shot glasses used for drinking, while the closed vessels include various kinds of bottles. The small vessels, defined as pharmacy or perfume vessels, are distinguished in a separate group. The composition of the Nien finds corresponds to the structure of glass products of Northern Europe of that time and the trends of its changes.

Keywords: glass vessels, glasses, bottles, window glass, Northern Europe, Nien, Nienschanz.

Коллекция стеклянных изделий XVII в. из города Ниена и крепости Ниеншанц[1], полученная в процессе исследований Санкт-Петербургской экспедиции в 1992–2009 гг., включает 484 фрагмента вещей (ок. 389 изде-

[1] Город Ниен основан королем Густавом II Адольфом в 1632 г. рядом с крепостью Ниеншанц, заложенной на месте русского поселения Невское устье в 1611 г. В 1702–1703 гг. в начале Северной войны они прекратили свое существование.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.282-299

лий) (Табл. 1)[2]. Часть их может быть отнесена к конкретным комплексам или слоям первой и второй половины XVII в., другая имеет более широкую дату – XVII – начало XVIII в. Некоторые вещи происходят из переотложенных слоев XVIII–XX вв. и были отнесены к рассматриваемому периоду на основании морфологических признаков.

Коллекция стеклянных изделий включает: открытые и закрытые сосуды, листовое оконное и расписное (витражное) стекло, украшения (бусы, бисер). К открытым сосудам принадлежат различные виды бокалов, стаканов, фужеров и рюмок, использовавшихся для питья, к закрытым – бутыли. В отдельную группу выделяются миниатюрные сосуды, определяемые как аптечные или парфюмерные.

В большинстве случаев для изготовления изделий использовалось так называемое «лесное» стекло. Исходным сырьем для него служил кварцевый песок, а содержащееся в больших количествах в нем железо придавало предметам характерный зеленоватый цвет[3]. Важной составляющей являлся поташ, добываемый из золы сжигаемых растений. Именно из-за необходимости использования большого количества древесины, а также из соображений пожарной безопасности, мастерские по производству такого стекла располагали не в городах, а в лесистой местности, откуда и произошло название этого вида стекла. Обилие лесных массивов в центральной и северной Европе, древесина которых шла на получение золы, обеспечило здесь значительный масштаб производства (*Галибин*, 2001. С. 84).

Значительно меньше в коллекции фрагментов предметов венецианского стекла или подражаний ему, отличающихся высоким качеством изготовления. Его часто окрашивали в различные цвета, добавляя в шихту оксиды металлов – меди, кобальта, марганца и др., а также богато декорировали. В прозрачную массу вплавляли окрашенные, а также молочные стеклянные нити, создавая нитевидный и сетчатый рисунок, имитируя филигрань. Поверхность сосудов украшали различными защипами, буфами и налепами, комбинируя стекло различных оттенков. Стиль вычурных декоративных сосудов получил название «façon de Venise». Подражания этим изделиям в XVI–XVII вв. появляются и в других частях Европы (*Долгих*, 2015. С. 286–293).

Для изготовления бутылок использовался особый вид стекла, который появился после изобретения в первой половине XVII в. в Англии нового типа печей, использовавших в качестве топлива каменный уголь вместо дров (Šimkutė, 2011. P. 152–167). Это позволило значительно увеличить температуру варки, из-за чего значительно возросла прочность стекла, что позволило изготовлять прочные толстостенные сосуды, пригодные для транспортировки.

---

[2] С территории города происходит 210 единиц хранения (285 фрагментов), из крепости – 281 единица хранения (300 фрагментов) стеклянных изделий, с включением 15 находок из раскопок 2010 г.

[3] Специальные исследования состава стекла на данной стадии изучения не производились.

Таблица 1

Стекло из раскопок г. Ниена и крепости Ниеншанц.
Распределение находок по слоям

Виды изделий				Слои города Ниена					Слои крепости Ниеншанц					
				1 пол. XVII в.	2 пол. XVII в.	XVII в.	XVIII–XX вв.*	**Всего:**	1 пол. XVII в.	2 пол. XVII в.	XVII в.	XVIII–XX вв.*	**Всего:**	**Всего по Ниену и Ниеншанцу**
Листовое стекло			Стекло оконное (без кромки)	1	17	4	13	**35**	12	25	1	2	**40**	**75**
			Кромка	1	9	4	4	**18**	12	7	3	9	**31**	**49**
			Стекло витражное	1	3	1	1	**6**	6	1	-	-	**7**	**13**
Украшения			Бусины	-	4	-	2	**6**	1	1	-	3	**5**	**11**
			Скопления бисера	-	-	-	-	**-**	4	-	-	-	**4**	**4**
Открытые сосуды для питья	**Бокалы**	**Рёмеры**	Спиральное основание	2	5	2	2	**11**	1	1	-	-	**2**	**13**
			Вогнутое основание	1	-	1	-	**2**	-	-	-	1	**1**	**3**
			Нюппены	3	4	1	2	**10**	1	6	-	4	**11**	**21**
		Пассгласы	Восьмигранные бокалы (фр-ты стенок и закраин)**	12 (29)	17 (42)	1 (1)	2 (2)	**32 (74)**	6 (22)	2 (2)	1 (1)	7 (7)	**16 (32)**	**48 (105)**
			Цилиндрические бокалы (фр-ты стенок и закраин)	9 (36)	4 (10)	1 (1)	-	**14 (47)**	1 (1)	-	-	1 (1)	**2 (2)**	**16 (49)**
			Вогнутое основание	14	10	2	2	**28**	7	9	2	1	**19**	**47**
		Разные	Шаровидные зел./бесцв.	-	-/2	-	1/1	**1/3**	-/1	1/-	-	-	**1/1**	**2/4**
			Цилиндрические зел./бесцв.	-	1/-	-	-/1	**1/1**	2/-	-	-	3/-	**5/-**	**6/1**
			Цилиндрические с орнаментом зел./бесцв.	-	-	-/1	-	**-/1**	-	-/1	-	-/2	**-/3**	**-/2**
			Конусообразные зел./бесцв.	-	-	-	-	**-**	1/	-	-	1/	**2/-**	**2/-**
			Неопределимые	-	-	-	-	**-**	1	1	2	-	**4**	**4**
	Фужеры		Фужеры из комбинированного стекла, Флюгельглас (фр-ты)	-	-	-	1 (1)	**1 (1)**	-	1 (5)	-	-	**1 (5)**	**2 (6)**
			Фужеры из цветного стекла	-	-	-	1	**1**	-	1	-	-	**1**	**2**
Закрытые	**Аптечные**		Флаконы	-	2	2	6	**10**	2	5	1	2	**10**	**20**
			Сосуды баночного типа	-	2	1	1	**4**	-	1	-	-	**1**	**5**
	Тарные (бутыли)	**Цилиндрические**	Широкогорлые (горло)	-	-	-	3	**3**	-	-	-	2	**-**	**3**
			С воротничком и без (горло)	-	-	-	1/1	**1/1**	-	-	-	-	**-**	**2**
			Донца и стенки	-	2	1	1	**4**	2	2	4	-	**8**	**12**
			Четырехгранные	-	1	1	-	**2**	2	4	1	-	**7**	**9**
Разное			Сосуды из цветного стекла	1	2	-	1	**4**	-	2	-	-	**2**	**6**
			Сосуды из стекла с молочной нитью, филигранью	-	1	-	-	**1**	4	-	-	1	**5**	**6**
			Неопределимые	-	1	-	-	**1**	-	1	-	-	**1**	**5**
ВСЕГО:				**45 (89)**	**87 (118)**	**23 (23)**	**47 (47)**	**202 (277)**	**66 (82)**	**72 (76)**	**10 (10)**	**39 (39)**	**187 (207)**	**389 (484)**

* Стеклянные изделия из поздних слоев и перекопов, отнесенные к XVII в.
** Здесь и далее в скобках указано количество фрагментов, которые могут быть частями разных сосудов.

Оконное стекло. В коллекции листового стекла XVII в. – 137 фрагментов (53 – Ниен, 71 – Ниеншанц). Это небольшие обломки плоских листов стекла, а также обрезки края и в небольшом количестве фрагменты и сколы полихромного расписного стекла (рис. 1). Листовое стекло получали путем выдувания полого цилиндра, разрезаемого продольно, с последующим разравниванием получившегося листа. При его повторном нагревании по краям образовывалась оплавленная кромка в форме округлого утолщения (рис. 1: *11–13, 15*). При установке листа в свинцовые пазы ее обычно обламывали по нанесенной разметке, следы которой часто заметны по краю стекол (рис. 1: *14–15*). Она наносились штихелем или кремнем, с отступом 1,2–3,2 см от края. После удаления кромки край мог дорабатываться: встречаются фрагменты с вертикальной и косой односторонней отжимной ретушью (рис. 1: *10, 16–17, 19–20, 22*). По краю большинства фрагментов прослеживается и след крепления в свинцовом пазу шириной 3,0–4,0 мм (рис. 1). В окнах использовались как фигурные (круглые, ромбовидные и листовидные), так и прямоугольные стекла. В одном случае реконструируемый диаметр стекла составлял 16,0 см, еще в 6 случаях – 9,0–10,0 см, в том числе, в двух случаях зафиксирован смежный угол прямого края и дугообразного. На двух прямоугольных деталях сохранилась полная ширина одной из сторон – 6,8 см и 8,7 см. Ширина листовидной детали составляла ок. 7,7 см при длине более 5,1 см.

У одного фрагмента стекла из крепости Ниеншанц толщиной 1,5 мм обрезанные смежные края были подправлены ретушью и сходились под углом в 45°. На нем имелась процарапанная надпись « [...] fustass» (рис. 1: *23*). Метки на стекле обнаружены и на стеклах из Ниена. В одном случае сохранился рисунок в виде бессистемно прочерченных тонких дугообразных либо сферических линий, в другом, на месте следа от крепления, у обрезанного края стекла была нанесенная штихелем прописная буква «l» (рис. 1: *24–25*).

Среди находок листового стекла XVII в. по морфологическим признакам выделяются два типа. Стекло первого типа прозрачное, насыщенного оливкового цвета имеет глянцевую «маслянистую», часто неровную поверхность, почти без патины, с пузырьками воздуха. Толщина его составляет около 2,0 мм, с краевым утолщением 0,5–1,0 мм. Стекло второго типа внешне почти не отличается от современного. Оно имеет ровную, гладкую поверхность, без ярко выраженного глянца, часто покрытую патиной. В нем редко встречаются пузырьки. Стекло бесцветное, в изломе – малахитового оттенка, либо бледно-зеленое, оливкового оттенка. Толщина его колеблется в пределах 1,0–2,9 мм, но чаще составляет 1,0–1,5 мм. Первый тип стекла встречается во всех слоях XVII – начала XVIII в., второй – чаще датируется второй половиной XVII – началом XVIII в.

В составе находок из г. Ниена имеются 6 фрагментов полихромного стекла XVII в., расписанного в витражной технике (рис. 1: *1, 6–10*). Роспись на стекле миниатюрная и различима только с близкого расстояния. Подобное стекло со светскими сюжетами известное в витражных медальонах Англии и Нидерландов и в кабинетных гербовых витражах Швейцарии, использовалось для украшения домов зажиточных горожан, в том числе и в Швеции, начиная с XVI в.

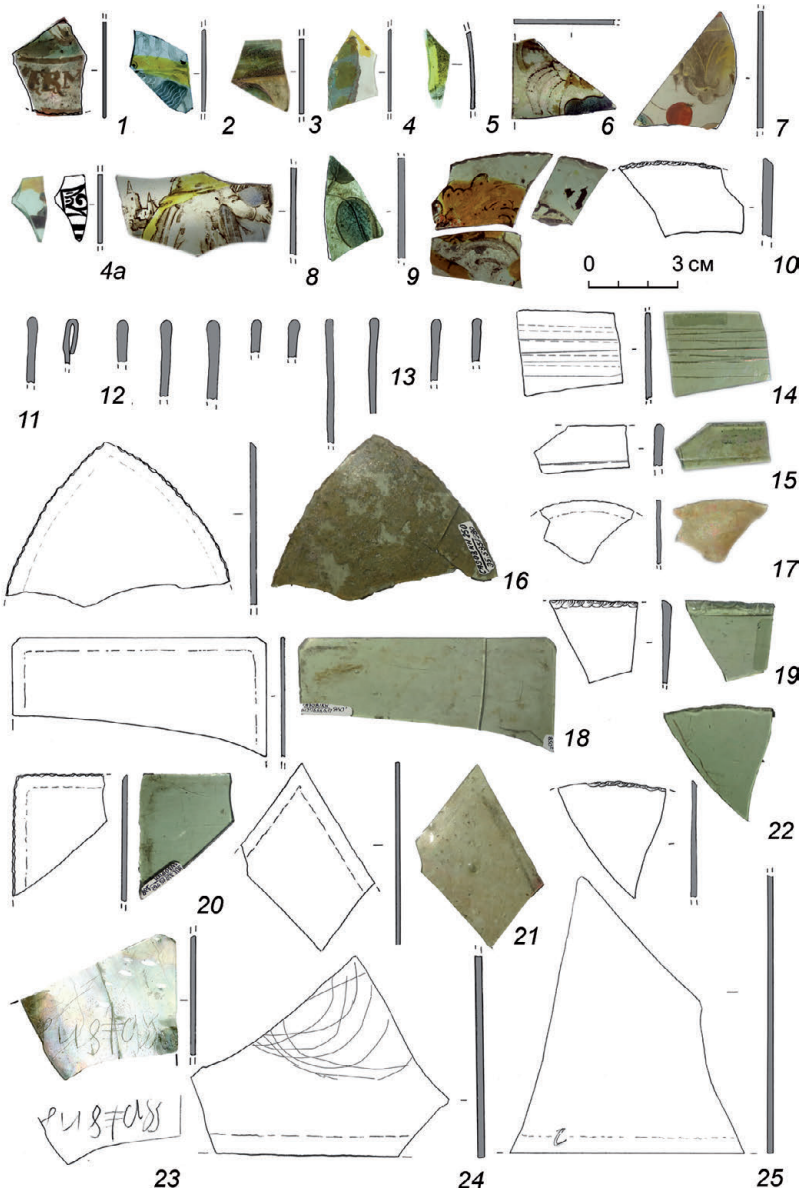

Рис. 1. Витражное и оконное стекло: *1–10* – витражное стекло; *11–22* – оконное стекло, обрезки кромки, варианты обработки; *23–25* – метки на стекле

В пяти случаях за основу было взято обрезное оконное стекло XVII в. стандартной толщины 1,5–2,0 мм – гладкое, прозрачное, бледно-зеленого оттенка; в одном случае использовано глянцевое стекло интенсивного оливкового оттенка толщиной 2,0–2,5 мм (рис. 1: *10*). Встречаются стекла как двусторонние

(контур, тонировка и заливка рисунка краской выполнены на обеих сторонах стекла), так и односторонние (рис. 1: *6, 9–10*). Для контурного рисунка использована белая, бежевая, либо марганцевого оттенка краска. Внутри контура выполнены заливки «эмалевыми» глухими (непрозрачными) цветными красками – синими, голубыми, бирюзовыми и красными. Само стекло на месте рисунков дополнительно тонировано, чаще встречается тонировка в виде характерных желтых прозрачных пятен размытых очертаний, в одном случае зафиксирована тонировка красного цвета (рис. 1: *7*) (варианты серебряной протравы при разном температурном воздействии). На витражах прослеживаются изображения – женская фигура, архитектурный пейзаж, классические орнаментальные мотивы, листья, ягоды. Два фрагмента витражей были выполнены на стекле с дугообразным краем, в одном случае изображение было заключено в круглую рамку (радиус дуги 5,0 см), в которой сохранился фрагмент надписи «...**ERM**...» (рис. 1: *1*), в другом – надпись шла по краю стекла (радиус дуги 10,0 см) «...**I.**» (рис. 1: *10*).

В коллекции расписного полихромного стекла из крепости находятся 7 небольших фрагментов толщиной 1,5–2,0 мм (рис. 1: *2–5*) с двусторонней росписью. С одной стороны – это нанесенный тонкими линиями белой нестойкой краской контур, который часто не виден на просвет, а прослеживается под определенным углом (рис. 1: *4а*). На обороте контурный рисунок залит глухими цветными эмалями, а стекло на месте рисунков дополнительно тонировано желтым красителем на основе серебра. В отдельных случаях прослеживается изображение – складки одежды, лицо, растительный орнамент. В одном случае изображение, вероятно, заключено в круглую рамку, по контуру которой сохранился фрагмент надписи «готическим» шрифтом – «...mo...», в рисунке применена техника выскабливания по покрашенному стеклу (рис. 1: *2*).

Фрагменты витражного стекла встречаются в заполнении рвов Ниеншанца первой половины XVII в., в слое пожара крепости начала XVIII в. и в постройках Ниена XVII в. Оконное стекло аналогичных видов широко известно в материалах из городов Северной Европы, включая большую коллекцию из г. Любека (*Dumitrache*, 1990. Abb. 68–71).

Украшения из стекла. К украшениям из стекла относится небольшое количество (9 шт.) шаровидных и уплощенных бусин цветного прозрачного и глухого стекла, обнаруженных в разрозненном виде. В слое первой половины – середины XVII в. найдена бусина бесцветного стекла с насечками, остальные бусины происходят из переотложенных слоев и слоев второй половины XVII – начала XVIII в. Это бусины желтого, голубого, темно-синего, молочного и черного стекла диаметром 5,0–9,0 мм (рис. 5: *22*). Основная часть находок бисера происходит из захоронений первой половины XVII в. Охтинского могильника (*Сорокин и др.,* 2013) (рис. 5: *23*). В уборе использовался бисер темно-синего, голубого и желто-зеленого, реже темно-зеленого стекла, уплощенной формы, диаметром до 1,5 мм. Бисер в это время был широко распространен в Северной Европе и часто являлся украшением традиционного костюма народов Восточной Прибалтики, включая водь и ижору в XVI–XVIII вв. (*Шлыгина*, 1986. С. 211–215, 221).

Открытые сосуды для питья наиболее многочисленны и включают три наиболее популярных в этот период в Европе вида бокалов: рёмеры, пассгласы и флюгельгласы.

Рёмер (нем. *Römer* – римский) – традиционный бокал для вина объемом 200–250 мл, изготавливавшийся в Северной Европе, главным образом, в Германии и Нидерландах. Этот тип известен с XVI в., приходя на смену беркемейеру (нем. *Berkemeyer*) – бокалу для вина с конусовидной чашей и цилиндрическим основанием на кольцевом поддоне. В XVII в. он приобрел свою классическую форму (*Долгих*, 2015. С. 289; *Музыка*, 2012. С. 62–67; *Dumitrache*, 1990. Abb. 19–21, 82). Рёмер – тонкостенный бокал, состоящий из яйцевидной либо шаровидной емкости-чаши, зауженной бочкообразной либо цилиндрической полой переходной части-ножки и основания-подставки. Полая ножка имеет вогнутую придонную часть и след крепления трубки (понтия). Ее корпус, как правило, украшен несколькими налепами – нюппенами (нем. *nuppen* – «бородавки») – округлой формы с объемным декором, напоминающим ягоды малины и ежевики. Налепы не позволяют бокалу скользить в руке. Чаша и ножка образуют единый объем, основание изготовлено отдельно и припаяно. Место перехода чаши в ножку украшено штампованной горизонтальной стеклянной нитью в один ряд. Выделяется не менее двух вариантов основания. Чаще встречается вариант конусовидного спирального основания, выполненного путем наматывания стеклянных нитей диаметром 1,0–3,0 мм на форму (рис. 2). Второй вариант делался из выдувного стекла. Его верхние обрезанные края соединены с придонной частью чаши, нижние плавно выгнуты наружу, а кромка подогнута вовнутрь, образуется утолщение-полость в виде петли (рис. 4: *9–15*).

В коллекции фрагменты не менее 35 рёмеров – 13 фрагментов спирального основания из сильно патинированного стекла оливкового, реже малахитового оттенка (высота основания более 1,0 см и более 2,5 см, диаметр от 3,0 до 10,0 см) и три фрагмента вогнутого основания из бесцветного патинированного стекла толщиной менее 1,0 мм (высота основания более 3,0 см и диаметр 7,0–9,0 см). Имеются также, фрагменты 19 полых ножек рёмеров, украшенных нюппенами (рис. 2: *2–18*). Диаметр их варьирует от 1,7 см у миниатюрных сосудов до 7,0 см у крупных (1,7–2,5 см – 3 шт., 3,0–5,0 см – 7 шт., 6,0–7,0 см – 6 шт.). Высота ножки более 3,0 см. Ножки украшены круглыми либо овальными нюппенами в виде ягод с выступающими шариками либо конусами. Они имеют уплощенную форму, размером 1,5×1,7–2,0×2,3 см и толщиной 1,5–2,0 мм. Встречаются налепы со множеством мелких (1,0–2,0 мм в диаметре) шариков и с несколькими конусовидными шипами высотой до 5,0 мм (самые крупные – в центре). Иногда на налепе видны следы круглого штампа, при помощи которого он декорировался. На его обратной стороне в месте крепления нюппена – технологический выступ-утолщение. Более 10 фрагментов стенок тонкостенных бокалов, вероятно, являются частями чаши рёмеров, но размеры фрагментов не позволяют с уверенностью говорить о форме и принадлежности к определенному виду бокалов. Осколки рёмеров встречаются во всех слоях XVII в. Аналогии этих сосудов находятся в коллекции стекла г. Любека, где представлены оба варианта основания рёмеров (*Dumitrache*, 1990. Abb. 19–21, 82).

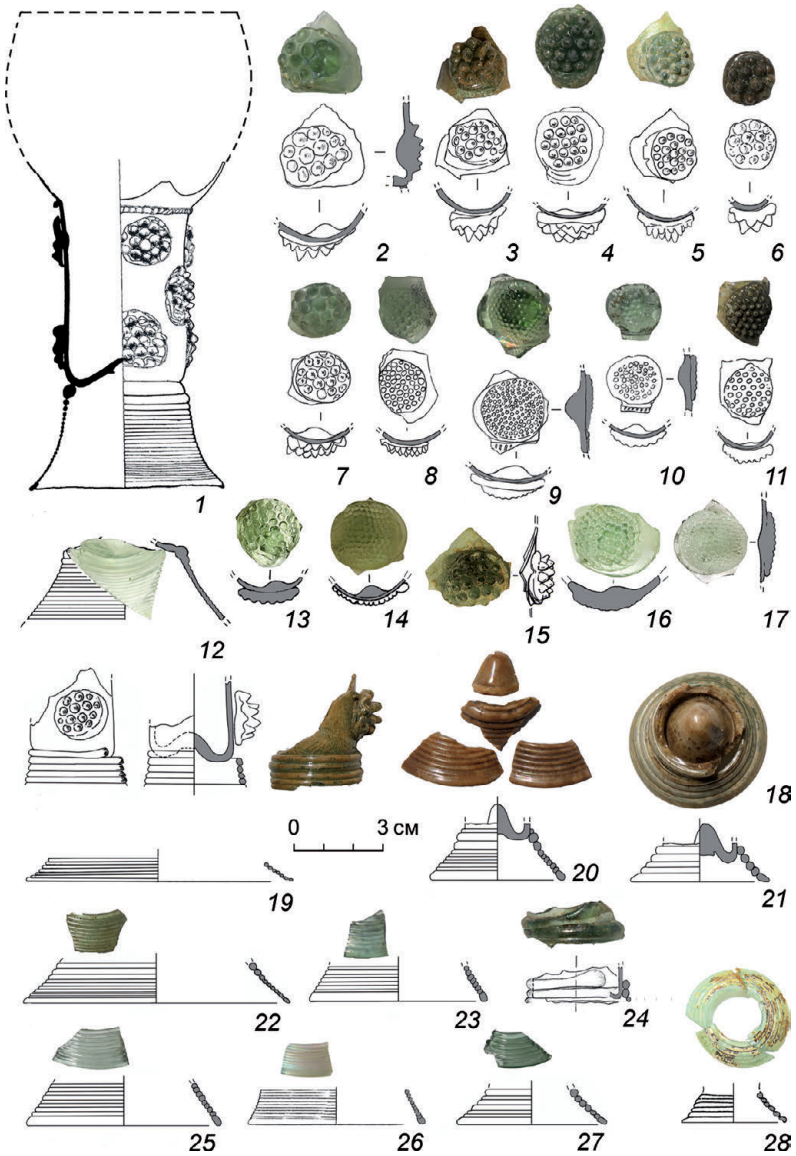

Рис. 2. Бокалы. Рёмеры: *1* – реконструкция сосуда на спиральном основании (по: *Dumitrache*, 1990); *2–11, 13–18* – налепы-нюппены; *19–28* – спиральные основания

Пассглас (нем. *passgläser*, нидерл. *pasglas*, швед. *passglas*) – высокий узкий бокал на кольцевом поддоне с частично вогнутым дном. Входит в общую группу бокалов штангенглас (нем. *Stangenglas*) – стержнеобразных бокалов (*Dumitrache*, 1990. Abb. 22–35, 82). Бокалы этой группы использовались в европейских странах со второй половины XIV – первой половины XV в. до XVIII в. Подгруппа бокалов типа пассглас (XVI–XVIII вв.) выделяется наличием

стеклянных припаянных нитей-меток (от лат. *Passus* – шаг), которые делят сосуд по вертикали с равными интервалами. Они могли быть цилиндрической, конической, восьмигранной и шестигранной формы и использовались для пива[4] (реже вина и бренди) в так называемых питьевых играх, когда за один глоток нужно было опустошить емкость до следующей метки. Сосуды изготавливались путем выдувания в форму и не отличались высоким качеством. К XVII в. в Голландии и Швеции они уже не являются предметом роскоши и становятся «посудой солдат и крестьян» (*Henricson*, 2003. S.107–120).

В коллекции Ниена-Ниеншанца собраны фрагменты не менее 109 частей бокалов типа пассглас (199 фрагментов) (рис. 3, 4). В небольшом количестве встречаются бокалы круглого поперечного сечения – конусовидные либо цилиндрические (рис. 4: *1–8*). Наибольшее количество стенок происходит от бокалов восьмигранной формы – 48 (105) фрагментов (рис. 3). Ширина бокала 3,6–4,8 см, высота – более 12,5 см, ширина грани – 1,5–2 см (немного сужается к основанию). В придонной части грани менее выражены, бокал приобретает цилиндрическую форму и слегка сужается. Закраина утолщенная, округлая и не всегда ровная (над гранями слегка прогибается). Толщина стенок на месте закраины 1,5–2,5 мм, в средней части бокала менее 1,0 мм. Встречаются также стенки бокалов с вертикальным и диагональным (косым) рифлением (4 фрагмента), создающим дополнительный оптический эффект (рис. 3: *6–7*). Стенки украшены горизонтальными стеклянными нитями толщиной около 1,0 мм и/или полосами стекла шириной 2,0–5,0 мм, расположенными группами, в несколько рядов, на произвольном расстоянии друг от друга. Первая группа приблизительно на 5,0–6,0 см ниже закраины. Средняя ширина декоративного пояска из шести рядов нитей – около 2,5 см. В зависимости от толщины декоративных нитей и полос, они либо просто наматываются на стенки бокала (нити толщиной менее 1,0 мм), либо дополнительно прижимаются к стенке рифленой катушкой разной формы, отчего на них остаются вертикальные насечки либо жемчужинки (рис. 3: *2–5*). При изготовлении использовано тонкое стекло бледно-зеленого оттенка с маслянистым блеском и включениями воздушных пузырьков. Декор обычно выполнен в цвете стекла бокала. Реже встречаются нити и полосы синего прозрачного стекла (2 фрагмента) (рис. 3: *2б–3б*). Аналогичным образом оформлены стенки цилиндрических бокалов диаметром 4,5–5,0 см (49 фрагментов предположительно от 16 бокалов). Основание бокалов вогнутое, в плане – круглое. Оно очень похоже на один из вариантов основания рёмера, но выдувается вместе с верхней частью, затем оформляется самая узкая часть сосуда – на переходе к основанию, а центр основания утапливается внутрь изделия (рис. 3: *1, 8*). Таким образом, основание получается высокое, вогнутое, а слой стекла основания – двойным, по краю основания между слоями стекла образуется утолщение-полость толщиной до 5,0 мм, в разрезе имеющее форму петли. Высота основания колеблется в пределах 1,1–2,1 см и более, диаметр от 5,5 до 10 см. Из слоев XVII в. происходят фрагменты оснований

[4] В Нидерландах считается, что крепкое пиво лучше раскрывается в широком бокале.

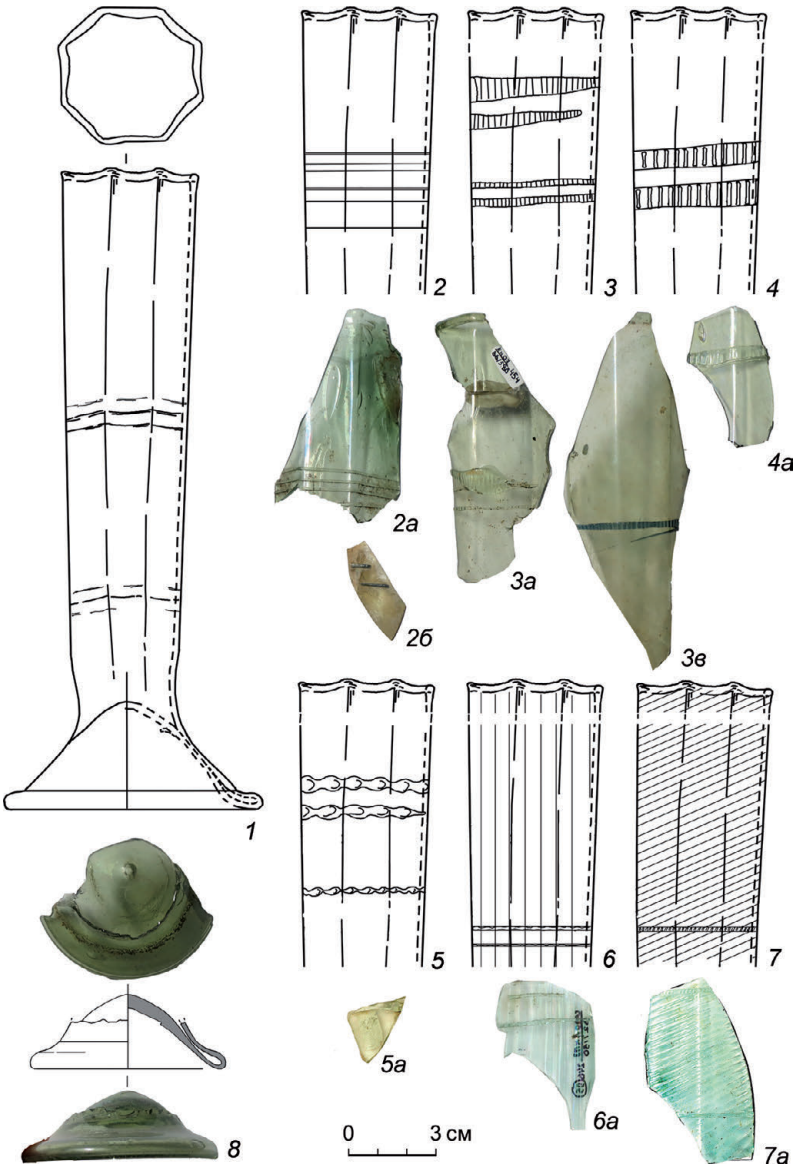

Рис. 3. Бокалы. Пассгласы восьмигранные: *1* – бокал, обнаруженный на борту корабля Васа (реконструкция); *2* – варианты декорирования стенок бокалов (*а* – бесцветная нить, *б* – синяя); *8* – пример конструкции основания

от 45 сосудов. Максимальный диаметр основания от 7,5 до 10 см встречается у бокалов из слоев первой половины XVII в. Аналогии таким бокалам имеются в музее корабля «Васа» (Швеция, 1628 г.), среди которых восьмигранный бокал шириной 4,9 см и высотой 21,8 см, украшенный двумя группами нитей

синего стекла (рис. 3: *1*)[5]. Находки подобных бокалов из раскопок в Стокгольме подробно изучены (*Henricson*, 2003. S. 107–120). Бокалы спорадически появляются здесь в первой четверти XVI в., затем с 1556 г. изготавливаются на местных заводах под патронажем королевского дома. В первой половине XVII в. восьмигранный пассглас доминирует среди бокалов местного производства, но с середины столетия его популярность падает, хотя изготовление продолжается до конца века. Классическая многогранная форма выходит из употребления к концу XVII – началу XVIII в. Высота бокалов от 15,5 до 34,0 см. Диаметр основания 4,5–14,0 см (чаще 8,0–10,0 см), горловина 2,2–8,4 см (чаще 4,2–6,0 см). Отмечается тенденция уменьшения диаметра основания со временем. 30% бокалов имеют рифленые стенки. Наиболее частый декор – нити в цвете стекла (от зеленого до оливкового разных оттенков, редко – синего) группами по три.

Флюгельглас (нем. *Flügelglas*) – «крылатый кубок», фужер с корпусом различной формы на ножке из переплетенного двухчастного стержня с припаянными штампованными пластическими украшениями в виде перьев, крыльев, листьев и др. Основание имеет характерную для фужеров форму слегка вогнутого диска. Распространен во второй половине XVI–XVIII в., первоначально изготавливается в Венеции, затем в различных вариантах в Центральной Европе и в Британии (стекло façon de Venise). Особую популярность он приобрел в Нидерландах, где производился упрощенный вариант венецианских крылатых кубков – серпент (франц. *«verreres a serpent»* – змеевидные сосуды) (*Долгих*, 2015. С. 289).

В коллекции Ниена и Ниеншанца всего 6 фрагментов ножек от 2–3 фужеров из слоев второй половины XVII в. (рис. 5: *13–21*). Они выполнены из бесцветного прозрачного стекла, ножка из витых стеклянных трубочек с впаянными «венецианскими нитями» голубого, красного и белого цвета украшена элементами в форме лепестков голубого и синего стекла со штампованным орнаментом. Диаметр ножки 0,7–0,9 см. Чаша могла иметь открытую форму конуса или закрытую яйцевидную форму – фрагменты закраин подобных бокалов разных форм происходят из слоя с находками ножек (рис. 5: *20–21*). Примером аналогичного фужера может служить кубок из Художественного музея в Амстердаме (Рейксмузеум) (рис. 5: *13*). Кубок изготовлен в Нидерландах в 1650–1700 гг. из прозрачного стекла с синими, белыми и красными нитями и украшен штампованным декором синего стекла. Он имеет восьмигранную конусовидную чашу, его высота 15,8 см, диаметр основания 7,5 см[6].

Завершая обзор открытых стеклянных сосудов Ниена и Ниеншанца, следует отметить фрагменты двух фужеров из зеленого и коричневого окрашенного стекла на цельной расширяющейся ножке (конец XVII – начало XVIII в. (рис. 5: *1, 2*)), 5 сколов разных сосудов в технике венецианской

[5] URL: https://web.archive.org/web/20150414084943/http://www.marinmuseum.se/sv/Samlingar/MarketStore/Vasaforemal/?msobjid=20064 (дата обращения: май 2019 г.)

[6] URL: http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.325757 (дата обращения: май 2019 г.)

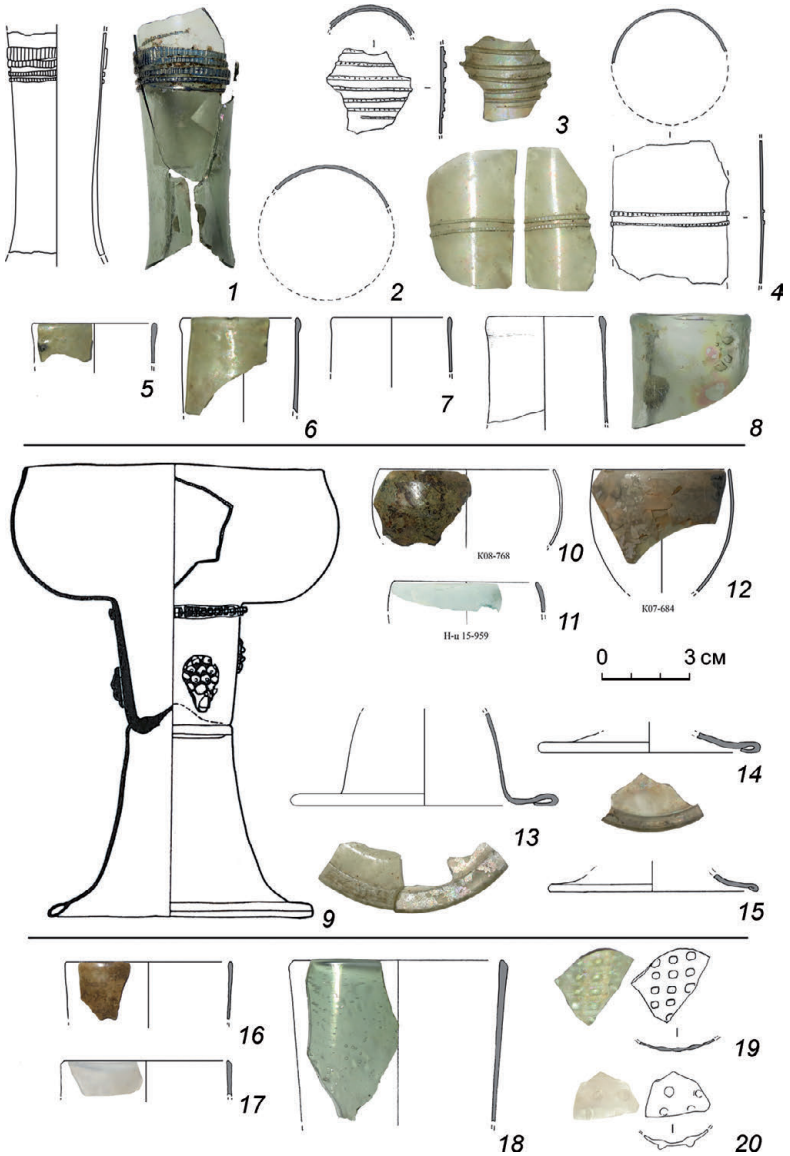

Рис. 4. Бокалы: *1–8* – пассгласы цилиндрические; *9–15* – рёмеры: *9* – реконструкция сосуда (по: *Dumitrache*, 1990), *10–12* – закраины чаши, *13–15* – вариант вогнутого основания; *16–20* – тонкостенные бокалы: *16–18* – варианты закраин, *19–20* – стенки бокалов со штампованным орнаментом

филиграни и с использованием нитей молочного стекла (венецианского производства или подражания ему (рис. 5: *3–6*)), 2 фрагмента стенки крупных сосудов типа чаш или графинов из синего стекла с буфами-защипами (рис. 5: *11–12*). К другим изделиям относятся: фрагмент сосуда дымчатого стекла

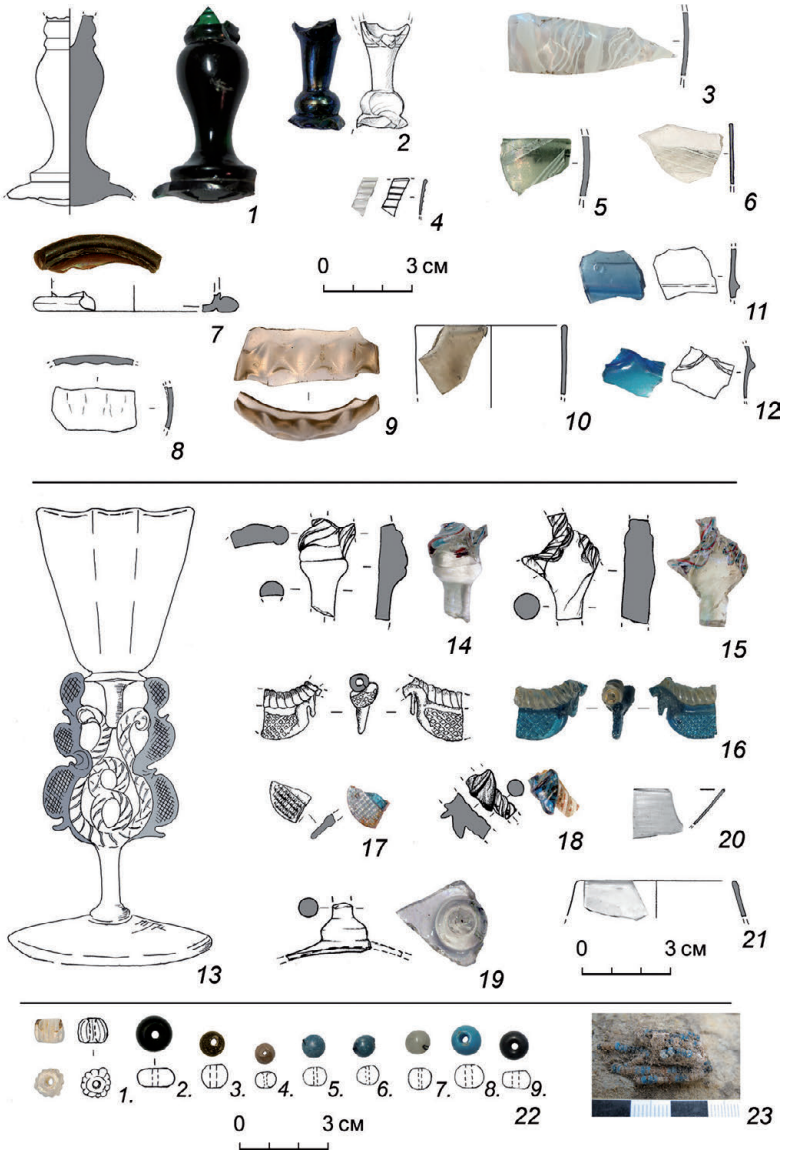

Рис. 5. Сосуды из окрашенного стекла и с использованием стеклянной нити: *1–12* – фрагменты сосудов; *13–21* – фрагменты бокалов типа «флюгельглас»; *22* – бусины; *23* – бисер

со штампованным орнаментом в виде четырехгранных выступов (рис. 5: *9*), придонная часть сосуда из коричневого стекла на кольцевом поддоне (сосуд типа немецкого расписного бокала с крышкой – Humpen (рис. 5: *7*)) и волнистая стенка тонкостенного сосуда из марганцевого стекла (рис. 5: *8*). Среди бесцветного стекла следует выделить тонкостенные сосуды со штампованным орнаментом в виде выступающих бугорков (2 фрагмента) (рис. 4: *19–20*),

стенку сосуда с имитацией капель стекла на поверхности, а также небольшое количество закраин тонкостенных открытых сосудов бесцветного и дымчатого стекла, форму которых из-за величины фрагментов определить не удалось (Табл. 1; рис. 4: *16–18*; 5: *10*).

Закрытые сосуды. К закрытым сосудам в коллекции относятся бутыли и так называемые аптечные сосуды. Аптечные сосуды XVII в. использовались для хранения жидких, сыпучих и желеобразных составов в фармации, парфюмерии, химии, а также для специй. Они представляют собой разнообразные тонкостенные баночные сосуды и флаконы (миниатюрные бутыли) без воротничка[7], цилиндрической, шаровидной с высоким узким горлом, конусовидной и четырехгранной формы из стекла оливкового и почти бесцветного малахитового оттенков (рис. 6: *1–15*). Встречаются широкогорлые сосуды с горизонтально отогнутой закраиной и узкогорлые, с утолщением по краю, более характерные для второй половины XVII в. Они имели слегка вогнутое бутылочное дно, кольцевой поддон либо плоское припаянное основание в виде диска (*Dumitrache*, 1990. Abb. 39, 42, 43, 83). В коллекции из Ниена – Ниеншанца находятся 24 фрагмента сосудов из слоев XVII – начала XVIII в. Не исключено также, что основания в виде диска могли быть частью миниатюрных открытых сосудов – рёмеров раннего типа (*Dumitrache*, 1990. Abb. 82) (рис. 6: *1–2*).

Типология бутылок разработана ранее как для немецкой традиции, получившей распространение в странах Балтики (*Dumitrache*, 1990. Abb. 38–60, 83; *Šimkutė*, 2011. P.158–164), так и для английской (*Dumbrell*, 1999. P 29, 30). Самые ранние бутылки (XVI–XVII вв.) имели шаровидный (грушевидный, каплевидный, луковидный) корпус, вогнутое (с пунтом) или почти гладкое днище, конусообразную шейку и горло с прямой, либо слегка отогнутой закраиной без укрепляющего ее кольца воротника. Для бутылок первой половины XVII в. характерно широкое воронкообразное горло, удобное для переливания. Ко второму типу относятся толстостенные бутылки с шаровидным (полусферическим и сферическим) корпусом из темно-зеленого (бутылочного) стекла и двухчастной конусообразной узкой горловиной с припаянным воротником. Дно их в поперечном сечении может быть круглым, уплощенным или овальным, а в продольном – плоским или вогнутым внутрь. Они появляются во второй половине XVII в., но чаще встречаются в слоях конца XVII – первой половины XVIII в. Бутылки третьего типа с цилиндрическим корпусом, округлым и выпуклым днищем появляются во второй четверти XVIII в., с началом использования для их изготовления деревянной либо металлической формы[8]. В четвертый тип объединены четырехгранные бутылки с плоским или слегка

[7] Воротничок – дополнительная деталь в виде узкой полоски стекла, обернутой вокруг горловины бутыли, чуть ниже закраины, появляется на сосудах из прочного бутылочного стекла и служит для укрепления и предотвращения раскалывания горловины пробкой.

[8] Отдельные экземпляры цилиндрических бутылей и флаконов встречаются в слоях конца XVII в., а также в более ранних слоях, но массовое производство в форме начинается во второй четверти XVIII в.

Рис. 6. Закрытые сосуды: *1–14* – флаконы; *15–16* – широкогорлые четырехгранные сосуды; *17–19* – широкогорлые бутыли

шаровидным вогнутым дном, появляющиеся в конце XVI в. С середины XVII в. на бутылках четвертого типа появляется воротничок (*Šimkutė*, 2011. P. 164).

В коллекции Ниена – Ниеншанца представлены фрагменты не менее 19 бутылок XVII – начала XVIII в. (рис. 7). Небольшое количество и фрагментированность находок осложняют их систематизацию и датировку. Проиллюстрировать их позволяют существующие европейские классификации бутылок.

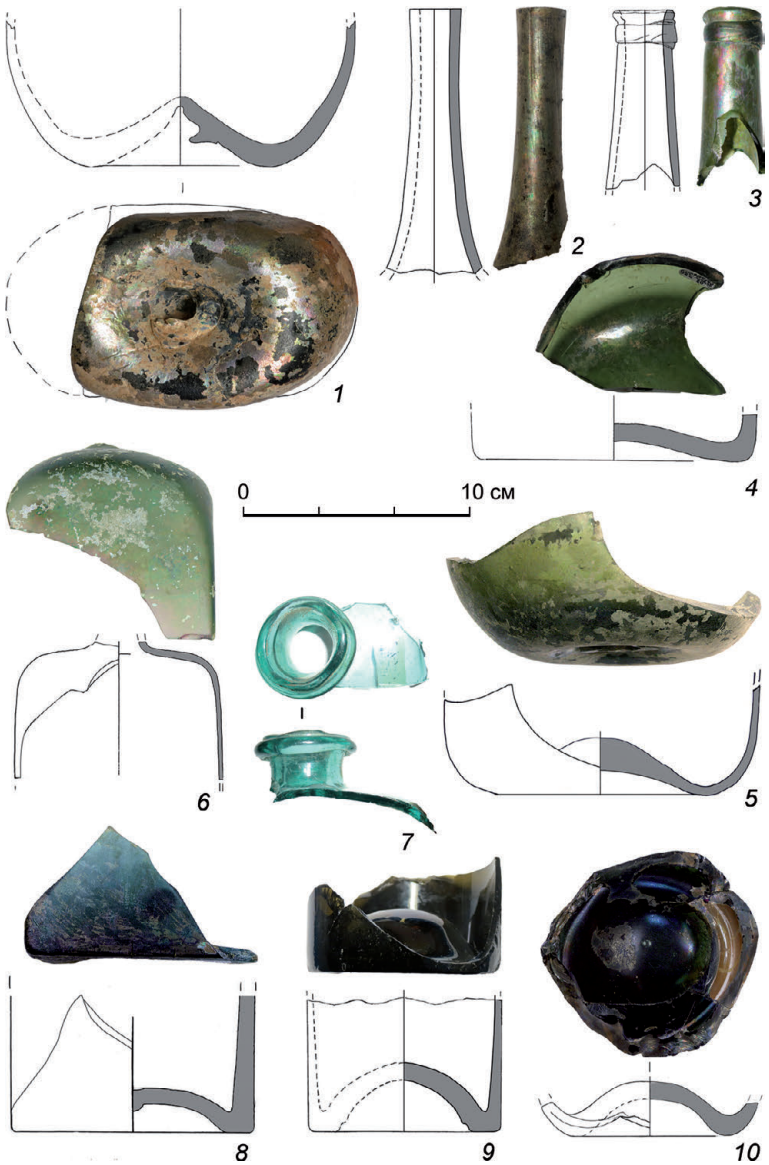

Рис. 7. Закрытые сосуды: *1–5, 8–9* – бутыли; *6–8* – четырехгранные сосуды

К находкам первого типа из слоев первой половины – середины XVII в. на территории города, можно отнести конусовидные горловины трех широкогорлых бутылей с отогнутой горизонтальной закраиной (диаметр горла от 4–4,7 до 1,7–2,7 см, толщина стекла 2,0–3,0 мм) и узкое прямое обрезанное горло без воротника (диаметр горла 2,3–2,1 см, толщина стекла 4,0–5,0 мм) (рис. 6: *17–19*; 7: *2*). К ним также могут относиться: 1 фрагмент широкого горла

(рис. 6: *16*) и фрагменты стенок 1–2 сосудов из слоев первой половины XVII в. К четвертому типу четырехгранных сосудов с воротничком в коллекции относятся фрагменты 7 тонкостенных и толстостенных сосудов из слоев конца XVII – начала XVIII в. (рис. 7: *6–8*) Имеется также полностью сохранившаяся четырехгранная бутыль темно-зеленого стекла с конусообразным горлом и воротничком, которая по своему стратиграфическому положению может датироваться XVIII в., хотя подобные образцы встречаются и в XIX в. (рис. 7: *10*). Из слоев XVII – начала XVIII в. ко второму типу сосудов с воротничком относятся 5 фрагментов бутылей с шарообразным и 1 фрагмент с уплощенным туловом (рис. 7: *1, 3–5*). С большой долей вероятности (по типу стекла и форме) к находкам конца XVII – начала XVIII в. могут относиться фрагменты еще 12 штофов с воротничком (4 тип) и не менее 6 бутылок грушевидной формы (2 тип), найденные в засыпке рвов крепости. Из слоев, перекрывающих слои разрушения города и крепости, в большом количестве происходят находки фрагментов цилиндрических сосудов третьего типа (первая половина XVIII в.) (рис. 7: *9–10*).

Город Ниен, населенный преимущественно шведским, финским и немецким населением, находился на границе западноевропейского культурного ареала с Россией и играл значимую роль в международной торговле. В Ниен поступала продукция основных производителей стеклянного импорта этого времени из северогерманских городов, Нидерландов, а также из Швеции. Здесь представлены все основные виды стеклянных изделий, распространенных в Северной Европе, тогда как изделия венецианских мастерских и подражания им редки. Шведское стеклоделие в XVII в. развивалось при участии немецких мастеров на основе немецких технологий производства. Бокалы аналогичные ниенским, имеются в Стокгольме, Амстердаме и Любеке[9].

Среди достоверных находок XVII в. нет резного и гравированного стекла. Обращает на себя внимание также относительно небольшое количество фрагментов бутылок XVII в., найденных в городе. Такие изделия встречены в слоях конца XVII – начала XVIII в., когда в Западной Европе происходят изменения в технологии стекольного производства и получают распространение новые виды изделий.

Следует отметить, что городской слой более насыщен фрагментами стеклянных изделий по сравнению с крепостным, что связано как с особенностями быта гражданских сословий, так и с большей концентрацией населения. Большинство изделий изготовлено из зеленоватого стекла среднего качества. Фрагменты бокалов, в основном, происходят из построек и комплексов второй-третьей четверти XVII в. Обращает на себя внимание консервативность форм и декора стеклянной посуды, что не дает возможностей использования этого материала для узких датировок. Для бокалов характерна тенденция изменения пропорций, прослеживаемая и на других североевропейских памятниках. Фрагменты парадной посуды встречаются редко, что может объясняться их

[9] Совпадение ассортимента стеклянных изделий с Любекской коллекцией объясняется ее наибольшей изученностью.

ценностью. Вместе с тем, наличие стеклянной посуды и расписных витражей, наряду со сложными формами оконного стекла в городских постройках указывают на достаточно высокий уровень жизни в Ниене и включенность города в североевропейский культурный ареал.

Литература

Галибин В. А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение. 216 с.

Музыка В. В., 2012. Древний бокал для вина – рёмер – в истории и культуре // Антикварное обозрение. № 4. С. 62–67.

Долгих Е. В., 2015. Стекло стиля façon de Venise в Европе и России // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-история. С. 286–293.

Сорокин П. Е., Андреева О. В., Иванова А. В., Лазаретова Н. И., 2013. Археологические исследования Охтинского некрополя // Stratum plus. № 5. С. 103–114.

Шлыгина Н. В., 1986. Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М.: Наука. С. 208–228.

Dumbrell R., 1999. Understanding Antique Wine Bottles. Woodbridge: Antique Collectors' Club. 340 p.

Dumitrache M., 1990. Glasfunde des 13.–18. Jahrhunderts aus der Lübecker Innenstadt. Grabungen 1948–1973 // Lübecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. Bd. 19. Glas- und Keramikfunde des späten Mittelalters und der früheren Neuzeit aus Lübeck. Bonn: Rudolf Habelt. S. 7–161.

Henricson L. G., 2003 Passglas i Stockholm: vasarenässansen, stormaktstiden och järnåldern // Fornvännen. № 97. S. 107–120.

Marinmuseum [Военно-морской музей, Карлскруна, Швеция, электронный ресурс] // URL: https://web.archive.org/web/20150414084943/http://www.marinmuseum.se/sv/Samlingar/MarketStore/Vasaforemal/?msobjid=20064 (коллекционный номер, фото, описание бокала из музея Васа). Дата обращения май 2019 г.

Rijksmuseum [Государственный художественный музей, Амстердам, электронный ресурс] // URL: http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.325757 (коллекционный номер, фото и описание кубка из Художественного музея в Амстердаме). Дата обращения май 2019 г.

Šimkutė I. 2011. Glass Bottles from the 16th Century to the 19th Century in the Old Town of Klaipėda: Data from Archaeological Excavations // Archaeologia Baltica. № 16. P.152–167.

* * *

Сорокин Петр Егорович, *к. и. н., Санкт-Петербург, ИИМК РАН, e-mail: petrsorokin@yandex.ru*

Андреева Ольга Викторовна, *Санкт-Петербург, АНО НИИ культурного и природного наследия, e-mail: andrelga@mail.ru*

Матвеев Василий Николаевич, *Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, e-mail: vmatveev88@inbox.ru*

Н. В. Лопатин

Из истории производства игрушек на ленинградском заводе «Красный треугольник»

Резюме. Исследование посвящено некоторым аспектам истории Завода резиновых изделий «Красный треугольник», начиная с дореволюционного времени (Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры). Выявлено 9 типов клейм (с вариантами), которыми маркировались детские игрушки из резины. Клейма выстроены в хронологический ряд, охватывающий период с 1920-х до 1990-х гг. Анализируется совстречаемость клейм с игрушками разных форм и стилей. Хронология связывается также с фактами истории предприятия и биографий скульпторов – авторов моделей.

Ключевые слова: детские резиновые игрушки, клеймо завода, типология, сериация, скульпторы-игрушечники, Д. В. Горлов, Н. И. Розов, И. Ф. Киреевская, Г. М. Соколова, Н. Д. Тыркова

N. V. Lopatin. From the History of Toy Production at the Leningrad "Red Triangle" Plant

Abstract. The study is devoted to some aspects of the history of the "Red Triangle" Rubber Products Plant, starting from pre-revolutionary times (Russian-American Rubber Manufactory Partnership). We identified 9 types of brands (with variants) that were used to mark children's toys made of rubber. The hallmarks are arranged in chronological series, covering the period from the 1920s to the 1990s. The association of brands with toys of different shapes and styles is analyzed. Chronology is also connected with the facts of the history of the enterprise and the biographies of the sculptors – the authors of the models.

Keywords: children's rubber toys, factory mark, typology, seriation, toy sculptors, D. V. Gorlov, N. I. Rozov, I. F. Kireevskaya, G. M. Sokolova, N. D. Tyrkova.

Детские игрушки XX века – одна из сфер материальной культуры, которые на наших глазах подвергаются археологизации, если понимать под ней выпадение из живой культуры. Поиск по Государственному каталогу Музейного фонда РФ[1] показывает, что некоторое количество игрушек из резины хранится

[1] Ссылка для поиска: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=игрушка%20резиновая

https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-517-0.300-319

в государственных музеях, но коллекции эти в основном плохо систематизированы, состоят из случайных, неточно атрибутированных предметов, большая часть из которых – послевоенного производства. Среди представленных в каталоге образцов немало поврежденных. Дело в том, что в разное время и на разных предприятиях применялась резина разного состава, и некоторые из ее сортов подвержены разрушению, несмотря на соблюдение обычных для других материалов режимов хранения. Эти вопросы требуют вмешательства специалистов – химиков и реставраторов. Однако некоторый опыт в среде коллекционеров-антикваров уже накоплен[2].

В большей степени игрушками занимаются энтузиасты-коллекционеры и небольшие частные музеи. Но и они редко специализируются на игрушках из резины. Научные исследования истории резиновых игрушек немногочисленны (*Мишков, Семёнова*, 2025). Хронология игрушек на основе формы заводских клейм, стилистических и иных признаков обсуждается на интернет-форумах, но зачастую без достаточной аргументации и доказательной базы.

Способствовать исправлению сложившейся ситуации возможно путем активизации сбора резиновых игрушек в музейных фондах. Вышеуказанные обстоятельства делают необходимой первичную систематизацию данного источника по истории материальной культуры, что является целью настоящей статьи.

Самым известным производителем детских резиновых игрушек в течение всего XX века был знаменитый петербургский завод «Красный треугольник», ведущий свою историю от Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры (ТРАРМ). В предвоенное время в прессе сообщалось: «Цех ширпотреба ленинградского завода «Красный треугольник» – почти единственный поставщик резиновых игрушек для всего Советского Союза. Цех ежегодно дает советской детворе миллионы резиновых игрушек» (Игрушка. 1939. № 8–9. С. 36). В 2002 г. предприятие обанкротилось, и в настоящее время его территория имеет вид частично заброшенной промзоны площадью 34 га на набережной Обводного канала Санкт-Петербурга. Историю этого производства игрушек, которую специально не фиксировали, в настоящее время можно изучать на основе сведений в литературе по истории предприятия в целом (*Браун-Гербо*, 1935; *Шабалин*, 1949; *Стрельцова*, 1978, *Мишков*, 2022) и материалов коллекционеров в Интернете, а также артефактов – самих резиновых игрушек. Поскольку в статье исследуются игрушки советского времени, в названии поставлено слово «ленинградский».

На основании собранных в Интернете (в первую очередь, на торговых площадках) фотографий игрушек, в том числе одинаковых моделей с разными клеймами этого завода, а также изображений из каталогов и других

[2] Предлагается хранить особенно проблемные (подверженные деформации) экземпляры «во взвешенном состоянии» (например, в кокосовом волокне), при температуре 18–23 градуса, для консервации и реставрации использовать нейтральный силиконовый герметик, в том числе для покрытия поверхностей и при необходимости для заполнения внутренней полости игрушки, для окрашивания – акриловые и специальные краски (благодарю за сведения И. В. Стрелкова, г. Сарапул).

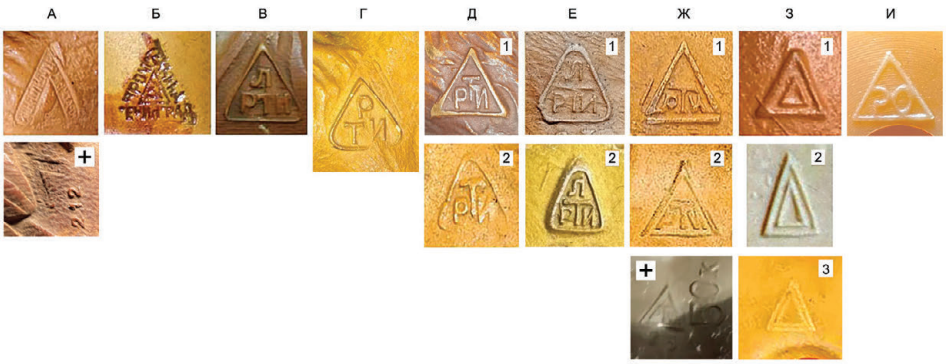

Рис. 1. Типы клейм на игрушках завода «Красный треугольник» в хронологической последовательности. Буквами обозначены типы, цифрами – варианты, знаком «+» – сочетание клейма с дополнительными знаками

Рис. 2. Скульпторы – авторы моделей игрушек.
1 – Д. В. Горлов с моделью «Французского бульдога» (рис. 5: *3*), 1940-е гг.; *2* – Н. И. Розов; *3* – Г. М. Соколова (слева) с моделью «Марфуши» (рис. 8: *2*) и Н. Д. Тыркова

датированных источников (Каталоги 1–4, Фото 1924, *Браун-Гербо*, 1935: фото; и др.) выстроен эволюционный ряд из 9 основных типов клейм с вариантами[3] (рис. 1). Учитывались факты биографий авторов моделей игрушек (рис. 2) и разнообразные признаки, указывающие на относительную и абсолютную хронологию клейм. В итоге составлена таблица сериации (о ней в конце статьи), в которой упорядочены все эти признаки.

История предприятия дает несколько хронологических реперов для привязки типологического ряда к оси времени. Название «Красный треугольник» было утверждено в 1922 г., но дата появления соответствующего клейма (тип А) точно неизвестна. Оно имеет вид «уголка», на двух лучах которого

[3] Одна из версий хронологического ряда (без указания авторства) была первоначально обнаружена в Интернете, но при специальном изучении обнаружились ее неполнота и ошибки построения.

расположена надпись «Красный треугольник», причем оттиснутая зеркально (клеймо вдавлено в поверхность изделия, причем ободок и буквы – углубленным рельефом). Оттиски клейма имеют примечательные особенности. Во-первых, в ряде случаев (три экземпляра собаки-шпица, № 9) в точности совпадает место нанесения клейма, что заставляет предположить его нахождение на внутренней поверхности литейной формы или на мастер-модели. Во-вторых, есть случаи сочетания клейм А+В и А+Г на изделиях. При этом клейма В и Г наносились иногда поверх клейма А (рис. 1: Г; 3: *4*). Кажется, обе эти особенности свидетельствуют о присутствии первоначального клейма А в литейной форме.

В то же время, на двух экземплярах Таксы (рис. 4: *4, 5*) такое же клеймо типа А расположено в разном повороте. Предполагаю, что одно из них было оттиснуто на готовом изделии (рис. 4: *4*), а другое – на мастер-модели, с которой сделана литейная форма. Последний экземпляр детализирован несколько хуже и имеет дополнительное клеймо В (рис. 4: *5*).

В 1931 г. из предприятия выделился самостоятельный завод «Промтехника», а в 1935 г. он вновь был включен в комбинат «Красный треугольник». Неизвестно, насколько буквально это отражалось в применении клейм. Можно предполагать, что клеймо А применялось на игрушках до 1931 г., а также с 1935 вплоть до 1939 г., когда был образован Ленинградский завод резиновых технических изделий (РТИ), выделенный из «Красного треугольника» (после 1939 г. клеймо А сохранено за другим заводом – резиновой обуви). Возможно, поздним признаком клейма А на игрушках 1935–1939 гг. являются дополнительные выпуклые цифры рядом с клеймом (рис. 1: А+; 3: *5*), относящиеся к организации производства на заводе и присутствующие также при более поздних клеймах. Здесь надо обратить внимание, что все клейма, кроме типов А и Б, выполнены выпуклым рельефом, как и указанные цифровые обозначения. Период применения клейма Б (с текстом «Промтехника Ленинград») – скорее всего, 1932–1935 гг.

Пять типов клейм (от В до Ж), включающих аббревиатуру РТИ, относятся к периоду 1939–1962 гг. Вскоре после начала войны выпуск игрушек заводом РТИ прекратился (*Рябков*, 2024), а возобновлен был вскоре после ее окончания. Известно, что восстановление производства целлулоидных игрушек на Охтинском химкомбинате началось еще в 1944 г. (*Соболева*, 2016. С. 11), и не исключено, что на РТИ было так же. Во всяком случае, в Прейскуранте резиновых изделий ширпотреба 1948 года приведен список игрушек, в котором по названиям опознаются известные с довоенного времени игрушки этого предприятия (Прейскурант. С. 9, 10).

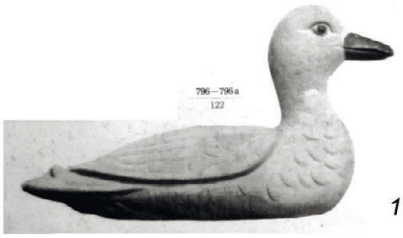
К сожалению, точных данных о том, какие клейма употреблялись только до войны, а какие – в послевоенное время, нет. С большой степенью уверенности можно лишь отнести клеймо В к предвоенному времени. Учитывая хронологический разрыв во время войны, следует осторожно предположить использование клейма Г в 1944–1949 гг., но не позднее, поскольку на игрушках по моделям Н. И. Розова (см. ниже) оно уже не встречается.

Оба варианта клейма Д встречены по одному разу. В них появляется новая композиция букв аббревиатуры (Т в виде вставки между Р и И), которая

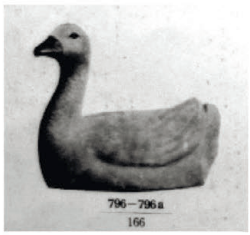

Рис. 3. Резиновые игрушки 1911–1960-х гг.

1–4 – Собака-шпиц (№ 9, здесь и далее – номера предметов в таблице сериации – рис. 9): *1* – в каталоге 1911 г. (Каталог 1); *2* – в каталоге 1954 г. (Каталог 2. С. 20); *3, 4* – в собрании автора (13,3 см; здесь и далее в скобках указан наибольший размер вещи); *4* – клеймо В, нанесенное поверх клейма А; *5* – гусь (формы рис. 5: *8*), с клеймом А+, деформированный и «окаменевший»; *6* – деформация и разрушение резины игрушки с клеймом З-1. *3–5* – из собрания автора

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 4. Разные игрушки.
1, 2 – Утка (№ 5) и Гусь из Каталога 1; *3* – резиновые игрушки (№ 1, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 21) – продукция завода «Промтехника» (*Браун-Гербо*, 1935); *4, 5* – Такса (№ 8, клейма: А, А и Г; 14,5; 14,0 см); *6* – Корова Д. В. Горлова или Н. Н. Королёва (№ 15, клеймо Б); *7* – Корова Н. И. Розова (№ 23, клеймо Е-1, известен экземпляр с клеймом Д-2; 15,7 см). Фото автора и из Интернета. *4, 5, 7* – из собрания автора

будет применена в клеймах Е и Ж. Вариант Д-2 зафиксирован на Корове работы Н. И. Розова (рис. 4: *7*) и скорее всего относится к началу его работы для РТИ – 1949 г. Тип Е делится на два варианта – Е-1 (ранний) высотой 7 мм и Е-2 (поздний) – высотой 5 мм и более плотно скомпонованный. Вариант Е-1 встречается на игрушках из Каталога 2 (1954 г.), в том числе авторства Н. И. Розова, а для игрушек его же (Черепаха, Крокодил, Белка и др.) и И. Ф. Киреевской, отсутствующих в этом каталоге, самое раннее клеймо – вариант Е-2.

Варианты Ж-1 и Ж-2 различаются оформлением разрывов у основания верхней части треугольника, осмысленной как буква «Л» (с чем связано это различие – неизвестно). Вещи с клеймами типа Ж, как и все более ранние, бывают без указания цены, но встречаются с дополнением цены в копейках (Ж+). Следовательно, бытование этого клейма пришлось на время накануне и после денежной реформы 1961 г. Люди моего поколения, поступая в 1-й класс школы и беря в руки тонкую тетрадь, видели на задней обложке надпись «цена 2 коп.» и вырастали в убеждении, что так было и будет всегда. Постоянные цены были указаны на всех товарах народного потребления, и это давало немалый мировоззренческий эффект.

В 1962 г. завод РТИ вновь включен в объединение «Красный треугольник», и эта дата приблизительно совпадает со сменой клейма на тип З (двойной треугольник), хотя само название «Завод РТИ» сохранялось еще долгое время. В 1980-е гг., в период перехода в производстве игрушек с резины на пластизоль (на основе ПВХ), появились варианты этого клейма З-2 и З-3, отличающиеся деталями формы, а в 90-е годы, после разделения комбината на три завода, изготовлением игрушек занялся «Завод резиновой обуви», сохранивший треугольную форму клейма с буквами РО (тип И).

Деформация и потеря эластичности случается с изделиями разного времени (рис. 3: *5*). Затвердение без деформации характерно для игрушек 30-х – 50-х годов (клейма от А до Е). Особенность игрушек с клеймами Ж и З (конец 50-х – 70-е гг.) – заметная на глаз смена материала по сравнению с более ранними. Предположительно, это признак перехода с натурального каучука на синтетический, хотя есть свидетельство, что этот переход начался на два десятилетия раньше: «Завод «Красный треугольник» (Ленинград) начал вырабатывать игрушки из синтетического каучука» (Игрушка. 1937. № 1. С. 32). Катастрофические разрушения (растрескивание, осыпание поверхности, деформация и размягчение до состояния липкой массы и полной утраты формы) свойственны в основном именно игрушкам 60-х – 70-х гг.[4] (рис. 3: *6*).

Уточнять вопросы истории производства игрушек на «Треугольнике» позволяет рассмотрение клейм совместно с формами моделей и биографиями их авторов, которых часто удается установить (с различной степенью уверенности) по разным источникам, несмотря на редкость присутствия данных об авторстве в каталогах игрушек советского времени.

Ассортимент игрушек 1920-х годов следовал формам, сохранившимся с дореволюционного времени и известным по каталогу ТРАРМ (Каталог 1).

[4] Это наблюдение подтверждено знатоком резиновых игрушек В. В. Петровым.

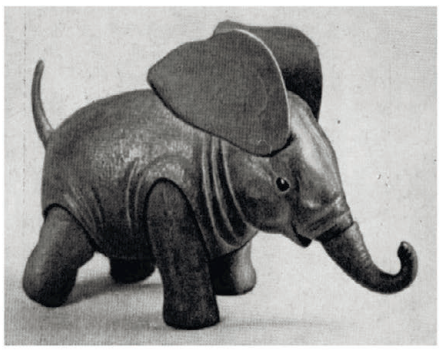
Часть из них совпадает с моделями из каталогов предприятий Ганновера (Hannoversche Gummi-Kamm-Co. A. G.: отдельные страницы каталога встречены в Интернете) и Москвы (Московское товарищество...). Некоторые из этих моделей присутствуют еще в каталоге 1954 г. (Каталог 2). Заметно, что экземпляры 30-х – 50-х гг. несут признаки обновления форм, но и взаимосвязь с моделями Каталога 1 вполне очевидна (рис. 3: *1–3*). С конца 20-х годов начинается разработка новых моделей под руководством Междуведомственного совета по игрушке, и затем Комитета по игрушке при Наркомпросе РСФСР. Некоторые подробности организации и технологии производства игрушек изложены в статье 1935 г.: «Мастерская игрушек завода «Промтехника» последние 2–3 года выпускает игрушки крайне низкого качества. Это объясняется тем, что резина, из которой изготовляется игрушка, скверная... Обработка ее производится с отступлениями от установленного режима... Кроме того, все это время формовое хозяйство мастерской было в очень тяжелом состоянии. Формы... износились. Многими пользуются в течение 20 лет, а некоторыми даже больше 40 лет... В 1934 г. наступил некоторый перелом: Главрезина, комбинат и дирекция завода стали оказывать помощь мастерской игрушки» (*Браун-Гербо*, 1935).

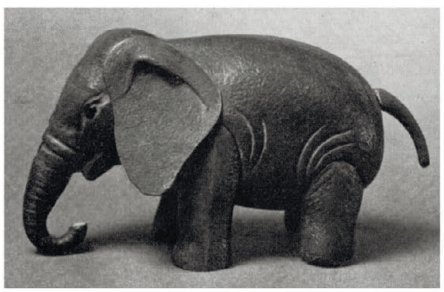
Перейдем к краткому обзору деятельности основных авторов (рис. 2) моделей игрушек (главным образом, анималистических), выпускавшихся на «Красном треугольнике».

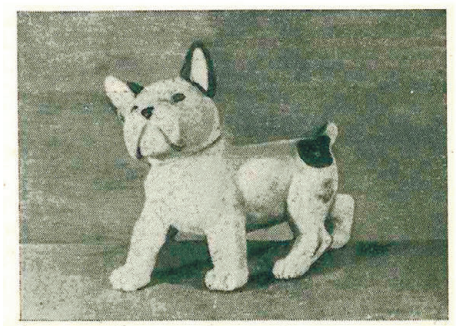
Дмитрий Владимирович Горлов (1899–1988), который начал заниматься анималистической скульптурой в середине 20-х гг. под руководством В. А. Ватагина, активно включился в работу Совета по игрушке, создавая многочисленные модели для папье-маше, резины, бумаги, картона, керамики, целлулоида. Горлов оставил заметный след в разных жанрах анималистики – от книжной графики до майолики (Гжельский керамический завод), фарфора (Дмитровский фарфоровый завод) и монументальной скульптуры. В автобиографическом очерке он пишет: «... к скульптуре я вернулся через игрушку в 1936 году» (*Горлов*, 1971. С. 78). Наборы его фигурок диких и домашних животных из папье-маше сохранились в Сергиево-Посадском музее игрушки, а сведения об игрушках из резины приходится собирать по крупицам.

В новостях журнала «Советская игрушка» (1935. № 2. С. 48) сообщалось: «Завод «Треугольник» заказал художникам В. А. Ватагину и Д. В. Горлову 16 новых образцов. Часть образцов шарнирные, с новым креплением. 8 образцов работает художник Горлов. Пошли в производство и рекомендованы Комитетом: ***Слон с вращающимися ушами, хоботом и хвостом.*** Медвежонок типа плюшевого медвежонка, с подвижными ногами и головой. ***Бульдог с подвижной головой и ушами. Волк без шарниров.*** В работе: лошадь, лиса, ***медведь белый***, козел. Художник т. Горлов работает над образцами: кошка с подвижной головой, ***корова***, ***дворняжка***, осел, ***гусь, утка,*** свинья (рекомендованы Комитетом), заяц (допущен Комитетом)» (выделены названия игрушек, которые удалось идентифицировать, хотя бы предположительно – *НЛ*).

Из перечисленных игрушек Слон опубликован несколько раз с датами от 1932 до 1936 г. (рис. 5: *1, 2*). Бульдог известен по двум фотографиям, в том числе в публикации 1935 г. (рис. 2: *1*; 5: *3*). Белый медведь, опубликованный

1

2

„Французский бульдог“ худ. Горлова (фото Леонова)
3

Игрушка для резины «Белый медведь». Рис. худ. Д. Горлова
4

5

6

7

8

Рис. 5. Резиновые игрушки авторства Д. В. Горлова
(в том числе предположительно – отмечены звездочкой на рис. 4, 5 и 6).
1, 2 – Слоненок (без клейма; Д. В. Горлов: Каталог); *3* – Французский бульдог (Советская игрушка. 1935. № 2. С. 22); *4, 5* – Белый медведь, рис. (№ 19, Игрушка. 1937. № 9. С. 29) и экземпляр с клеймом Е-1 (16,4 см); *6** – Дворняжка (№ 17, клеймо Е-2, 8,9 см); *7** – Утка (№ 20, клеймо Е-2, 8,4 см); *8** – Гусь (№ 18, клеймо Г, 7,6 см). *5–8* – из собрания автора

в виде авторского рисунка «для резины» в 1937 г. (рис. 5: *4*), известен также в виде тиражных экземпляров с клеймом Е-1 (рис. 5: *5*) и присутствует в Каталоге 2 (С. 24).

Еще пять игрушек, найденных в нескольких экземплярах в натуральном виде, на сегодня можно сопоставить с наименованиями из вышеприведенного списка: Волк, Корова, Дворняжка, Гусь, Утка (рис. 3: *5*; 5: *6–8*; 6: *1*). Все эти экземпляры имеют клейма А+, Б, Г, Д, Е, то есть в целом соответствуют периоду начиная от упоминания работы художника над моделями (1935 г. или немного раньше) и вплоть до середины 50-х гг.

Дополнительные основания для определения авторства резинового волка – книжные иллюстрации Горлова и его же фигурка волка из папье-маше, на которых сходным образом трактован преувеличенный загривок зверя (рис. 6: *2, 3*). Более поздние волки (из целлулоида и резины) работы Б. Я. Воробьева и Н. И. Розова, несмотря на похожую позу, не имеют отмеченного признака (рис. 6: *4, 5*).

На фото из журнала 1935 г. (рис. 4: *3*) заметна игрушка-утка, одинаковая с уткой из Каталога 1 (рис. 4: *1*). Эта модель, как и модель гуся из Каталога 1 (рис. 4: *2*), отличаются от отмеченных выше более новых моделей (рис. 5: *7, 8*). Данное сравнение позволяет предположительно атрибутировать эти последние Горлову, который делал модели этих птиц как раз в 1935 г., согласно цитированному сообщению в журнале. Сидящая собака, вполне соответствующая наименованию «дворняжка», также неизвестна ранее времени клейма Б, что дает основание предполагать авторство Горлова.

Авторство Коровы (рис. 4: *6*) остается под вопросом: согласно цитированному выше сообщению, над нею работал Горлов. Однако в более поздней Хронике того же журнала говорится: «Завод «Промтехника» в Ленинграде приступил к производству новых игрушек из резины. В ассортимент новых образцов входят ослик, гусь, утка художника Горлова и корова художника Королева» (Советская игрушка. 1935. № 4. С. 46).

Во второй половине 1930-х гг. художником-скульптором в цехе ширпотреба на «Красном треугольнике» трудился **Борис Федорович Лоренцов** (1908–1976). Есть сведения, хотя и немногочисленные, о его работах в мелкой пластике (фарфор, стекло), портретной и монументальной скульптуре. Авторству Лоренцова принадлежат резиновые фигурки клоунов Пата и Паташона, а также солдатиков в форме военных Красной армии, выпускавшиеся «Красным треугольником». В журнале сообщалось: «В начале 1939 г., после упорной годичной работы, т. Лоренцов закончил удачную новую серию игрушек – 16 фигурок красноармейцев и командиров» (Игрушка. 1939. № 8–9. С. 36. Фото: Игрушка. 1938. № 6. С. 18). На форуме коллекционеров солдатиков составлен список большинства из них, известных в натуральном виде к настоящему времени (Форум «Ура!.. »). Фигурки Лоренцова, в отличие от большинства других, выпускавшихся полыми, изготовлены из монолитной резины и не имеют заводских клейм.

Существует протокол заседания Комитета по игрушке от 16.02.1938 г., на котором обсуждались пробные образцы 18 резиновых игрушек Лоренцова,

Рис. 6. Игрушки разных авторов и сравнительные материалы.
*1** – Волк Д. В. Горлова (№ 16, клеймо Б, 15,9 см), резина; 2 – Лобо, король Куррумпо, иллюстрация Д. В. Горлова (*Сетон-Томпсон*, 1923); *3* – Волк Д. В. Горлова, папье-маше. 1933 (Советская игрушка [буклет]. Фото 10); *4* – Волк Б. Я. Воробьева, целлулоид, Охтинский химкомбинат, 1940-е гг. (18,5 см); *5–8* – игрушки по моделям Н. И. Розова, резина, 1940-е – 1950-е гг. Волк (№ 24, клеймо Е-1); Крокодил (№ 34, Ж-1, 23,0 см); Заяц (№ 30, Е-2, 12,8 см); Медведица (№ 26, Е-1, 19,4 см) и Медвежонок (№ 27, Е-1, 9,2 см). Фото автора и из Интернета. *1, 4, 6–8* – из собрания автора

в том числе 5 солдатиков, 8 клоунов, а также 5 животных: Кошка, Собака, Козлик, Слон (направлен художнику Горлову для замечаний), Попугай в росписи (признан дирекцией Ленинградского зоосада соответствующим натуральному виду попугая Ара)[5]. Изображений этих анималистических игрушек пока найти не удалось. Также нуждаются в подтверждении дальнейшими изысканиями неясные сведения о создании моделей резиновых игрушек в тот период анималистами В. А. Ватагиным, Н. Н. Королевым, Шеваровым.

Творчество скульптора-анималиста **Николая Ивановича Розова** (1918–1994) было многообразным: он работал в майолике (Гжель), фарфоре (в 50-х – 60-х гг. одновременно с Горловым в Риге и на Дмитровском фарфоровом заводе), делал модели игрушек для разных материалов, в том числе фарфора («Семьи животных», выпускавшиеся предприятиями Гжели, набор «Лесные жители» ленинградской артели «Прогресс», 1950-е гг.), полиэтилена (1970-е гг., разные производства детских игрушек). Известны и обращения Н. И. Розова к монументальной скульптуре. Заметным явлением в его наследии стала и разработка моделей резиновых игрушек в 1949–1952 гг. (*Тиханова*, 1969. С. 270). Косвенно эти даты подтверждаются Каталогом 2 (1954 г.), в котором большинство этих игрушек (числом 21) уже присутствует. Возможно, работа над остальными продолжалась немного дольше. На основе консенсуса сообщений в Интернете общий перечень резиновых игрушек авторства Розова составляет не менее 30 моделей[6]. Его игрушки в целом продолжают стилистическую линию дореволюционных и довоенных образцов, в которых авторы стремились изобразить животное реалистично, и Розов делал это с большим мастерством (рис. 6: *5, 6, 8*). В некоторых его моделях ощущается влияние более ранних игрушек Горлова, а также моделей целлулоидных игрушек, выполненных в середине 40-х гг. Борисом Яковлевичем Воробьевым для Охтинского химического комбината (рис. 6: *4*). Игрушки Розова имеют клейма Д, Е (варианты 1 и 2), Ж и редко Ж+, а также ряда других предприятий: Киевского завода резиновых изделий (клеймо «КЗРИ»), Московского завода «Сангигиена» (клеймо «СГ»), «Сангигиена» в Харьковской области (клеймо «Белка с шишкой»).

На рубеже 60-х годов, очевидно, менялись требования к стилистике игрушек, предъявлявшиеся Советом по игрушке Министерства просвещения РСФСР. Продвигалось положение о том, что игрушки не должны быть похожи на статуэтки (*Соболева*, 2016. С. 52), но должны обладать чертами обобщения образов и условности. Среди моделей Розова уже присутствуют зверушки, в образе которых видны черты стилистики следующего периода (рис. 6: *7*). Игрушки Розова 50-х гг. в бисквитном фарфоре («Семьи зверей»), более поздние в пластмассе (полиэтилене), фарфоровая пластика 60-х гг. имеют уже более условные формы.

---

[5] Благодарю за сообщение исследовательницу игрушек В. Морозову.

[6] Комплект из 20 игрушек, происходящий из семьи скульптора, публиковался коллекционером В. В. Антоновым (https://www.antik-forum.ru/forum/showthread.php?t=354640&page=2); 27 «авторских экземпляров скульптора-анималиста Николая Ивановича Розова» – коллекционером А. Л. Борщуком на форуме «Старина и редкости» (ныне закрытом).

Рис. 7. Резиновые игрушки по моделям И. Ф. Киреевской. 1950-е – 1960-е гг. Девочка с цветком (№ 36, Е-2, 22 см); Слон-доктор (№ 43, 22 см); Петух на качалке (№ 38, Е-2, 17,2 см); Буратино (№ 44, Ж-1); Коза в сарафане (№ 41, 17,5 см); Клоун танцующий (№ 47, 21,5 см); Утенок (№ 46, Ж-1, 16 см). Фото автора и из Интернета. *3* – из собрания автора

Ия Федоровна Киреевская (1916–1994), художник декоративно-прикладного искусства, жила и скончалась в г. Загорске[7]. Сведений о ее биографии совсем мало, но комплекс резиновых игрушек ее авторства (39 единиц, наряду с игрушками из других материалов) хранится в Художественно-педагогическом музее игрушки имени Н. Д. Бартрама в Сергиевом Посаде (Госкаталог музейного фонда РФ; рис. 7). Стилистика работ Киреевской сочетает мастерство скульптора с некоторым однообразием трактовок образов детей,

[7] Благодарю сотрудников Художественно-педагогического музея игрушки имени Н. Д. Бартрама за эти сведения.

Рис. 8. Игрушки из резины (*1–9*) и пластизоля (*10–12*)
по моделям Г. М. Соколовой (*1–6*) и Н. Д. Тырковой (*7–12*).
Петрушка (№ 51, Ж-1); Марфуша (№ 52, Ж-1+); Физкультурница (№ 57, 3-1, 21,0 см); Синичка (№ 53, Ж+, 9,0 см); Обезьяна Чита (№ 56, 3-1, 13,0 см); Котик Мурзик (№ 55, 3-1, 13,5 см); Крокодил (№ 64, 3-1, 19,0 см); Ёж и ежонок (№ 68 и 67, 3-1, 11,6 и 3,9 см); Рысенок (№ 65, 3-1, 16,0 см); Бобренок (№ 70, И, 11,7 см); Ёж (№ 68, пластизоль, 3-2, 10,9 см); Малиновка (№ 69, 3-2, 6,6 см). Фото автора и из Интернета. *4, 6, 8, 10–12* – из собрания автора

Автор	№	Модель	Резина																	Пластизоль	
			Кат.1	Ф.1924	А	Б	Ф.1935	А+	В	Г	Д	Е-1	Кат.2	Е-2	Ж-1-2	Ж+	З-1	Кат.3	Кат.4	З-2-3	И
	1	Голая кукла	да	да	да	да	да														
	2	Овца	да	да	да*																
	3	Слон	да	да	да*	да	да			да											
	4	Носорог	да			да															
	5	Утка	да				да														
	6	Медведь	да		да		да			да											
	7	Лев	да	да			да			да											
	8	Такса	да	да	да	да			да												
	9	Шпиц	да	да	да*		да		да	да			да								
	10	Птица на гнезде	да	да	да		да					да	да	да							
	11	Петух	да	да			да			да*		да	да	да							
	12	Кот сидящий			да	да															
	13	Качалка Лошадь			да							да	да								
	14	Теннисист			да			да													
Д. В. Горлов	15	Корова				да															
	16	Волк				да															
	17	Дворняжка				да				да	да	да	да	да							
	18	Гусь						да		да		да	да	да							
	19	Белый медведь						да**				да	да								
	20	Утка										да	да								
	21	Девочка					да			да											
	22	Футболист							да	да											
Н. И. Розов	23	Корова									да	да	да								
	24	Волк										да	да								
	25	Коза										да	да								
	26	Медведица										да	да								
	27	Медвежонок										да	да								
	28	Собака										да	да	да							
	29	Слон										да	да		да	да		да			
	30	Заяц											да	да							
	31	Котик											да	да							
	32	Щенок											да	да							
	33	Черепаха												да							
	34	Крокодил												да	да						
	35	Белка												да	да						

И. Ф. Киреевская	36	Девочка с цветком												да						
	37	Голыш с попугаем												да	да		да			
	38	Качалка Петух												да	да	да	да	да		
	39	Укутыш												да		да				
	40	Пупс												да		да				
	41	Коза в сарафане												да				да		
	42	Заяц с морковкой												да		да	да	да		
	43	Слон-доктор													да	да	да	да		
	44	Буратино													да	да				
	45	Мурзилка													да			да		
	46	Утенок													да			да		
	47	Клоун танцующий															да	да		
	48	Качалка Утенок												да	да		да	да		
	49	Утка												да			да	да		
	50	Качалка Медведи												да	да		да	да		
Г. М. Соколова	51	Петрушка													да			да		
	52	Марфуша														да				
	53	Синичка														да	да	да	да	
	54	Лялька														да	да	да		
	55	Котик Мурзик															да	да	да	
	56	Обезьяна Чита															да	да	да	
	57	Физкультурница															да	да	да	
	58	Котик сидящий																		да
Н. Д. Тыркова	59	Вороненок															да	да	да	
	60	Пингвиненок															да	да	да	
	61	Черепаха															да		да	
	62	Выдренок															да		да	
	63	Чебурашка															да		да	
	64	Крокодил															да		да	
	65	Рысенок															да		да	
	66	Мишка олимпий.															да			
	67	Ежонок															да		да	
	68	Ёжик															да	да		да
	69	Малиновка																	да	да
	70	Бобренок																		да
	71	Собака в шляпе																		да

Рис. 9. Сериация игрушек «Красного треугольника»
Примечания:
№ – номера по порядку указаны в подрисуночных подписях в скобках.
Фото 1924 – см. список Литературы и источников. Фото 1935 – Игрушки завода «Промтехника» (см. рис. 6: *3*)
*) Обновленные формы изделий из Каталога 1. **) Рисунок Д. В. Горлова, предположительно синхронный клейму А+ (см. рис. 4: *4*)

литературных персонажей и животных. Многие животные изображены ею в «очеловеченном» виде – в одежде и с бытовыми предметами, чего раньше в резиновых игрушках практически не было. Экземпляры этих игрушек, найденные в Интернете, несут на себе клейма «Треугольника» Е-2, Ж-1–2, Ж+, З-1, а также Московского завода «Сангигиена» (клеймо «СГ»), позднее переименованного в «Вулкан» (клеймо «Цветок»), и Чебоксарского завода им. Чапаева (клеймо «Чайка»). Их нет в Каталоге 2 (1954 г.), следовательно, их производство относится ко второй половине 50-х – 60-м гг.

Интересно, что Г. М. Соколова в интервью 2018 года вспоминала, что ко времени ее появления на заводе (см. ниже) делались игрушки, во-первых, по моделям из Чехословакии (мальчик и девочка в чешских костюмах, они есть в Каталоге 2), а во-вторых, по заказанным где-то моделям, «очеловеченных животных» (*Соколова*, 2018). Как пример она указала на игрушки Киреевской (хотя имени автора и не знала) в Каталоге 3 – Слона-доктора и Козу в сарафане (рис. 7: *2*, *5*). Эти воспоминания, а также перечень разных производителей игрушек авторства Н. И. Розова и И. Ф. Киреевской свидетельствуют о том, что эти художники не работали непосредственно на «Красном треугольнике», но их модели внедрялись в производство на разных предприятиях Министерства химической промышленности СССР. Считается, что «Треугольник» в то время приобретал модели у НИИ игрушки в Загорске (*Соболева*, 2016. С. 9).

В 1959 г. первым штатным художником «Треугольника» стала **Галина Модестовна Соколова**[8] (р. 1928), а несколькими годами позже – ее однокурсница по Ленинградскому высшему художественно-промышленному училищу имени Мухиной **Наталья Дмитриевна Тыркова** (1928–2015) (Соболева, 2016. С. 52–57). Этим двум художницам принадлежит авторство большинства моделей игрушек завода 1960-х – 1980-х гг. (рис. 8) и формирование их стиля того времени в целом. Почти все игрушки Соколовой и Тырковой имеют клеймо З-1, и лишь некоторые игрушки Соколовой – клейма Ж и Ж+. Именно они относятся к начальному периоду ее работы на заводе[9]. Одна (по крайней мере) модель работы Г. М. Соколовой (сидящий котенок) выпускалась в пластизоле, уже без личного участия автора на производстве (*Соколова*, 2018).

Н. Д. Тыркова делала модели игрушек для резины, целлулоида и полиэтилена, которые производились на нескольких ленинградских предприятиях. В молодости два года она провела в Загорске, в НИИ игрушки, где консультировалась у Д. В. Горлова (*Кожухова*, 2016. С. 8). С точки зрения изучения творческого наследия Н. Д. Тырковой повезло больше, чем другим игрушечникам: издан каталог ее персональной выставки 2016 г. (Ребятам о зверятах...), в который включено 53 игрушки из резины и пластизоля. Как и Г. М. Соколова,

[8] В интервью 2018 г. сама художница называет другую дату – 1954 г., но уточняет, что игрушками занялась не сразу (*Соколова*, 2018).

[9] Наиболее полные материалы по игрушкам Соколовой (около 70 образцов) представлены на странице коллекционера В. В. Петрова (https://vk.com/hobbyplace?z=album1144599_208596363), где атрибуции авторства принадлежат самой Галине Модестовне и ее дочери Н. А. Кокшаровой.

Н. Д. Тыркова вышла на пенсию с «Красного треугольника» в начале 1980-х гг., но некоторые ее игрушки выпускались и позднее, в пластизоле. Зафиксирован «Бобренок» Тырковой с наиболее поздним клеймом И, которое применялось уже в 90-е гг.

Для обобщения всех вышеизложенных наблюдений составлена таблица сериации (рис. 9), в строках которой расположены 71 модель игрушек, а в столбцах – типы клейм и датированные источники (четыре каталога и две фотографии), в которых эти модели присутствуют. В таблицу включены главным образом те модели, которые встречены с разными клеймами (не менее двух клейм или источников у каждой). Строки передвигались таким образом, чтобы все зафиксированные пересечения со столбцами выстроились вдоль диагонали, верхний левый край которой соответствует самым ранним моделям, а правый нижний – поздним. В результате комплексы моделей каждого из пяти скульпторов, выделенные разными цветами, непротиворечиво следуют друг за другом. Анонимные модели оставлены белыми.

Сериация наглядно иллюстрирует и уточняет ряд вопросов истории производства игрушек на предприятии, позволяет приблизительно определить годы издания каталогов, если они не указаны. Так, например, замечено, что обновление ряда дореволюционных форм (Овца, Слон, Шпиц) происходило между 1924 и 1935 гг., Петуха – в конце 30-х гг., а некоторые продолжали выпускаться в неизменном виде до войны (Такса) и даже до середины 50-х гг. (Птица на гнезде). В каталоге 2 (1954 г.) присутствуют довоенные модели Горлова и послевоенные – Розова, но совсем нет игрушек, атрибутированных Киреевской в Сергиево-Посадском музее. В то же время, последние встречаются с клеймом Е-2 (вторая половина 50-х гг.) и с более поздними клеймами, а также включены наряду с моделями Соколовой и Тырковой в каталог 3, который, таким образом, получает дату около середины 60-х гг. В каталоге 4 уже опознаются только игрушки Соколовой и Тырковой, а наличие в нем одного изделия из пластизоля (Малиновка Тырковой) относит это издание, очевидно, к концу 70-х гг. Таблица подтверждает, что Соколова и Тыркова работали в основном одновременно, но первая приступила немного раньше (конец 50-х гг.), а некоторые модели второй были в производстве еще в начале 90-х.

В заключение благодарю всех специалистов, ознакомившихся с рукописью статьи и высказавших замечания. Надеюсь, что резиновые детские игрушки XX века со временем займут подобающее им место в истории культуры.

Литература и источники

Антик-форум. Антиквариат и коллекционирование [Электронный ресурс]. URL: https://www.antik-forum.ru/forum/index.php; Тема «ПО «Красный Треугольник» Ленинград с 1940-х и далее» URL: https://www.antik-forum.ru/forum/showthread.php? t=354640&page=2 (дата обращения 10.11.2025).

Браун-Гербо А., 1935. В мастерской резиновой игрушки (завод «Промтехника»)//Советская игрушка. № 1. С. 41.

[*Горлов Д. В.*], 1971. Горлов Дмитрий Владимирович//Художники об искусстве керамики: Советская художественная керамика. 1954–1964. М.: Искусство. С. 77–80.

Государственный каталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/(дата обращения 10.11.2025). Поиск: «Горлов Дмитрий Владимирович Игрушка»; «Игрушка резиновая»; «Киреевская Ия Федоровна»; «Розов Николай Иванович Игрушка»; «Художественно-педагогический музей игрушки > Горлов»

Дмитрий Владимирович Горлов: Каталог выставки. М.: Советский художник, 1970. [48 с.]

Игрушка [журнал]. 1937. № 1, 9. 1938. № 6. 1939. № 8–9.

Каталог 1 – Товарищество Российско-американской резиновой мануфактуры под фирмою «Треугольник» в С.-Петербурге. Игрушки [Каталог. 1911–1914. 25 с.]

Каталог 2 – Каталог резиновых игрушек/Сост. М. А. Абовьян и др., под ред А. И. Цветкова; Министерство химической промышленности СССР. М.: Госхимиздат, 1954. 52 с.

Каталог 3 – Каталог: Игрушки резиновые/Э. О. Романова, Р. И. Чумаков; ПО «Красный треугольник». Внешторгиздат [Б/м; б/г (предположительно середина 1960-х гг.)].

Каталог 4 – Резиновые игрушки: каталог/Ленинградское ПО «Красный треугольник». М.: Внешторгиздат [Б/г (приблизительно конец 1970-х гг.)].

Кожухова М., 2016. Добрый талант//Ребятам о зверятах... С. 6–15.

Мишков Р. А., 2022. «Самые лучшие в мире – с треугольником»: к вопросу о рекламе галош товарищества российско-американской резиновой мануфактуры под фирмой «Треугольник»//Актуальные вопросы истории, философии и права. Сб. статей VIII Междунар. научно-практ. конф. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука». С. 125–144.

Мишков Р. А., Семёнова О. А., 2025. Производство резиновых игрушек в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Часть 1//История повседневности. № 1. С. 215–236.

Московское товарищество резиновой мануфактуры. Прейскурант на игрушки, мячи, соски, трости, клеенку и проч. 1909. 27 с.

Наши резиновые игрушки из СССР [альбом Валерия Петрова, электронный ресурс]. URL: https://vk.ru/album1144599_208596363 (дата обращения 10.11.2025)

Прейскурант – Прейскурант оптовых цен: Резиновые изделия широкого потребления (спортинвентарь, игрушки и пр.)/Утвержден Советом министров СССР (пост. № 4195 от 8/XI 1948 г.). Таллинн: ГИЗ Бланкоиздательство, 1948. 12 с.

Ребятам о зверятах: Каталог выставки Натальи Дмитриевны Тырковой. СПб., 2016. 70 с.

Рябков А., 2024. 30 лет во главе «Красного треугольника»: Вениамин Соломонович Файбишенко [Электронный ресурс]//Петербург заводской. URL: https://xn--8sbbgcjbavxk0cccrbygw.xn-p1ai/30-let-vo-glave-krasnogo-treugolnika/ (дата обращения 10.11.2025).

Сетон-Томпсон Э., 1923. Лобо – король Куррумпо [Петроград]: Синяя птица. 30 с.

Соболева Д. Н., 2016. Ленинградские скульпторы – детям. СПб. 66 с.

Советская игрушка [буклет]/Художественно-педагогический музей игрушки АПН СССР. [Б/м:] Внешторгиздат. [Б/г (1984–1991)]

Советская игрушка [журнал]. 1935. № 2, 4.

Соколова Г. М., 2018. [Видеоинтервью с Г. М. Соколовой, снятое в 2018 г. исследователем истории завода Александром Треугольниковым]. URL: https://vk.com/treygolnikov?z=video4184651_456239590%2Fpl_4184651_-2 (дата обращения 10.11.2025).

Стрельцова А.Л., 1978. Красный треугольник. Л.: Лениздат.
Тиханова В.А., 1969. Скульпторы-анималисты Москвы. М.: Советский художник. 280 с.
Форум «Ура! Оловянные солдатики» [Электронный ресурс]. URL: (http://www.toy-soldiers.ru/forum/viewtopic.php? f=1&t=521) (дата обращения 10.11.2025).
Фото 1924 – Работницы отдела резиновых игрушек завода «Красный треугольник» за окраской игрушек [Электронный ресурс]//Центральный государственный архив кинофотофонодокументов СПб. Фотодокументы. Опись 1ГР-29. Ед.хр.43398. URL: https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgakffd/1-photo/1GR-29/43398 (дата обращения 10.11.2025).
Шабалин Б.И., 1949. Фабрика на Обводном. Л.: Лениздат.

* * *

Лопатин Николай Владимирович, *к.и.н., Москва, Институт археологии РАН, e-mail: n.lopatin@gmail.com*

Список сокращений

АВ	– Археологические вести. СПб.
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков
АО	– Археологические открытия. М.
АЦПО	– Археологический центр Псковской области
ГАПО	– Государственный архив Псковской области
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. СПб.
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
ПГОИАХМЗ	– Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПИХМЗ	– Псковский историко-художественный музей-заповедник (ныне – ПГОИАХМЗ)
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология. М.
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.

Научное издание

Археология и история Пскова и Псковской земли:
Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова
Выпуск 40
Материалы 70-го заседания (2025 г.)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Редакторы *Е. В. Глазунова, А. В. Фисенко*
Перевод резюме *С. Ф. Мацевич*
Художники *Н. С. Сафронова, Е. В. Фокеева*
Оригинал-макет: *В. Б. Степанов*

Подписано в печать 25.12. 2025. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 26,2. Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-517-0